

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

10-й ЮБИЛЕЙНЫЙ
ВЫПУСК

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля церкви
во имя Покрова Божией Матери
с. Борисово Новгородской обл.,
Старорусского р-на*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2014

3 79

Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии Русской Словесности и
Изящных Искусств им. Г.Р.Державина

Проект Евгения Раевского
«С Россией в сердце»

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, С.Н. Скакун, А.Н.Молоканов,
А.М. Губаревская, Л.П. Кизик,
Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2014 года*

**На 1-й странице обложки - дом-музей Н.А. Некрасова
«Охотничий домик» в г. Чудово**

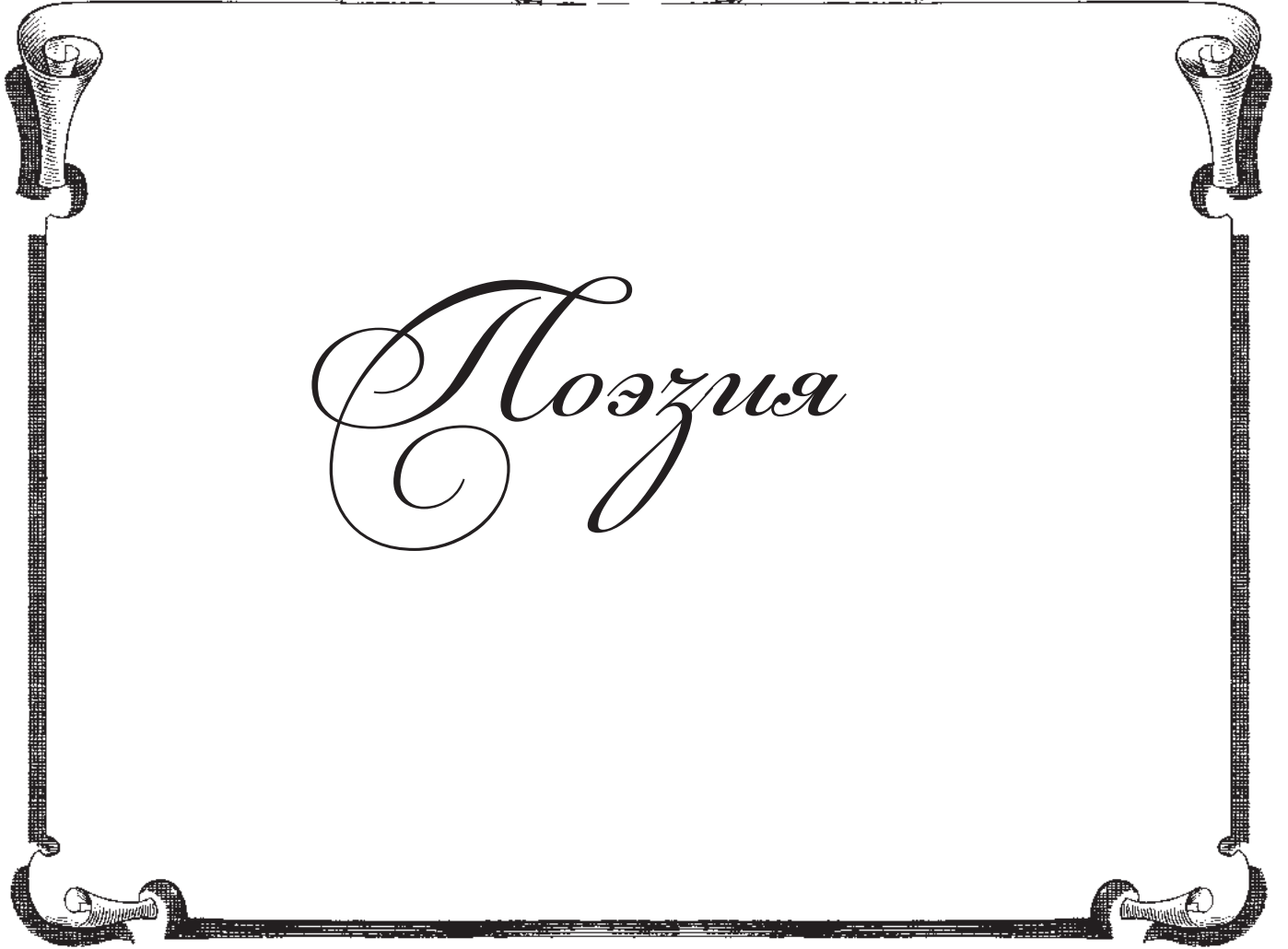
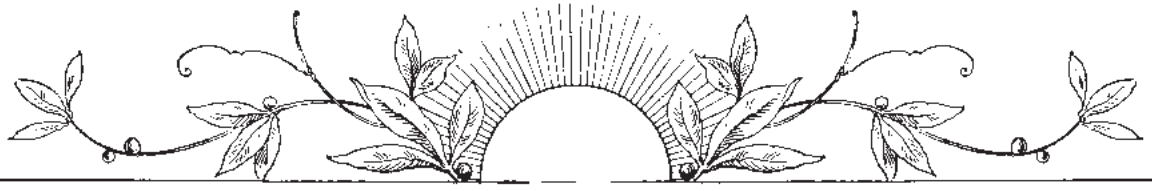
ISBN

© Коллектив авторов, текст, 2014
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2014
© Р.Д. Алекеев, фото на 1-й стр.
обложки, 2014
© И.А. Сафронов, фото на 4-й стр.

«Российский межрегиональный Союз писателей - единственная действующая профессиональная писательская организация на территории Российской Федерации, в которой за основу деятельности взято литературное творчество».

Председатель Исполкома
Международного Сообщества
Писательских Союзов,
Герой Социалистического труда
Ю.В.Бондарев

Вера КЧДЕМИНА

Потомки предками велики

*Неся в лучах нетленный свет,
Из темноты звезда мерца,
Зовёт с собой к небесной славе
И силе духа прежних лет.*

Бескрайние леса подёрнуты туманом.
Подножья гордых гор, где властвуют снега,
Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув берега.

Безупречность – удел Бога,
Тернист и труден предков путь,
Вся жизнь лишь к вечности дорога.
Про сопричастность не забудь.

Потомки предками велики.
Нам время память не разрушит.
Преступно позабыть их лики.
Пусть ангелы хранят их души
И осеняет вечности крыло
Тех, что несчётно полегло.

Вновь русское проснулось слово,
В нём голос сталью засверкал,
Достоинство его основа,
Тот свет земной, что Бог нам дал.

Не прерывая нить времён,
Что были мукой и опалой,
Храни в душе поток имён,
Что жили правдою и славой.

Нам осветив духовный путь,
Не дай Господь, пропасть Отчизне,
Не победить кровавой тризне,
Не изменить крещеных суть.

Красное Село

300-летию посвящается

Державной поступью войска
Прогнали шведов на века!
Был флаг российский водружен
И город славный заложен.

Вознесся православный крест
Под колокольный перезвон,
Сияньем осенив с небес,
Виденье чудное, как сон.
Здесь ангел распростёр крыло
С названьем Красное Село.

Он на горе стоит высокой.
Престольный град лежит пред ним.
Исаакий славный позолотой
Сверкает чудом неземным.

В годину горестных событий,
Он стал щитом геройских дел.
Исполнил долг здесь каждый житель.
От горя город поседел.

И светлой памятью ушедшим,
Горит огонь среди имён.
Им благодарны будем вечно.
Им родниковых слёз поклон.

Цвети, расти, взирай с высот,
Ты, в окружении озёр.
Незабываемых красот
Небес торжественный простор.
Пари, как ангела крыло,
Родное Красное Село.

Жизни основа

Концентрация мысли и слова,
Я поэт и горжусь этим званием,
Мой язык – моей жизни основа,
В нём достоинство и достояние.

Русская душа

*Жестокосердием страдая,
Чужой беды мольбам не внемля,
Забыв, зачем пришли на землю
Мы будем в вечности без рая.*

Предначертания судеб
Ниспосланы десницей Бога,
Дарующая жизни хлеб,
Ведущая в небытие дорога –
Все примет русская душа.
За правой – левую подставит щеку.
Простит всем многие пороки,
Вновь правду истинно ища.
В бессмертии души незримый свет.
Для Бога мертвых нет.
Есть в отрешении мирского жития
Глубинный смысл и вечность бытия.

Сказки вечной вуаль

Тёмной ночью зимой
Погружается в вечность
Мост Невы кружевной,
Разделяя сердечность.
Мы, любя, подождём,
Не пройдёт и полгода,
Смоет летним дождём,
Белой ночью природа
Всю тоску и печаль,
Что веками таится.
Станет чудная снится
Сказки вечной вуаль.

Стихотворным покрывалом

На лазурном небосклоне
Перепутаны лучи,
В колокольном перезвоне
Святой город не молчит.
Стихотворным покрывалом
Убаюкан град Петра.
Жизни черпая начало,
Разгорается заря.

Золотые купола

На ветру, поближе к небу
Золотые купола.
Все смешалось – быль и небыль.
Города, как острова
И шумит людское море
Нынче, завтра и вчера.
А над радостью и горем,
Светом истины горя,
Разделяя быль и небыль,
Кропя верою с креста,
На ветру поближе к небу
Золотые купола.

Ливень

Смешалось с радугою солнце.
Небрежно с неба сыплет дождь,
Просясь в открытое оконце,
По листьям мелко сеет дрожь.
Вдруг ливень хлынувший с небес,
Крестил меня живой водою,
Мир на мгновение исчез,
В купель мокнул с головою.

Небес прозрачно покрывало

Заснуло солнце в колыбели,
Небес прозрачно покрывало.
Успокоительные трели
Ласкают слух мой, как бывало.
Вновь словно в сказочном пространстве
Воспоминания былого.
Люблю природы постоянство
И красоту родного слова.

Дарю тебе

Успокоен вечерней прохладой,
Под рассеянным светом луны.
Очарован ночным звездопадом,
В убегающей глади волны.
Я дарю тебе сказку ночную,
Вдалеке от страданий и бурь,
Ветерок над волною кочуя,
Встретит с нами рассвета лазурь.

Видения

Волшебных лилий предрассветный сон,
Чуть приоткрывших тайну сил глубинных,
Лишь показав край лепестков невинных,
Стремясь на свет сквозь толщу волн.
Там королевой распустив бутон
И на зеркальной глади, как на троне,
Очарование русалочьей короны,
Виденье чудное, как сон.
Когда вечерний меркнет свет
И закрываются бутоны,
Слышны таинственные стоны,
Мерещится прозрачный силуэт.
Волос мерцающие пряди,
Плывущие по водной глади
И серебристый смех издалека,
И стебли лилий рвущая рука.
Русалки юные переплетаясь в кружок,
Творя таинственно напевы,
Венчают песней королеву
Из лилий и волос сплетя венок.

Дрожит небесная слеза

Вновь лето празднует природа,
С волною спорят небеса.
Дрожит небесная слеза,
По утру в это время года.
Ты по росе пройдишь босой,
Из чаш купальницы напейся.
Воскликни небу: «Дождик, лейся,
Над торжествующей красой».
Упав с объятьем в разнотравье,
Вдохни тягучий, сладкий дух.
Услышь привольное задравье
Птиц улаждающих твой слух.
Узри над водным зазеркальем
Ты блики утренней зари,
С лучами в небо воспаря.

Любовь даруют небеса

Любовь даруют небеса,
Неся с собой потоки страсти,
Паря над бытием от счастья,
Верша земные чудеса.
Она царит, забыв про стыд.
Любовь над душами витает.
Порою судьбами играет,
Все прегрешения простит.
Не заглушит сердечный ропот
Волну томительных желаний.

Потоком чувственных лобзаний,
Чаруя, нежный, жаркий шёпот
Отрадой сладкою струится,
В объятьях страстных растворится.
Пей тело негу упоенно,
Все соки жизни быстротечной
И уноси самозабвенно
К любви желанной, но не вечной.
Молю, прости меня, Господь,
За чувства жаркие, земные,
Что душу променяв на плоть,
На думы, что теперь иные.
Вновь я подвластна всем желаньям,
С его душой переплетаясь,
Парю, земного не касаясь,
Я счастлива его касаньем.

Ночь

Заря закатная, вечерняя заря.
За нею звездами украсив небосклон,
Спешила ночь, спокойствие даря,
Неся на крыльях сладкий сон.
И в соловьиных трелях утопая,
В сиреновом дурманящем плену,
Небесному веленью уступая,
Земля готовилась ко сну.
Воды недвижно зазеркалье.
На нем дрожащий серп луны,
В тумане брошенной вуалью,
Вдруг заискрилась рябь волны.
Там, отражением скольльзящим,
Летели стаей сизари.
И нежным шепотом манящим,
Ночь чаровала до зари.

Начало осени

Ах, отчего поэты любят осень?
Да оттого, что дышится легко.
Небесных глаз виднеет просинь,
Несносный жар уходит далеко.
Он смыт слезой дождинок первых,
К нам сквозь туман бредет острада,
Хотя горят еще поутру перлы,
В росистых лопухах застыв, как чудо.
И все вокруг напоминает сказку,
Нас на прощание целуя,
Случайный луч скользит с опаской,
Вдвоем с дождем грустит танцуя.
Шурша листвою, осенняя прохлада,
Ступает мягко, не спеша,
Скрывая хлад, но он придет, так надо.
Вновь тихой грустью полнится душа.

Прощальный мотив

Пахнет валежник осенним дурманом,
Лунным сияньем сквозь тысячи звёзд,
Тревожным рассветом, скучным обманом,
Рваным туманом печален погост.
Тревожна душа журавлиною песней,
Кружит над землёю прощальный мотив,
Осеннею сказкой кропит поднебесье,
Дрожащие ветви скорбя оголив.

Забытый вальс

Забытый вальс, осенний сон,
Играет старый патефон.
И в ретро чувств спешит, кружась,
Осенний сон, забытый вальс.
Шурша листвою, летит с небес,
Спеша в открытое окно,
Как приглашение в кино,
Как продолжение чудес.

Осенняя краса

Осенней тишиной хочу я насладиться,
В ней много мудрости таится.
Над лесом в дымке небеса,
Луга покрытые туманом,
Рябины горькая краса
И зеркала болот с дурманом.
Берёз ажурных купола
Роняют прочь остатки злата,
То одинокая листва
Кружит, земля такой красой богата!
Невольно взором всё объёмлю
И лист желтеющий приемлю.

Небесная печаль

Солнца луч, сквозь рваную вуаль
Прелестной поздней паутинки,
Скользит в туманом брошенную шаль,
Что ловит первые снежинки.
Под хруст валежника, шуршанье листьев,
Топчу ногой брусники жаркий бисер,
Брожу в заброшенном, темнеющем лесу,
И с грустью вижу по стволу текущую слезу,
А в сердце задрожала трепетная нежность,
Необъяснимая, тревожная печаль,
О том, что вскоре всё покроет снежность
Небесной белой манной, развиднеет даль.

Снежность

Сквозь кружево застывшее ветвей,
Пленя белоснежным покрывалом,
Кружась, в волшебном танце укрывала
С небес снежинок карусель.
Звон бубенцов, в саях медвежьей шубы,
Остались лишь в воспоминаньях.
Но матушке-зиме все шепчут губы
Слова любви и нежные признанья.
Когда слетает на ладошку снег,
А звезды сквозь фонарь мерцают,
Так радостно мне на душе бывает,
Я снежностью жива, я русский человек.

Юлий ТАРЕР

Марине Цветаевой

Я вовсе не камень, и вовсе не глина,
И даже не пена морская,
Я — воздух объятий небывших, Марина,
Печальная участь людская.

И слёзною солью, сердечною болью
И тошным тоскливым занывом,
Не новою, но неизбежною ролью
Я — ветер над Финским заливом.

И я ещё волк, не прибившийся к стае,
И вою в прилунной ночи —
О том, кто я есть, и о том, кем я стану,
Как сердце без ласки стучит.

Я вовсе не камень, и вовсе не глина,
И даже не пена морская,
Я — воздух объятий небывших, Марина,
Печальная участь людская.

7 марта 1998

Смятение

В слегка смятенном состоянье,
Когда уже почти влюблён,
Пугают меньше расстоянья
И счастья путь опять продлён.

В таком невольном пробужденье
Ещё не смелых тайных сил
Уже не гонишь заблужденье,
Растущим чувством возносим.

Не прогоняешь хмель надежды,
Но всё ещё боишься боли,
Что сеет гибель в сердце нежном,
Когда душе не хватит воли.

3 мая 1998

* * *

О, глупое, честное сердце,
Зачем ты так любишь не тех,
Куда мне от этого деться —
Каких мне возжаждать утех?

Спаси меня, светлая муза,
К себе навсегда уведи,
И сердце не будет обузой
На этом блаженном пути.

* * *

Что отличает бескорыстье
От торга с Богом за венец —
Когда сгребают в кучу листья,
Всегда ль в огне всему конец?..

Дурманит аромат осенний,
Но осени спадёт наряд —
Коль ум иллюзией рассеян, —
Зима повергнет душу в ад.

И чтоб рассеяться не слишком,
За грань судьбы приняв ребро, —
Я не спешу быть гласом свыше,
Быть может, делая добро.

осень 1994 г.

Жизнь

Знойная пыль асфальта,
Душный ветер угара
В чаду горящих помоек
Окутали мир туманом.

Мир, утонувший в буднях,
Забыл о радости жизни,
Забыл о светлой надежде —
О том, что возможно счастье.

Жгучее Солнце страсти,
Горькое Небо правды,
Любовь, утонувшая в грёзах,
Украсили мир цветами.

И в погребальном уборе
Плачет любовь о розах,
Гневной грозой излившись
В бездонную грудь Неба.

15 июля 1999г.

* * *

Всё прошло, словно и не бывало,
Всё исчезло, как заспанный сон,
А грядущее под покрывалом
Мне ещё не известных времён.

Всё прошло, только я неизменно,
Поозябшей, но верной душой —
Шлю — за здравие будням молебны,
И по прошлому за упокой.

Всё пройдёт, и грядущее сбросит
Год за годом, покров за покровом,
И безносая скосится в проседь —
Ты ли был молодцом чернобровым?

Всё пройдёт, словно и не бывало,
Всё исчезнет, как заспанный сон,
Но зачем — этой жизни так мало,
И зачем — этот путь так длинён?!

8 марта 1998

Усталость

Я верил что жизнь прекрасна,
Со смертью мирясь неизбежной,
Но судьбы у всех разные
В потоке людском безбрежном.

И жил я, давась болью,
В потоке судьбы мерзкой —
Несчастной своей ролью
И сутью своей дерзкой.

Теперь от всего усталость,
И сил лишь на то осталось —
Чтоб мысли своей твердью
Проплыть между жизнью и смертью.

8 марта 1998

Дорога

Душой, разодранною в клочья,
Я прямо в грязь,
И те, кому успел помочь я —
Меня же — в мразь!

И рваною, в грязи, душою
Бессильно, в крик —
Чего теперь для вас я стою,
В мой трудный миг?!.

Опять кричу, никем не слышим,
Опять за грех —
За то, что был судьбой возвышен,
За детский смех.

За то, что был женой развенчан
За «детский сад»,
За то, что рай, увы, не вечен
Идущим в ад.

За дерзость светозарных бредней
В плену у тьмы,
Не первый пал, и не последний
Беглец зимы.

А я уверен, я верю людям —
Я нужен им,
В потоках света, в теченьях буден,
В провалах зим.

Я путь свой к свету из адских «кущей»
Найду опять —
Мечтой, где лето, стезёй поющей,
Где будут ждать.

Где мне простят души рванину,
И сердца сталь,
Что падал часто, и на равнинах,
И что устал.

Где ждут чтоб я — хоть воя волком,
Нашёл свой дом,
Где ждут как надо, так и долго —
Молясь о том.

27 июля 2008

Виктор ПЕРМЯКОВ

Мастерская художника

Мастерская на Наличной.
Снег окошко серебрит.
Тушь, перо, бумага, кисти,
Холст загадочно блестит.

Рука тверда, а кисть свободна.
Мой холст мерцаньем озарен.
Чудесным мигом вдохновенья,
Сияньем красок завершен.

Март 2011
С-Петербург

Мастерская на Черняховского

Уставший, вылез из берлоги,
Где жил, писал и рисовал.
Кругом замерзшие дороги,
Знобит и я почти не спал.

Засыпал лист осенний лужу
И холод землю всю сковал.
И, выйдя, на такую стужу –
Закашлял и заковылял...

11 сентября 2011
С-Петербург

Художник

Луна повисла над окном,
И свет струится серебром.
Художник до утра не спит,
С холстом устало говорит.

“Где та надежда и успех?”
Усталый безнадежный смех.
Творец наш пред холстом стоит,
Свою мечту он воплотит.

Луна повисла над окном,
И свет струится серебром.
Он легкой кистию творит,
Полёт души благодарит.

16 мая 2011
Санкт-Петербург

* * *

Творцы: художники, поэты -
Духовным таинством согреты,
Они, печальны и суровы,
Тяжелый крест нести готовы!

20 марта 2013

Твои холсты стоят в углу

Твои холсты стоят в углу
С надеждой ждут тебя,
Рисуй, позабудь про мглу
И не жалея себя.

Художник видит наше время:
Во тьме, разрухе вся страна.
Несет тяжелое он бремя,
Где миром правит сатана.

Он слышит громкие раскаты,
А, впереди свинцовый мрак.
Грядут кровавые закаты
В лукавом мире все – вот так.

Художник образ свой нашел
В заветный путь ему идти.
С крестом, сквозь тернии, прошел
И не свернул с пути.

26 февраля 2013

Одинокий художник

В пространстве сумрачном, далеком,
Своей дорогой бытия
Идет художник одинокий
С тревогой завтрашнего дня...

Январь 2011
С-Петербург

Художнику Василию Березину

До свиданья, Василий Березин!
Мы с тобой вспоминали года.
И душевных, и радостных песен
Не забудем с тобой никогда.

И несется моя электричка,
Будоража во тьме тишину.
Нашу дружбу не ставлю в кавычки.
Я в раздумье склонился к окну.

Электричка «Тосно-С-Петербург»,
28 ноября 2013

Творю в Челюскинской я даче

Творю в Челюскинской я даче,
Дружу с металлом, кислотой.
И жду успехов и удачи
В своей работе не простой.

Офорт на меди уважают
И любят графики не зря,
А ели, сосны вдохновляют,
Когда в окно глядит заря.

Игла моя рисует, вьется –
Она отправилась в свой путь.
А мне в офорте остается
На оттиск с гордостью взглянуть.

Творческая дача художников
«Челюскинская», Подмосковье,
23 июля 2013

* * *

По небу облако летит
И говорит со мной стихами:
«Ведь ты, бродяга, не забыт.
Влезай на гору – будешь с нами.»

А я ему в ответ сказал,
Что все прекрасно понимаю,
Что в жизни много гор и скал,
Но как взойти на них, не знаю.

С упорством на гору полез,
Минуя горные преграды,
И вот добрался до небес –
Бог дал победу как награду.

По небу облако летит
И говорит со мной стихами:
«Ведь ты, бродяга, не забыт.
Ну, раз залез, так будешь с нами!»

19 июня 2012
Санкт-Петербург

* * *

Владея кистью и резцом
Стремись к заветной цели.
Смотри, как Дюрер, Васнецов
С те времена умели.

Они нелегкою порой
Свои шедевры создавали.
Живя загадочной судьбой,
Тернистый путь ее poznали.

22 мая 2012
Санкт-Петербург

* * *

Вдоль по Карповке реке
Ходит птица в тишине.
Вот чудеса! Здесь Сири-птица,
Сияют серебром ресницы.
Проснитесь люди! Вот краса!
Гуляет птица! Чудеса!

Из мифа древнего молчанья,
Явилось диво, затаив дыханье!...

30 сентября 2011
С-Петербург

* * *

Город муз и белых ночей –
Великое пространство вдохновенья!
Фонтанка, Мойка и Нева –
В стихах поэтов воплощенье!

Крылатый стих вознесся над Невой –
В реке блеснуло отраженье.
И Северной Пальмиры град
Стал торжеством Преображенья!

3 августа 2011
С-Петербург

Софья ДУБОВСКАЯ

Наведение мостов

неясные
в кучку сбитые мысли
против безупречного листа
и – наведение мостов
рукою твёрдой
перо – перст указующий
стоит ему коснуться бумаги –
мгновенная дисциплина
памяти лени сознания
ума и сердца если можно
сердце удержать
экспромт словаря – чудно ...

Игра в прятки

где-то прячутся силы душевные
я думаю есть тайный уголок
они не исчезают
и не воссоздаются из воздуха
они подтрунивают надо мной
наблюдает затаив дыхание
ждут – вселиться? или – мимо?
а я что-то должна:
усердие – щедрость – страх
это будни – но есть ещё
формула «выход из плоскости»
куда держим путь?

Прекрасное далеко

В далёком полумифическом детстве
на страницах книг
средневековые граждане
встречали меня по-доброму
Кривые улочки Средневековья
я посетила года три назад
Между тем – и тем
я прикасалась к этим сюжетам
то в книгах то на моём пути
Так и обитаю сразу
в своём доме и по всему миру

Грустное фото

пожелтелый дачный сезон
столешница сосновая
в траве проплывает
наверное с высокого крыльца
я наводила объектив
калитка дух сосновый
а за столом – роднее не бывает
и все отплыли в никуда

На концерте

– Чему радуетесь?
– Ничего не надо.
– Значит, живёте страданием.
– Поживём - услышим.
– Вы обещали уйти в антракте.
– Заворожил Орфей.
– Что – душа его как на ладони?
– Руками осчастливил звуки,
приблизил бесплотный мир.

Майский аромат

начинающие кроны:
цветы черёмухи сплетаются
с ветвями липы
ей рано ещё цвести
мы замедляем шаг на мостике
след в след за хозяином пёс
лодки лепестками
вокруг причала
ветер спрятался
пока мы не вышли на берег

Тайком от себя

я создавала иллюзорный закон
взаимосимпатии связующую нить
есть такая профессия
понимать с полуслова
конечно это преувеличение
такое мне встречалось и раньше
но когда находишь самостоятельно
оно гораздо прочней

Демни **КАРЗОВА-ГОЛОВИНА**

Благодарю

О, Господи, благодарю,
Что чувства выразить могу я словом.
Упав, взлетаю и творю.
Твой дар велик, дает мне силы снова.

Любовь, разлука, боль души,
Надежда, поиски, тоска, ошибки
Тревожат сердце. Опиши,
Сложи слова в строфу из мысли зыбкой.

Страна, спасибо, что дала
Понять, впитать в себя язык России.
Пусть часть в крови моей мала,
Корнями в ней, и Русь дает мне силу!

Волшебные слова

По струнам пальцы быстро пробежали,
И дивный голос тишину нарушил.
Затронула мелодия печали
Нежнейшую, чувствительную душу.

Гитара восхитительно звучала.
Подобно пенью соловьиной трели,
И хочется прослушать песнь сначала.
Любви слова волшебные летели.

Была прекрасным пеньем опьянённа.
Глаза глядят восторженно, влюблённо.

Маэстро взгляд поймал, он был у цели.
Сердца зажглись, их души вместе пели.

Мелодию ту слушать не устану.
Талант ключом стал к бурному роману.

Петербургские белые ночи

Восхитительны ночи в июне!
Приглашает Нева молодежь.
Сколько лиц жизнерадостных, юных!
Может, ты вместе с ними пойдешь?

Вспомнишь молодость, годы былые,
Веру в будущность, в светлый полет.
Алый парусник ждут молодые,
Им открыты дороги вперед.

Петербургские белые ночи –
Это время надежд и любви.
До утра не смыкаются очи.
Пролетит птица счастья – лови!

Вершины

Вершины, вершины, вершины.
Коль молод, то выбор широк.
Ты вырастешь, станешь мужчиной,
Не сделай ошибку, сынок.

Стремимся к намеченной цели,
Кто с легкостью, кто-то с трудом.
На крыльях быстрее бы летели,
Но надо идти нам пешком.

Шагает с упорством трудяга,
Уж скоро дороги конец,
С последним усилием, с напрягом
Вершины достиг. Молодец!

Уставший он глянул повсюду
И понял, что горка не та.
Старанья его позабудут.
О скалы разбилась мечта.

Не надо стараний напрасных,
Ты правильно выбрать стремись.
Вершин очень много прекрасных,
Но трудно повторно брать высь.

Березка и ель

Два деревца росли в соседстве тесном,
Березка стройная и ель густая.
Тогда им было вместе интересно.
Устраивала их судьба такая.

С годами ель с березкой разрастались.
Сплетались корни, было мало места.
Они друг друга ветками касались.
Березка стала нежная невеста.

Еловой лапой белый ствол обхвачен.
Обнять, согреть соседку. Миг удачен.

Березка изогнулась вся в объятьях.
В мохнатых лапах голый стан без платья.

Хоть ветви тянет на свободу, в свет,
Простора, воли рядом с елью нет.

На танцплощадке

Теплый июльский вечер.
Пары танцуют в парке.
Ты мне спешишь навстречу.
Танец наш будет ярким.

Вальса круженье, вальса круженье,
Страстное танго и танец фокстрот.
Легкость полета, плавность движений.
Музыка манит нас в мир без забот.

В вальсе меня закружишь.
Стану легка, как птица.
Сердце стучит. Наружу
Словно оно стремится.

Вальса круженье, вальса круженье,
Страстное танго и танец фокстрот.
Музыка манит нас в мир без забот.

Танго, фокстроты, польки.
Ритм сумасшедший. Жарко!
Сколько эмоций! Сколько!
Звезды нам светят ярко!

Вальса круженье, вальса круженье.
Страстное танго и танец фокстрот.
Легкость полета, плавность движений.
Музыка манит нас в мир без забот.

Звон колоколов

Желанья, цели и мечты
Остались на другой странице.
Ее перевернула ты.
Она лишь может только сниться.

Бредешь бесцельно в никуда
Среди изысканной природы.
Чего ты ищешь? Путь куда?
Ищу ответ под небосводом.

Златая осень! Красота!
Любуйся сказочным нарядом!
Куда ведет тропинка та?
Колокола звенели рядом.

Пошла на этот перезвон.
Колокола зовут на мессу.
Священный храм. Подскажет он.
Быть может, там найду я место?

Буря

Серое небо, свинцовые волны
Бьются в гранитные стены.
Буря несется над Питером вольно
С хохотом, с ливнем до пены.

Буря над городом. Мрачные мысли,
Ветер гоняет их части.
Рваные раны в пространстве повисли.
Хочется света и счастья!

Бегунья

Осенние слезы стекали по скалам,
О днях пролетевших она тосковала.
Златые наряды упали на землю.
Кругом одиноко, и лес словно дремлет.
С обрыва потоки по каменным стенам
Сбегали, спешили, взбивались до пены.
В отчаянье осень стремилась куда-то,
Жаль, в прошлое нет и не будет возврата.
Внезапно примчался к ней северный ветер.
Бегунью холодным порывом он встретил.
Сковал, заморозил, метелью заснежил.
Он груб и суров, беспощаден, не нежен.
Движенье застыло в ледовых оковах.
Бегунья уснула. Проснется ли снова?

Татьяна НИКОЛАЕВА

Легенды о цветах

Нюготок

(календула)

*«Но и для вас найдутся здесь цветы.
Вот майоран, вот мята, вот лаванда,
Вот ноготки, что спать ложатся
с солнцем
И с солнцем пробуждаются в слезах,
И это всё — цветы средины лета...»*

У. Шекспир.

В России вам любой поведаёт романтик
Легенду про оранжевый цветок,
Как человек, имеет он характер
И прозывается в народе — ноготок.

Всё начиналось в незапамятное время:
То ль при царе Горохе, то ли нет,
В одном семействе очень-очень бедном
Мальчонка родился на белый свет.

Он вялым был, болезненным и хилым.
Боялись даже, что он не жилец,
Но новорожденного в церкви покрестили
И парню дали имя наконец.

Отныне звали мальчика Заморыш.
Он, вопреки плохим прогнозам, всё же жил,
Рос, хоть не сильным, но вполне бедовым
И, не в пример другим, смышлёным был.

Когда он вырос, то ушёл из дома,
Простившись с матерью и стареньким отцом,
Пошёл учиться в город разуму большому
И люди стали как-то забывать о нём.

Промчались годы... Объявился в той деревне
Хороший лекарь, что лечил людей
Не колдовством, не ворожкой волшебной,
А травами, что собирал с полей.

Тогда решила бабка-ворожея
Свести со света лекаря сама
И в знак как-будто бы расположенья,
Преподнесла ему бокал вина.

Заморыш, то был он, вино то выпил
И понял, что отравлен бабкой был.
Он с улицы людей сейчас же кликнул
И им завет такой проговорил.

Чтоб под окошком у колдуньи старой
С его руки зарыли ноготок
И через год на месте этом самом
К весне лечебный вырастет цветок.

Сказал и умер... Все погоревали,
Но просьбу выполнили и в заветный срок
Цветочек вырос и его назвали,
Как обещали парню — ноготок.

Цветочек тот известен во всём мире,
О нём Шекспир в поэме говорил,
У христиан он звался «Золотом Марии»,
«Невестой лета» где-то назван был.

В Европе - это символ постоянства
И очень долгой пламенной любви,
Он в Индии богов является убранством,
А у китайцев олицетворяет жизни миг.

Цветочек солнцу утром улыбнётся,
Светилу раскрывая лепестки,
В тени в бутон оранжевый сожмётся,
Словно без солнышка завянет от тоски.

Майский ландыш

Есть о ландышах много сказаний,
Много сложено разных легенд
И в одном из старинных преданий
Говорится про майский тот цвет.

В городище большом и богатом,
Что на волжском стоял берегу,
Молодой жил красавец когда-то
В незапамятном давнем году.

Был он дружен с прелестной девицей,
Скажем больше, в неё был влюблён.
Захотели они пожениться
И построить свой собственный дом.

Дело справили. Всё чин по чину,
В дом к невесте послали сватов,
Состоялись уж сговор, смотрины,
И день свадьбы назначен в Покров.

Не случилось. На всё Божья воля.
Надвигалась враждебная рать,
И пришлось жениху тому вскоре
Вместо свадьбы идти воевать.

Распрощался с любимой своею,
Словно сердце им враг разбил.
Нитку жемчуга милой на шею,
Чтобы помнила, он подарил.

Жизнь не может пройти без страданий.
Сладко всё не проходит. Нет!
Умывалась невеста слезами
И дожидаться давала обет.

Время птицею мчалось крылатой,
Место ночь уступала дню,
День потом с ней менялся обратно...
Подходила пора зимних выюг.

Как устала невеста томиться,
Был тревожен красавицы сон.
Скоро ль войско закончит биться?
Недруг будет когда побеждён?

Наконец-то был враг отодвинут
И с приходом весенних ветров
Возвратились в свой город мужчины
Не ко всем... Было множество вдов.

Где-то радость, а где-то и горе -
Полдружины остались лежать
Не в кроватях своих... В чистом поле.
Слёзы жёнам по ним проливать.

Не пришлось предаваться веселью.
Юной девушке свет был не мил,
Ведь любимый убит и постелью
Ему служит примятый ковыль.

Не вернётся к невесте желанный,
Ясных глаз не увидит ей свет,
Не узнать ей и страстных лобзаний.
Не жена, не вдова в двадцать лет!

Стало солнце клониться к закату,
Расстилая по небу зарю
И в берёзовой роще руладой
Соловей звал подругу свою.

Что ж невесте, пойти утопиться?
Помолилась она у икон,
Только сил не хватило решиться,
Ведь не каждый так духом силен.

Побежала ногами босыми
В роще среди белоснежных стволов,
Но упала, от слёз обессилев,
В травяной изумрудный покров.

Горе встретилось с новой болью -
Надо ж было ей бусы порвать,
Ведь подарок её дорогого
Очень трудно в траве отыскать!

Соловьи разливались трелью,
Серый сумрак вокруг обходил,
Слёзы лились апрельской капелью,
Сердце рвалось из юной груди...

Бог помог этой деве печальной,
Взяв её...
Лишь забрезжил рассвет,
Средь травы молодой утром ранним
Майский ландыш купался в росе!

Легенда о маке

Легенда есть одна, в ней ведьма злая,
Быть может для забавы, просто так,
Красивой девушке беду наколдвала
И превратилась та в прекрасный мак.

Весь день цветок тот рос в огромном поле
Средь множества раскрывшихся цветов.
До вечера красавица была в неволе,
К закату в человека превращаясь вновь.

Тогда она могла домой вернуться,
Чтобы с любимым встретиться своим
И, чтоб опять цветком к восходу обернуться,
До ночи новой расставаясь с ним.

Он горевал, никак не понимая,
Куда уходит по утрам она,
Пока однажды как-то не сказала
О том, что заколдована была,

Об участи своей и горькой доле
Весь день средь алых проводить цветов,
Что снять заклятье — дело не простое.
Влюблённый парень был на всё готов!

Светлело небо, перед ранним утром
Бледнее становился блеск ночных светил.
Красавица ушла, а парень хмуро
С восходом солнца в поле выходил.

Заря всё ярче-ярче полыхала.
Как отыскать ему тот самый мак,
В который обратила ведьма злая
Его любимую? Ну, подскажите, как?!

Обескураженный, сгибался он в поклоне -
Внизу сверкал росой ковёр цветной.
Вдруг он заметил, что один цветок на склоне
Был не покрыт блестящею росой.

Пронзило сердце болью, как от раны!
Он понял, что на правильном пути,
Ведь девушка исчезла утром рано
И потому на маке капель не найти.

Он не ошибся! Это точно зная,
Склонился парень и сорвал цветок...
Любимую через мгновение обнимая,
Красавицу от чар избавить смог!

Флейта феи цветов

Случилось это в сказочном саду,
Где мягкий воздух пенем птиц разбужен,
Где лёгкий ветерок с листвою дружен
И яркие цветы вокруг цветут.

Роняет солнце луч свой золотистый
И в каждой капельке росы горит огонь,
Но ты его чуть-чуть рукою тронь
И скатится он слёзкой серебристой.

Под звук хрустальный льющихся росинок
Проснётся Фея Сказочных Цветов,
Потянется и, сбросив свой покров,
Из колокольчиков в ладонь стряхнёт смешинок.

Потом, под шелест шевелящейся листвы,
Коснётся губками своей волшебной флейты
И звуки нежные от сна пробудят лето,
Раскроются навстречу дню цветы.

Стрекозы с бабочками в танце закружатся
Средь ароматов распустившихся цветов,
А в небе стайки белых облаков
Начнут причудливо преображаться.

Звучит, как сказка, музыка любви
И извлекает Фея звук хрустальный,
То трепетный, то грациозный, то печальный,
Рождающий томление в крови.

Чарующие звуки раздаются,
Чтоб из сердец обида и тоска
Умчались поскорей за облака.
Лишь для любви и ласки звуки льются!

Тем летним утром средь садов, в тени лесов
Все травы стелются изменчивым узором,
На всех деревьях подпевают птицы хором
Волшебной флейте Феи Сказочных Цветов!

Нина ОЗЕРОВА

Осенний романс

Ещё одна осень неслышно
Ковёр расстелила шуршащий,
И солнце нас больше не греет
Сквозь воздух холодный, звенящий...
Опять это лето поспешно
Ушло, не прощаясь, желтея,
Махнув рукавами из листьев
И кистью рябины краснея.
Прошло это лето и щедро,
Наполнив корзину дарами,
Сверкнуло румянцем из яблок,
Мелькнуло, и нет его с нами...
Печально, что осень так грустно
Уходит под крик журавлиный...
И так «Отцвели хризантемы»,
Напомнил романс мне старинный.

Не говори, что день угас...

Не говори, что день угас
И не придёт пора восхода.
Всё спит вокруг, но через час
Луч солнца озарит природу...
Не говори, что жизнь прошла,
Ушла любовь и не вернётся,
Но за зимой придёт весна,
И сердце радостно забьётся...

Припев:

Не говори, что день угас,
Не говори, что жизнь прошла,
Не думай так – придёт весна,
Не говори сейчас...
Не говори, что нет любви,
И с ней исчезли грёзы,
Но нежной трелью соловьи
Прогонят времени угрозы...
Они не напомнят о любви,
Что в мае к нам опять вернётся.
Наступят солнечные дни,
И всё вокруг опять проснётся...

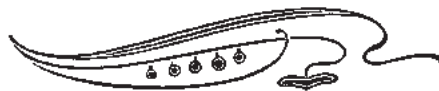
Вам не хватает солнца...

Сударыня! Вам не хватает солнца,
Чтобы унять осеннюю хандру?
Луч яркий не заглянет к Вам в оконце
И не начнёт опять свою игру?
Сударыня! Держитесь вместе с нами.
Придут ещё другие времена!
Вновь яблони покроются цветами,
А в ночь вернутся трели соловья...
Сударыня! С любовною мечтою
К Вам прилетят загадочные сны.
И вы тогда расстанетесь с тоскою,
А мысли вновь в любовь погружены...
Но города осенние восторги
Навеют Вам другие миражи –
Холодный дождь и ветер на задворках,
Закрутят вдруг такие куражи!
Любовь согреет Вас и вместо солнца,
Она лекарство от любой хандры!
Осенний луч заглянет к Вам в оконце,
И Вы опять в кого-то влюблены!

Ноябрь, 2012

Коту Мурику

Мой милый, недоволен ты теперь?
В чём дело, объясни любимый;
Невкусная еда, не мягкая постель?
Что нос повесил и такой унылый?
Скучаешь ты, я знаю, без меня.
Всё дремлешь, видишь сон десятый...
Но чуешь, за окном уже весна –
Ты не причёсан, грустный и лохматый.
Иди ко мне поближе, на ковёр,
Ляг в позу «сфинкса» – ты, строптивый!
Я шёрстку расчешу, на ней такой узор!
К весне готов ты, ну беги, красивый!

Евгений ЕМОДЯКОВ

Пред аналогом

Ты,
словно извечное дело
Стараньем подвигнув на лад,
Сегодня впервые надела
Обдуманый белый наряд.

Накопленный жизнью былою
Свой опыт тебе не забыть.
Ты с этим пришла к аналогу
Сквозь тернии личной судьбы.

Загадывай:
чёт или нечет,
Знакомые взгляды лови, –
Но память коварная шепчет
Порядковый номер любви.

И чувств незнакомых приливы
Над старым осадком в груди.
И чей-то наперсник счастливый
Не ведает, что впереди.

* * *

Нет, об этом нельзя мимоходом, –
Что-то в жизни творится не так!
По статистике горькой
разводом
Слишком часто кончается брак.

В наслаждении ложной свободой
Заступив за невидимый край,
Мы забыли в погоне за модой
Про шалаш,
в коем любящим – рай.

Злато чувств заменили бирюльки.
Но и ныне я спорить готов,
Что дитю погремушки из люльки
Позабудутся с первых шагов.

Понимая по-своему счастье,
Каждый в жизни познает не вдруг
Человеческих душ соучастье
И поддержку заботливых рук.

Что бы нам ни напрочил Емеля,
Перемелется, как ерунда.
Был бы свет в дальнем створе туннеля,
А без этого нам – никуда!

Каждый день,
не обласканный солнцем.
Нам желанней скорей завершить.
И светёлка светла не оконцем,
А улыбкой от светлой души.

Всё, что было,
не вдруг обветшало, –
Потому откровенно стило:
Люстр хрустальных заведомо мало.
Чтобы в горнице было светло.

Вырубают тополя

Пали,
как на поле брани,
Белым пухом не пыля:
До цветения
заране
Вырубают тополя.

В лунках саженцы другие –
Всё из парковых пород...
Запугали аллергией
Доктора
честной народ.

Но,
не отклонясь от темы,
Не забыть мне до конца,
Как сажали по весне мы
В липких почках деревца.

Ах, какие были песни
И как были мы сильны!
Выходили на воскресник
С теми,
кто пришел с войны.

И в страде послевоенной
Поднимались
зелены

Тополя
одновременно
С новостройками страны.

Встали стройными свечами.
В мае город,
как в снегу.
И как должное
встречали
Тополиную пургу

В коммуналках старожилы,
Шахматисты во дворах.
И скворечники крепили
Пионеры на стволах.

Но,
воспеты давней Музой,
Расплодившись там и сям.
Тополя теперь обузой
Стали нынешним властям.

В ветвях гнездятся вороны.
С пухом дворникам беда.
И раскидистые кроны
Задевают провода...

Но настало обновленье,
И встречать уже готов
Молодое поколенье
Новый облик городов.

Сносят здания до срока.
От машин стал тесен двор.
Время вынесло жестоко
Тополям свой приговор.

Очищаемся от свалок,
От того,
что не к лицу...
Их пора,
как коммуналок,
Приближается к концу.

На стволах сочатся раны.
Век был красен,
да не долг...
Так уходят ветераны,
До конца исполнив долг.

Меж правых и неправых

Я знал,
ещё когда был молод,
Что на безвременьях шальных
Не нами хрупкий мир расколот
На Родину –
и остальных.

Хоть кровью русскою политы
Европы тучные поля,
Не раз по воле их элиты
Стонала русская земля.

И все стандарты их фальшивы –
С двойным набором про запас,
А шайки страждущих наживы
Ножи точили против нас.

Мы дали укорот разбою,
И на отеческих полях
Не раз нам право быть собою
Пришлось отстаивать в боях.

Нас будут помнить поимённо,
И в битвах многотрудных лет
Впитали нашу кровь знамени
Неопороченных побед.

Но
тяжким молотом из стали
Сковав – что стало дорогим,
Мы вдруг держать его устали, –
И стал теперь наш герб другим.

И в свете новых озарений
Толпа сменила чёткий строй,
Скрыв Правду пестротой воззрений,
Как театральной мишурой.

Но там не избежит изъяна
Извечной жизни красота,
Где каждый Правду красит рьяно
В свои удельные цвета.

И ныне нам
её,
нагую,
Никак нельзя не обрести,
Чтоб,

словно чашу круговую,
По всей России пронести.

Но –
то ли страсть слепит нас в споре,
То ль над Отчизной меркнет свет:
Те – в ней не видят Лукоморье,
А эти –
горькой доли след.

Мне не дано иной заботы,
Чтоб те и эти зреть могли
И заповедные красоты,
И раны тяжкие земли.

В целебных травах
и в потравах,
Себя ничуть не разменяв,
Иду меж правых и неправых,
По-стариковски семеня.

* * *

Грязь опустевшего перрона.
Хранит молчание вокзал.
Упала с лысины корона,
Когда окуроч подбирал.

В душе свербит и непогодит:
Я снова вышел в никуда.
Жизнь по другим путям проходит, –
Стучат на стыках поезда.

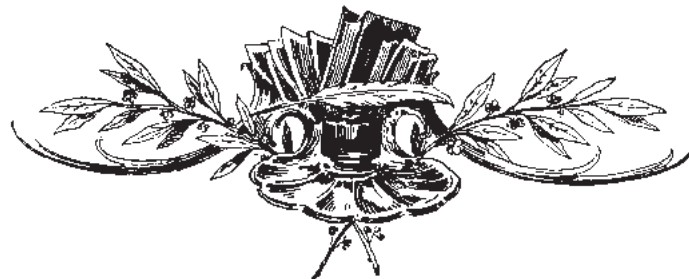
Покуда виляешь хвостом,
К высокому слогу глухая,
Душа наготове всегда
Чужие творенья охаять,
Вершить приговор без суда.

Обилье присвоенных мнений!
Уста не смыкает печать!
Несётся поток осуждений,
Где лучше всего помолчать.

Но творчества миг оживает
Поющим дроздом поутру,
А тварь безымянная лаёт,
Мешая пройти по двору.

Тебе ли,
Полкан или Жучка,
Не знать,
что в итоге,
дружок,
За лай неоправданный –
взбучка,
За радостный лай –
пирожок?!

Пусть кто-то свихнётся над Кафкой,
Кудесит над белым листом,
А ты только знай себе гавкай,
Покуда виляешь хвостом.

Александр ШАРОНОВ

Сон

Всё я знаю, что будет со мною,
Хоть не видно под небом ни зги.
Как калика с пустою сумою,
Выхожу я на свет из пурги.
Стал я тих, как июньское поле.
А сегодня в красивейшем сне
Дом, где держат красавиц по воле,
Монастырь охранять дали мне.
Целый день от ворот его крепких
Прогонял женихов наглых я.
Словно там, средь черничек заветных,
Затаилась невеста моя.
Для чего сон привиделся этот,
Я разгадку никак не найду.
И с тревогой печальной ответа
От небес, мной отвергнутых, жду.
«Здесь у врат твоё лобное место.
Здесь стоять тебе стражем весь век,
Потому что в пустыню невесту
Упустил ты, чудак-человек.
Упустил журавля и синицу.
Вот и стой со своею бедой...»
Ах, судьба моя, дева-черница,
Всё я знаю, что будет со мной.

Финно-Угрия

О, Финно-Угрия! Сто стран и сто имён:
Хунгария, Эстляндия, Суоми,
Мокшания, загадочное Коми
И Русь, где я «словеном» наречён...
Соцветье многоликое племён
От Балтии до берегов Аляски
Живёт в пространствах, где гуляют сказки,
Перемешав течение времён.
Не старятся от века к веку эсты.
В «Калевипоэг» веруя, живут.
Как ландыши, прекрасные невесты
У них судьбу из нитей солнца ткут.
Амброзию ковшами пьют хунгары,
С Яика перебравшись на Дунай.
Стоит в земле их благодатный май,
Они и седобрадые не стары.
Младенчают финны в «Калевале».
Всё Ильмаринен Сампо им куёт,
А Вяйнямейнен песни всё поёт,
Преобразуя мир к добру и славе.

И в Муроме, и в Мере, и в Мещёре –
Они суть с Эрзюю один язык –
Объяв тысячелетия, возник
Лик «Масторавы», древней Ине Моро.

Но глас её не слушает мордва.
Со злобою в меня швыряет камни.
В крови, с подтёками и синяками,
Висит моя над бездной голова.
О, жалкий в самоедстве, мой народ!
Ты в господине и в рабе ничтожен.
Твой меч того безжалостно сечёт,
В ком в честь твою Чам-Паса дар заложен.
О Финно-Угрия! Сто стран и сто имён.
Ты вечный Рим в век судный сокрушила
И на обломках канувших времён
Воздвигла новый мир мечом Аттила.
И мыслю я, твой образ созерцая:
«Когда же я в доспехи облачусь
И подниму с колен Эрзю и Русь,
На битву с рабством призывая?»

* * *

Я гири привяжу к ногам,
Чтоб не спешить, когда пойду
На смертный бой к своим врагам.
Пусть к ним тогда я подойду,
Когда прочь отведу беду –
К чужим «немецким» воротам.

Я в цепи ноги закую,
Чтобы и шага не ступить,
Когда придётся дочь свою
Из дома замуж проводить.
Пускай тогда их раскую,
Когда под горем устою.

Скажу я солнцу: «Не свети!»
Когда увижу: по стране
Чертополоху вновь цвести.
Когда, как было на войне,
Придется снова, видно, мне,
На горбе нищету нести.

Покину Русь я навсегда,
Когда увижу: на престол
Сел снова болдинский Балда.
Такой правитель – всем беда.
Верховной глупостью своей
Он всех погубит нас. Ей-ей!

Я Чёрту дам пинка, когда
Придёт известье из Москвы:
В Кремле отныне никогда
Не будет глупой головы.
Ни Горбачёв, ни Ельцин, ни...
Не станет омрачать нам дни.

Елена МОНАХОВА

Петербургские сонеты

Недоплетенный венок

*Памяти питерских экскурсоводов
Глеба Перепелкина и Ефима Куферштейна*

I

Безумной волей на снегах распят
Правителя полувселенной –
Авантюриста дланью дерзновенной
Он обратился в город Ленинград.

Какой размах гигантской амплитуды:
От аустерий, верфей, ассамблей –
До краснотранспарантных площадей!
Был продан он за кошёлёк Иуды.

Неистово воззрится на тебя
Его создатель ночью лунной,
Змею поправ копытами коня.

А за рекой, кепчонку теребя,
Ему ответит взглядом гунна
В жилетке медной император Октября.

II

В каналах он струится тёмно-пенных:
Наяды и тритоны в них скользят
И прицепиться плавником грозят
К крылу «комет» иль «метеоров» дерзновенных.

Вмиг пролетят над хладною Невой,
Меж островов мелькнут, свой бег замедлив
При виде моря. И в лучах последних
Сверкнёт Кронштадт соборною главой.

Здесь сам Нептун вздымался среди волн,
Когда река неслась на город воя,
И потрясал трезубцем у колонн

Ростральных, чтобы бедный чёлн
Евгения, борящийся с прибором,
Увидел стрел метатель – Аполлон.

III

Как говорил поэт строкой надменной,
Так и случилось: девственный простор
Лесов, болотцев, рощ, холмов, озёр
Вдруг стал меняться, в ритм попав Вселенной,

Что разлетается из одного ядра
Миллионы лет. Сравнение уместно
Затем, что слишком уж известно,
Что будет с нами и когда.

Пока же строй облупленных дворцов
Являет нам столетье на исходе,
Гудки автомобилей и неон

На вывесках, взметнувшихся мостов
Разъединение – при входе
Судов в Неву. А пешеходов ждёт уже Плутон.

V

Возник «из тьмы лесов, из топи блат»,
Но также – из пальбы военной,
Из дипломатии обменной,
В водичке чаши той, умылся где Пилат.

В нем узел всех противоречий –
Морской – затянут был Петром
Под наскоро раскинутым шатром,
Под треск костров, под говор всех наречий.

Из мглы болотных испарений,
Как призрак – грозный и немой –
Тогда соткался город мой:

Залог всемирных преступлений,
Приют бесплотных привидений,
Как Атлантида - над водой.

V

Приют он всех – от греков до чухонцев.
Здесь храмы их взошли на берегах,
Когда-то диких, где отшельничал монах
В своей пещере, спрятанной от солнца.

Лазурный минарет и шпиль граненый,
Крылатый Ангел, Крест и Будды колесо,
Златые купола – как брачное кольцо
Объемлют ныне край, когда-то упасённый

Золотое Слово-10

От взоров гордых европейцев, от сынов
Далекого Востока, от индейцев,
От каннибалов, мавров и шутов,

От фарисеев, колебателей основ
И от кровавого злодейства
Восьмого и девятого валов.

VI

Всех он душил в объятиях любви,
Как Дездемону – мавр несчастный,
Обманутый своей прекрасной,
С отравой ревности в крови.

Всем он шептал в ночи
Прозрачно-белой,
Редющей, какой-то онемелой,
Как датский принц Офелии: «Молчи!

Молчи! Я так тебя люблю,
Как сорок тысяч братьев
Любить тебя не смогут никогда!

Молчи! Я утомлю
Тебя в своих объятиях,
И след твой смоем тёмная вода ...»

VII

Всех стран бросали корабли
Канат и сердце у гранитных дёсен.
Пылали много зим и вёсен
Ростральных факелов огни.

Вперёд, к пределам европейским,
Их обтекая, мчалась река,
Струилась в ней поэзии строка,
Загадочным подобьем вод летейских.

На берегу сверкающий дворец
Царил над невскою волною.
И только давнею порою

Поэт, аристократ, купец -
Пока не пробил час пророка,
Могли укрыться в нём - до срока...

VIII

Свой якорь под его холодным солнцем
Прощаясь, поднимали моряки -
Плюмажи, треуголки, парики...
Венецианцам и веронцам –

Воспоминание «Италии златой».
В колоннах, арках, капителях

Акантовых оно являлось им, а также - в каруселях,
На маскарадах. Лестницей крутой

Вели на башни старые ступени.
Их было множество. В одной -
Не гас огонь полночную порою,

А в залах призрачные тени
Скользили по коврам у стен.
Верша с живущими обмен.

XI

Он – Ленинград? Он – Петербург? Он – Санкт?
Кто может задавать сакральные вопросы?
Пророки? Демоны? Иль Балтики матросы -
На площади его ворвавшийся десант?

В пределы царские, к чертогам и палатам,
Стремилась жадно. И какую плату –
Не ведали - отдать придется им
За это торжество. «Горим! Горим!» -

Пронесся крик над площадью Дворцовой,
Подобье крика жизни Новой,
Непостижимой в этот час.

Дом ледяной растоплен был – и нас
Накрыло с головой. Окончилось сказанье -
Как всякое кончается преданье.

XII, XIII, XIV

.....

XV

Безумной волей на снегах распят –
В каналах он струится тёмно-пенных.
Как говорил поэт строкой надменной -
Возник «из тьмы лесов, из топи блат».

Приют он всех – от греков до чухонцев:
Всех он душил в объятиях любви,
Всех стран бросали корабли
Свой якорь под его холодным солнцем.

За всё Господь ему воздаст:
Кровавой мантией и золотой затянет.
Он – Ленинград? Он – Петербург? Он – Санкт?

Сверкает, словно пламенный алмаз,
И Ангела крестом до облаков достанет –
Он – Петроград! Он – Петербург! Он – Санкт!

1993-1994, 2013.

Валентина СИБИРЯКОВА-ГОРАК

Поэтесса

Камин, огонь и стройный стан.
В уютном зале мало места
Играет сдержанно орган,
Стихи читает поэтесса.

Не молода, но, боже мой,
Что есть у времени святого?
Ах, хороша была собой
Она когда-то, право слово!

Да и теперь как лейтмотив
К тому, что было сокровенно –
Любви рыдающий мотив
Она выводит постепенно...

И звуки рвутся в облака,
И сердце бьётся в упоеньи,
И нота слишком высока,
Чтоб выдержать еще мгновенье!

И на дыхании одном
Зал аплодирует ей стоя!
И угасающим огнем
В камине плавится бывшее...

Ей дар такой от бога дан!
В уютном зале мало места.
Играет сдержанно орган,
Стихи читает поэтесса...

Начало

Он вошёл. И смычок – заиграл!
Из сердец вырывая признанья.
Мир – исчез, мир куда-то пропал,
Улетев в пустоту мирозданья.

Только руки, как птицы любви,
Обжигают и медленно губят.
Только губы к губам до крови –
Что-то в душах глубинное будят.

И не там, и ещё на краю,
Но уже никакого спасенья.
Как и тем, что в библейском раю,
За мгновенье до грехопадения.

А смычок всё звенит и звенит,
Звуки рвутся, любя и терзая.
Они знали, что «Он» не простит.
И, конечно, изгонит из рая!

Так и было: они брели
Неприкаянно, босо, по пыли.
В водах времени, как корабли,
Мимо них столетия плыли.

И в безмолвии стыла Земля,
И огнем небеса разверзались!
Но – любили! Хоть было нельзя.
И любовью одною спасались!!!

Музыкант смычок отложил.
И, вздохнув, тишина опала.
Она – плакала. Он – спешил.
Впрочем, это было – начало...

Усталый кораблик

Мой милый, давай горячее!
Люби меня, крепче люби!
А я своим сердцем согрею
Холодные ночи твои.

Ты – словно потерянный странник.
Я – берег лазурный, тот,
Куда твой усталый кораблик,
Сквозь бури и рифы, придет.

Ты ступишь на сушу героем!
На теплый песок упадёшь...
И, в столах безумных прибой,
Как в песнях сирен, пропадёшь.

Я буду любить тебя вечно,
Тобой буду жить одним!
Но ты же мой странник беспечный,
Ты – млечных путей пилигримм...

Кораблик твой, долго ли скоро,
Поднимет свои паруса,
И, слушая курс рулевого,
Легко уплывёт в небеса.

Я выйду на берег рано,
Туда, где стонал прибой.
Но – не найду океана...
Его ты забрал с собой.

Давай же! Ещё горячее!
Люби меня, ну же, люби!
Я пламенным сердцем согрею
Бессонные ночи твои!

Гатьяна ЦВЕТОВА

Знойным летом

Задумчивые тучки
В жару собрались в кучки,
Вели они заранее
Серьёзное собрание,
И долго шумно спорили,
Что не было в истории
У птиц сухое горлышко,
Чтоб травы выжгло солнышко,
Так сталкивались лбами,
Тяжёлыми боками,
Что молнии сверкали
И громы грохотали.

Дождинки говорили:
Ходили мы, ходили,
Потом мы побежали
И весело стучали
По лужам и по крышам
То громче, а то тише,
Когда остановились,
В ручьях мы пузырились,
И в них мы наигрались,
И в них мы наплясались,
Кружились и смеялись,
Пока все не расстались.

Не буди, соловей (романс)

Не буди, соловей, на заре,
И когда зною полдень не рад,
И в росистом когда серебре
Отражается алый закат.

О любви грустных песен не пой,
Вдруг поверю душою цветка,
Улетая в чужой край, с собой
Не возмёшь аромат лепестка.

Улетишь, позовут где в сады
Миллион дивных роз в глубь аллей,
Где нет зим, солнце где с высоты
Обнимают их сотней лучей.

Ты полюбишь и к нежной груди
Стан царицы с шипами прижмёшь...
Ты меня по ночам не буди,
Сладких грёз, соловей, не тревожь.

Мне нравится

Мне нравится осенняя печаль,
Она давно сродни моей печали,
И что приходит осень невзначай,
Когда её ещё совсем не ждали.

Мне нравится, она всегда права,
И у неё свои нехитрые забавы -
Произносить негромкие слова
Спокойно класть листву на воды, травы.

Мне нравится в туманные дожди
Искать следы её уединенья
И слушать, затихают как вдали
Её шаги, её сердцебиенье.

Пчёлка

Пускай песнь моя однотонна
И голос - не как соловья,
Но знаю, под небом бездонным
Залитая солнцем земля.

Пускай соловей розе томной
Ночами поёт о любви,
А я в этом мире огромном
Тружусь от зари до зари.

Мне каждый цветок как мадонна
И даже в одежде простой,
Раскроет он тайну бутона,
Напоит своей красотой.

Когда станут рощи безмолвны
И розу покинет певец,
Бочонок вам с мёдом напомнит
Цветов миллионы сердец.

Елена ДОКРОВСКАЯ

Александрю Пушкину

(с любовью...)

Струись высокою строкою,
Мой стих!

Притих бравурный слог..
Увы!

Былые сны, былые дни...
Лови!

Дыханье утреннего света...
Раздета,

Ещё божественно раздета
Моя таинственная Детта,
И среди радужного света
Сверкает солнечно сень дня,
Одна... она одна, моя Одетта...
Молва встревоженного Света
Уже бранит, бранит меня...

Ах, пусть! Пусть я - повеса,
Но волею фортуны и Зевеса
Я вознесён под облака,
Струи любовь, моя строка!

Колыбельная

Ты посыпь, белый снег...
Засыпай и баюкай
Моё горе мыканое,
Мои слёзы плаканные,

Ты, раскатистый гром,
Затворяй ворота,
На порог не пускай
Люта ворога;

Ой, ты, мать-еси,
Метель белая,
Ой, ты вишню посыпь
Скороспелую,
Чтобы спал-отдыхал мой
Маленький,
Огради от напастей и бед
Цветик аленький!

* * *

Ни шелеста, ни трепета,
Ни шороха гардин,
Один я среди шёпота,
Один я властелин,

Зимы шаги за ширмою
Моих прошедших лет:
Картина гладью вышита...
Гранитный парапет...

И ласковые полосы из ниток мулине
Мне грезятся под пологом ночным,
И пралине я пробую на набережной
С тобою в том кафе,

Где нити разноцветные
Рефлексом кисти Ге
Крестом ложатся вышитым
В моё «Распятие».

* * *

Раскинулись поля родимой стороны,
Колышет ветер травы на просторе,
Хлеба встают упруги и сильны,
И нет конца российскому раздолью!

Богатства рек, озёр не сосчитать,
Леса убранством благородны,
И русской женщины особенная стать
Проникнута сказанием народным.

О, русский край! Родимая земля!
Полей необозримые просторы!
Храню я в сердце, грусти не тая,
Моей страны волшебные узоры.

Хрустальный месяц зимнею порой
Звенит, что колокол – лишь тронь рукою...
И русской песни жалобный настрой
Я узнавал вдали, за Волгою рекою.

* * *

Восторженной слезой
Пролился дождь на садик мой,
Я очарована и в танце закружила...
Но перепуганная нерва дрожь
Движение осколком раздробила...

О, дождь в саду! Где трели соловья
Мне слух ласкали и дерзнули
Войти в меня симфонией любви,
Всю плоть мою и жизнь перевернули!

О, дождь в саду! Предтеча грозной бури!
Ликуй, пляши, крути, закручивай
Хрустальны струи!
Они - восторг моей души!

И дождь в саду забарабанил по аллеям,
И не щадил меня и танец мой,
И только нежная, дрожащая лилея
Мне укоризненно качала головой...

* * *

Ласкай меня, моя отрада!
И белый локон подари
Искрящемуся солнцем взгляду
В мгновеньях утренней зари!

Ласкай меня, моя отрада!
День, быстротечный, ускользнёт,
И пением ночной цикады
Восторг любви на грудь падёт!

Ласкай меня, моя отрада!
Лилеей нежной обойми...
И чаровницею дриадой
В дыханье Эроса войди!

* * *

Никого не будет в доме...
Б. Пастернак

Свет небесный на иконе
Лёг лампадною свечой,
Никого не будет в доме,
Только сумерек ночной,

Никого не будет в доме,
Только девы лик один
Промелькнёт в сквозном проёме
Не задёрнутых гардин...

Строчек прошлого касаюсь,
Как багет былых картин,
В тишине молитвой каюсь,
Бог мне в слове - господин!

Галина ТЫЧИНА

Вечер

Затерялся вечер кроткий
В алых всполохах заката –
Словно несмышленный отрок,
Плачет средь дерев кудлатых.

Ночь лиловой пеленою,
Рощи наряжая в рясы,
Проплывает над землёю,
Ветром, чуть касаясь прясел.

В тишине ночует вечность.
Ворожит в потёмках лето.
Я спешу мечте навстречу,
Трепеща в полоске света.

* * *

Лиловый свет струится
 надо мною
и уплывает в глубь густых ветвей.
Соприкасаясь, взглядом со звездою,
тону в тиши
 оливковых аллей.

Нависших скал резные изваянья
стоят на страже вещей немоты.
Шлифованные зноем очертанья
похожи на виденья из мечты.

Не охватить ночную
 бренность мира,
живым шатром окутывает мгла.
Меж диких гор
 поёт мне песню лира
стихом любви и возгласом орла.

Испания

* * *

Мне в подол сыплет шалая осень
Многоцветье листвы золотой.
Блекнут ивы жемчужные косы
От холодных дождей под луной.

Отражается в сонных каналах
Сеть замшелых дубовых ветвей.
Грусть плывёт по воде запоздало
Белоснежной четой лебедей.

Засыпает багряной метелью
Сиротливый осинник сырой,
Средь извечной земной карусели
Замирая осенней порой.

* * *

Плывут туманы сизыми плащами,
Скрывая наготу пологих гор.
С высот заоблачных бегут ручьями
Потоки вод, впадая в глубь озёр.
Извилистой тропею, осторожно,
Боясь обвала грозного в пути,
Иду вперёд, и на душе тревожно –
В ущельях бродят духи во плоти.
Хранят пещеры вековые тайны,
На стенах руны магии полны,
И мудростью высокою, астральной
Века скрывают дальность старины.

Шар Монсеррат

Светлы вершины молчаливых гор,
Где эху тесно в глубине ущелий.
Над тишью монастырской слышу хор
Из детских голосов и птичьих трелей.

По выжженным ступеням поутру
Паломники идут, клонясь устало.
Далёк и труден путь к монастырю,
Приветствует заря их светом алым.

Достигнув цели, у священных врат
Стоят пред храмом, затаив дыханье,
Спешат коснуться шара Монсеррат*
И обрести спасенье от страданья.

Испания

* Образ Святой Девы Монсеррат

* * *

Время соткано из кружев
Суеты людских страстей,
Таёт радугой над лужей
И дурманами полей.
Я дорогой пилигрима
Без поклажи, налегке,
Вдаль спешу

неутомимо

С древним посохом в руке.
Мимо старых деревенок,
Прохожу,

грустя душой.

На задворках дремлет ельник
За ромашковой межой.
Оттого, что чаша неба
Под созвездием Креста
Мне являет вечный ребус
Мук
и радостей Христа.

* * *

Застыв перед рычащим водопадом,
Любуюсь первозданной красотой
Среди угрюмых чёрных скал плеяды,
Спадающей хрустальной волной.

Душой врываю в древние чертоги,
Где песню скальд слагал в долине снов,
В пути минувя скользкий склон отлогий
Под сенью волокнистых облаков.

Не замечаю, как приходит вечер.
Скатился день запутанным клубком.
В ладонях поднебесного Предтечи,
Тускнеет солнце тёплым медяком.

Лето

Млеет сень под пологом рассвета.
Ветви ивы плещутся в реке.
Дремлет утро на макушке лета
Блики солнца теплятся в руке.

Поднебесья вечные просторы
Увлекают в тающую даль.
Облака теснятся словно горы –
Покорить получится едва ль.

Вся в объятиях тиши бездонной,
Слышу крики диких лебедей.
Ветер кроткий с выси полусонной
Шепчет притчу о судьбе моей.

* * *

Сверкает бездна молнией в ночи,
Волшебной сказкой озаряя хаты.
Тягучий гром придиричиво ворчит,
Неся в пригоршне привкус сладкой мяты.

Сплошной стеною хлещет дождь косою,
Стуча по лапам изумрудных елей.
Средь отголосков флейты неземной,
Рождая нашей жизни тихий шелест.

Над головой затеплился рассвет
Зарёю новой освещая нивы.
Шагаю в вечность обветшалых лет,
Где томно дремлют над водою ивы.

12.08.12

* * *

Заря рассыпала монисто
И тонет в глубине морской,
И поцелуй её неистов
Сметает прочь ночной покой

Ртом иссушённым ловит брызги
Пляж на озябшем берегу,
Ты, как попутный ветер, близко,
Как моря непрерывный гул.

Не знаю день и час ухода
Из жизни брэнной непростой...
Мертво любое время года,
Когда в разлуке я с тобой.

Татьяна КРЫЖАНОВСКАЯ

Какой ты символ хочешь лицезреть?

Какой ты символ хочешь лицезреть?
Какой мотив тобою не изведан?
С какой мечтою хочешь умереть,
Когда рукой былым помашешь бедам?
О чём ещё ты мыслил до меня?
Вот белый лист. Не вернуть былое.
Люби до исступленья. До огня!!
Тогда и я любви своей не скрою.

Когда уже не в силах замолчать

Когда уже не в силах замолчать,
Иду к Тебе - наивная, простая.
И свет хочу нездешний созерцать,
Разящий символ Слова обретая.
Ищу духовных знаний и побед,
Величу хор небес многоголосный.
Любой порыв мой - навсегда воспет.
И льётся, льётся стих мой светоносный!

Где небо говорит, а где сама?

Где небо говорит, а где сама?
Поэзия, я верю - Ты от Бога.
Писать бы светлой истины тома
И относиться к сердцу очень строго!
Могу расставить правильно слова.
Могу рассыпать бисер между строчек.
От сей удачи - кругом голова.
И всё важнее смыслы многоточий...
Стихами можно с Богом говорить -
Мечтой симфоний метить прямо в сердце.
И чистый свет неведомый творить.
«Иди за Мной. Я приоткрою дверцу»...

Откройся мне, космическая даль

Откройся мне, космическая даль.
Прозревший духом тайны не сокроет.
О, как мила мне тихая печаль!
Как умиленно сердце нынче поет!
Какие трели льются из души -
Я шла к стихам не зря и не случайно.
И что ещё мне вечность предрешит,
В строке моей звуча необычайно?!

Одна любовь

Одна любовь - она поёт во мне.
Всеочищенье помыслов сердечных.
И где-то там, в далёкой стороне
Запел мой ангел истиной предвечной.
Изведать мир молитвою стиха.
Испить священной лиры обновленье.
Чтоб никогда уже не затихал
Мой голос верный в лёгкий час паренья.

Нет, не сулите мне земных надежд

Нет, не сулите мне земных надежд.
То упованье сердцем обедневших.
То упованье чёрствых и невежд,
Понять призыв целебный не сумевших.
Мне ж напророчьте для мечты приют,
Где всё земное сердцу незнакомо.
Где гимны неба ангелы поют,
Где мне легко, как будто бы я дома.

Как будто заново - к истоку...

Как будто заново - к истоку
Своим я сердцем припаду.
Внимая новому уроку,
К Тебе, Поэзия, иду.
Фальшивой ноты не приемлю.
Пусть голос чисто зазвучит!
Окутывая светом Землю,
К народу лира прокричит.
Стихи слагаю вдохновенно,
Перерождаясь каждый миг.
Поэзия, Твой звук нетленный
В меня мелодией проник.
Стихи рождаются умело.
И как пророчество в тиши:
«Непревзойдённо пой и смело,
Стих высекая из души!»

Хрустальная поэзия любви...

Хрустальная поэзия любви!..
Безропотная, чуткая, святая...
К немислимым высотам позови.
Мне мало тех, в которых обитаю.
Я так давно служу тебе душой,
Что голос твой - небесный и желанный -
Во мне живёт надеждою большой,
Перерождаясь в символ первозданный.
В предощущенье сладкозвучных грёз...
Они сулят мне упоенье словом -
Таким живым, пронзительным - до слёз,
Хранящим свет небесного покровя.

Я предчувствую лучшие дни

Я предчувствую лучшие дни,
Где любовь так близка к совершенству,
Где признанья молитвам сродни
И ничто не нарушит блаженства.
Ты мне будешь дороже стократ.
Многозначнее станут поэмы.
Я взрашу новых образов сад,
Где милей мне - твои хризантемы.
А потом - сотворение грёз,
На двоих разделённая вера.
И наивная радость - до слёз.
Новых чувств уже новая эра.

Мне так уютно здесь - в стране созвучий...

Мне так уютно здесь - в стране созвучий,
Где рифма к рифме льнёт, легко звеня!
И улетаёт в небо слог певучий,
Меня в лазурь волшебную маня.
И мне всегда стихи милее прозы.
Их просит сердце каждый божий день,
Спеша воспеть и нежность белой розы,
И василёк, и робкую сирень...
И гладь озёр, и дождик серебристый,
Закат багряный, всполохи зари...
Я слышу музы голос бархатистый:
«Не остывай. Ещё... Ещё твори».

Владимир ДАНИЛЕВСКИЙ

Виват, Россия!

Виват, Россия! Третий Рим!
К тебе, с весной, вернулся Крым!
Уплыв от наших берегов
По воле злой временщиков,
Но помнили его поля,
Что он – российская Земля!

Вернулся Севастополь вновь,
Как всенародная любовь,
Где южный Родины оплот
И славный Черноморский флот!
Который мы воссоздадим,
И никому не отдадим!

Сегодня, над Россией – Бог!
Вернулся сын на твой порог,
Он захирел, болел, грустил,
Пока у мачехи гостил...
Не пули, а народ решил
И Крым России возвратил.

Есть время - «камни собирать»
И Русский дом наш возрождать!
Гнать иноземное ворьё,
Ценить родное и своё!
Проснулся, наконец, «медведь»,
Что любо-дорого глядеть!

Пускай беснуются враги,
Что всюду русских сапоги.
Пора нам жить своим умом,
Ведь «дружба» Запада - фантом.
Пришли другие времена,
В России – крымская весна!
30.04.2014

Надежда

Мне уж многого не надо,
Не коплю на что-то зло,
Ты пришла, моя награда,
В дни, когда мне не везло...
Я такой же, как и прежде,
Пусть немного постарел,

Для тебя, моя Надежда,
Снова молод я и смел!
Среди праздников и буден,
Буду лире я служить:
Значит, ты со мной пребудешь!
Значит, стоит дальше жить!

Предчувствие

Весны предвосхищение, подобное лучу,
Такое ощущение – возьму и полечу!
Любое напряжение мне снова по плечу
И этим настроением я сам себя лечу!
Всё предано забвению... Пою, а не шепчу!
Весны раскрепощению хвалу воздать хочу!

Проблемы перевода

Я сын твой, Украина! И воочью
Я родиную предков дорожу,
Святой моей, отца и деда вотчин,
Где детство золотое нахожу...

Ты вышла на опасную дорогу,
В тебе гуляют Запада ветра...
Как любовался Петербургом Гоголь,
Так я люблю прекрасный град Петра!

Я перенял извечные святыни,
Что, в предке, древней Сечи казаке,
Всегда я благодарен Украине,
Но думаю - на Русском Языке!

Здесь не дошли до полного маразма,
Чтоб расколоть славянство по оси,
Язык иной не запрещён указом,
Хотя нерусских много на Руси...

Тут памятники Гоголю, Шевченко,
Которых этот город уважал,
И никогда, как Юля Тимошенко,
Украину за язык не унижал...

Эпоха «самостийного» фашизма
Тебе дороже – губит молодёжь.
И на любой волне внутривасизма
Ты только к изоляции придёшь...

Я сын твой, Украина! Здесь, на Невском,
Мой предок Данилевский, на доске...
Как в град Петров, влюблён в тебя доныне,
Но думаю, - на Русском Языке.

«Голодомор»? Вопрос к «друзьям»-грузинам?
К их Сталину и Берии в Кремле?
С большевиков спросите Украины,
С предателей на собственной земле!

Не только Украина голодала -
Кубань, Поволжье, Северный Кавказ,
«Усатому» всё денег было мало:
Убив крестьян – создать рабочий класс...

Разбита Югославии община...
Зачем тебе прозападный союз?
Одумайся, Родная Украина!
Святыня наша – Киевская Русь!

Я сын твой, Украина! Среди прочих
Я вырос на Олешкинском песке...
Люблю твои Украинские ночи!
Но думаю - на Русском Языке.

Жизнь прекрасна!

Брату Саише

Ну что, мой друг! Куда теперь?
Жизнь – цепь находок и потерь...
Лови звезду, ты правды ждёшь?
Она украшенная ложь!

Лети вперёд, не дрейфь, держись!
Большая панорама жизнь!
И, словно женщина, она
Любой каприз создать вольна...

Открой глаза, любовь идёт!
Короткий утренний восход...
Туши – печаль! А сам – гори!
Удача, вот она – бери!

Пусть будет песня и вино!
Они, в забывчивость - окно.
Взгляни на звёзды, ты – пигмей...
И об ушедшем – не жалеи!

Любой из нас комедиант,
Бродяги – истинный талант!

Не всяк из сердца рвёт цветы
И разорвёт цепь суеты.

Серьёзным будь! О, дайте срок!
Серьёзней всех вас... мотылёк.
Лишь тот не может постареть –
Кто не спешит – иметь!

А если и замкнётся круг,
Земля – итог всех бед, мой друг!
И мой, простой могильный холм,
Пусть служит пьянице столом!

Судьба другим откроет дверь:
Жизнь – цепь находок и потерь,...
А потому вперёд стремись,
Пока ты есть – прекрасна жизнь!

Посвящение Омару Хайяму

От рожденья хожу, размышляя о сущем,
Что от мира я жду, наши годы несущем?
Стёрт с земли Вавилон и висячие кущи,
Станем пылью времён мы с тобою в грядущем...

Лишь стыдливо мелькнёт за окно лунный лик,
За бумагой с пером верный твой ученик.
Что всегда и упрямо, чтит Омара Хайяма!
Что вино и любовь отвергать не привык!

Поражаюсь я связи ушедших веков!
То таланту, то грязи житейских основ...
Надо быть мудрецом, чтоб аукнулось в вечность,
Что Учитель, ища человечность, - отмел!

Над страной моей, зазвенел благовест!
Но увозят на Запад российских невест...
Умирают солдаты на войнах проклятых!
Где скрестили мечи, полумесяц и крест...

О, Омар! Наконец, пробудись и скажи:
«Бар» ли «Бир» мы в конец, тут устали – от лжи!
«Никогда зла не хочет народу – народ,
Он всегда лишь заложник - на драке господ»...

Ты Востока Звезда, что глядела в зенит!
Чем владел ты всегда? Только лаской ланит,
Вскрыл в Науке окно, пил с друзьями вино...
Но остался навек как поэт – знаменит!

Мы попали во власть от коричневых банд,
Отделился от нас Голубой Самарканд.
Как и ты, повидал я его минареты,
И поэту и зодчему важен – талант!

Пусть меж нами лежат, как пески, много лет,
Пусть иначе я нынче обут и одет.
Всё равно лишь поэт в этом мире подлунном,
Воспарит над Землёю - на тысячу лет!

Такое настроение

Давно я знаю наперёд,
Что будет – без гадания,
Мне скука открывает рот -
Известно всё заранее.

Я рифмой душу облеγχу,
Восстановлю терпение,
Куда хочу – туда лечу -
Такое настроение!

Я не устал, лишь похудел,
Поняв, как в озарении,
Что в клетке колесо вертел -
Такое настроение!

Судьбой влекомый лишь несусь,
Последним мановением,
И не боюсь, что разобьюсь -
Такое настроение!

Со мной враги мои, друзья!
О, есть ли ты везенье?
А если нет? Пропаций я!
Такое настроение!

Сегодня я тобой лечусь,
Целую в испугении,
И потерять тебя боюсь -
Такое настроение!

Заголубеют лишь глаза
От нежности мгновения,
Себе я правды не сказал -
Такое настроение!

Я поднимаю свой бокал
За листья, за осенние,

Чтоб бес сомнения отстал
И это настроение!

Везение

*Отчиму моему Шейману И.В.
и Басс Ф.А., любимой тётке*

Еврейской речи говорок картавый,
Как посох мне! Надежда на успех!
Полны библейской мудрости и правды
Её самоирония и смех...

Я видел близких изнутри породу,
Но не всегда её я принимал,
И сыном став Еврейского народа,
Украинских корней не забывал...

Мне отчим заменил отца родного,
Пример он мне – мужик и фронтовик,
Дарил мне доброту и правды слово,
Я был ростком, что к дереву приник...

Как мать была со мною Тётя Фаня,
По жизни двадцать лет со мною шла.
За что меня любила? Это – тайна!
Но правды мне учителем была...

Они ушли... оставшись вечно правы
Во мне живёт заботы их тепло,
Еврейской речи говорок картавый,
Напоминает, как мне повезло!

Mr. «Никто»

Никто не придет и не сядет,
Как в детстве, к постели.
Прошел хоровод у деревьев,
Листы облетели...

И так одиноко под сладкую
Песнь доброхотов!
Захлопнув ворота,
Повеситься тихо охота...

Чернильная мгла, тишина,
Без конца и без края,
Марина Цветаева,
Как я тебя понимаю!

Сбегу от себя по знакомым
Давно перелескам,
Забыть о святом,
Что разрушилось тихо, без треска...

Ненужные будни, сиротства
Холодные ночи,
Пугают подспудно,
И скорую гибель пророчат...

Никто не придет
И не сядет, как в детстве, к постели.
Пришел мой черед...
Соловьи не летают
В метели!

Господин Случай

(военная быль)

Моей маме ко дню Победы

В мамином животике ехал я... в Германию,
(Гнали на работу маму – в Фатерлянд)
Заявив попутчицам, что больная вроде бы,
Тут же медкомиссию сделали маман.

Врач сказал: «Холера!»). Немцы испугались,
Пристрелить хотели, но гудел состав...
Так мы вместе с мамой в Польше оказались,
А потом вернулись в отчие места...

Где я народился, в той казачьей Сечи,
Немца в эту пору выгнали уже,
Очевидно, Богом я тогда отмечен,
И его я славлю в стиле Беранже:

«Добрый, милый Боже! Век тебе – спасибо!
За твою защиту, что оставил – жить!
Ты моя Надежда! Свет мой и Мессия!
Научил строкою целый мир любить!

Множество лишений претерпел я с Детства,
Да и Юность как-то сладкой не была...
Но никто не занял в сердце твоё место,
И в безверье Вера вечно в Храм звала...

Набожным я не был и грешил порою,
Но, душевный стержень ты мне сохранил...
Черви раскаяний грызли за святое,
Приходил к тебе я набираться сил!

Извини, коль видишь в творчестве помарку,
Все не без ошибок, оступаясь шли,
Дай за жизнь любимых подниму я чарку!
И за твой подарок – видеть лик Земли!

Позади метанья, страсти и скитанья...
Мне ли об ушедшем горе горевать?
Слог – моё призванье! Выстроены зданья!
Внук их – лицезреет, что ещё желать?

Солнце ясно светит всем на белом свете!
И мудра Природа! И цветут сады...
Я желаю Счастья вслед идущим детям!
Сини – небосводу! Жизни – без Беды!

Мнимая свобода

Одари меня любовью,
Раздели мои невзгоды,
И, присев у изголовья,
Вспомни прожитые годы.
Нежность мягкою волною.
Успокоит все напасти,
И накроет нас с тобою,
Разгораясь, пламя страсти!
Ты всё ближе мне и ближе,
Вся до клеточки – родная!
Мчит октябрь лисою рыжей,
Нашу радость охраняя...
Рад я милому порогу
За удел, что мне достался!
Бег за мнимую свободой
Навсегда – не состоялся!

Пока я – с тобой!

Когда уснёшь, любимая,
Под клики воробьиные,
Мне чувство неделимое
И нежность полнят взгляд!

Нет, эти строчки, милая,
Не песня лебединая!
Люблю с такой же силою,
Как много лет назад!

Ты – маленькая женщина,
Навечно мной отмечена
Не сватана, не венчана,
Я суд и рыцарь твой!

Накручено, наворачено,
В характерах наперчено...
До станции «конечная»
Поедем мы с тобой!

Растут большие бублики,
Но не хватает рубликов
На золотые тувельки,
Примерим их во сне!

За то, что за витринами,
Сокрыто магазинами,
На рынках, с их грузинами,
Прости, родная, мне!

Прескверно одиночество!
Без имени и отчества,
Без силы и без творчества,
Останусь – всё сгубя!

Всё сладится и сможется!
Всё сбудется и сложится!
И на душу приложится,
Пока с тобою – я!

Крылья осени

Прохладен взмах осенних крыльев,
Но так остра в нас память лета,
Что слабы мы или всеильны,
Все днями прошлыми согреты...

Порою, призрачно светлело,
Но всюду осени приметы
И вод пространство потемнело,
Неся листвы цветной монету...

Листики осенних информаций,
Летят с дерев, верша круженье,
Как миллионы ассигнаций,
Недавно бывших в обращеньи.

Бал продолжается! И время,
Перетекает, в бабье лето,
И поле важно отдыхает,
Его дарами все согреты...

А на душе поют свирели!
Уходит Осень, как эпоха,
За лето, все мы, постарели,
За то всё честно, без подвоха!

На круги своя

Осипу Мандельштаму

Даже имя изменил!
(Не звучать подобно горцу.)
Как он город наш любил
И, как он, держался гордо!

Жив поэзией своей,
У вождей ты был в «фаворе»,
Зря ты видел в них людей,
Волк не может выжить в своре...

Возвратившись в Город Слёз,
Многих не застал знакомых,
На гамлетовский вопрос
Отвечали им... на зонах!

В свой железный, страшный век,
Поднимался в рост смертельный,
Ты Пророк и Человек,
Смелый и первостатейный.

С узнаваемым лицом
Смело плюнул в Кремль с размаха,
Уничтоженный «отцом»,
Подлецом, с лицом маньяка.

Мне чеканный профиль твой
Словно римская монета,
Осип! Я горжусь тобой!
Как и званием Поэта!

Ты нам нужен и сейчас,
Когда предана Отчизна,
Зазвучал твой гордый глас
На «осколках коммунизма».

Нас в «маруськах» не везут,
К нам другое применяют.
Деньги западных Иуд
Изнутри нас растлевают.

Неизвестно, где ты пал,
Неоплакан и без тризны,
Лирик нежный, что мечтал
О совсем другой Отчизне.

Власть, надув в который раз
Всех, за звонкую монету,
Так же Кремль «не слышит нас»
И «страны под нами» - нету!

Валентин ХРЯЩЁВ

Найди мой труп и опознай

На правой ключице – следы ремня
От сумки через плечо.
Сзади на черепе шрам у меня.
И шрам на ноге ещё.
Детство оставило эти следы,
Армия – сломанный нос.
Нету зубов своих впереди –
Это за лишний вопрос.
Зубы вставные подкачка тебе:
Труп из какой страны? –
Делит землю мою хребет,
Как сербов, на две стороны.
Если остались у трупа глаза,
В них не узришь ты боль, –
Только бездонная бирюза
Да зряшная к людям любовь.
А раз опознал – не нужно имён.
Закопай в чернозёме полян.
И крестик воткни, чтоб фанерка на нём:
«Ты помер за землю славян!»

Поиск личного обращения на новом витке бытия

Похерено слово «товарищ».
Тюрьмою разит – «гражданин».
В итоге словесных ристалищ
Опять в языке – «господин».
И, вскоре, «сумняся ничтоже»,
«Сиятельство» или «вашбродь»
Залебезим мы, – и что же? –
Нас розгами станут пороть.

* * *

В Рио-де-Жанейро
Дорожают цены:
Правят офицеры,
Давят инженеров.

Сколько белоштаннх!
Где же, боже, Бендер?
Он сдаёт в аренду
Пьяные стаканы.

Это тоже бизнес,
И не слишком бедный,
И, вдобавок, Бендер
Не рискует жизнью.

Очень мне приятно –
Есть «Рога – копыта»!
И цветут капита-
Лизма злые пятна.

* * *

На пределе дня и ночи
Дождь сшивал июнь с июлем,
И дождю работа эта
Нравилась вполне.

Нитка дождика короче,
Узелок уже наслонен,
Но, как ловко сшито лето,
Видно лишь луне.

* * *

Мутнѳ валѳ
На море Чѳрном,
Ещѳ теплѳ,
Но обречѳнны
На забывание
И холод серѳй
На вѳтры дальние
И дух консервнѳй.
Пейзаж линяет.
На пляже пусто.
Пейзаж воняет
Морской капустой.
Курортнѳй катер
Отчалил в Сочи,
И рупор – кратер
Во-всю грохочет.
А возле,
в луже,
От ветра синей,
Цветѳт медуза
Пятном бензина.

Владимир ВУМЕКИЙ

Невский всадник

От ладожских бурунных вод
До Балтии туманных скал
Река просторная течёт,
Волна качает облака...

С волной – дорога-бирюза,
И люди льнули к берегам,
Наверно, реку ту прозвал
Невою – невод рыбака...

Привык народ к реке-Неве,
Деревни строил, торговал,
Да швед-король клонил к войне...
Эх, знал бы, с кем он воевал!..

Из той поры вернулся миф
Победной Северной войны:

«...Где финский близится залив,
Вдруг всадник над скалою взмыл!
На шкуре зверя, без седла,
Коня он вздыбил над Невой, –
Из бездны, из волны скала
И всадник власти роковой!
Недвижен, но вперёд и ввысь
И взлёт коня, и мудрый взор!
Казалось, наполнял он жизнь
Великой целью, – весь простор
Десницей царственно объяв,
Провидел здесь, на островах,
Мечты столицу, словно явь!
Вражду змеиную и страх
Поправ копытами коня,
Расставил службу по местам
И покорил пространства вязь!
И вырос град, мечту храня,
Как будто всплыл – мечта сама...
Нева ли внове родилась,
Иль город родила Нева...»

...Сей миф не числит деревень,
Что «смыл» строительный прожект,

Что многим стало умереть
На стройке трудных первых лет.

Харчи, болотный грунт и сырь
Ругал и клял работный люд,
Но всюду всадник-поводырь,
Чья страсть, чей Дух вперёд зовут!..

Не каждый город – властелин
Судеб и грёз, творцов, царей,
А невский град предвосхитил
И всадника красой своей!

...Полна величия река...
Брега украсили гранит...
Мосты разводят облака...
Но Верховой коня стремит!..

Дворцовая площадь

Дворцовой площади уют,
Дворцов доверчивые тайны,
Иду я к вам и в дни печальны,
Века мне ваши свет несут...

Размах, гармония, мечта –
В контексте северной природы, –
Явленный ангел, дивом гордый,
Хвалы победам источал...

Дворцы историю хранят
Указов царских и парадов,
Боль большевистских маскарадов
И скорбь по жертвам Января...

А в светлый первый майский день
Теперь свободный праздник мира,
Классическая блещет лира,
И митинг – древний лицедей –

В музей унёс переворот!..
Исход Времён – в душе народа!
О Русь, спасает ли свобода?..
Мечту о счастье зрит народ...

Ленинград

Не ложь иллюзий помним, Ленинград,
Но подвиг твой, победу над фашизмом!
Свет славы ленинградцев навсегда
В нас воссиял! – дал нам «Дорогу Жизни»!

...Всё ж псевдонимы чужды городам,
Рождение – судьба их и порука,
И потому уходит Ленинград,
Что защитил устои Петербурга!

Но в День Победы перезвон наград
Под небом ленинградским – пульс парада!
Особый дар творил в нас Ленинград!
Блокады дни – мощь духа Ленинграда!..

* * *

Памяти А. Д. Сахарова

Ещё не время праздновать мечты,
Не прижились ещё цветы в страницах,
И странница-погода суеты
Не шлёт иной на влюбчивые лица,
А крыши, словно вмёрзшие холсты,
Коробятся, и сон из труб струится.

Лишь там, вдали, когда светлеет новь,
Заметно птиц отрадное движенье,
Всё ж солнце медленно, не ускоряет кровь
Поток воды – в волне преображенья
Ещё не время говорить любовь,
Но жжёт минута головокруженья...

* * *

А хвойный лес умеет зелень
Хранить, как песню о весне...
Ковер из трав, в лесу расстелен,
На беззащитность ропщет мне.

Волнует, манит шелест травный
Пред погребеньем снеговым,
Мотив навязчивый, неожиданный
В сравненье с небом голубым.

Я отвести глаза не смею,
Я в ноги осени смотрю,
Мне видится – они немеют,
Их силы гаснут на ветру...

* * *

Я вспоминаю вас всё реже,
Не обвиняя, не сердясь,
И образ ваш, по-детски нежный,
Теряет надо мною власть.

С годами, видно, изменяясь,
Надёжней в памяти храним
Те мелочи, что мы, влюбляясь,
Не замечаем иль браним.

И более умом, чем чувством,
Верней расчётом, не мечтой,
Мы жизнь, где буднично и пусто,
Сравним с несбывшейся судьбой.

Зачем же иногда в ушедшем
Ищу вас?.....
..... Чтобы воскресить
Тот безыскусный дар мой прежний
Так бессознательно любить!

* * *

Ты красива, умна и печальна.
Чем ещё жизнь способна воздать?
Разве, счастьем? Но в счастья – тайна,
Устремленье к нему – благодать.

Или властью? Соперничать станем –
Кто не вздрогнет пред взглядом твоим?!
Ты отсутствуешь, будучи с нами,
Отчего же твой взор так раним?

Может, втайне тебе захотелось
Злата блеск, шик-модерн? Ай, люли!
Улыбнулась, взглянула несмело
И ответила тихо: «Любви...»

**В Правление и в Ревизионную комиссию
Российского Межрегионального союза писателей**

**Копии: в журнал РМСП «Золотое Слово»,
в Российское Авторское Общество (РАО)**

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

О плагиате в произведениях Александра Темникова

Будучи литературным редактором нескольких книг члена РМСП, поэта Александра Темникова, я неоднократно указывал ему на фактический плагиат, слишком явную схожесть некоторых строк с известными классическими образцами. Однако автор упорно отвергал мои замечания.

В книге Александра Темникова «Жаркая вьюга мая» (СПб.: Лема, 2010) в качестве авторского эпиграфа к стиху «Родиться опоздал» читаем:

*«Я не участвовал в войне,
Но до сих пор она во мне».*

При подготовке к печати выше-названной книги я обратил внимание Александра Темникова, что эти строки являются очевидным плагиатом известного стихотворения Юрия Левитанского «Ну, что с того, что я там был?..», написанного в 1981 году:

*«Я не участвую в войне –
она участвует во мне».*

Не менее известна и песня Юрия Берковского, написанная на эти стихи, она неоднократно звучала в концертах, в том числе на радио и телевидении. Сомневаться в знакомстве Александра Темникова с поэзией Юрия Левитанского не приходится, в книге А. Темникова «Спешите медленнее жить» (СПб.: Арт-Экспресс, 2013) имеется стихотворение «Выбирает каждый для себя» с посвящением «По мотивам Ю. Левитанского», а одним из эпиграфов к книге А. Темникова «Снежное равенство»

(СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2007) служат слова Ю. Левитанского: «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...». Увы, Александр Петрович проигнорировал моё замечание и вновь прочитал стихотворение «Родиться опоздал» с указанным эпиграфом на заседании секции поэзии 22.10.2014, поэтому мне пришлось публично уличить А. Темникова в плагиате.

На том же заседании секции поэзии я констатировал, что заимствования в творчестве Александра Темникова наблюдаются не только в поэзии, но и в музыке. Например, мотив песни «Приглашение на танец» с одноимённого диска Александра Темникова повторяет мелодию вальса «Встреча школьных друзей» композитора Александра Морозова, а песня «Осенний вальс» – мелодически не что иное как «Журавли» Александра Вертинского.

Осенью 2014 года Александр Темников подарил мне свою книгу «Внезапные строки» (Минск: А.Н. Вараскин, 2014) и, словно бы извиняясь, сказал, что он меня «поставил в качестве редактора, но включил в сборник стихи, которых я ещё не видел». По существу, тем самым А. Темников подставил меня как профессионала, поскольку книга «Внезапные строки» содержит грубые языковые ошибки, но главное – в ней снова налицо плагиат – менее очевидный, как в стихотворении «Нестрогие

мысли» на с.29: «Дороги мне здешние дороги...», и уж совсем вопиющий – в стихотворении «Эпилог признания» на с.38:

*«Показались тебе все признанья мои
детским лепетом.*

*И без капли водицы во рту
я молчу и молчу».*

Трудно поверить, что приведённые выше строки сочинены А. Темниковым независимо от стихотворения, опубликованного тремя годами ранее в книге члена РМСП, поэта Татьяны Крыжановской «Ангелу неразгаданного счастья» (СПб.: Издательство Александра Сазанова, 2011, с.8):

*«Все признанья мои показались тебе
детским лепетом.*

*И теперь я не знаю,
не знаю, чего я хочу».*

Даже если предположить, что Александр Темников не читал книгу «Ангелу неразгаданного счастья» и не посещал аккаунт Ля Роуз (сетевой псевдоним Татьяны Крыжановской) на портале *stihi.ru*, где 28.12.2010 было опубликовано содержащее указанные строки стихотворение «Серпантинной грустью тревожное сердце окутано», то всё равно Александр Петрович не мог не слышать песню «Серпантинная грусть» (музыка В. Стратуцы, слова Т. Крыжановской) в исполнении Инны Алексеевой, поскольку он при-

существовал на выступлении Татьяны Крыжановской на секции поэзии РМСП 27.11.2013, где прозвучала эта песня – задолго до выхода из печати книги «Внезапные строки».

К сожалению, Александр Темников уже не сможет принести свои извинения за плагиат ушедшим в мир иной Юрию Левитанскому и Александру Вертинскому, отстаивание их нарушенных прав – прерогатива Российского Авторского Общества. Однако Александр Петрович вполне в состоянии извиниться перед ныне здравствующими авторами, поэтому прошу Правление и Ревизионную комиссию РМСП обязать Александра Темникова принести публичные извинения обманутым коллегам по писательскому цеху на секции поэзии РМСП и личные письменные извинения за плагиат члену РМСП, поэту Татьяне Крыжановской.

Дмитрий КИРШИН,

поэт, издатель, председатель
секции поэзии РМСП,
доктор философии в области
литературоведения,
профессор литературоведения,
член Союза писателей России

5 ноября 2014 года

ОТ БЕЛИБЕРДЫ К ПЛАГИАТУ, ОТ ПЛАГИАТА - К АБРАКАДАБРЕ

*Ах, какое блаженство – знать, что я совершенство!
Из песенки Мери Поппинс*

Честно говоря, я относился к герою своей статьи Александру Темникову совсем не плохо и старался всячески ему помочь и поощрить в прошлом деревенского паренька, да и на пенсию с достоинством отправить... Но, как говорится: можно паренька вывести из деревни, а вот деревню из него вывести невозможно. Рано или поздно она проявляется, а в данном случае начинает прогрессировать.

Рядом с моей статьёй в этом номере журнала помещено открытое письмо председателя секции поэзии РМСП Дмитрия Киршина, повествующее о постоянном плагиате Александра Темникова в своих произведениях, но об этом уже много сказано, и поэтому я постараюсь в другом ключе проанализировать творчество А. Темникова. Передо мной его новая книга «Внезапные строки», вышедшая в свет в г. Минске в 2014 году. Открываю первое стихотворение «Клубок мгновений» и читаю:

*Пряду я нить былых мгновений,
Наматываю на клубок,
Он – снежный ком седых волнений,
Не тающих за долгий срок...*

Нить прядут из чего-то и сматывают в клубок, а у нашего автора снежный ком, который он слепил из «седых волнений». Грел, грел этот ком, а он вот не тает «за долгий срок». Сколько надо выпить водки, обдолбиться или обколоться, чтобы написать такой бред?! Откуда тут часть снежной бабы и поседевшие от неизвестного горя волнения? Но читаем дальше.

*И тени двух переплетений
Давно исчезнувших живут*

*Среди разбуженных сомнений
И пепла от истлевших пут...*

Какие тени, от каких это двух переплетений, да ещё якобы давно исчезнувших живут? Чьи сомнения разбужены? Какой огонь превратил в пепел уже истлевшие пути, да и пути-то эти из чего? Кто кого запутал? А может быть, наш «поэт» сам запутался в абсолютно чуждом ему мире Её Величества Поэзии, который явно, резко выталкивает его наружу и подвергает автора всеобщему осмеянию.

Но:

*Освобождаюсь от мучений
Движеньем, сотканным из мук,
Дивлюсь я лёгкости мгновений,
Так неподъёмных одному...*

Хотелось спросить Вас, Александр Петрович: от каких это мучений Вы освобождаетесь? Что это за «движение, сотканное из мук»? Какими Вы любуетесь мгновениями, такими лёгкими, но которые и поднять-то один не можете? Сколько пальцев Вы обсосали своих, а может быть, и чужих, чтобы написать эту белибердень?

Насилую себя, но не могу не закончить разбор этого стихотворения, ибо автор сам призывает в своём предисловии «принимать или судить внезапные строки».

*В клубок сматую расстоянья
До дней, что сцеплены в кольцо
И жмёт оно, впиваясь гранью
Сильней, чем клещи кузнецов.*

*Рисую образ всех мгновений,
Мной припасённых тайно впрок
И исчезает тень сомнений,
Что нас дурачили хитро.*

Ни в какие «клубки» смотать эти непонятные расстояния невозможно. Полагаю, что ни один человек на свете не поймёт, что это за дни, сцепленные в кольцо, что это за одна единственная грань на этом кольце, на что она жмёт? Да и как-то клеши множества «кузнецов» с этой «гранью» не вяжутся напрочь. Но автор ещё и большой «художник». И он тайно припасённые впрок мгновения нам враз нарисует, чтобы исчезла какая-то одна тень множественных сомнений. Чтобы кого-нибудь, даже не автора, а нас, хитро дурачили. Но быстрее всего абсолютно в своих снежных клубках запутался сам автор и дурачит сам себя.

Вдумайтесь:

*О весне напишу – об апреле, о мае,
о марте.
Все вы рода мужского,
вместе назвались весной.
Над землёю летите по времени,
а не по карте,
Словно рыбы, вы мчитесь вдогонку
за хитрой блесной.*

Автор сам пишет о том, что месяцы рода мужского, но почему в последней строке они ассоциируются с рыбой, которые рода женского? Каким образом эти рыбы стали летучими? За какой такой «блесной» они летят? Кто её в небеса забросил?.. Можно комментировать дальше, а можно посоветовать нашему «поэту» к врачу соответствующего профиля. Ладно, подождём, читаем дальше. Не знаю, как читатель, а я прихожу в ужас:

*Март, устав от зимы,
как моряк от немислимой качки,
Выпивает снега,
прислонившись к апрелю плечом,
И зевнув широко,
как медведь после временной спячки,
Мужиком во хмелю
запоёт прилетевшим грачом.*

Господи! Читатели мои любимые, видели ли вы когда-нибудь грача, похожего на пьяного мужика? Совсем что-то плох наш герой. Понимает ли он вообще, что такое поэзия?..

Неужели за этот вот полупьяный бред малограмотного любителя почти каждый месяц награждают дипломами так называемых интернетных литературных конкурсов? Как может человек, не написавший самостоятельно ни одного стихотворения, вообще в этих конкурсах участвовать? Кто в жюри этих конкурсов – такие же литературные ничтожества? Поражаюсь:

*Зябнет солнце в голубой тиши,
Первой тучкой осени задето.*

Солнце от прикосновения тучки замёрзло? А «голубая тишь» - это что? В своём ли автор уме? Или:

*Хочу запомнить наперёд
И солнца луч, и голос фуги,
А перед тем, как час пройдёт,
Мгновенья выкрасть у разлуки...*

Кто б мне объяснил, как можно наперед что-либо запомнить? (Надо полагать, не увидев.) Почему только один луч хочет запомнить автор? И знает ли автор, что музыкальный термин фуга означает многоголосье? Чем можно объяснить желание автора украсть мгновения у разлуки, не понятно с кем, и в какой это «бьющий час»? Впрочем, отвратительный, необузданный, жалкий, худосочный набор пустых слов Александра Петровича – в каждом стихотворении. Он сам себя критикует:

*Да что мой стих – соперник прозе?!
Он недописанным поник.*

Да не поник Ваш стих, Александр Петрович, он просто он никогда и не возвышался. Всё, что Вы делаете, никогда не востребуется. Вы – литературный мытарь, приспособленец. Вам вообще не место

среди литераторов. Настанет день, и Вы ощутите справедливую ненависть к себе от пишущей братии. Вам бы спесь сбросить, перестать создавать у себя на родине, в деревне, свой персональный музей, а ходить бы учиться работать со словом на секции поэзии Российского Межрегионального союза писателей. Неужели Вам до сих пор не понять, что до Вас снизошли, приняв Вас в наш Союз? Что Вам оказали доверие и выдали этот аванс? А Вы оскорбили руководство Союза и занимаетесь развальной деятельностью. Стыдно за Вас. Перестаньте переоценивать свою значимость – её в современной литературе попросту не существует.

*Обрушить тишину стихом
Спешу, где только бродит леший,
Где птицы ближние тайком –
На ветках, ждут мои депеши...*

Вот-вот, туда Вам и дорога! К лешим, водяным, ведьмам и барабашкам. С ними Вы найдёте общий язык, и будете своими литпобрякушками пугать людей и «ближних птиц». А что есть ещё и дальние птицы? Да, Вы пишете «депешки», а я стихи, и мне Ваши абракадабры не понятны. Здесь Санкт-Петербург, Александр Петрович, и околотитературная фальшь не проходит:

*...Праздный я потомок сельский
Клад в поленницы слова...*

Да не класть надо слова в поленницы, класть надо в другом месте! А над словом работать надо. Стихи писать трудно... Больно. А Вы, Александр Петрович, дурака валяете.

*...Всё ж спасение – в работе,
В длинноножущих делах,
Одному – на огороде,
А другому – на словах.*

Оставляю эту околесицу без комментариев и считаю, что автору на огороде одному было бы лучше. В книге «Внезапные строки» автор в стихотворении «Воруем» говорит сам о себе:

Воруют строки из поэм!..

Или:

Воруют пепел из строки...

И подытоживает:

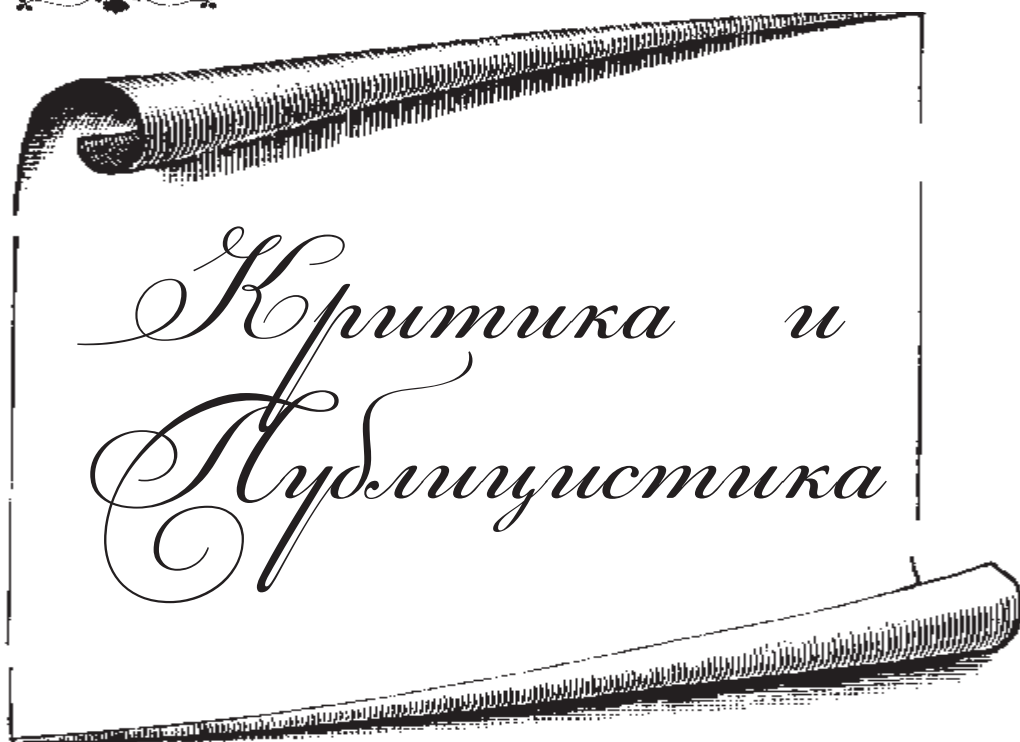
Погаснет воровская повесть...

Наш, как он себя называет, «много-разовый лауреат» международных поэтических конкурсов, а также именующий себя «эталонем секции поэзии Российского Межрегионального союза писателей», очень рвётся в организацию, руководимую богохульником и матерщинником Борисом Орловым, рождённым близ деревни Дураково. Именно в этой организации создаются все условия для пришлых деревенских графоманов. Там словно создан филиал для деревенских графоманов.

Продолжение следует.

***Доктор философии
в области литературоведения,
Профессор истории литературы,
Член Союза писателей России,
русский поэт***

Евгений РАЕВСКИЙ

Сергей ПСАРЕВ

Карельские встречи. Юшкозеро

Дорога зовет

Новый Ладожский вокзал в Питере чем-то неуловимо похож на огромный торгово-развлекательный центр из стекла и бетона. На широком темном табло двигаются светящиеся зеленые строчки сообщений о начале посадки и отправлении поездов. Хельсинки, Мурманск, Петрозаводск, Москва, Адлер...

Волны прибывающих пассажиров периодически захлестывают зал ожидания, превращаются в бурные потоки и ручейки на лентах эскалаторов. Вся эта потная и беспокойная масса с облегчением выплевывается ими на платформы к ожидающим поездам.

На южном направлении торопятся дородные мамы с юными красавицами дочерьми. Демонстрация дорожных нарядов из мини-платьев, полупрозрачность и нежный запах духов. Шорты, уютные толстовки, гетры и козырьки... Следом поспевают их папы, отягощенные грузом бесчисленных сумок и чемоданов на колесиках. На Север, в Карелию едет все больше молодых, спортивного сложения людей с различным туристическим снаряжением. Со стороны все это напоминает растревоженный лесной муравейник.

Прибыв на вокзал, я тоже немедленно заражаюсь общей предстартовой лихорадкой. Больше десяти лет никуда не выезжал из Питера и теперь волнение вызывает тихую внутреннюю дрожь. Мне сегодня с теми, кто едет за романтикой белых ночей, в Карелию. Увесистый рюкзак туриста с пристегнутой теплой спортивной курткой, этюдник с красками и тетрадки для записей. Что же еще нужно для счастья? Тогда вперед, за мечтой...

Объявляют посадку на мой поезд. С эскалатора на платформу. Серый стальной корпус вагона с красной символикой РЖД очень напоминает подводную лодку. Ныряю на свое место. Через полчаса поезд плавно двигается. За окном медленно проплывает пыльный городской ландшафт. Все это дышит зноем,

а раскаленный диск солнца, повисшего над горизонтом, кажется мне порождением дьявола.

Приходит команда задраить окна. Включаются кондиционеры и мы переходим на режим автономного плавания...

Ехать-то всего одну ночь. По давней привычке у меня все взято с собой: бутерброды, чай. За время армейской службы пришлось поколесить по своей стране. С тех пор любил путешествовать именно в поездах. Каждый раз это, как возвращение в молодость.

- Мне бы стакан зеленого чая без сахара. Только непременно, чтобы в подстаканнике, - спрашиваю я у проводницы. Она наша, местная, из Кингисеппа.

Проводница улыбается и наливает мне чай. Подстаканник самый настоящий, тяжелый с красивым рисунком. Для меня это своеобразный ритуал начала каждого путешествия...

За окном вагона быстро меняющийся вид. Ты словно листаешь книгу о большой стране. Наверное, со времени таких поездок глубже чувствую и люблю свою Родину. Совсем не ту, столичную Россию, что настойчиво кричит о себе с телевизионных экранов, а другую, скромную и незаметную, со щемящей патриархальной тишиной маленьких полустанков, с их старушками в платочках, предлагающих проезжающим цветы из палисадников, яблоки и дымящуюся вареную картошку. Все, чем по-прежнему остаемся богаты...

Загляни в их лица, в их глаза. Многое тогда прочитаешь и поймешь.

Дорога – это каждый раз новая встреча. Особое душевное расположение попутчиков и беседы за полночь. Можно самому рассказывать понравившемуся тебе человеку и услышать от него откровение, которого не сделают больше нигде. Это особый тип отношений людей, которые едва ли больше встретятся.

Каждый раз в такой беседе у меня происходит обретение новых и совершенно не книжных знаний о жизни и впечатлений. Кто знает, может быть это и есть самый короткий

путь к правде для пишущего человека?

С поездками было связано много лирического и памятного. Самое удивительное, что мне чаще запоминались не масштабные события, а казалось бы, незначительные бытовые мелочи.

Вспоминаю, что как-то приехал на Брянщину к Аннушке, очень близкому мне человеку. А она говорит виновато, что ей встретиться-приветить меня нечем. Три дня в поселке не было света, магазины не работали. В доме хлеба осталась всего половинка...

Помню, что рассмеялся тогда и достал из своей дорожной сумки свою половинку хлеба. Это все, что у меня было. Говорю: “Давай сложим их вместе – получится из них одно целое. Всего у нас будет вдоволь, если встретились две половинки”.

Действительно, нам тогда хватило. В первую очередь счастья и нашей молодости...

Теперь дорога идет рядом с Ладожским озером и мы скоро пересекаем границу Ленинградской области.

Сказочная страна. Начало

Добро пожаловать в сказочную страну Карелию: Лахденпохья, Сортавала... Карелию сразу чувствуешь по сокращению следов цивилизации и характеру редких построек. Финляндия здесь совсем рядом. Сейчас до границы с ней всего от 30 до 40 километров. В это время Мегафон в своем сообщении на мобильник уже радостно поздравляет меня с прибытием в Финляндию...

Поезд идет медленно, часто останавливается, словно отдыхает и переводит дух. По обеим сторонам железной дороги поднимается темный лес. Ночь в этих местах удивительно светлая. Редкие огни станционных фонарей льются жидким светом и кажутся мне какими-то инопланетными пришельцами в этих диких местах.

По полям за окнами стелется туман, его становится все больше. От этого кроны ближайших к колее деревьев выглядят серебряными. Во всем этом есть что-то необыкновенное, мистическое...

Озера и реки на пути следования бесконечны своим числом. Кажется, будто какой-то

мифический великан расплескал их щедрою рукой. Не донес, наверное, куда-то свою волицу. По пути следования все больше станций со словом “ярви”, озеро...

Этой ночью совсем нет темноты, но и света тоже нет. Он перешел в состояние какого-то особого внутреннего свечения. Светилось небо и вода. Как бы хотелось передать это красками у себя на холсте, картоне... Все остальное вокруг окончательно утрачивает обычный цвет и становится серым.

Даже сейчас заметно, что весна пришла сюда совсем недавно. Листва на деревьях еще совсем мелкая.

Поезд стоит на каком-то ночном полустанке. Сосед на верхней полке тяжело сопит и всхлипывает во сне. Пассажиры выходят из вагона, на их место приходят другие, устраиваются, шепотом рассказывают какие-то новости. Над проходом меж спальных мест свисают одеяла, чьи-то руки и ноги...

Вагон качнулся и поплыл дальше. Край неба за окном полыхает неугасимым пламенем, в вагоне все будто истончилось, выглядит бледным и нереальным. Постепенно светлеет.

Настойчиво постукивают колеса, в такт им подрагивает ложка в стакане. Монотонный ритм, в конце концов, окончательно укачивает меня. В это время первый луч солнца уже бежит по верхушкам мелькающих сосен. Вот он коснулся моего лица и замер, словно нежная женская ладонь. Я не вижу, а только чувствую его тепло...

Суоярви. Аккуратные домики старой финской постройки накрыты красной черепицей поросшей мхом. Вышедшие на платформу позевывающие сонные пассажиры греются на солнце. Стоит какая-то стеклянная утренняя тишина...

Поезд снова набирает скорость. За окном сопки поросшие лесом. Это Западно-Карельская возвышенность. Природа покориет меня окончательно. Огромные камни, покрытые цветным лишайником, карабкаются по лесным сопкам к самому небу. Они сменяются красноватыми топкими болотами. Неожиданно из непролазной чащи появляется лесное озеро с черной водой. Оно прячется между деревьев, словно стыдливая купальщица.

Солнце все выше. От этого березовая роща за окном, пронизанная его лучами выглядит светлой и прозрачной. Белые стволы поднимаются прямо из воды разлившегося водоема и от этого кажутся еще длиннее.

Ледозеро. Поезда через эту станцию проходят всего два раза за сутки, причем не каждый день. Дальше на дизеле к Юшкозеру. Он ходит по этому маршруту три раза в неделю. Теперь поезд медленно продирается через лесные дебри. Настоящая тайга. Деревья все ближе подступают к железнодорожному полотну и скоро их лохматые ветки начинают касаться окон вагона. Будто не пускают нас дальше. Это уже порядочная глушь.

Новое Юшкозеро - конечная, тупиковая станция. Запущенный вокзал, какие-то старинные полуразвалившиеся кирпичные постройки с заколоченными окнами. Когда-то эта станция использовалась для вывоза леса из Юшкозерского леспромхоза, потом для строительства Юшкозерской ГЭС. Теперь все это в далеком прошлом и будущего здесь нет никакого, часть путей разобрана за ненадобностью. Кому-то такой заканчивающийся маршрут покажется дорогой в никуда, другому - загадочным туристическим раем...

Здесь меня ждали. Дальше на машине по лесной грунтовой дороге. Асфальтированных дорог в этих местах нет совсем. Зато на нашем пути есть деревянный мост через реку Чирка-Кемь.

Вот и Юшкозеро, карельская деревня на берегу озера Jyskyjarvi - конечная цель моей поездки.

Дома у воды

Сегодня Интернет расширяет наши возможности. Вот и у меня так случилось. Приехал в деревню Юшкозеро впервые, а у меня здесь уже снято жилье и есть многочисленные друзья, которых я, по правде говоря, никогда еще не видел.

Моим жильем на две последующие недели оказался маленький домик на самом берегу озера. Его владелец Леонид Ватанен показал мне, как и чем здесь можно пользоваться, тепло желал творческих успехов и уехал. За все время моего пребывания я видел его потом

только два раза. Перед своим отъездом ключи оставил соседям.

Не успел я окончательно распаковать свои вещи и осмотреться, как в дверь уже постучали. Нужно отвыкнуть от привычных для городского жителя этажей, дверных домофонов и звонков.

В комнату заглянул бородатый мужчина невысокого роста на вид лет шестидесяти пяти. Назвать его стариком – язык не повернется. Он сильный и подвижный, сухого сложения. В узковатых светлых глазах светится ум и некоторое любопытство. Говорит быстро и много. Про таких сказывают: открыт людям.

Мы знакомимся. Это Михаил Кузьмич, мой сосед. Он приглашает меня к восьми вечера в свою баню. Она у него два раза в неделю и это, конечно, мне очень пригодится на время проживания в деревне.

Михаил Кузьмич русский, уроженец города Зырянска, что в Восточном Казахстане и исторически называется Рудным Алтаем. Сюда он перебрался еще по молодости, женился. Жена у него карелка, Антонина Дмитриева. В своей непростой жизни он освоил не одну профессию. Местный мастер на все руки. Его теперь так все и зовут здесь: “Миша - токарь” и “Борода” – рыбак”. Еще чаще просто, но уважительно – Кузьмич.

Теперь они с Антониной живут на два дома. Зимой в городе Солигорске, больше известном в мире своим объединением Белоруськалий. В деревне они - с весны до осени, пока кормит река и огород. Зимой в этих местах слишком тоскливо, совсем нечего делать.

После закрытия местного леспромхоза так живут многие. Кому повезло, нашли себе работу в Костомукше, на комбинате, сюда приезжают только на выходные. Остальные перебиваются случайными заработками и выживают, как могут. К осени здесь становится совсем безлюдно, как это случается в обычных дачных местах.

Хозяйство Кузьмича с Антониной находится совсем рядом. Это большой просторный дом с двумя выходами к реке и на огород, с баней, сараями и дровником.

Здесь все дома срублены на берегу, крыльцом к воде. Рядом мостки и вытащенные на

берег лодки. Настоящая Карельская Венеция, даже еще интереснее.

Получается, что Юшкозеро и впадающие в него реки Кемь и Чирка-Кемь превращаются в улицы с активным движением. По ним совершаются деловые поездки в другие населенные пункты, сельский магазин, в лес за ягодами и грибами. На лодках даже покойников везут на местное кладбище. Для этого продуман целый ритуал. По такому событию снаряжалось несколько лодок. На передней везли самого покойника и крест. На остальных ехали родные и близкие. Правда теперь у многих есть свои автомашины, и появилась возможность заказать обычные ритуальные услуги.

А еще река и озеро здесь кормят. С лодкой в этих местах умеют обращаться все мужчины и женщины, старые и малые. Ловить рыбу тоже с давних пор учат с малолетства. Мастерство плотников и столяров, умеющих “шить лодки”, ценится очень высоко и передается по наследству от отца к сыну, от мастера к ученику...

Вечером заглянул в баньку к Кузьмичу. Это рубленое, низкое помещение из темных бревен. Такие строения, как правило, лучше держат тепло и пар. В парилке деревянная полка, каменка, баки с холодной и горячей водой. В маленьком предбаннике узкое окошко. Озеро совсем рядом – можно для форса ополоснуться после пара и там. Вода в нем даже летом остается холодной. Процедура, кажется, немудреная, но хорошо разгоняет кровь. Она у человека без такого движения подобна стоячей воде, которая портится и плесневеет. Отсюда все болезни идут смолоду.

Приступаю. Баня у Кузьмича удивительно духовита. Пахнет распаренным деревом, вениками и еще чем-то очень приятным. Во всем этом кроется какая-то особая тайна бытия и человеческая мудрость. Выхожу из бани с неким чувством духовного и телесного очищения. Это, как после исповеди, когда получаешь очередное прощение за совершенные земные грехи. Глядя на волшебное озеро, мне теперь хочется перекрестить лоб и почитать встречающего тебя Кузьмича за своего Архангела.

Мы вместе идем в его просторный дом. Сегодня у них гости, родственники Антони-

ны. У самого Кузьмича уже слегка масляется глаза, он знакомит меня со всеми. Садимся за накрытый стол. В числе блюд непременно присутствует рыба. Готовить ее здесь умеют хорошо. Каждому рядом с тарелкой непременно кладут листочек бумаги для рыбьих костей.

Уже потом, именно у Кузьмича, мне довелось попробовать настоящей карельской ухи – kalagokka. Варят ее чаще из окуней, причем чешую при этом не снимают. От того уха – юшка, получается особенно наваристой и клейкой. Ее подают отдельно, в чашках к отварному картофелю. На общее блюдо выкладывают вареную рыбу и крепко присаливают. Чтобы лучше ловилась. Даже пословица есть такая: “Ei kaloi liemen jateta” – рыбу в ухе не оставляют.

К слову, у себя в Питере, я попробовал приготовить такую уху из магазинных окуней. Ничего подобного у меня и близко не получилось. Просто отварная рыба. Наверное, наша невская водица чем-то сильно уступает тамошней, юшкозерской...

Антонина присаживается вместе с нами за стол. Похоже, она и в молодости была не из последних, красивая. Только эта красота у Антонины скрыта для чужого глаза за печатью вечных забот. Непростая жизнь и пережитое горе часто оставляют на лицах свои следы. Губы у нее тонкого рисунка, сжаты в ниточку, а в серых глазах прячется настороженность и печаль.

Она неодобрительно смотрит на принесенную мной столичную выпивку, свою налитую рюмку лишь пригубит. В разговоре почти не участвует и скоро уходит.

Кузьмич рассказывает о своей жизни. Потом переключается на экологию. Этим местам сильно повредила массовая вырубка леса. Во многих местах и рубить уже нечего, земля зарастает молодым березняком. В лесопромышленности появилось много посредников с большими деньгами. Много скупается, перепродается, заработки падают. Леспромхозы становятся нерентабельными, закрываются и люди остаются без работы.

После ввода в эксплуатацию Кривопророжской и Юшкозерской ГЭС произошло нарушение водного баланса в водоемах. Пе-

риодический сброс воды подтапливает по берегам и губит лес. Часто случается, что вода, напротив, уходит, обнажая дно. Стоячая вода зацветает, внизу озеро обрастает травой. Отложенная во время нереста икра местами оказывается на отмелях, выклеивается чайками и воронами. Нарушился естественный ход рыбы, с Белого моря теперь не заходит сиг. Вообще, в последние годы рыбы вылавливается намного меньше.

Достается от Кузьмича и местному рыбнадзору. Не там и не так они борются за сохранение рыбного богатства страны. Много ли толку в том, чтобы отобрать у бедного рыбака пару сеток, лишить его этим последнего куска хлеба? Рыбу в огромных масштабах убивают окружающие промышленные предприятия, тот же Костомукшский ГОК – горнообогатительный комбинат. От Кузьмича я ухожу за полночь...

Поклонный Крест

Спать в эту ночь совсем не хотелось, и я направился на Церковный мыс. Он здесь совсем рядом, всего в нескольких десятках метров от дома Кузьмича. Когда-то на этом месте стояла деревянная церковь, потом она сгорела в 1918 году. Тогда еще и другие дома пострадали. Говорят, что это произошло из-за неосторожного обращения с огнем. К слову, тогда дьяконом в этой церкви служил дед Антонины - Порфирий Петрович. Об этом Кузьмич мне сам рассказывал.

Не так давно на этом месте поставлен большой Поклонный Крест. Хорошо вижу его темный силуэт на фоне ночного светящегося неба. Это позднее время суток ночью назвать трудно. Слишком светло вокруг.

Подхожу к Поклонному Кресту, осторожно прикасаюсь к нему. Рядом темнеет дерево. Внизу, по самому берегу, лежат огромные валуны, а из земли поднимаются окладные венцы старого сруба. Может быть это остатки сгоревшей церкви? Нет, скорее всего, здесь хозяйственные постройки леспромхоза. Место сгоревшей церкви тоже находится где-то рядом.

Неожиданно рядом появилась какая-то странная игривая кошка... Она каталась по

земле, а глаза ее сверкали зеленым огнем. Временами мне казалось, что у нее были крылья. Кошка подпрыгнула и легко расписала в кровь мою правую руку. Потом забралась на крест, принялась завывать и мяукать. Нашла место, где шабаш устраивать...

От всего этого мне сделалось как-то не по себе, и я повернул обратно домой. Странная кошка не отставала и бежала рядом.

- Брысь, пошла прочь от меня, ведьма, - не выдержал я.

Этот маленький и вредный зверек ничего не боялся. Кошка лишь отошла в сторону и затеяла охоту на пару уток, которые плавали у берега. Она тихонько прокралась к ним и легла в лодке, поджидая свою жертву. Дождаться окончания этой охоты я не стал и вернулся домой.

Не помню уже, сколько часов я тогда проспал. Пожалуй, не более четырех. Эта история на Церковном мысу не выходила из головы. Мысли всякие в голову лезли. Под утро мне приснился какой-то черный человек со свечой в руке. Вот он спустился в погреб и осветил себе под ноги на лестнице. Неожиданно свеча упала у него из рук и на земле появилась огненная речка. Она все больше и больше. Теперь везде полыхало пламя...

К полудню собрал этюдник с красками и опять направился на Церковный мыс. Захотелось нарисовать и сохранить память об этом месте. Не торопясь выбрал удачную позицию, ракурс и освещение. Теперь мне было все хорошо видно. Установил и закрепил этюдник. Жаль, что дул сильный ветер, но с этим еще можно справиться. Принялся рисовать...

Как-то все сразу пошло: поймал удачно общие контуры и цвет. Динамику удалось передать, ощущение ветра через изображенные рваные облака и качающиеся ветки березы...

Подошла ко мне какая-то маленькая старушка, посмотрела и сказала, что не нужно здесь рисовать, место это плохое. Я ее поблагодарил за добрый совет и продолжил свою работу. Рисовать можно любые места, а плохие в особенности. Иногда интересные вещи из этого получались. Старушка ничего больше не сказала, только глаза у нее насмешливо блеснули. Тут-то все и началось...

Сперва сильный порыв ветра дважды

опрокинул мне этюдник. Потом на мыс со стороны озера стала наступать вода, причем очень быстро. Похоже, на местной ГЭС опять произвели большой сброс воды, может быть случилось что-то другое. Я только успевал передвигать свой этюдник и скоро совсем потерял начатую композицию. Пришлось многое дописывать по памяти на сухом месте.

В довершении всего началась гроза, хлынул дождь. Казалось, что небо прохурилось прямо над моей головой. Следовало все быстро сворачивать и уходить. В последний момент умудрился пропороть резиновый сапог и ногу битым стеклом. Едва я дошел до порога дома, как над озером снова засияло солнце. Похоже, меня просто выгнали оттуда...

Сейчас этот этюд с Поклонным Крестом лежит у меня недописанным дома, в Питере. Своим видом он будит приятные воспоминания. В его незавершенности есть что-то неуловимо тонкое, как во всякой недосказанности. Правда, еще тогда, в Юшкозере, я не отступил от начатого плана и уже перед отъездом сделал на этом месте пару приличных черно-белых рисунков линером.

На земле и воде

Сегодня утром принялся писать маслом этюд прямо на веранде. Это соседский дом, старая потемневшая изба. Все ближние дома - такие же. По небу бродят свинцовые тучи. Какое-то пограничное состояние, временами проглядывает солнце и тогда на крышах домов вспыхивают солнечные блики.

Работать здесь удобно и можно не бояться неустойчивой карельской погоды. Есть надежная крыша над головой. Рядом на полу лежит старая хромя лайка по кличке Барон и лениво посматривает на мою работу одним глазом. Временами пес похлопывает ушами - его одолевает мошкара. Вытаскиваю баллончик с аэрозолем ОФФ и создаю над ним защитное облако. Барон благодарно постукивает хвостом. Написанная на грунтованном картоне работа нравится нам обоим.

Сегодня суббота и в деревню приехало много людей из Костомукши. Идет массовая посадка картошки. Для многих здесь это важнейшее мероприятие года. Как проведешь ве-

сеннюю и летнюю посадочную страду, так и будешь жить всю следующую зиму.

Прописываю на заднем плане черное картофельное поле, пару фигурок, работающих на нем. Добавляю для яркости красное пластмассовое ведро и желтые головки одуванчиков на переднем плане.

Со стороны озера из-за деревьев слышатся детские голоса. Кто-то невидимый боится трогать воду и намеревается искупаться...

- Не бойся, давай вместе прыгнем. Считай, Вовка!

- Баба сеяла горох и сказала деду: «Ох!»

Раздается плеск воды и истошный визг... Ближние дворы немедленно откликаются собачьим лаем.

В это время ко мне заглядывает Кузьмич. Он внимательно смотрит мои рисунки карандашом и этюды маслом. Попутно рассказывает, что эта соседская изба раньше была конторой лесосплава. Зимой рядом на лед озера садился самолет и тогда в этой конторе на него продавали билеты. К слову говоря, их там продавала его жена Антонина. Заметно, что все эти моменты их семейной истории, являются для него предметом гордости. Он и сам тогда работал в местном леспромхозе.

Договариваюсь с Кузьмичом по поводу лодки. Он подробно рассказывает мне возможный маршрут прохода на веслах и все соответствующие этому меры безопасности. Я в свою очередь вспоминаю, что по молодости легко ходил на веслах до середины Днепра, это куда "редкая птица долетает". Для меня все это выглядит простым.

Утром следующего дня мы встречаемся возле его дома на берегу реки Чирка-Кемь. Кузьмич с гордостью открывает свой дровник, заполненный до самого верха колотыми дровами. У него есть запас на три года вперед. Дрова он не покупает, дорого и не имеет смысла. Кузьмич вылавливает из воды лес - сухарник. Так называют мертвые высохшие деревья, падающие реку или озеро. Это следствие паводка, губительного для леса из-за систематического сброса воды каскадом ГЭС. Топор у Кузьмича усиленный, не совсем обычной формы. Оказывается, что это его финский вариант, по общим отзывам, очень надежный.

Вместе подкладываем под лодку короткие

бревна и быстро скатываем ее в воду. Сажусь на весла и начинаю грести. Через пять минут втягиваюсь, и лодка идет ровно. Ближе к озеру приходится грести сильнее, иначе лодку сносит вниз, в озеро. Дальше гребу против течения, но особого труда это уже не составляет.

С воды на деревню смотреть еще интереснее. Живописная цепочка домов среди берез и зарослей черемухи по обоим берегам реки Чирка-Кемь, спуски к воде, мостки, лодки в воде и на берегу. Ни одного одинакового дома, у каждого есть своя особая картинка и изюминка. Это тебе не городские современные застройки, убивающие человеческую индивидуальность своими стандартами...

Ажурные деревянные подвесные пешеходные мосты, соединяющие берега и деревню в единое целое – визитная карточка Юшкозера. Проходя под ними на лодке, испытываешь необычные ощущения. Качается мост, окружающая вода и твоя лодка...

Скоро деревня заканчивается и начинается лес. Местами деревья опасно нависают над водой. Березы и вовсе гнутся в совершенно фантастических изгибах и извивах.

Дальше река распадается на два рукава, и я ухожу влево, нахожу тихую заводь и ставлю лодку к берегу. Поднявшись наверх, оказываюсь в светлом, пронизанном солнцем березовом лесу. Ложусь на теплую землю раскинув руки и смотрю в высокое синее небо, где тают и растворяются, словно дым, белые облака. Надо мной качаются и скрипят стволы деревьев, шумит березовая листва. Мысли уносятся куда-то совсем далеко. Так я общаюсь с лесом, он отвечает мне, прибавляет мыслей и сил...

Снова на веслах и теперь, возвращаясь назад, я ухожу вправо, под автомобильный мост. По правому берегу открывается высокая, поросшая густым лесом сопка. Берег здесь неудобный, низкий и топкий. Все же выбираю удобное место у прибрежных камней. Рядом цветет багульник, а еще дальше круто вверх уходят склоны сопки. Вокруг частоколом стоят сосны, тянутся к солнцу своими рыжими стволами. Пробую подняться на вершину сопки. Ступенями из лишайника выглядывают огромные валуны. Идти непросто: на земле несколько слоев упавших сухих веток, часто

глубоко проваливаюсь. Каждый новый шаг дается с некоторым трудом. Вершина уже почти рядом, но из-за частого и высокого леса осмотреть окрестности так и не удастся.

Возвращаюсь обратно уже по течению реки. Это гораздо проще, нужно только следить, чтобы лодку не сносило к берегу. При подходе к озеру меня опять немного закрутило течением. Кузьмич в это время внимательно следит за моими действиями с берега. Он помогает причалить лодку, ставит мотор. Мы вместе делаем круг вдоль берега острова.

Начало новой прогулки показалось мне немного опасным: мотор на какое-то время заглох и пришлось опять сесть на весла. Нас стало сносить к опоре грузового моста. Кузьмич запустил его повторно довольно быстро, и остальная прогулка доставила нам немало удовольствия. Берега, покрытые густым лесным ковром, выглядели действительно очень красиво. В одном месте на мелководье увидели пару белых лебедей. Удивительные по своей грации и изяществу птицы. Кузьмич сразу же узнал их, еще вовремя полета.

За сорок минут мы успели посмотреть всю деревню, растянувшуюся вдоль берега. Кое-где среди сосен на другой стороне острова начали отстраивать зоны отдыха и комфортабельные коттеджи. Российский бизнес настойчиво добирался даже в эту глушь.

Люди и лодки

Не перестаю восхищаться местными карельскими лодками. Мне еще трудно оценить все их рабочие качества, но сами они выглядят стремительными и изящными. Словно создавали их по лекалам самой природы, глядя на линии плывущих лебедей. Ведь известно, что создания природы – самые совершенные. Рисовать их с натуры – истинное наслаждение. Созданную человеком из крепкой карельской сосны лодку можно поэтизировать, складывать о ней песни и легенды. Нос у нее поднят на четверть ее общей длины, что по местным условиям позволяет легче проходить подводные камни и пороги. Такая лодка и волоком далеко пойдет, если под нее положить катки из бревен.

В этих местах она должна быть надежной

и устойчивой, ходкой под веслами и с мотором. Лодка может брать груз, несколько человек и хорошо держит волну.

Когда-то в древние времена на похожих больших лодках сюда приплывали ватаги викингов, чтобы собирать дань с местных племен. Из Юшкозера на лодке по реке Кемь и сейчас можно попасть в Белое море, через реку Чирка-Кемь, что находится на юге, - в систему связанных озер и дальше в финское озеро Онтоярви, которое сообщается с Ботническим заливом Балтийского моря. С седого Волхова через Ладогу сюда приходили новгородские дружины. После падения Великого Новгорода их сменили отряды стрельцов московского государя. Потом пришли королевские солдаты соседней Швеции.

Если заглянуть в карту Северной Карелии времен военных походов 1570-1617 годов, то она вся испещрена их стрелками. Эти линии идут через Карелию к Белому морю и в Лапландию. На реках Кемь, Чирка-Кемь они закручиваются в густой жгут. Через Юшкозеро проходили многие военные походы с целью захватить и пограбить. В этих глухих лесах часто решались кровавые межгосударственные споры. В 1617 году по Столбовому договору граница между Россией и Швецией стала проходить вблизи от местных озер Куйто. На протяжении столетий здесь сталкивались интересы двух великих государств. После окончания войны 1808 - 1809 годов между русскими и шведами к России отошли значительные северные территории на правах Великого княжества Финляндского...

Заметив мой интерес, Кузьмич дает пояснения по терминологии и конструктивным особенностям карельской лодки. Матица, киль - "эма"; передняя кокора, форштевень - "ези-нокку"; задняя кокора, ахтерштевень - "перя-нокку"; набой, доска обшивы - "лауда" и другое.

- Пора тебя с моим сватом познакомить. Он по лодкам первый мастер будет, - говорит Кузьмич.

Свое слово Кузьмич всегда держит. Утром следующего дня он приходит не один, с ним еще кто-то, ранее мне не знакомый. Это оказался Тайто Тойвович Малинен, известный в деревне мастер-лодочник. Мы договариваем-

ся с ним встретиться через два дня.

Время рабочее у него строго расписано. Сразу заметно, что человек он занятой и попустому ни один день не тратит. Сегодня Тайто везет куда-то Кузьмича за 45 километров. На его лодке мотор будет посильнее, быстрее управятся. На выходные с детьми и внуками будут картошку сажать. В понедельник - самый раз...

Сразу присматриваюсь... По словам Кузьмича ему уже 78 лет. Лицо широкое, красноватое от ветра. Взгляд из-под густых бровей цепкий и внимательный. Подтянутая, крепкая фигура без лишнего веса. Нет и тени возрастной сутулости. Держится с достоинством.

Интерес к этой встрече изрядно подогрел Кузьмич. Он рассказал, что Тайто может за зиму и сейчас сделать восемь лодок. Как мастер он известен на всю Карелию и даже за ее пределами, в Финляндии. Оттуда к нему приезжали заказывать лодки. Один раз даже с аукциона в Финляндии ее продавали. Лодку он тогда сшил за четыре дня. По его словам, стартовая цена на аукционе поднималась десять раз. Мало того, финны его к себе звали. Обещали хорошую работу, деньги и жилье. Только отказался Тайто уезжать из Карелии, ему и здесь хорошо...

Время пролетело быстро. Успел посмотреть смолокурню у Владимира Стременовского, соседа, живущего рядом на берегу озера. Черный дым у картофельного поля поднимался уже в течение нескольких часов. По мягкому выговору во Владимире легко узнать уроженца южных районов или Украины.

Он охотно показывает мне весь нехитрый процесс. Двухсотлитровая металлическая бочка заполняется сосновыми полешками и долго греется на костре. Потом по горизонтальной с некоторым уклоном трубе из нижней части накалившейся бочки тонкой черной струйкой в ведро сбегает смола. Дым от смолокурни, что идет через ее трубу, тяжелый и едкий, а сама смола необычайно приятна по запаху. Весь этот процесс так и называют: гнать смолу. Свою лодку Владимир давно просмолил, теперь заготавливает смолу впрок...

В этих местах лодки принято смолить. Никакая масляная краска не защитит лодку от намокания. Мало того, что обшивка лодки все

равно намокнет, она под слоем краски еще быстрее гнить будет и скоро выйдет из строя. Со всем не то, что просмоленная насухую лодка. Она прослужит очень долго, если ее на зиму ставить под навес, а весной, перед спуском на воду, снова тщательно просмолить.

В Карелии еще и по-другому смолу заготавливают. Ее иногда называют зеленым золотом, а чаще - живицей. Это, когда на коре выступает сок сосны, смолы. Густая, желтая, пахучая и прозрачная, словно солнечные капли. Почему живица? Помажьте себе трещину на пальце – она и заживет быстро...

Для сбора сосновой смолы на стволе делают надрезы, похожие на рыбы хребты и подвешивают горшочки. Так ее добывают уже больше тысячи лет. Важно при этом не погубить само дерево...

Утром в понедельник мы направились в Тайто Малинену. Его дом стоит на другом берегу реки Чика-Кемь у самого моста. Как раз напротив дома самого Кузьмича. По дороге Кузьмич показывает мне свою плотницкую работу в деревне. Ее здесь оказывается немало...

Мы подходим к дому Тайто Малинена. Успеваю на ходу разглядеть двор, большой просторный дом, мастерскую и хозяйственные постройки. На высоком берегу реки стоит летняя кухня, даже скорее маленький чайный домик с видом на реку из большого окна. Возле мастерской стоит готовая, не просмоленная золотистая лодка под весло. У нее и нос, и корма острые. На этой лодке не будут ставить мотор – такой заказ у финнов.

Во всем этом большом хозяйстве чувствуется характер самого Тайто Малинена – большого труженика, его неторопливый и основательный уклад жизни, европейская аккуратность и достаток.

Садимся в лодку, Тайто Малинен запускает мотор и мы, оставляя широкий пенный след, уходим по реке в сторону озера. Поездка обещает быть долгой. По ее ходу он успевает что-то показывать, рассказывать о себе, своих родных и вообще, много интересного...

На мое желание написать о нем, Тайто Тайвович реагирует с некоторой неловкостью. Уже писали о нем, приезжали сюда из самой Москвы журналисты - Василий Голо-

ванов и Андрей Семашко. Теперь собираются еще и фильм снять о том, как он лодки делает. Слишком много внимания получается. Он же здесь не один мастер-лодочник. Вот если самый старый, то это уже точно...

Наш путь по озеру отмечен горами камней, сохранившихся еще со времен лесосплава. На нашем маршруте оказался остров Михаила или Микошуари. Называется он так, потому что на нем в далекие времена поселился предок Тайто по материнской линии – Михаил Тарасов. Откуда он пришел – сегодня никто не знает. Много сильных и рискованных людей сюда приходило, бежали с каторги и от ненавистной крепостной кабалы. В этих местах оставалась вольная жизнь. Здесь беглые русские люди нанимались в работники, сами заводили хозяйство. Для этого они строились, жгли и корчевали лес под посева. Беглых с этих мест, как правило, властям не выдавали. Напротив, с ними выстраивались тесные родственные связи. Так появились в деревне Юшкозеро исконно русские фамилии: Тарасовы, Никитины, Власовы...

Вспомнил Тайто и свою бабушку, Анастасию Алексеевну. По ее рассказам, она перед замужеством в 1892 году в числе многих других ходила на лодке паломничать на Соловки. Тайто и сейчас не представляет, как тогда можно было пройти на веслах больше 200 километров водного пути с семнадцатью порогами. По нынешним временам дело совсем невероятное, но слова об этом уже из песни не выкинешь...

В 1920 году монастырь закрыли и он потом надолго превратился в Соловецкий лагерь особого назначения, более известного в народе под названием «СЛОН»...

Совершались в те времена и другие дальние поездки. Рыбу часто везли отсюда на торговые ярмарки в соседнюю Финляндию. Обрато привозили шведскую сталь для инструмента. За продуктами отсюда ездили в Кемь. Там закупали возами муку и крупы. Своих продуктов до весны в деревне часто не хватало. Хозяйство свое имели многие. Держали лошадей, коров, овец. На освобожденных от леса участках сеяли рожь, ячмень.

Помнят здесь и русских лесопромышленников - архангельского купца Суркова. Он на-

нимал лесорубов в Юшкозеро. Из инструментов тогда - только топор и пила. Работа была тяжелой, но платили исправно.

Сведения о том, что в Петрограде произошла революция, сюда дошли не сразу. Отношение к ней у людей тоже случалось разное, многого еще не понимали. Бабушка его, Анастасия Алексеевна, вспоминала тогда, что в России выбрали нового царя, Ленина...

Отца своего Тайто знает только по рассказам, слишком рано его потерял. Тайво Малинен, отец его, был по национальности финном. Увлечен идеей построения социализма в Советской России, приехал сюда, женился. Так делали многие, даже из Америки, Германии сюда ехали. Отец работал в Калевальском районе главным ветеринарным врачом. Многие уважали его как человека и знающего специалиста. В 1938 году Тайво Малинена арестовали по 58-й статье за контрреволюционную пропаганду в пользу соседней Финляндии, обвинили в шпионаже и уже в мае расстреляли. Детство у Тайто после этого было трудным. Во время войны были эвакуированы, жили в Коми АССР, Архангельской области. Ему эти места запомнились большим количеством лагерей и заключенных. Работать в колхозе пришлось с 12-ти лет. Так, по его словам, приходилось делать многим его сверстникам. Потом, конечно, его отца реабилитировали. В 90-х годах уже самого Тайто признали пострадавшим от сталинских репрессий. Выдали ему удостоверение и назначили крохотную пенсию, которую больше не индексировали. Теперь на нее разве хлеба купить...

Тайто называет все это второй пощечиной себе, после обвинения отца в шпионаже. Не понять ему, за что было истреблено безвинно столько людей...

Готовя эту публикацию, еще раз перечитал документы, связанные с Соловецким лагерем особого назначения. После этого у меня в голову закралась крамольная мысль о том, что такая чрезмерная жестокость является частью все той же неиссякаемой жизненной силы народа. Веками он копил свою силу, чтобы выстоять, выжить. Если ее разбудить, но не направить на созидание, то люди просто начинают пожирать самих себя. Главное, чтобы разрешили убивать. Где истоки этой жестоко-

сти? Скорее всего - в Гражданской войне, где брат шел на брата, сын на отца. Вот там-то и перешли страшную черту, за которой уже все дозволено. После нее на землях Соловецкого монастыря сошлись две человеческие крайности: святость великая и потрясающая человеческое сознание жестокость...

В это время мы из Юшкозера входим в реку Кемь. Она здесь кажется шире и спокойнее Чирка-Кеми. По берегам стоит высокий строевой лес. На правом повороте реки наш первый порог. Вокруг подводных камней кружится белая пена. Лодку начинает бить мелкая дрожь. Тайто выглядит спокойным. Кажется, что эти места он может проходить даже с закрытыми глазами. На самом деле в таких проходах по рекам много тонкостей. Кроме знания меняющегося фарватера, обращают внимание на отсвет воды на перекате, рисунок поверхности, шум потока...

Проходим под автомобильным мостом в озеро Куроярви, дальше вдоль правого берега и снова выходим в реку. После короткого спокойного движения за правым поворотом начинается большой двухступенчатый порог. Шум падающей воды, ее стремительный, бешеный бег среди скал. В таких местах лодка в диком и необузданном потоке превращается в щепку. Мы уходим вправо и пристаем к берегу.

Тайто вспоминает, как в молодые годы ходил здесь через пороги. Нелегкая это была профессия и далеко не каждому доверяли провозить здесь грузы, почту, зарплату для лесорубов. О таких людях, знающих и умелых, молва в Карелии ходила очень далеко. Любое решение им приходилось принимать в считанные секунды, чувствовать своим телом каждое движение лодки. Не всем это по силам...

Тайто пришлось поработать на сплаве 33 года. Эта профессия требовала особой сноровки и ловкости. Когда в реку спускали тысячи кубов леса, вся она покрывалась плывущими бревнами. Так вот. Сплавщик должен уметь пробежать по этим плывущим бревнам на другой берег к залому, уметь на одном бревне речку переплыть. Были мастера, что и порог на бревне проходили. Все это не особое молодецкое ухарство, а лютая необходимость работы сплавщика.

- Пока сто раз не выкупаешься, сплавщиком не станешь, - смеется Тайто.

Об этом и сейчас вспоминают на местных праздниках, когда молодежь соревнуется в умении работать багром, держаться на плавающем бревне, вязать бревна и везти их к другому берегу.

Был Тайто бригадиром у сплавщиков, освоил работу судоводителя, моториста, шофера. Потом и плотником еще стал. Многому научился. Ушел на пенсию – стал строить лодки на заказ. По душе ему показалась вольная работа. Сколько он за это время лодок построил? Тайто и не считал их вовсе. Творения умелого мастера живут долго, иногда дольше его самого...

Тайто вспомнил, как недавно участвовал в регате деревянных судов на Онежском озере в Кижях. С ним в лодке был 70-летний финн. Взяли они тогда первое место в гребле. Есть еще силы с молодыми поспорить...

С интересом наблюдаю, как Тайто идет по лесной тропинке. Ход у него быстрый и легкий. По пути все успевает замечать, каждый след и сломанную ветку. Так обычно по лесу передвигается опытный охотник и мне за ним не угнаться, часто сбиваюсь на бег. Он останавливается и показывает мне обглоданные молодые побеги: здесь недавно проходил лось. Комары Тайто в тайге не одолевают, он их просто не замечает, а сами укусы не оставляют следов.

Незаметно разговор у нас переходит на экологию. Похоже, что эта тема многих волнует. Тайто говорит, что в здешних местах почему-то исчезли лягушки. Я замечаю, что на листьях берез в некоторых местах уже июне появился красноватый оттенок. Ответов себе мы не находим, но оба хорошо знаем, что в природе все взаимосвязано...

На следующий день удалось посетить мастерскую Тайто. С интересом рассматриваю многочисленные инструменты, длинный верстак и пытаюсь понять, как шьются настоящие лодки. Мастер охотно отвечает на вопросы, принимая во внимание мою полную неосведомленность.

Наш разговор завершается в летней кухне за столом под треск горящих в камине поленьев. Чай, крохотные оладьи с черничным

вареньем и расслабляющая атмосфера уюта. Рядом с Тайто Тайвовичем сама хозяйка дома, его жена Зоя Николаевна, агроном. У нее добрые лучистые глаза, движения плавные и спокойные. Сразу вспомнилось, что хозяйка в Карелии определяла лицо дома. Дому часто приписывались человеческие качества, что целиком относили к его хозяйке. Это был добрый дом. Больше полувека они вместе, бок о бок, через все трудности. Еще о многом можно было вспомнить, поговорить...

Люди на земле. Возвращение

Кроме рисования в Юшкозере было то, в чем я себе не мог отказать. Интересными мне показались местный сельский Дом культуры, библиотека и школа. Часто люди в таких местах работают самоотверженные, большие энтузиасты.

Оно как бывает... Можно по-разному называть учреждение культуры, а в действительности превращать его в место для проведения вещевой ярмарки. Даже объяснение всегда найдется. Возможно, Юшкозеро в этом ряду станет хорошим исключением.

Самой историей таким местам уготована особая роль. Первые упоминания о деревне Юшкозеро в летописях относятся еще к 1585 году. Среди лесов, рек и озер сформировался многовековой уклад жизни карельского народа, его особая духовность, в основе которой лежит общение человека с природой. Все острее чувствуется их взаимная зависимость. Теперь уже многим понятно, что без бережливого отношения к окружающей среде невозможно рассчитывать на сохранение самобытности народа, его традиционных ремесел и навыков. Возвращать утраченное будет намного труднее.

Юшкозеро – одна из рунопевческих деревень Северной Карелии, где собирались всемирно известные руны эпоса “Калевала”. Многие говорят на родном карельском языке. В деревне ежегодно проводится фольклорный фестиваль “Четыре сезона в Калевале”. На него собираются гости со всей Карелии и соседней Финляндии.

Уже три года в ночь на 7 июля встречают наступающий праздник Ивана Купалы. Этот

древний языческий праздник приурочивают к дню Иоанна Крестителя. Жители собираются в центре деревни на берегу реки у главного висячего моста. Медведь, как главный хозяин леса, вручает папоротник одной из присутствующих девушек, которая после этого непременно выйдет замуж. Кто-то прыгает через костер, чтобы быть здоровым и набраться сил, другие и вовсе купаются, не боясь холодной ночной воды...

Наталья работает в местном Доме культуры. Она с гордостью показывает мне образцы творчества мастеров художественных промыслов: резьбу по дереву, кружева ручной работы, куклы и половики, тканые на старинных станках.

Больше 30 лет здесь существует фольклорный коллектив "Туоми" (Черемуха), известный своими народными песнями и танцами.

Жители деревни не кажутся религиозными в привычном, традиционном понимании. Православная часовня Успения Пресвятой Богородицы и новое здание лютеранской церкви выглядят ухоженными, но по большей части стоят закрытыми. Для проведения служб сюда приезжают священники из Костомукши и Калевалы. Этого пока всем хватает. Сказались десятилетия воинствующего атеизма и безверия. Долгое время в деревне даже не было своего храма. За это время многие разучились правильно креститься и свечи в церкви ставить.

А еще в этих местах сохранились народные поверья, где сверхъестественными возможностями наделялись силы природы, лес, вода и их обитатели. Все это тесно переплеталось с устным творчеством народных сказительниц.

В Юшкозере по-доброму вспоминают время, когда в Карелию ехали тысячи специалистов на строительство промышленных предприятий. Прибывали сюда из разных областей РСФСР, Украины и Белоруссии, оставались жить и работать. Всем тогда находилось дело.

Это теперь люди из Карелии потянулись в другие регионы на заработки. Кто-то и вовсе подался в соседнюю Финляндию, обрел там свою вторую родину. Есть родственные связи

и нет языкового барьера. Не секрет, что в известное время граница между нашими странами разделила не только один народ, но и многие семьи. С территорий, отошедших к СССР после Второй мировой войны, в Финляндию переселилось около 400 тысяч человек.

Финляндия, получившая самостоятельную государственность от Советской России в 1917 году, сегодня привлекает своими стандартами жизни. Говорят, что Карелию можно любить и там...

- Тем, кто остается в деревне, нужно как-то выживать, находить для этого силы, - говорит местный библиотекарь Полина Анатольевна.

По ее словам, деревня Юшкозеро разделяет судьбу многих других населенных пунктов Карелии. Безработица, низкий уровень жизни. Это рождает чувство безысходности. Нередко занятые тех, кто остался без работы, становится пьянство. Часто люди умирают от «паленой» водки, которую покупают с рук, поскольку на другую у них просто не хватает денег. Трагедий случается очень много.

Как-то туристы из Финляндии посетили местное кладбище. Они были поражены тем, что здесь умирает много молодых мужчин. Будто война этих мест коснулась. Может быть, она действительно была, только велась против собственного народа...

Получается не слишком патриотично, но сегодня соседняя Финляндия для многих оказывается ближе своего федерального центра. Слишком большой получается дистанция между столичным чиновником и проблемами человека из маленького карельского городка или поселка...

После всего увиденного и услышанного, искренне порадовался возможности встретиться с детьми в местной школе. Обычное сельское образовательное учреждение, выживающее в условиях проводимой школьной реформы. Так у нас ведется в стране, что слово "реформа" всегда связывают с чем-то плохим и негативным. Непременно потом исправлять придется. Вот только учить детей на селе становится все труднее...

К детям в карельских семьях традиционно сложилось бережное отношение. На них не кричали, не били, хотя и требовали послу-

шания старших. Нельзя было пугать детей, придумывать для этого разные «страшилки». Жизнь и так сложна в этих краях. С малых лет детей приучали к труду, умению читать книгу леса по следам, голосам и запахам...

В местной школе все сделано с большим вниманием и любовью. Учится в ней всего 74 человека. С целью наполняемости классов их объединяют по три вместе, хотя программа обучения у всех разная. Таков спущенный циркуляр из министерства образования...

Собралось на нашу встречу что-то около 30 ребят, учителя... Глазищи у детей, я вам скажу... Им все интересно: как книги пишут, как рисунки делают...

Принялся показывать те рисунки, что были сделаны мною в деревне. Узнают знакомые места, радуются. Удивительная искренность и открытость в лицах. Стал рассказывать, что рисуя деревья в местном лесу, каждый раз старался представить, на кого это дерево может быть похоже. На болотах много таких интересных встречалось, словно их там закручивала неведомая сила. Очень даже помогало.

Сильно развитым показалось воображение у местных ребят. Легко угадывали в сцене танцующую девушку, сами принимались кружиться. Замечали лебединые изгибы среди ветвей, мрачных носатых стариков на искорененных временем стволах берез.

У местных ребят есть и еще одна особенность. Каждый из старшеклассников - это уже сложившийся характер, списанный с кого-то из взрослых в семье. Получается, что характер здесь тоже как бы передается по наследству. Поэтому многие приезжие здесь даже через 20 лет не становятся до конца своими...

Они еще во многое верят, мечтают стать полицейскими и работниками МЧС. Для многих мальчиков это уже предел мечтаний. Девочки часто задумываются о продолжении образования. К выпускному классу многие из них постепенно замыкаются в себе. Больше понимают, что далеко не каждому из них удастся осуществить свои заветные планы.

Почему-то вспомнилось, как на празднике молодежи «Алые паруса» в Питере, банк с показательным названием «Россия», развернул огромные плакаты: «Россия – страна равных возможностей». Помню время, когда они дей-

ствительно казались мне равными. Сейчас вижу в этом только благое пожелание власти. Праздники и белые ночи проходят быстро, наступает утро по-настоящему взрослой жизни...

Вот и мой отпуск подошел к своему завершению. Незаметно пролетела моя карельская сказка. На обратной дороге застаю в Ледмозере на семь часов, ожидая поезд из Костомукши на Санкт-Петербург. Проводница с крепкой мужской фигурой и хмурым лицом курит в коридоре нашего вагона и делится с подругами о том, как «шуганула» этих наглых питерских, за попытку выпить пиво в купе. Не любят здесь столичных пассажиров...

По небу бродят хмурые грозовые тучи, сильно парит. Питерские любители пива с банками в руках оккупировали лавочки возле станции. На закрытых дверях вокзала висит объявление с извинениями за временные неудобства.

Группа подвыпивших местных молодых людей развлекается тем, что пугает женщин возле грязного уличного туалета, с которого странным образом исчезли указательные знаки «м» и «ж». Маленькие мерзости в большой стране...

Очень скоро я приехал в Питер, но еще долго у меня оставалось ощущение необыкновенной легкости и летящих крыльев за спиной.

Вспомнилась волшебная карельская белая ночь, когда солнце тихо кралось за сопку. Зацепилось оно за верхушки сосен и пролилось алым цветом, словно кровью. Берег озера Jyskyjarvi, на котором стояли, обнявшись ветвями два дерева, словно влюбленные. Так сплелись они, что уже не разлучить, если сплечь, то только вместе. Задрожали на одном из них листья, и увидел в них скользящие вниз руки девичьи, слабеющие колени. Будто, услышал далекие голоса...

Вспомнил, как подошел тогда к самой воде, она рябью пошла и волной мне тихо плеснула. Выпил воды плоток, а озеро в ответ прошептало: «Возвращайся сюда»...

Jyskyjarvi - Юшкозеро

Александр ШАРОНОВ

Слово о поэте
(к 75-летию Б.И. Просвирина)

Поэзия в России определяет судьбу и роль страны в мировой истории как носительницы высших гуманитарных ценностей. Именно в России предназначено восторжествовать идее «человек – мера всех вещей», несмотря на внутренние и внешние препятствия для этого. Если народ пишет стихи и поет изумительные по красоте и совершенству песни, значит он наделен божественным даром творить добро и вносить в мир гармонию. В XVIII веке возвышение России шло с поэзией Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова, Державина, XIX век был благословен Пушкиным и Лермонтовым, XX век – Брюсовым, Блоком, Есениным, в творчестве которых Россия переломного времени, советская эпоха восходила к своим вершинам со стихами Маяковского, Асеева, Исаковского, Твардовского, Суркова, Симонова и многих других замечательных поэтов. Россия без поэтов как небо без звезд.

В Мордовии к поэтам высокого поэтического дарования можно отнести П. Гайни, С. Вечканова, А. Моро, стоявших у истоков становления эрзянской литературы. Гениальной поэтессой была народная сказительница Ф. Беззубова. Сегодня на общероссийском уровне пишут Н. Ишуткин, А. Арапов, М. Ерёмин. Борис Иванович Просвирин тоже стоит в этом ряду. В Поэзию, в которую войти трудней, чем взойти на Эверест, он шёл по просёлочным и столбовым дорогам, через холмы и равнины, исходив бесчисленное множество деревень, райцентров, городов, везде оставляя за собой живое слово поэта, вещающего о том, «как прекрасна земля и на ней человек». Будучи поэтически одарённым сам, он много времени уделял пропаганде творчества прозаиков и поэтов Мордовии, являясь заведующим Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Мордовии. Он зани-

мался этим делом вдохновенно и талантливо, организовал сотни писательских выездов во все районы республики. Много больших писателей и знаменитых людей Б.И. Просвирин приглашал в Мордовию из Москвы и других городов. Среди них правнук А.С.Пушкина – Г.Г. Пушкин, побывавший в Саранске в 1987 и 1998 годах.

Борис Иванович являлся организатором Дней литературы в Самарской, Удмуртской и Марийской республиках, Дней поэзии с приглашением поэтов и прозаиков из городов и регионов страны, литературно-музыкального вечера, посвящённого 500-летию добровольного вхождения мордовского народа в состав Российского государства в Центральном Доме литераторов г. Москвы, праздников мордовской книги совместно с Республиканским добровольным обществом любителей книги, Всероссийской Недели детской и юношеской книги (детский литературный праздник) совместно с Республиканской детской библиотекой как в г. Саранске, так и в районах Республики. Его выступления в аудиториях общеобразовательных школ, лицеев, училищ, техникумов, вузов, НИИ, в клубах и Домах культуры, заводских и фабричных цехах, на строительных площадках, для животноводов и механизаторов агропромышленных комплексов говорят о том, что он новатор пропаганды творчества деятелей литературы и культуры, основоположник, организатор и активный участник разнообразных форм литературных мероприятий.

Подавляющее большинство поэтов нашего времени исповедуют поэзию слова, обыкновенного выражения мыслей, и поэзию образа, метафоры, символа. В первом ключе писали А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Исаковский, во втором – А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский.

Поэзия первого стиля безыскусственна и проста, поэзия второго стиля – более сложна, многомерна. Б.И. Просвирин является поэтом простого и ясного слова.

Б.И. Просвирин – автор нескольких поэтических книг, каждая из которых оригинальна и интересна: «Сиреневый вечер», «Дни жизни», «Поклон родной земле», «Жизнь начинается с дороги...», «А годы летят...», «Ваш добрый дядя Боря», «Друг Ваш дядя Боря». Его стихи опубликованы в альманахах «Сурские дали», «Эстафета поколений», «Ради жизни», «День поэзии. Санкт-Петербург – Россия – 2007», в антологии «Русская поэзия Мордовии», в «Антологии одного стихотворения», в литературно-художественных журналах «Охотник» (Москва), «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Невский альманах», «Золотое слово» (Санкт-Петербург), «Русское Эхо» (Самара), «Луч» (Удмуртия), «Новгород - литературный» (Великий Новгород), национальных журналах «Сятко» («Искра»), «Мокша», «Чилисема» («Восход»), «Якстерь Тяштенья» («Красная звездочка») в переводах с русского на эрзянский и мокшанский языки поэтами и прозаиками А. Араповым, В. Дёминым, А. Ганчиным, Н. Ишуткиным, И. Калинин, Р. Орловой, А. Тяпаевым.

На стихи Просвиринна написаны песни композиторами Г.Вдовиным, Е.Кузиной, В.Строкиным, В.Слеповым, С.Терхановым (Саранск), Н.Рузайкиной (с.Рыбкино Ковылкинского района РМ), Н.Андриановым (г. Чудово Новгородской области), В.Ерзуновым (Москва). Композитор Андрей Пивкин положил на музыку стихи Просвиринна «На крыльях спорта», «Дороги любви», «Болдинская осень», «Соловей весны».

Публикации Б.И.Просвиринна имеют в большинстве своем положительные отзывы. Как у всех поэтов, его стихотворения разного поэтического уровня: «Жизнь начинается с дороги:/С проселка, с просеки, с тропы. /Когда душа болит в тревоге,/Себя в дорогу торопи./На месте обрастает камень,/Мертва вода гнилых болот,/Но целый мир перед глазами

– /Иди к нему, тебя он ждет» («Дни жизни», 2007). В этом стихотворении присутствует философия жизни, которую автор знает с самых разных сторон, ибо он исходил много-много путей-дорог: работал референтом Общества «Знание», директором ансамбля песни и танца «Умарины», директором общественной организации «Живое слово» Союза писателей Республики Мордовия. Всегда был среди людей, среди шума и гама, но при этом умудрялся слушать тишину: «Какая тишина в деревне и в лесу! /От этой тишины я глохну как от взрыва. /И сердце, словно птенчика, несу, /И улыбаюсь глупо и счастливо» («Какая тишина»).

«Стихи – не очень трудные дела», «Стишок писнуть, пожалуй, всякий может», сказал С.А. Есенин. Однако поэзия состоит не в писании стихов, а в создании неповторимого художественного мира, очаровывающего нас своими образами и символами, особым мироощущением, приобщающим к таинству жизни и красоты, к мифологии мироздания, способствующих превращению нашего существования в предощущение праздника и чуда. Стихи Б.И. Просвиринна в лучших своих вариантах способны настраивать на это, ибо он идет в поэзию от бревенчатой избы, которая есть в определенном смысле уже поэзия: «От глаз людских укрывшись в чаще,/Стоял, задумчив и высок,/Черноволокный, сильный пращур,/С улыбкой глядя на Восток... /Свистели птицы спозаранку /Над безымянною рекой, /И он назвал её Саранкой, /Как будто бы цветок лесной... /Из-за ремня топор он вынул, /И эхо вздрогнуло кругом,/Когда он, напрягая спину, /Почал здесь ставить первый дом...» («Начало»).

На дороге у каждого поэта, даже гениального, есть кочки и ухабины, иногда поэт может споткнуться и даже упасть. Сознывая это, мы судим о том или ином авторе на основании того, что сделано хорошо, талантливо.

Родился Борис Просвирин в 1939 году в г. Саратове. Родители - уроженцы с. Лем. Майдан Мельцанского района Республики Мордовия.

В 1943 году, во время Великой Отечественной войны, семья, потеряв под бомбежками двух детей в г. Саратове, была эвакуирована на родину. В том же году пришло известие о гибели на фронте отца. Борис Иванович и его мать Вера Филипповна стали жить в Саранске.

Борис Иванович имеет типичную для советского человека биографию: служил в Советской армии, работал слесарем-инструментальщиком на заводе «Электровыпрямитель», окончил филологический факультет Мордовского педагогического института; ныне он член Российского Межрегионального союза писателей, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры республики Мордовия, ветеран труда. Он гордится тем, что Российским Межрегиональным Союзом писателей и Академией русской словесности и изящных искусств имени Г.Р.Державина руководят выдающиеся мастера художественного слова Е.П. Раевский и Ю.В. Бондарев, Герой Социалистического труда, председатель Исполкома Международ-

ного сообщества писательских Союзов.

Б.И. Просвирин награждён Почётной грамотой Союза писателей РСФСР, Дипломом Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов «За вклад в патриотическое воспитание молодого поколения», почётными знаками «Отличник культурного шефства над селом», «За патриотическое воспитание молодого поколения и работу по увековечиванию историко-патриотического наследия», медалями «Ветеран труда», «Ф.М. Достоевский», «А.С. Пушкин», орденами «Гордость Державы Российской», «Екатерина Великая».

Путь на Парнас, начатый Б.И. Просвириним еще в бревенчатой избе в далекие 50-е годы XX века, продолжается. С каждым годом он становится трудней, но уверенней и плодотворней. Все мы беззащитны перед Временем. Но оно любит многих из людей и дарит им благословенные годы. У Б.И. Просвирина их 75. Будем надеяться, что всемогущий творец и разрушитель будет увеличивать это число, наполняя творчество поэта новыми сюжетами и образами.

Ольга САФАРОВА

Как подавать милостыню

Дело было в канун Рождества, когда мне неожиданно отдали тысячу рублей долга двухлетней давности, который я давно списал как «невозвратный» и смирился с потерей. Ну, так получилось в силу разных обстоятельств – приезды-отъезды должника, болезни-командировки меня самого, переезд в другой район. Вот как-то так, без злого умысла тянулось, а потом как бы заросло и забылось... А тут встречаю случайно в универсаме Должника - весёлого, с покупками в корзинке, буквально нос к носу, и он с извинениями, шутками и поздравлениями отдаёт мне эти тысячу рублей двумя бумажками по пятьсот. Прямо как будто эти деньги я просто нашёл, вот шёл-шёл – и нашёл, с неба упали!

А канун Рождества, народ в магазине роится, и подумалось мне: дай-ка я доброе дело сделаю, отдам я эти две пятисотки каким-нибудь двум старушкам, пусть себе что-нибудь вкусенького купят к празднику. А как отдать? Подойти и просто в руку сунуть... а что сказать или ничего не говорить? - Обидится, испугается, недопоймёт что-нибудь... Тут вижу, как раз в хлебном отделе подходящая для «Рождественского благодеяния» старушка стоит, задумчиво полбатона выбирает – котиковая шапочка молью побитая, пирожком, пальтишко потёртое порыжевшее на спине, перчатки штопаные... всё бедненько, но чистенько.

Думаю, сейчас подойду как бы хлеб помягче выбираю - и суну ей в карман пальто пятисотку. Переминаюсь рядом, примериваюсь... Ах ты, чёрт возьми, оказывается, деньги подсунуть не проще, чем вытащить, ну, наверное - мне, дилетанту, а не профессионалу-карманнику! А бабулька вдруг посмотрела на меня прозрачными выцветшими светлосерыми глазами... (ах, испугался я, заподо-

зрила, наверное, что я её обворовать хочу, а я-то ведь, наоборот...) и говорит: «Я смотрю, вы так тщательно хлеб выбираете, я вот тоже ищу, для диабетиков булку... Посмотрите, вот, а то шрифт мелкий, не вижу...» И сует мне в руки упаковку. Руки-ноги мои трясутся, мелкие буквы прыгают, рецептуры читаю, на её карман глазом кошусь, в другой руке пятисотка сложенная потеет... Разобрались с булкой, перебрал несколько упаковок, она меня горячо поблагодарила, в овощной пошла, я за ней. Она три морковки и две свеколки в мешочек кладёт, а я к другому её карману, немного отвислому, примериваюсь... Ну, никак не получается, не могу... Бабулька к кассам пошла, и тут меня осенило, как деньги подбросить! Главное, сразу за ней встать... Подрезаю тётку с тележкой, за своей старушкой встаю и, дождавшись когда она корзинку на уголок расчётного узла пристроит, - подбрасываю купюру ей туда и как раз умудряюсь уронить её между кулёчком с морковкой и упаковкой полбатонной...

Фууу, никто ничего не заметил, кажется, - ни кассирша, ни бабулька, ни тётка с тележкой, что, ворча, за мной пристроилась. Я за свой хлеб заплатил, сдачу схватил, не глядя, стою рядом со столом упаковочным, как бы пакет полиэтиленовый по карманам ищу. На старушку смотрю - найдёт ли пятисотку? А вдруг – не увидит, или та под её неведующими пальцами сквозь решетчатое дно провалится на пол? Вижу – углядела она пятисотку, свой потёртый кошелек открыла и задумчиво так его содержимое рассматривает. Я делаю вид, что рекламой над упаковочным столом чрезвычайно заинтересовался, а сам на её манипуляции косяка даю. Она кошелечек растопырила, вижу краем глаза - там пара сотен и десятки виднеются, бабулька вздохнула, головой покачала и пятисотку в кошелек сунула, пробормотав: «...совсем памяти не стало...

хорошо – не на пол выронила...» Похоже, она подумала, что из дома пятисотку взяла, забыла об этом и в корзинку из кошелька выронила.

Ну да ладно, главное, что купюра к ней попала, теперь надо вторую пятисотку пристроить. Сделал вид, что забыл что-то купить, опять корзинку взял и к прилавкам вернулся. Теперь опыт есть, как купюру подсунуть; присмотрел снова бабульку в вязаной шапочке сверху шарфом подвязанной, куртка на ней явно китайского производства, варежки самовязанные в сухом кулачке, другой ручонкой тележку катит... Я пару бутылок пива и пакет чипсов схватил, за бабулькой на кассу пристроился и ловко так между пакетами с кефиром пятисотку-то и сбросил. Вот бабка к кассиру подходит. Потёртый кошелёк достаёт, а свободной рукой свои упаковки кефира из тележки на транспортёр выкладывает, видит пятисотку, спокойно её берёт, кошелёк пошире раскрывает и суёт туда... А там, мать честная! – тысячные и пятидесятые купюры топорщатся! Я глаза вылупил и аж крикнул, бабка на мой крик оглянулась, взгляд мой в свой кошелёк проследила, губы поджала и, пробормотав: «...ходят тут всякие...» - рванула с тележкой от меня поскорей к дальнему упаковочному столу.

Ну а я, несколько обескураженный, но с сознанием исполненного доброго дела пошёл себе восвояси, повторяя про себя, а то и вслух: «...всякое даяние есть благо; не человеку подаём, а Господу во спасение души; умерь гордыню, ну и что, что даяние осталось незамеченным; первой-то бабульке наверняка пятисотка пригодится...»

Пришёл домой, налил себе пивка и, заедая чипсами, подумал: как в старые времена было правильно, что в деревнях во входных дверях в избу делали маленькую дверку со ставенкой на уровне груди, чтобы, когда подавали милостыню страннику или нищему, не видеть лица друг друга «...чтобы дающий не гордился, а берущий не стыдился...»

P.S. Это действительно происшествие, ни слова выдумки.

Любви оттенки и запахи

Велик и могуч русский язык, гибок и метафоричен, пластичен и образен. Наш язык способен передавать тончайшие оттенки и различия чувств, отношений и состояний всеми своими приставками, суффиксами и непереводаемыми идиомами. А глубинное, на каком-то подсознательно-семантическом уровне, присущее ему чувство юмора? Ну как, к примеру, можно перевести и растолковать иностранцу такую жалостливо-брезгливую, снисходительно-издевательскую реплику разочарованной женщины потасканному лове-ласу – «...ах ты, гондон штопаный...»

Или вполне бытовую фразу бабушки внуку: «Шарф надень, а то, чего доброго, простудишься...» Я так и не смог толком объяснить американцу-русисту смысл этого идиома на его нервные крики «Чего же тут ДОБРОГО, если человек простудится!»

Но вот со словом «любовь» и «любить» в русском языке сложно....

Конечно, описательно, с определениями и причастными оборотами можно (и нужно) передавать все нюансы этого прекрасного чувства, а вот если одним словом? Я люблю родителей, люблю жареную картошку, люблю сына, люблю пивка попить с приятелями, люблю свою жену, да и чужую – люблю...

А вот в эпоху античности греки сначала различали четыре разновидности Любви: агапэ, сторге, эрос и людус.

Агапэ – это возвышенная, пафосная любовь - любовь к Родине, к Богам, любовь, направленная на своих Предков и любовь к своему Роду-Племеню. Она пахнет жертвенным дымом, фимиамом и ладаном, она окрашена сияющим белым и золотом на голубом, она звучит гимнами, песнопениями, молитвами и патриотическими маршами.

Сторге – это супружеская любовь, спокойная и верная, надёжная и долговечная, брачная любовь друг к другу, к детям, родителям и дедам-прадедам. Она пахнет пирогами и пе-

лёнками, чистым бельём и теплом домашнего очага. Её цветовая гамма – охристо-коричневая с белым – цвет хлеба, молока, чистых полов, земли за окном. Её звуки - это колыбельные и застольные песни.

Эрос - это чувственная, плотская любовь, торжество плоти над духом, продолжение жизни всего живого в мире людей, животных, растений - всей живой природы. Она пахнет всеми натуральными запахами любовных соитий - феромонами, пылью цветов, потом любовных объятий, спермой, весной и испарениями земли. Она окрашена всем многоцветием природы и звучит птичьими трелями и любовными песнями.

Людус - это любовь-игра, легко увлечение, флирт, заигрывание без обязательств. Она пахнет духами, вином, лёгким ветерком, танцплощадкой; пылью театральных кулис, капризами, интригами, деньгами. Её цвета - розовый, голубой, радужный и цвет крыльев пёстрой бабочки. Она звучит танцевальной и цирковой музыкой.

Потом мудрые греки открыли, что существуют ещё три вида любви: филия, прагма и мания.

Филия - это любовь-дружба, и пахнет она тем чем закадычные друзья занимаются вместе, и цвета у неё, соответственно,

разнообразные... Она звучит бардовскими и туристскими песнями.

Прагма - это любовь-выгода, пахнет деньгами, достатком, благополучием... Её цвет - все оттенки золота. Её звуки - шелест денег и звон золотых монет.

Мания - это любовь-страсть-безумие-наваждение. Она пахнет тяжёлым удушливым запахом фетишей, кровью, сукровицей, тлением; её цвет - чёрно-багровый. Сопровождается стонами, криками боли и

Иногда все эти разновидности любви смешиваются и непредсказуемо переходят одна в другую...

Болезнь № F 63.9 - так обозначена Любовь, сразу после Наркомании в Реестре заболеваний Всемирной организации здравоохранения. Наверное, любая разновидность любви - это отклонение от нормального состояния. Пахнут и звучат они разной степенью безумия с примесью ассоциативных индивидуальных звуков-сигналов и запахов-меток: у кого-то это кофе, крик петуха, звон будильника, духи, яблочный пирог, песенка на вокзале, пароходный гудок, запах мела у доски в 5-ом классе, запах моря ... - у каждого своё.

И это прекрасно! Ну, кроме мании, конечно...

Галина ДЗУТЦЕВА

Осенние награды Ниёзи

Что бы ни говорили о счастливых совпадениях, но осенние месяцы в судьбе талантливого таджикского композитора, академика по музыкальной культуре Хуршеда Ниёзи чаще всего становились для него знаменательными.

В сентябре этого года за заслуги перед отечеством композитор был удостоен высокой правительственной награды «Хизмати Шоиста Тоджикистон», которую на торжественной по этому случаю церемонии в колледже искусств им. А. Бобокулова, по поручению президента страны, ему вручил советник президента Бобошахзода Махмадшариф. И одновременно грамоту «За трудовые достижения в сфере развития музыкальной культуры страны» – заместитель министра культуры Таджикистана Бунафша Одинаева. Два года назад, вот так же в сентябре, он так же был счастлив. В концертном зале Мемориального музея Н.А. Римского–Корсакова в городе Санкт-Петербурге проходило торжественное заседание президиума Академии русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина. На нём таджикскому композитору было присвоено звание академика Российской Федерации и вручена золотая медаль им. Сергея Есенина. Затем последовали и другие значимые в сфере музыки и искусств награды. В декабре 2013 года он был удостоен орденового Знака «Екатерина Великая».

Естественно, что такая высокая правительственная награда взволновала его самого как музыканта и грамотного педагога; порадовала его родителей, семью, коллег, учеников и просто почитателей таланта.

Со своей стороны, ни на этом торжестве, ни в личной беседе я не стала беспокоить композитора лишними расспросами и разговорами. Многое, как говорят в подобных случаях, за кадром, я знаю о нём сама, поговорила с его

коллегами, друзьями и... с недоброжелателями, которых, хотим мы того или нет, но имеем даже против собственной на это воли.

Высокие награды заслужены долгим, упорным трудом и глубокими знаниями, которые он получил, обучаясь в Московской консерватории. Там в 1988 году окончил и аспирантуру.

Большая часть опрошенных мною людей считают композитора Х. Ниёзи основоположником таджикской органной музыки. Он первый, и пока единственный в Таджикистане композитор, получивший звание академика в России. На его счету более 100 музыкальных произведений, написанных благодаря глубокому пониманию истории и теории персидской классической и современной таджикской музыки... но кто и где её слышал? Лишь иногда он радуется своих поклонников. Да и то не на своих, а на чужих авторских концертах. Два года назад композитор заявил о себе и как автор музыки к фильму таджикского режиссёра Абдулхая Закирова «Рамида» («Неприкаянная душа»), а в фильме сам сыграл на национальном инструменте лабчанге (губном чанге).

Тем не менее, имея такое высокое звание и добившись личных успехов, композитор каким был, таким и остался – скромным и корректным в общении. Он – педагог Таджикской Национальной консерватории, преподаёт в столичном Колледже искусств им. А. Бобокулова теоретические музыкальные дисциплины – сольфеджио и гармонию. По словам его многих сослуживцев-коллег: «Это интеллигентный, высокообразованный, талантливый педагог, очень тактичный, не лезет напролом, не кичится своей эрудицией и знаниями, стремится передать их ученикам, сделать достоянием общественности...»

А вот и противоположное мнение: «Не пробивной, не может пойти и потребовать,

гордый, и вообще, раз ценят его в России, пусть там и работает...»

Жаль, что порой воспринимают люди интеллект и чувство собственного достоинства лишь как гордыню, завидуют чужому успеху, который бы приумножил славу страны.

В дополнение к своим разносторонним музыкальным знаниям композитор свободно пишет и говорит на фарси, самостоятельно выучил арабский язык, что помогло ему в работе с древними рукописями и трактатами по философии и музыке при изучении основ национальной классической музыки в архивах. Мало кто из коллег и знакомых Ниёзи знает, сколько терпения и упорства проявил он в учёбе. Как, в ущерб личному здоровью и времени, совмещал музыкальное творчество с преподавательской деятельностью и написанием учебников по теории музыки. Особое место среди них занимает работа над «Китоби мусикии кабир» («Большая книга о музыке») персидского поэта, музыканта и философа Абдунасра Фароби. Его уникальное рукописное произведение, написанное на фарси ещё тысячу лет назад, никогда не переводилось на таджикский, и тем более на русский, язык. Ниёзи первый, кто прочитал его в подлиннике и органично перевёл не только как грамотный переводчик, но и как талантливый музыкант.

Несколько лет назад я случайно увидела его в приёмной Министерства культуры, куда он приходил со своей единственной просьбой о выпуске небольшим тиражом хотя бы нескольких наименований учебников на таджикском языке (из написанных им десяти), но ничего из этого не вышло. Нет, наверное, в бюджете Министерства культуры РТ пока на это средств.

Пусть я ошибаюсь, и это моё личное мнение, но кто знает, а может, и вывели бы эти растиражированные в учебниках знания Национальную консерваторию и Колледж искусств им. А. Бобокулова на более высокий

уровень музыкального и культурного образования в стране! И может, тоже не стоит об этом говорить, но сегодняшнее положение маэстро в обществе слишком скромное для такой величины.

Мне могут возразить, что благородный труд преподавателя, забота о родителях, семье и есть самые высокие человеческие ценности в нашей жизни. Не спорю, но знания и талант подобного масштаба должны служить развитию общества в более полной мере именно здесь, на его родине, для которой он долгие годы учился и затем как истинный патриот своей страны вернулся работать. Вероятно, немало было для него там, за горизонтом лестных предложений, соответствующих его статусу педагога такого высокого уровня. У него, талантливого и одарённого судьбой, была возможность сделать свою собственную жизнь более обеспеченной и значительно более интересной, чем она есть сегодня. Он мог бы давать открытые уроки для широкой общественности и молодёжи в том же Институте искусств, сопровождая свои интересные лекции игрой на органе или лабчанге. Мог бы устраивать с учениками концерты таджикской классической музыки в театрах страны. Проводить «жаркие» молодёжные музыкальные дискуссии на телевидении... но увы – не зовут, не предлагают, а жаль!

P.S. По логике развития действия, каждое значительное событие в жизненном цикле человека требует своего полного завершения. Это предстоит и в его случае. В конце осени – 30 ноября в городе Санкт-Петербурге, в Академии русской словесности и изящных наук имени Г. Р. Державина состоится 13-я международная научно-практическая конференция, на которой таджикскому композитору Хуршеду Ниёзи наконец-то будет вручён и сам диплом учёной степени – доктора искусствоведения Российской Федерации.

Кира ТВЕРДЕЕВА

Любишь молчать – молчи

(О книге Бориса Орлова «Звёздный свет. Лирика» – СПб.: Изд-во ООО «Сезам-принт», 2012)

Традиционную лирику принято хвалить. Дескать, продолжает традицию классической русской литературы, и темы-то все хорошие: о душе, о природе, о любви. Глубокие – не придираешься. Даже величественные. И строки мудрые:

*Люблю молчать – в молчанье больше правды,
Чем в пламенных и праведных речах.*

Именно таким путём идёт родившийся в Ярославской области, а живущий в Кронштадте Борис Орлов. Публикуется с 1972 года, автор 16 книг стихов, лауреат нескольких литературных премий.

Но вот ведь какая штука. Всё вроде и написано неплохо, и складно, и ладно, и в душе какой-никакой отклик находит, но как явления литературы, как заметного поэта Борис Орлова нет.

Он вторичен и даже третичен, до обидного банален: стихотворение ещё только началось, а ты уже знаешь, чем оно кончится, – в конце непременно будет некая мудрая мысль, очередная прописная истина, типа такого:

*Нету к прозреньям доверья!
В сердце обида и страх.
Стыдно ходить в подмастерьях,
Трудно ходить в мастерах.*

Или: «Подлунный мир таким как есть приемлю», «Сюжеты в жизни одинаковы / Из года в год, из века в век», «Бедность – порок», «Жизнь – поднял я её, словно знамя», «Россию, как клещи, сосут города», «Смерть – мгновенье. Жизнь – тоже мгновенье» и т.п.

С рифмами та же история: почти все они избиты и прозвучали у других поэтов уже тысячи раз: небо – хлеба, стене – мне, снегов – берегов, человек – век, руке – реке, пою – бою, душа – дрожа, храма – мамы, дорога – Бога, птицы – молиться, потерь – дверь, свет – лет, слов – любовь и т.д.

В таком слабом версификационном исполнении традиционная поэтика теряет свою силу, становится скучной и неинтересной. В несвежем образном потоке теряется и то хорошее, что есть. Например, такое: «В шкафу, как летучие мыши, / На «плечиках» платья висят», «постаревшая вода», «Мама меряет жизнь не годами, / А моими приездами к ней».

К сожалению, Борис Орлов лишён главного для поэта – собственной узнаваемой интонации. Зайдите на любой сайт поэзии, таких стихов сотни, одно от другого не отличишь. Мелькает то Есенин, то Рубцов, а порой и Тютчев, но где же сам Орлов-то?..

Процитируем стихотворение, гладкое и «правильное», с христианским посылом, но, увы, создающее ощущение читаного-перечитаного:

*Я люблю весенний шум сосны
И апрельский голос певчей птицы.
Помолюсь за сирых и больных,
За которых некому молиться.
Кружатся над храмом журавли,
И пылится сельская дорога.
К падшим состраданья и любви
 Попрошу молитвою у Бога...*

Уверена, в каком-нибудь местечковом объединении такое стихотворение пройдёт на ура, вызовет благоговейный восторг и ливень похвал, но автор-то, по всей видимости, претендует на нечто большее, к примеру, на достойное место на поэтическом небосклоне русской литературы (извините за высокопарность – книга навеяла). Мы, разумеется, не можем ни дать ему это место, ни отказать в нём. Однако предостеречь читателя, направить, так сказать, на путь истинной поэзии (опять банальная высокопарность – что ты будешь делать!) просто обязаны. Что мы и делаем.

*«Литературная газета», № 12 (6455) от
26 марта 2014 года*

Священник Николай ЕПИШЕВ

Пришвинское восхождение

Всегда интересно и назидательно погружение в жизнь человека, тем более столь известного, как писатель М.М. Пришвин. Он родился в центре европейской части России в Елецком уезде Орловской губернии – родине многих русских писателей. Получил очень широкое и фундаментальное образование технического профиля, но всегда тяготел к гуманитарной сфере. Увлекался фольклором и этнографией, философией и литературой. Рождение Пришвина как писателя связано с путешествиями по северу (Олонец, Карелия даже Норвегия). Наблюдения над природой, бытом и речью северян, записи сказов вылились в своеобразную форму путевых записей – очерков книги «В краю непуганых птиц» (1907 г.) и «За волшебным Колобком» (1908 г.). Они во многом определили главный интерес и стиль писателя на долгие годы. В них А.А. Блок увидел, как вспоминал Пришвин, «...поэзию, но еще что-то...» - это что-то от ученого, а может быть, и от искателя правды» (Собр. Соч.; т.4, 1957г., с.10). Наверное, не случайно Пришвин стал членом Российского Религиозно-философского общества.

Искательство было особенностью судьбы целого поколения русских людей в преддверии революционного периода. Пришвин был из этого поколения, жаждавшего бескорыстной жертвенной деятельности. Валерия Дмитриевна Пришвина в своих воспоминаниях писала: «Мы росли уже готовыми деятелями, никто нас нарочито не воспитывал, не насиловали наши ум и волю. Нас воспитывало само веяние русской культуры, и мы лишь дожидались своего срока, чтобы выйти на работу бескорыстными устроителями жизни». Отсюда такая широта и неуёмность деятельности Михаила Пришвина. Издаются его первые сборники книг. Он участвует в Первой Мировой Войне в качестве военного корреспондента,

очерки которого выходят в разных изданиях.

После революции Пришвин ведет педагогическую деятельность. Он учит своих учеников родственному вниманию, природе и родному краю. Страстно увлекается охотой, краеведением и по-прежнему много пишет. Постепенно к нему приходит осознание трудности и противоречивости послереволюционной жизни. Он начинает автобиографический роман «Кощеева цепь», связанный с единым героем повествования, где его лирическое «я» преисполняется философскими и нравственными исканиями. Продолжение романа следует до конца жизни писателя, как своеобразная летопись жизни целого поколения русских людей. Одним из лучших произведений писателя стала повесть «Жень-Шень» (1939г.), как многогранная метафора, символизирующая поиски «творческой жизни, и силу страсти, и боль утрат». Писатель видит темную и светлую сторону жизни, но только светлую сторону из жизни считает реальностью. Он все чаще обращается к жанру дневниковых записей, жанр у поэтических миниатюр.

Критика 20-х - 30-х годов не всегда находила верные критерии для оценки творчества Пришвина. Она порицала его за бегство от современности, но это было не так. Писатель считал, что искусство не может довольствоваться выдуманной фантазией, но непременно дополняться современной реальностью. В это время он ведет свой Дневник, которому доверял свои повседневные чувства и мысли, порой столь опасные, что и «под расстрел подведут».

Мучительные поиски и неудачи преследовали писателя, пока не состоялась его встреча с глубоко любимой женщиной Валерией Дмитриевной Лиорко. Она была типичной представительницей своего времени, отдавшей дань всем увлечениям эпохи, но уже вкусила

и все «прелести» архипелага Гулаг за свою стойкость в Вере. Многим она помогала и помогла Пришвину. Она сумела раскрыть в нем то заветное, о чем намекал Блок в рецензии на его первое произведение. Пришел год Победы и радость от нее, радость труда слились в его душе с радостью Пасхи, пришедшейся в 1945 году на май. В тесной толпе, возле столичного храма Мученика Иоанна Воина (войти внутрь возможности не было) стоял он, не так давно еще не церковный человек, писатель, увидевший в Пасхальной радости корни Победы. «Нет, не только одним холодным расчетом была создана Победа, - записал он в своем Дневнике, - корни ее надо искать здесь, в этой радости сомкнутых дыханий. Произошло чудо из чудес и человек, униженный, заброшенный, измученный мог так высоко подняться, чтобы воскликнуть: "Христос воскрес из мертвых!"». Не зря же горели лампы за Россию на горе Афон все эти страшные годы.

В конце жизни Пришвин ушел в философское созерцание мира. В своем Дневнике в эти годы он пишет: «Совершенный человек, обогатив себя странствием в царстве мысли, возвращается домой с обостренным вниманием к ближнему. Об этом я и хотел рассказать в заключительной части романа "Кощеева цепь"». Последняя повесть писателя «Корабельная чаща», названная писателем «Слово правды», выстроилась как повесть чистая, вроде храма, остается только написать страничку, которая будет значить, то же, что и крест на здании. Само сочетание «Слово правды», при его кажущейся советскости, на самом деле восходит к «Псалмам царя Давида», которые Пришвин очень внимательно читал в те годы. Он любил религиозные стихи Лермонтова и даже на последних страницах своего Дневника, рассуждает об устройстве монашеской жизни, а думы о стране и народе заключает словами: «Быть русским, любить Россию – это духовное состояние». Завещая писателям нового поколения, он пишет: «Живите в двух измерениях. Художник должен чувствовать вечность и в то же время быть современным. Без чув-

ства вечности невозможны прочные вещи, без чувства современности – художник останется непризнанным».

Конечно, Пришвин не был безгрешным человеком и был причастен к обольщениям века сего. Как апостол Павел, до своего обращения «держал одежды» при избииении Первомученика Стефана, так и он дотошно фиксировал избиеение колоколов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Этот тяжелый грех он не вычеркивал из своей памяти. Под конец жизни всем сердцем устремился к исправлению и уверовал. Чего стоит его пророческая фраза из Дневника: «Возвращение к Православию неминуемо, потому что Православие у нас все». Эти слова были сказаны в начале хрущевских гонений, когда многим застил глаза туман неверия! Сейчас, когда пелена спала со многих глаз, мы по-новому оцениваем жизнь наших недавних предшественников. Воссоздаются храмы, монастыри, реставрируются и возвращаются многие Святыни верующим. Вот и в Дунино трудами нового поколения, ожившего для Веры, построен храм в честь Архистратига Божия Михаила – Небесного Покровителя России и писателя Пришвина. Сюда можно прийти, чтобы вспомнить и помолиться о нем.

Поднимаясь этим летом по канатной дороге «Красной Поляны», близ Сочи, на верхнем уровне этого олимпийского объекта, я рассматривал схему горных вершин, располагающихся выше. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что одна из вершин в 2374 метра названа в честь Пришвина! Кто дал ей это название и по какой причине? – это вопрос... Надо считать, что не случайно.

ЛЮБОВЬ ОРЕЛОВИЧ

Виват, Зоя – Оза!

Помнишь, Зоя, - в снега застеленную, помнишь Дубну?

А. Вознесенский – «Оза»

2014 год – год 90-летия Зои Богуславской и год 50-летия «Озы»

Бывают в жизни такие встречи, которые остаются с человеком навсегда. Драгоценные воспоминания о них бережно хранятся, словно в музее, в нашей памяти, превращаясь со временем в обширную уникальную коллекцию. Есть такие воспоминания и у меня.

После выхода в свет книги «Высоцкий в Дубне» я приступила к «творческим раскопкам», касающимся другого поэта-шестидесятника – автора известной поэмы «Оза» о нашем городе и его обитателях.

Невозможно было начать писать книгу об Андрее Андреевиче Вознесенском без разрешения на то вдовы поэта Зои Борисовны Богуславской. Разыскав через своих собратьев по перу адрес электронной почты второй половины Героя моей будущей книги, я отправила ей письмо, сомневаясь, однако, получить ответ. Но ответ пришёл, и очень доброжелательный: «Не могла не порадоваться, что наша с Андреем альма-матер Дубна попадает в историю бытия Андрея. Ведь именно там он впервые затеял разговор о его чувствах и о нашем будущем».

Так началась наша с ней переписка. Стараясь зря не тревожить Зою Борисовну, я время от времени, очень осторожно сообщала ей об этапах своей работы, а она, по мере возможности, одаривала меня дорогими цитатами, которые я мгновенно вплетала в канву повествования. Иногда она мудро подталкивала меня к продвижению в нужном направлении, понимая, видимо, как нуждается писатель в такой помощи: «Искренне благодарю Вас за всё, что Вы делаете для восстановления пребывания Андрея Андреевича в Дубне вместе со мной, что, по существу, явилось увертюрой к последующему нашему с ним союзу. Спасибо за инициативу издания книги о поэте! С самыми лучшими пожеланиями!».

Где-то в конце прошлого лета я сообщила Зое Борисовне о завершении своей работы. Но

до финала было ещё далеко: предстояло найти деньги на издание, сделать редактуру, макет, напечатать тираж. Может быть, она почувствовала мою лёгкую усталость, потому что в следующем письме были слова, успокоившие меня: «Все публикации, вечера памяти, спектакли, посвящённые юбилею Вознесенского, длятся до 12 мая 2014 года, когда ему исполнится 81 год. Его юбилейный год исчисляется от одного дня рождения до следующего. Большинство событий падает как раз на январь, февраль, март».

Я заканчивала свои дела, Зоя Борисовна занималась своими: организацией установки мемориальной доски на доме, где поэт прожил более сорока лет, на Котельнической набережной; проведением церемонии вручения премии «Парабола» вместе с Владимиром Познером; подготовкой открытия Библиотеки имени поэта на Башиловке; выпуском книг и так далее.

Познакомились мы 12 сентября 2013 года в Чеховском культурном центре. «Круглый стол», посвящённый 80-летию со дня рождения Андрея Вознесенского, был в самом разгаре своего застолья, когда появилась ОНА – тихо и скромно, замахав руками в знак протеста на раздававшиеся в зале радостные аплодисменты. Речь её была краткой, но ёмкой. Зоя Борисовна сказала о том, что в её архивах имеется много личного материала, не известного пока что широкой публике, и что она не собирается из того, что принадлежит только им, делать средство для дохода. Поблагодарив аудиторию за внимание к творчеству поэта, Зоя Борисовна со всеми попрощалась и стала продвигаться к выходу, но её сразу окружили многочисленные знакомые, операторы, фотографы и просто желающие получить автограф. Подошла и я с букетом цветов и приветом из Дубны, о которой шла речь в докладе Анны Рылёвой. Зоя Борисовна заметно оживилась

и приветливо произнесла: «Если бы я знала, что Вы здесь, я бы Вас представила!». Мы сфотографировались на память, и я поспешила на вечерний поезд, но на улице меня ждал неожиданный сюрприз: проходя мимо автобусной остановки, я увидела на лавочке Зою Борисовну с помощницей. Она узнала меня и улыбнулась, а потом взяла за руку и произнесла лукаво: «Я так рада, что Дубна предстала сегодня в таком прекрасном обличье!» Я, смущаясь, не нашлась, что ответить, а она с молодым блеском в глазах быстро заговорила: «Я всех очень хорошо помню – и Блохинцева, и Понтекорво. А Сильвестров жив? Всем-всем передавайте от меня привет!» Подошёл водитель, взял её под руку и повёл к машине.

Я ехала в метро и улыбалась: у меня было очень хорошо на душе. Потому что произошла наша долгожданная встреча с Зоей Борисовной, и встретила она меня, как доброго друга, просто, без официоза (но такая простота, как известно, присуща только по-настоящему великим людям); потому что к Дубне у неё до сих пор сохранилось устойчивое тёплое отношение; и ещё – потому, что всё это в целом было добрым знаком и подтверждением того, что не зря я взялась за это исследование.

Тираж книги «Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы» был получен мною в московской типографии «Наука» 11 марта 2014 года. Я знала, что Зоя Борисовна находится за пределами страны, поэтому попросила своего редактора-москвича отвезти один экземпляр в Фонд и передать для неё.

Время шло, но ни звонков, ни сообщений по почте не было. Я подумала, что не такая уж я важная птица, чтобы сама Богуславская выражала своё мнение по поводу моей книги. На работе приближался День основания ОИЯИ – самый главный праздник в году: наш Дом культуры принадлежит Объединённому институту ядерных исследований. 25 марта, накануне праздника, я бежала по фойе с репетиции совместного российско-американского проекта с участием солистов OPERA NOIRE из Нью-Йорка, и вдруг услышала, как в кармане зазвонил телефон. Чей-то молодежавый, но властный голос уточнил:

- Аллё! Это Любовь Николаевна?

- Да! Это я!

- А это я! Зоя Борисовна Богуславская! Слышу, как Вы стучите каблучками...

- Да, бегу с репетиции.

- Можете мне перезвонить? (После паузы интонация становится шутливой.) Только отдышитесь пожалуйста.

Через десять минут перезваниваю ей. В трубке слышно, как она шёпотом просит кого-то выйти из кабинета: «У меня интимный разговор». Затем говорим... полчаса! Она высыпает мне в трубку массу лестных комплиментов по поводу книги, которую получила только вчера и прочла за ночь, но я запоминаю один, который мне кажется самым важным – фактология абсолютная и очень добросовестная. Потом долго вспоминает Дубну. В конце разговора приглашает меня к себе в гости и просит привезти книги, которые намеревается приобрести у меня для своих друзей. Мы договариваемся о встрече третьего апреля, и я трусливо (потому что отчего-то боюсь её) прошу разрешения захватить с собой редактора, даво мечтающего познакомиться с великой Богуславской. Она решительно отклоняет мою просьбу:

- Не-ет, я хочу с Вами одной пообщаться: Вы для меня – особая драгоценность.

До нашего свидания Зоя Борисовна звонит мне в Дубну ещё один раз, из Переделкина - вечером, после девяти. И вновь говорим полчаса. Она доверительно жалуется на усталость (выжата, как лимон), отчаянно ругает телевидение, газеты и журналы, которые обрушились на неё в связи с предстоящим юбилеем, и говорит, что в интервью «опять наврали», затем рассказывает о своей мечте увидеть Венецию: «В Италии бывала неоднократно, но в Венеции – ни разу! – обходила стороной. Наверное, берегла напоследок». Я впитываю в себя каждое слово Зои Борисовны и отчётливо слышу её одиночество без Андрея Андреевича: «Думала – умру без него, а вот живу...»

Наступило третье апреля. Я взяла такси, загрузила в него пачки с книгами, и в 15.00, как мы и договаривались, была на Краснопресненской набережной, 12. Зоя Борисовна в тот момент ехала от Олега Табакова, члена жюри «Параболы», и попала в пробку. Из машины звонила каждые пять минут - беспокоилась,

как я доехала, как меня встретили, извинялась за опоздание, которое случилось не по её вине (учтите, я очень ответственный человек!). А я за это время успела осмотреть скромные комнаты офиса Фонда с массой фотографий и книг, среди которых увидела, к своей радости, и свою о Владимире Высоцком.

Наконец, Зоя Борисовна позвонила в последний раз, сообщила о своём прибытии и велела мне спускаться вниз: «Я голодная, как собака. Давайте пообедаем? У нас здесь пять ресторанов – китайский, французский, итальянский... Куда захотите, туда и пойдём!».

Спустившись на первый этаж, я увидела бодро идущую навстречу мне Зою Борисовну – с короткой светлой стрижкой, в модных туфлях на каблуках, в элегантном чёрном брючном костюме с металлическими молниями, под которым виднелся батник с воротником-стойкой, а на шее - в тон цветам, которые я ей протянула - сиренью цвела шёлковая косынка. Принимая букет из моих рук, она приподняла брови:

- Откуда знаете, что мне нравятся простые цветы? К тому же, мой любимый цвет... Идёмте в ресторан!

За нами с вежливым любопытством наблюдали десятки глаз почтенной публики, официанты обслуживали галантно и учтиво – чувствовалось, что Зою Борисовну любят и уважают; а она своим внезапным появлением привела всех в тонус: присутствующие как-то сразу подтянулись и выпрямились. Она энергичным шагом направилась к столику у окна, усадила меня на кожаный диван, а сама опустилась на стул слева: «Спина!» (позже рассказала о своём неудачном падении с лестницы дома в Переделкине и о сложной операции в Лозанне).

Два с половиной часа, проведённые в ресторане бок о бок с Музой великого поэта, существенно расширили мои познания об Андрее Андреевиче. Кроме того, мне преподнесли высочайший мастер-класс завсегдатая дорогих ресторанов.

Хитро посмотрев на меня, Зоя Борисовна предложила: «Выпьем?». Зная о её проблемах со здоровьем, я замешкалась, а она уже требовала свой любимый «Беллис». Пришлось поддержать её бокалом красного вина. Когда

официант поставил «Кьянти» рядом с вишневым соком такого же рубинового цвета, Зоя Борисовна, имеющая дар Художника в любой мелочи заметить что-то необычное, произнесла:

- Посмотрите, как эти бокалы смотрятся рядом – не отличить!.. Первый тост – за нашу встречу!

Ела Зоя Борисовна с аппетитом, но достойно и не торопясь; аккуратно поливала салат оливковым маслом, а потом элегантно макала в него корочку бородинского хлеба. Я не удержалась и сказала: «Вы так вкусно едите!», она улыбнулась в ответ: «Присоединяйтесь!».

Говорила моя многоуважаемая собеседница охотно и много, несмотря на усталость: с воодушевлением - о «Параболе» и о том, что четыре её лауреата получают приличное денежное вознаграждение от Фонда (так она помогает талантливой молодёжи); с возмущением - о статье в последнем номере журнала «Story», где переврали факты; с гордостью – о рождении правнучки, названной в её честь. Потом разговор пошёл об Андрее Андреевиче, о котором она никогда не забывает, а точнее – о трёх причинах его болезни: Хрущёв, авария, собаки в Переделкине. Я сказала, что подробно читала последнюю историю у Нины Красновой в «Эоле», Зоя Борисовна слегка нахмурилась:

- Рассказываю сама! Андрей Андреевич гулял в шесть утра по Переделкину. Шёл и читал, сочиняя стихи. Понимаете? - размахивал руками в такт рифме. А собаки этот его жест поняли по-своему! Тридцать шесть собак напало на него! Голодная, бродячая, беспризорная свора... Хорошо, что сосед ковырял что-то в земле в шесть утра. Видит Андрея Андреевича с собаками, думал – играет с ними, Андрей ведь не кричал. Чтобы он позвал на помощь? – никогда этого не было! Уже потом, когда в больницу попал, наложили сорок шесть швов, укол от бешенства делали...

Было заметно, что эти воспоминания и сейчас приносят ей боль. Видимо, по этой причине она сменила тему разговора и спросила о Елене Горской (сотруднице ОИЯИ, которая пригласила в 1963 году Вознесенского выступить на вечере нашего Дома учёных), огорчилась, что та чувствует себя плохо, вспомнила

её мужа Леонида Сильвестрова: «У Лены с Лёней тогда такая же любовь была, как у нас с Андрюшей».

Дальше мы говорили о наших сыновьях, и Зоя Борисовна подняла за них тост. Потом повернула ко мне своё прекрасное лицо и озорным голосом приказала:

- Ну, а теперь рассказывайте вы!

По интригующему прищурю её молодых глаз я поняла, куда она клонит, но сделала манёвр и перевела беседу в рабочее русло – начала говорить о моей мечте открыть на гостинице «Дубна» мемориальную доску Андрею Вознесенскому. Зоя Борисовна ответила, что во многих городах, в которых бывал Андрей Андреевич, есть мемориальные доски, и что теперь она будет ждать, когда такая появится у нас. А потом добавила: «Дубна для меня всегда на первом месте».

Обед наш завершился (через полчаса она встречалась с какой-то архиважной персоной). На прощание мы обменялись подарками. Я преподнесла в будущий музей поэта картину Александра Иванова с изображением гостиницы «Дубна», в которой начался их с Вознесенским роман. Зоя Борисовна попросила по телефону водителя Сергея принести заранее отложенные для меня сувениры. В тяжёлом пакете находились бесценные сокровища: две книги Андрея Вознесенского - полное собрание стихотворений и поэм в одном томе, а также его книга «Прожилки прозы» и две книги Зои Богуславской: «Вымышленное» и «Невымышленное». Кроме этого, я увидела журнал «Story» и кассеты с фильмом «Андрей и Зоя», на который я ссылаюсь в своей книге. Зоя Борисовна обратила внимание на мой молчаливый восторг по поводу такого дорогого подношения и написала в одной из своих книг: «Вам, дорогая Любовь Николаевна, в память о Дубне, где мы были так счастливы с Андреем. Спасибо Вам за трогательную заботу о памяти поэта. Зоя. 3 апреля 2014 года». Потом задержала на мне свой взгляд, будто что-то уточняла для себя, и старательно нарисовала в углу, как рисуют дети, маленький цветочек, похожий на семицветик: «А это – только тем, кого люблю!»

В последний момент я вспомнила, что захватила с собой фотоаппарат и предложила

сфотографироваться. Зоя Борисовна согласилась, кокетливо попросила у меня зеркальце с помадой, чуть-чуть жеманно подкрасила губы и доложила: «Я готова!». Сергей сделал несколько наших снимков в фойе Центра - стоя, держась за руки, а потом - на фоне цветущих орхидей её любимого лилового цвета. Я вежливо подала руку, чтобы Зое Борисовне было удобнее подняться с низкого дивана, но она только отмахнулась и резко встала сама, а потом, увидев моё испуганное лицо, легко выбила каблучками то-то наподобие чечётки! Обняв крепко на прощание, строго наказала Сергею довезти меня до вокзала, попрощалась и отправилась в офис выпить кофейку.

Она удалялась от меня, постепенно растворяясь в толпе спящих по фойе людей, а я восхищённо смотрела ей вслед и не могла поверить, что только что находилась в одном временном пространстве с легендарной Богуславской, олицетворяющей собою сразу несколько литературных эпох. И что ей через две недели исполнится, страшно подумать, девяносто лет! Нет! Этого не может быть: чётко выстукивая каблучками рифмы на мраморном полу, к лифту пружинистой походкой шла стройная и красивая женщина по имени Зоя. Всё смешалось в моей голове: «А может, её называют Оза?» - в таком случае, она недавно отметила свой золотой юбилей, а это значит, что ей на четыре десятилетия меньше...

...В этой долгой жизни, которую, возможно, по завещанию поэта-мистификатора Андрея Вознесенского, проживая в двух измерениях (за себя и за Озу), Зоя Борисовна уже успела сделать очень многое, и могла бы успокоиться на достигнутом. Но она вовсе не собирается отдыхать и почивать на лаврах, продолжая вынашивать новые интересные идеи и строя грандиозные планы. Мне нравится думать, что источником сил и энергии для этой талантливой целеустремлённой женщины служит реально-нереальная Оза – её вечно молодой двойник из зеркальной реальности. Если это так, то впереди её ждёт ещё много важных свершений, а потому я произношу тост в её честь, который не произнесла при встрече: «Виват, Зоя-Оза!».

Иван ИЛЬИН

Таврида

У нашего народа есть хорошая традиция торжественно отмечать юбилеи исторических событий Русского государства.

В 2013 году 28 июля мы отмечали 1025 лет Крещения Руси!!!

Конечно, Крещение это Величайшее событие, круто повернувшее всю дальнейшую историю нашего Отечества!

28 июля 2015 года будем отмечать ровно 1000 лет памяти Святого князя Владимира Святославича, Крестителя Руси!

Обе эти знаменательные даты напрямую связаны с древней Тавридой, то есть с Крымом.

В 980 году Великим князем Киевским и Всея Руси стал правнук Рюрика Владимир Святославович. Утвердившись на Киевском столе, князь Владимир семь лет обустроивал землю Русскую и воевал с её врагами. Он завоевал города Червень и Перемышль в Галиции, покорил землю латышского племени ятвягов, ходил на судах воевать болгаров камских. Но не было на Руси единой Веры и князь Владимир, конечно, понимал, что пребывание в язычестве делает Русь в политическом отношении, второстепенной страной среди христианских государств Европы.

Существуют летописные легенды о том, как послы из разных стран пытались склонить князя Владимира к своей вере. Якобы были послы от иудеев, мусульман, от римских и от византийских христиан. Иудеи, рассеянные богом за свои грехи по всему миру, и потерявшие родину, по мнению князя Владимира, были недостойны навязывать другим народам свою веру, а обряд обрезания казался князю Владимиру весьма омерзительным. Кроме того, в Киеве иудейские общины сами в войнах не участвовали, но скупали пленных, и торговали ими на восточных базарах. Это занятие русским людям казалось постыдным. Полный отказ мусульман от распития вина и хмельного мёда на Руси вводить было совершенно невозможно. В те далёкие времена, также как и сейчас, каждое серьёзное дело

у нас завершал «почестен пир». Пирь князя Владимира описаны в народных былинах об Илье Муромце и в других. Отказываясь от ислама, князь Владимир сказал: «Веселие Руси питии и по другому нам не бытии!» Водку ещё не изобрели, и на пирах, под здравицы, ходила по кругу чаша братина с хмельным мёдом или вином греческим.

Конечно, князь Владимир мог бы креститься и в Киеве, где со времён княгини Ольги, уже было много христиан, были и церкви, и священники. Но он хотел сделать так, чтобы это крещение стало фактом большого международного значения и привело бы к тому, чтобы Русь была сразу признана равной с другими христианскими странами. Крещение Руси надо было красиво обосновать великими подвигами, о которых сразу узнала бы вся Европа.

В то историческое время самым могущественным государством Европы была греческая христианская Византийская империя. Разделения Церкви на православие и католичество ещё не произошло. Княгиню Ольгу крестил в Константинополе сам Патриарх, а император Константин Багрянородный был её приемником от купели.

Князь Владимир задумал такую военнополитическую интригу, чтобы Византийские императоры САМИ предложили Русскому государству равноправную дружбу и Крещение. На Тавриде, то есть в Крыму, вблизи современного Севастополя, был богатый и свободный город Корсунь, бывший ранее Византийской колонией и называвшийся Херсонесом. Жители Корсуни вели богатую морскую торговлю по всему Чёрному морю. Они никому не подчинялись и никому не платили дани. Византийские императоры считали Корсунь своей давней колонией, но, погрязшие во внутренних усобицах и войнах, не имели реальной возможности заставить Корсунь признать зависимость от Константинополя.

Сам Крымский полуостров для русских князей не был «Terra inkognita», то есть «Неизвестной землёй». Ещё в 939 году князь Игорь

Рюрикович взял хазарский город Самкеру, расположенный на Таманском полуострове. В 964-965 гг. князь Святослав Игоревич контролировал территорию Северного Крыма. В конце X-го века было основано русское Тьмутараканское княжество, на Таманской и части Керченского полуостровов. Столицей княжества был город Корчев (современная Керчь). С этого времени славяне Руси начали расселяться по всему Крыму. В Старом Крыму (Салхате), Судаке, Мангупе, Херсонесе русские славяне составляли наиболее значительную часть населения.

Уже потом, к началу XIII века, население Крыма представляло собой винегрет из потомков десятков народов, в разное время появлявшихся на полуострове. Это были скифы, киммерийцы, готы, сарматы, греки, римляне, хазары и другие, но русские в Крыму были ВСЕГДА!!!

Но вернёмся к изложению исторических событий 987-го года. Прекрасно понимая военно-политическую ситуацию в Византийской Империи, князь Владимир собрал войско, пришёл на Тавриду, населённую русскими, и взял независимый город Корсунь в осаду. Князь Владимир объявил жителям Корсуни, что если они не сдадутся, то осада будет длиться хоть три года. Горожанин Корсуни по имени Анастас не захотел, чтобы его семья и другие жители города, умирали голодной смертью, и пустил стрелу с запиской в стан князя Владимира. Он написал, где расположены водоводы, питающие водой город, и воины Владимира их перекрыли. Славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать атаки и осады врагов через три дня сдался.

Чтобы возвысить Русь, и стать на равных с Византийскими императорами братьями Василием и Константином, князь Владимир попросил руки их сестры, царевны Анны, дочери императора Романа II. Обращаясь к византийским императорам с этим предложением, князь Владимир обещал креститься сам и крестить Русь. Князь Владимир обещал также оказать помощь императорам в борьбе со злодеем и узурпатором полководцем Вардой Фокой, а также вернуть Корсунь Византии.

Византийская империя после смерти императора Цимисхия погрязла в мятежах и бес-

порядках. Военачальники Варда Склир и Варда Фока боролись с законными императорами, претендуя на их власть. Эти обстоятельства заставили императоров забыть гордость и презрение к русскому князю язычнику и, надеясь с его помощью спасти трон, дали согласие на брак с царевной Анной, при условии предварительного крещения князя Владимира.

В летописи сказано, что в то время, когда прибыл в Корсунь корабль с царевной Анной, греческими священнослужителями и чиновниками, князь Владимир заболел глазами и ничего не видел. Царевна Анна уговорила его немедленно креститься, и князь прозрел сразу, как только святитель наложил на него свою руку. Бояре российские, удивлённые почти таким же чудом, какое случилось со святым апостолом Павлом, тоже крестились в истинную веру в церкви Святителя Василия Великого на центральной площади Корсуни.

По завершении крещения и венчания, князь Владимир отказался от своего завоевания, возвратил Корсунь греческим императорам и помог им войском, чтобы разбить мятежника Фоку и восстановить мир в империи. Это была достойная княжеская благодарность за Крещение!

По возвращении в Киев разбиты были кумиры Хорса, Велеса, Мокоши, Световида и Переплута, а самого Перуна свергли с пьедестала и, привязав к конским хвостам, сволокли в Днепр, а плывущего отталкивали от берегов до самых Днепровских порогов. Все родственники князя Владимира и его дружина крестились в речке возле княжеского дворца, которая была названа Крещатиком!

Вскоре и весь народ киевский был крещён в водах Днепра. А в Киеве, как и в Корсуни, была построена церковь во имя Святителя Василия Великого и Десятинная церковь. Десятинной церковь была названа потому, что был принят закон отдавать десятую часть от доходов на благо Святой церкви.

Через два года в Новгороде крещением руководил, тоже крещённый в Корсуни, дядя князя Владимира Добрыня Никитич.

По церковным преданиям и по вере наших предков Крым и город Херсонес это

КРЕЩЕНСКАЯ КУПЕЛЬ СВЯТОЙ РУСИ!

Ольга ПОЛЯКОВА

Ризы победителей

Мужской казачий костюм

(Продолжение. Начало в № 4)

Казачи сохраняли свою вольность во всем, что проявилось и во внешнем виде. Установленной формы одежды казачьи войска не имели почти до конца XVII в. С одной стороны, это было особой привилегией – «Петр I, переодевая всю Россию, разрешил только казакам оставить дорогие их сердцу костюмы предков». С другой, отсутствие формы было обусловлено тем, что казаки, выступая на войну, обмундировывались, вооружались и снаряжались за свой счет.

Одежда должна была быть удобной в боевых условиях, а фасон или покрой не имели значения, поэтому в казачьих рядах одновременно встречались русские кафтаны, кавказские бешметы, польские жупаны и т.п. Но высокую барашковую шапку, чуть расширенную книзу, прочные широкие шаровары, разнообразные кушаки, меховые бурки и др. обязательно носили все казаки. Шапка защищала их от солнечных лучей, холода, предохраняла от укусов скорпионов, шаровары не затрудняли движений и охраняли ногу от укусов змей, кушаки выполняли различные гигиенические функции.

Попытки заставить казаков носить единообразную одежду, как правило, успеха не имели. Исключение составляли только казаки, служившие во временных командах Санкт-Петербургского и Московского легионов. Для них в 1774 г. была установлена следующая форма: низкая четырехугольная красная суконная шапка с околышем из черной смушки (в торжественных случаях еще полагались белый бант и султан), васильковая епанча с красным подбоем, зеленый кафтан с красными отворотами, подбоем, косыми обшлагами и пришитым на правом плече погоном из желтой шерстяной ткани, красный полукафтан (в Московском легионе с зеленым воротником), красные штаны и кушаки, короткие черные сапоги. Форма офицеров обшивалась золо-

той (в Московском легионе) или серебряной (в Санкт-Петербургском легионе) тесьмой, к сапогам прибавались шпоры.

В 1796 г., в царствование Павла I, была введена первая постоянная форменная одежда для Лейб-Гвардии казачьего полка, который нес службу при императорском дворе как в военное, так и в мирное время. При ее создании учитывали обычаи, привычки и традиции казачества, но также отдавалась дань немецкой моде. Новая форма 1796 г. состояла из меховой шапки, кафтана, полукафтана, плаща, кушака, шаровар и сапог. Новшеством для казаков стал черные галстуки и замшевые белые перчатки с крагами.

Шапку шили из черной смушки по образцу головного убора прусских гусар – с алым, свисающим на бок суконным верхом. Она украшалась витым шнурком и кистями голубого и малинового цвета, султаном из белых перьев. Полукафтан был алый, суконный, русского типа, но немного короче, застегивался на груди на крючки, заправлялся в шаровары. Однобортный кафтан с небольшим стоячим воротником, с пришитыми обшлагами шился из темно-синего сукна и был длиной до середины икр. Широкие и свободные шаровары из бирюзового сукна носили с напуском на черные тупоносые кожаные сапоги на небольших каблуках, хотя до этого казаки предпочитали остроносую обувь. Кушаки были не только обязательным предметом формы, но и указывали на принадлежность к эскадронам: белые – в Лейб-эскадроне, синие – в Штаб-эскадроне. В ненастную погоду наряд казака дополнял белый суконный плащ.

Офицерская форма отличалась от формы нижних чинов особой отделкой и серебряными украшениями на шапках. Полукафтаны и кафтаны обшивались вокруг воротников, по бортам и сзади по спинным и рукавным швам узкой серебряной тесьмой, а по груди гори-

зонтально в шесть рядов до пояса на гусарский манер двойными серебряными галунами с нитяными кистями на концах.

Форма казачьих генералов отличалась более богатой отделкой. Кроме того, они носили особый серебряный аксельбант на правом плече, как в прусской армии.

Форма, установленная для Лейб-Гвардии казачьего полка, была также присвоена Лейб-Гвардии Уральской сотне, но только для уральцев она шилась из малинового сукна. Вместо меховой шапки они носили малиновый уральский колпак с четырехсторонним острым верхом.

После восшествия на престол императора Александра I в гвардейском обмундировании произошли перемены. В 1801 г. вместо полукафтана была введена куртка длиной до талии или чуть ниже, со стоячим скошенным воротником. Воротники и обшлага офицерских курток украшались фигурным серебряным шитьем, а в дополнение к кушакам офицеры начинают носить серебряные пояса-шарфы с кистями.

Новую форму ввели и в казачьих войсках, причем, за основу были взяты костюмы лейб-казаков: черные барашковые шапки, темно-синие куртки, чекмени, шаровары с лампасами, разноцветные кушаки и черные кожаные сапоги, в холодное время – бурки, полушубки, а позже – шинели.

Особое фигурное и серебряное шитье на воротники и обшлага генералов Донского казачьего войска водится в 1804 г. Через пять лет у генералов оно заменится общегенеральским армейским шитьем. В 1804 г. всем казачьим офицерам присвоили серебряные витые жгуты на плечи, а позже серебряные пояса-шарфы. Офицеров отличали серебряные украшения на шапках, волосяные белые султаны черно-оранжевого цвета у основания и шпоры.

Нововведением в гвардии стали желтые эполеты из шерстяной ткани уланского типа и красные с желтым узором нашивки у нижних чинов, серебряные эполеты у офицеров. Были окончательно установлены и цвета форменной одежды, которые оставались неизменными на протяжении столетий, – красные куртки, синие чекмени и шаровары, черные шапки

и сапоги.

Для Черноморской сотни, зачисленной в 1811 г. в состав Лейб-Гвардии казачьего полка, установилась та же форма и те же цвета, но к курткам и чекменям полагались черные плюсовые воротники и обшлага с белой выпушкой, а также откидные рукава – синие, если одежда красная, и красные, если синяя; на плечах располагались переплетенные белые жгуты.

В 1882 г. был несколько изменен покрой войсковой формы. Барашковая шапка внешне стала напоминать кивер: она была высокой (более 22 см) и расширялась кверху. Внутри ее начали проклеивать кожей, чтобы она держала правильную форму, а внизу приделали кожаный подбородный ремень, убирившийся внутрь, чтобы шапка прочнее сидела на голове. Слева крепился белый султан из конского волоса (у урядника верх окрашивался в черный и оранжевый цвета).

В разных войсках шапки имели свои особенности: у офицеров-уральцев - с черным лакированным козырьком и серебряным ободком, у сибирских казаков - кивер пехотного образца, но из лакированной кожи, с медной чешуей на подбородных ремнях, украшавшийся белыми (в артиллерии - красными) или серебряными (у офицеров) кутасами и этишкетами, а у артиллеристов медным (золотым) гербом с изображением двух пушек и горящей гренады, у кавказских казаков - круглая горская папаха. В походе большинство нижних чинов носило произвольные суконные фуражки, а на шапках - черные чехлы.

Куртка и чекмень, уже с прямыми стоячими воротниками и пришитыми обшлагами с выпушкой, утратили сходство со старинными кафтанами, что особенно сказалось после введения у казаков погон, а у офицеров в 1815 г. эполет и петлиц. Чекмень стал несколько короче - до колен. В 1816 г. для артиллеристов установили темно-зеленый цвет форменной одежды. В этом же году для черноморцев вместо чекменя ввели куртин с пришитыми на спине рукавами, белой выпушкой вокруг воротника и обшлагов в один ряд, а на спине по обе стороны от рукава до пояса в два ряда с переборкой посередине.

В конных полках и конной артиллерии форма была темно-синего цвета, в пешех частях - темно-зеленого. Казаки-артиллеристы отличались от всех остальных черными воротниками с обшлагами. Все нижние чины на плечах носили жгуты из перевитого втрое красного шнура. Штаб-офицерам (старшим) нашивались жгуты из втрое перевитой толстой золотой и серебряной канители, обер-офицерам (младшим) - жгуты только из серебряных суконных ниток. Всем офицерам присваивались серебряный прибор и специальное шитье по воротнику и обшлагам.

Широкие и свободные шаровары были приспособлены для того, чтобы в них можно было заправлять куртку. Их удлиненный верх закрывал половину груди, дополнительно утепляя ее, после тугого стягивания. Шаровары защищали казака от ветра и переохлаждения. Для прочности их наиболее трущиеся части обшивали кусками кожи.

Но не во всех войсках казаки отправлялись на войну экипированными по форме. Например, уральцы предпочитали носить не куртки и чекмени, а яргаки (халаты) из жеребьячьих шкурок и широкие овчинные тулупы шерстью вверх. Не смотря на это было положено начало распространению казачьей формы.

Серьезное внимание экипировке казачьих войск уделил император Николай I. Усилия были направлены на лучшее приспособление одежды к военным условиям.

Шапка-кивер стала короче на 3 см, не расширялась кверху и лишилась многочисленных украшений. Остались только круглые помпоны (по прикладному цвету войска) и кокарды (у урядников делились на темно-серые и белые части, расположенные крестобразно). Во время похода на шапку надевали чехол из черной клеенки. Для повседневной носки ввели фуражку без козырька (по образцу регулярных частей), с тульей и околышем определенного цвета: синего и алого у донцов, синего и голубого у уральцев, синего и желтого у астраханцев, темно-синего и красного у черноморцев, темно-зеленого и красного у сибиряков, темно-зеленого и светло-синего у оренбуржцев, темно-зеленого (с красной выпушкой) у забайкальцев, темно-зеленого и

черного (с красной выпушкой) в казачьей артиллерии.

Куртку заменили чекменем, длина полы которого достигала 18 см, таким образом нижние части тела лучше были защищены в непогоду. В Забайкальском войске на чекмень пришивали черные кожаные напатронники с гнездами для деревянных трубочек с заранее отмеренными дозами пороха. Все казаки на плечах носили погоны строго установленного цвета: синие с красной выпушкой - в Донском войске, малиновые - в Уральском войске, желтые - в Астраханском войске, алые - в Сибирском войске, светло-синие - в Оренбургском войске. Мундирные цвета остались в основном прежними, только оренбуржцы поменяли синий цвет на темно-зеленый.

Обмундирование офицеров отличалось качеством сукна, пошивом и знаками различия: серебряными (в конных частях) или золотыми (у остальных) помпонами, кокардами, гербами на головных уборах, чешуйчатыми (в коннице) или суконными (в пешех частях) эполетами с коваными звездочками (по чину), петлицами, поясами, аксельбантами (кому положено) и т.д. Чехлы на шапки были двухцветные: верхняя часть - по цвету воротника мундира, нижняя - из черного сафьяна. Фуражки делались с кожаным козырьком и с кокардой на околыше, тульи были мундирного цвета, в гвардии - красного у черноморцев, светло-синего у атаманцев, темно-зеленого у артиллеристов и алого у лейб-казаков.

Генералы получили темно-зеленые в голубизну чекмени и брюки с красной выпушкой, меховые шапки с генеральским султаном из страусиных перьев. Шитье на генеральскую форму было золотое.

Для офицеров, служащих по внутреннему управлению, были введены шаровары с красным кантом и чекмень из темно-зеленого сукна с красным воротником и черной выпушкой, на рукавах - зеленые клапаны, по их обшлагам и по борту от воротника до края пол шла красная выпушка, а на воротник и клапаны нашивались серебряные петлицы. Форма адъютантов отличалась от общеофицерской только красными клапанами и белыми выпушками (а в гвардии еще и серебряным кантом на во-

ротнике, обшлагах и клапанах).

Другой была форма казачьих войск, размещенных на Кавказе. В 1831 г. нижним чинам Кавказского линейного казачьего войска (линейцам), учитывая особенность и место их службы, установили форменное обмундирование, не отличавшееся от одежды черкесов. Шапка, сужающаяся кверху, заканчивалась закругленной макушкой, представляла собой суконный колпак высотой 20 см, обшитый (на высоту 14 см) черной овчиной.

Чекмень, суконный, черкесского покроя, без воротника и обшлаг, на 9 см ниже колен, застегивали крючками от середины груди до пояса. Посередине груди с двух сторон нашивался наискось зеленый кожаный напатронник (позднее черный) на 8 газырей каждый, под каждым напатронником делался прорезной карман; вся одежда и напатронники обшивались черной узкой шерстяной тесьмой. Под чекмень казаки надевали полукафтан (бешмет) черкесского типа, на 4,5 см короче чекменя. Шаровары были суконные, узкие, с кожаными штрипками, их носили напуском на сапоги.

Для каждого полка ввели свой цвет бешметов, чекменей и шаровар, а также верха шапок и погон. Темно-синие (позднее синие) чекмени и шаровары были формой Терско-Семейного, Хоперского, Ставропольского, Волгского, Кавказского, Кубанского и Лабинского полков. Сменили темно-синий цвет на темно-коричневый Гребенской и Горский полки, темно-коричневые (позднее коричневые) чекмени носили в Моздокском, Кизлярском, Владикавказском и Сунженском полках. Бешметы и все остальные прикладные вещи были: в Терском-Семейном - красные (установлены в 1831 г.), в Хоперском - белые (1831), светло-синие (1834) и желтые (1845), в Ставропольском - желтые (1834) и зеленые (1845), в Волгском - белые (1831), светло-зеленые (1834) и светло-синие (1845), в Кавказском - красные (1834, 1845), в Кубанском - красные (1831) и белые (1834, 1845), в Лабинском - оранжевые (1834, 1845), в Гребенском - голубые (1831) и желтые (1834, 1845), в Горском - желтые (1831) и красные (1834, 1845), в Моздокском - желтые (1831) и белые (1834, 1845), в Кизляр-

ском – голубые (1831), светло-зеленые (1834) и светло-синие (1845), во Владикавказском - зеленые (1834, 1845), в Сунженском - оранжевые (1847)

В Кавказском пешем батальоне носили чекмени по образцу бешметов - с закругленными воротниками, обшлагами с красной выпушкой, черными напатронниками на 16 газырей, шаровары и шапки с темно-зеленым верхом. Казакам присваивались погоны темно-зеленого цвета с выбитой шифровкой «1К», подшитой желтым сукном. Артиллеристы-линейцы надели зеленые чекмени, обшитые красным кантом, с красными погонами, на которых был выбит подшитый желтым сукном номер батареи, и с медными пуговицами, шаровары с красной выпушкой и красные бешметы.

В 1840 г. Черноморские казаки конных полков получили обмундирование, похожее на одежду горских народов, но имевшее существенные отличия (особенно у трубачей). В первую очередь это касалось покроя мундира и шаровар. Шапка была такой же, как и у линейных казаков (колпак из красного сукна, верх круглый, стеганный на вате). Кафтан - темно-синий, однобортный, без воротника, с открытой грудью, свободный, длиной до колен; на груди нашивались черные кожаные напатронники (на 16 газырей), отделанные вокруг широкой, а по напатроннику узкой шерстяной тесьмой, такой же тесьмой обшивались края рукавов, погоны были красные на подкладке из синего сукна с выбитым и подшитым желтым сукном номером полка, этот же номер был выбит на пуговицах.

К полукафтани (ахалук) - красному, матерчатому, стеганному на вате, с высоким прямым воротником, с застежками на крючках, полагался черный хлопчатобумажный галстук. Шаровары были темно-синие, широкие, суконные, без лампасов, с кожаными штрипками. Сапоги - черные из мягкой кожи. Кафтаны и ахалуки трубачей были расшиты по груди, полам, вокруг воротника и в верхней части рукавов мундиров белой тесьмой с красным просветом. У урядников верх шапки, края рукавов и воротник обкладывались обыкновенным армейским серебряным галуном.

Для казаков-пластунов были введены куртки темно-синего сукна (замененные в 1848 году чекменями на 22 см выше колен) с воротниками и обшлагами, отделанными красным кантом, с нагрудными черными напатронниками на 16 газырей, широкие шаровары без штрипок, сменявшиеся летом на холщовые штаны, установленные для всей пехоты. Все остальное было таким же, как и в конных полках.

Форма артиллеристов отличалась от формы конных казаков цветом кафтанов, ахалуков и обшивочной тесьмы, которые были соответственно темно-зеленые, черные и красные, к тому же на шароварах делался красный кант.

Индивидуальность сохранили офицеры кавказских казачьих войск, хотя и имели много общего в одежде. Линейцы выделялись разнообразием цветов чекменей и шаровар (синие, зеленые и коричневые), бешметов и колпаков шапок (оранжевые, зеленые, желтые, белые, светло-синие, светло-зеленые и красные - по полкам). Офицерская форма расширялась вокруг воротника, по бортам, полам, по низу, вверху и внизу напатронников, вокруг карманных прорезей и по краям рукавов, по швам шаровар узкой серебряной или золотой тесьмой, а верх шапки был украшен серебряным или золотым галуном, на колпак крестообразно нашивалась серебряная или золотая азиатская тесьма.

Офицеры-черноморцы носили темно-синие и темно-зеленые кафтаны с красными и черными ахалуками, обшитыми серебряной или золотой узкой тесьмой, а вокруг черного бархатного напатронника - широким серебряным или золотым галуном; на воротнике и обшлагах с красным кантом прикрепляли серебряные или золотые петлицы; швы шаровар обшивались серебряной или золотой тесьмой. Кроме того, в употребление вводился суконный чекмень с прямым воротником, отделанным красным кантом, с черными бархатными напатронниками на 6 газырей (такими же, как на кафтане). Фалды и рукава кроились на черкесский манер, покрой штанов остался прежним. Все кавказские казачьи офицеры получили серебряные или золотые чешуйчатые (в пеших частях суконные) эполеты с коваными

звездочками для различия чинов и накладными номерами или буквами своих полков.

Вся введенная в кавказских казачьих войсках форма фактически была парадной. Во время Кавказской войны нижние чины и офицеры носили разнообразные простые черкески, но преимущество отдавалось коричневым и бежевым цветам, на ноги надевали наговицы, наколенники и чевяки, в непогоду укрывались бурками и башлыками. В период боевых действий офицерам разрешалось снимать эполеты и пользоваться шапками с верхом неярких цветов, без галунной обкладки.

Александр II, вступивший на престол в 1855 году, за несколько месяцев изменил форму. Вместо шапки-кивера появилась меховая папаха с кокардой, похожая на головной убор линейцев и черноморцев. Прежде прямые обшлага чекменей были заменены вырезанными мыском, а закругленные (прежде прямые) воротники и обшлага чекменей штаб-офицеров украсили серебряными и золотыми галунами. Мундиры трубачей больше не расширялись тесьмой, остались только крыльца (наплечники).

Офицерские погоны также претерпели изменения: они стали у обер-офицеров с одним просветом по цвету прикладного сукна, у штаб-офицеров - с двумя. Изготавливали их следующим образом: на суконное основание нашивали специальные серебряные или золотые галуны - два широких у обер-офицеров, один широкий по центру и два узких по краям у штаб-офицеров и один широкий (зигзагом) у генералов. Для различия чинов к погонам прикрепляли кованые звездочки, как на эполетах.

В 1862 году вышло распоряжение о замене фуражек новым головным убором - кепи, напоминавшим французский кивер «шако» 1855 года, но уступавшим ему по высоте почти на одну треть. Его верх делался из сукна по цвету мундира, а околыш - по цвету прикладного сукна, без выпушек (в артиллерии околыш - черный с двумя красными выпушками). Генералам и штаб-офицерам на верх кепи нашивали серебряный или золотой шнур, обер-офицерам и нижним чинам - кант по цвету околыша (в артиллерии - красный). Подбо-

родный ремешок у генералов был из золотого или серебряного галуна, у офицеров и нижних чинов - из черной лакированной кожи. На кепи полагалась также петля с кокардой - у нижних чинов из шерстяной или бархатной тесьмы по цвету прикладного сукна (в артиллерии красная), у урядников трехцветная, у всех остальных из серебряного или золотого шнура. Одновременно в казачьих войсках ввели в употребление суконные башлыки - остроконечные колпаки, надеваемые поверх шапки, с двумя длинными узкими концами, которыми можно было обернуть тело. Кепи служило казакам недолго. В 1867 году им возвратили прежнюю фуражку, но с козырьком и кокардой посередине околыша. В летнее время года на фуражку надевался белый полотняный чехол.

Одежда казаков в основном не изменилась - ее покрой и общий вид остались прежними, вырезанные мыском обшлага заменили в 1875 году прямыми. Чекмень стал называться мундиром, полы его несколько удлинили — до 27 см от талии, сзади делали 6 складок; застегивался он налево с помощью крючков. У трубачей в верхнюю часть проймы рукава вшивались наплечники по цвету прикладного сукна, украшенные идущими наискось полосами из белой с красной выпушкой тесьмы. Шаровары шили с более коротким, чем раньше, верхом, они стали больше походить на брюки, и их с 1871 г. заправляли в сапоги с длинными голенищами. Такую форму получили вновь образованные Амурское и Семиреченское казачьи войска, причем первое по цветам не отличалось от Забайкальского (только погоны были белые с красной шифровкой, позже - темно-зеленые с желтой выпушкой), а у второго мундирный цвет был темно-зеленый, а прикладной - малиновый. Офицеры-семиреченцы получили разрешение шить папахи из медвежьего меха. Следует отметить, что при Александре II был окончательно установлен цвет мундирного и прикладного сукна: Донскому казачьему войску присваивались соответственно темно-синий и алый, Уральскому - темно-синий и малиновый, Астраханскому - темно-синий и желтый, Сибирскому - темно-зеленый и красный, Семиреченскому - темно-

зеленый и малиновый, Оренбургскому - темно-зеленый и светло-синий, Забайкальскому и Амурскому - темно-зеленый и желтый.

Новшеством было введение в 1867 г. на летнее время для жарких районов холщового кителя, одинакового покроя с мундиром, и холщовых шаровар. Однако, через два года китель был заменен белым двубортным общеармейского образца. Тогда же казаки, находившиеся на службе в Туркестанском военном округе, получили широкие кожаные красно-коричневые штаны - чембары, а оренбуржцы-артиллеристы стали носить темно-малиновые чембары.

В 1867 г. мундиры гвардейских конных казаков (алый, голубой и малиновый) с двойными белыми петлицами на воротнике и обшлагах украсили восемью рядами петель из шнуров (застегивались петли посередине груди на костыльки), желтых у лейб-казаков, белых у атаманцев (с 1878 г. - желтых) и уральцев. Длинные петли с обоих концов завивались тремя кольцами: одно в середине, продолжая петлю, и два по бокам. К цветным мундирам полагались темно-синие шаровары с двурядным лампасом приборного цвета.

В качестве повседневной одежды казакам устанавливались темно-синий чекмень и серо-синие шаровары. Офицерам казачьих войск для повседневного ношения установили чекмень одинакового покроя и цвета с мундиром, с полами на 9 см выше колен, прямыми обшлагами, без петлиц, галунов и выпушки по борту; к нему обязательно полагались погоны.

Казачьи генералы в дополнение к общевоинскому и общегенеральским мундирам получили вицмундиры (цветом по войску) с погонами, широким генеральским серебряным или золотым галуном на воротниках и обшлагах без петлиц, с выпушкой цвета прикладного сукна. Шаровары были самые различные (в зависимости от вида формы) - красные, по боковым швам с золотым галуном с красной посередине полоской, серо-синие с красными лампасами, черные с красным двурядным лампасом (с 1873 г.) и серо-синие с красной выпушкой.

В обмундировании кавказских казачьих

войск произошли существенные перемены. В 1856 г. у линейцев офицерские эполеты заменили двойными шнурами из серебряного гусарского филиграна с серебряными гомбачками - у обер-офицеров в один шнур, у штаб-офицеров в два шнура, у генералов - в три шнура и золотыми звездочками на них по чину; нижние края рукавов чекменя стали обшивать у генералов широким серебряным генеральским галуном, у штаб-офицеров - серебряным или золотым гусарским, а у обер-офицеров - серебряной гладкой тесьмой; такая же выкладка имела на воротниках бешметов, а узкая тесьма - по их бортам от воротника до талии; напатронники делались из черной замши, шаровары не обкладывались галуном.

Кавказское линейное казачье войско в 1858 г. увеличилось на 1-й и 2-й Урупские конные полки, которые получили синие черкески и бирюзовые бешметы. В 1859 году в Кавказском линейном и Черноморском казачьих войсках (которые вскоре были переименованы в Терское и Кубанское казачьи войска) для всех чинов конных полков были введены парадные мундиры (черкески) и узкие шаровары, в первом - темно-коричневые, во втором - темно-синие, для всех - красный верх шапок, погоны и бешметы; для артиллеристов введены темно-зеленые черкески, черные бешметы и черный верх шапок. Прежнюю обшивку офицерских мундиров галунами отменили, серебряная или золотая тесьма нашивалась только сверху напатронников и по бортам бешметов до талии, у штаб-офицеров и генералов - соответствующий чину серебряный или золотой галун по краю рукавов мундиров и на воротники бешметов. Офицерам и генералам Кавказского линейного войска вновь вернули эполеты из серебряной или золотой канители, чешуйчатые, с накладным вызолоченным номером полка и подбоем из красного сукна.

В течение 12 лет форма кавказских казаков оставалась без изменений. В 1871 г. вместо шапок были введены папахи, похожие на горские, с черным барашковым околышем высотой 20 см и суконным верхом, выступавшим над меховым краем почти на 7 см. Цвет парадной одежды поменяли на черный, суконные черкески несколько удлинили (32 см от зем-

ли), напатронники стали делать с 10 гнездами каждый, погоны, бешметы и верха головных уборов установили: в конных полках - светло-синие (в Терских), красные (в Кубанских), в пластунских батальонах - черные с малиновым кантом (погоны малиновые), в артиллерии - красные (бешметы черные с красным кантом). Офицеры отличались от нижних чинов тесьмой на папах и бешметах, эполетами и погонами, у генералов воротники бешметов и борта, а также края рукавов и верх напатронников обшивались галуном соответствующего образца. Повседневную одежду составляли темные черкески сукна местной выделки (зимой) и светлые суконные или холщевые (летом), все с погонами по чинам, немаркированные бешметы, ноговицы, наколенники и чевяки (взамен сапог).

Александр III провел реформу обмундирования, целью которой было упростить его и придать национальное своеобразие. Предпочтение отдавалось приспособленности к походным и боевым условиям. С парадных гвардейских казачьих мундиров исчезли эффектные шнуры, шаровары лишились цветных двухрядных лампасов, меховые шапки заменили барашковыми папахами (по старинному русскому образцу). В 1885 г. в войсках ввели гимнастерку из небеленого полотна с полотняными погонами.

По ходатайству войскового наказного атамана уральским казакам в 1889 г. разрешили носить папахи из местной длинношерстной овчины с колпаком цвета прикладного сукна (у офицеров колпак обшивался по нижнему краю и швам серебряным галуном), общей высотой до 240 мм.

В 1889 г. был введен и новый мундир, созданный на основе халата, широко употреблявшегося уральцами в быту. Мундир был длинным, на 14 см ниже колен, со стоячим воротником с выпушкой, с тремя карманами (один накладной на груди и два прорезных с боков), подкладкой произвольного цвета. Шился он из синего сукна с таким расчетом, чтобы можно было надеть под него теплую одежду или полушубок (для чего существовал второй ряд крючков).

Офицерские мундиры отличались от мун-

диров нижних чинов погонами, эполетами, качеством сукна и синей подкладкой. У генералов воротник и обшлага отделялись генеральским галуном, а подкладка была малиновая (прикладного цвета). Новый мундир стали называть татаркой. К нему полагались красные кожаные шаровары (чембары), которые носили все чины независимо от места нахождения полков и времени года.

Нижние чины Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск получили такую же форму, но темно-зеленого цвета с желтым (прикладным) сукном и без чембар. В 1891 г. татарки были установлены и для офицеров, но с небольшими изменениями, которые касались также уральцев: у генералов воротник прямой, со скошенными концами застегивался на крючки спереди, у остальных офицеров концы воротника были закругленными, у штаб- и обер-офицеров нашивались петлицы - одна серебряная на воротнике и две галунные на обшлагах. Новым в казачьей форме стали чекмени-татарки, отличавшиеся от мундиров отсутствием галунов и петлиц и закругленными воротниками на генеральских чекменах.

Эта удобная и практичная одежда пришлась по душе казакам и была положена в основу нового казачьего обмундирования. В 1892 г. всю прежнюю форму (кроме формы кавказских войск) отменили. В качестве головного убора были установлены немного суженные вверху барашковые папахи общей высотой до 25 см, тулья (высотой до 20 см) изготавливалась из овчины с мехом длиной 18 см для уральцев, забайкальцев, амурцев и уссурийцев и из мелкого курпея (высотой до 14 см) для остальных.

Двубортные свободные мундиры шили из неворсованного синего и темно-зеленого сукна. Они доходили до колен и застегивались на левую сторону четырьмя крючками, полы заходили одна на другую, стоячий мягкий воротник был без проклейки и с закругленными концами, со шнуром по верху (в артиллерии и по низу), а также по обшлагам, бортам и краю наружной полы по цвету прикладного сукна, с карманами по бокам. У офицеров конных полков на воротник нашивалась одна

серебряная петлица, на обшлага - по две, в артиллерии воротники и обшлага были черные бархатные с золотыми петлицами, у всех подкладка из мундирного сукна, у воротника - по цвету приклада, на плечах - галунные погоны с вышитыми звездочками или эполеты. У генералов вместо петлиц вплотную к выпушке нашивали широкий общегенеральский серебряный или золотой галун, подкладка была по цвету прикладного сукна, чешуйчатые эполеты имели поле и корешок мелкоклетчатого тканья. Офицерский чекмень не отличался от мундира, но на него не нашивали галуны и петлицы, у артиллеристов воротник и обшлага вместо черных были темно-зеленые.

Теплушка стала новым элементом казачьей формы. Она была такого же покроя, как и мундир, но короче, из произвольной ткани темного цвета и простеганной ватной подкладки. Теплушку надевали в холодное время под мундир, а без него под шинель, а также, по усмотрению полкового начальства, она могла заменять мундир и шинель на домашних учениях и занятиях.

В войсках ввели кушаки цвета прикладного сукна (с поясом, бантом и крючком), набрюшники, шаровары мундирного цвета с однорядным лампасом шириной 4,5 см и цвета прикладного сукна (в пехоте - с такой же выпушкой), с карманами в боковых наружных швах, черные сапоги с голенищами высотой до 40 см, белые перчатки и черные галстуки. Офицерам дополнительно устанавливались длинные шаровары поверх сапог для ношения при чекмене.

В летнее время в жарких местностях носили белые чехлы на головные уборы, козырьки на фуражки нижних чинов (в Туркестане и Семиречье, Семипалатинской и Закаспийской областях), назатыльники (в Туркестане, Оренбургском крае и Закаспийской области) и чембары (в Туркестане, Семиречье и Закаспийской области). Особым пунктом оговаривалось, что не следует требовать в казачьих войсках полного единообразия во внешнем виде, как в регулярных войсках, так как казаки снаряжаются и обмундировываются за свой счет.

Форма кавказских казачьих войск осталась

без изменения: свободные длинные черкески в конных частях, укороченные (до нижнего края коленной чашечки) в местных командах и у пластунов. Однако казаки допустили ряд отступлений от утвержденных образцов. Следуя кавказской моде, они стали носить более низкие папахи, ермолки, черкески в обтяжку с высоко пришитыми напатронниками, белые башлыки, закинутае на шнурке за спину, подобно гусарским ментикам. Полковые командиры начали незаконно требовать от своих подчиненных, чтобы они носили лишь серые повседневные черкески, и даже пытались устанавливать единые цвета бешметов в сотнях, например, в одной - красные, в другой - белые и т. д.

С разрешения войскового наказного атамана сибирские казаки удлинити мундир на 7,5 см, скошенный бортик сделали отвесным и немного закругленным сверху, настоящие карманы разместили сзади, а по бокам - фальшивые. В Оренбургском войске отдавали предпочтение темно-зеленой рубахе-гимнастерке со стоячим воротником и застежкой, двумя накладными карманами, обшитыми светло-синим шнуром. Семиреченцы носили коричневую гимнастерку с пришитыми напатронниками тороченными малиновой тесьмой.

В годы царствования последнего российского императора Николая II проводились последние преобразования в обмундировании, снаряжении и вооружении. Первым делом был усовершенствован и упрощен мундир: цветной шнур отменили, по краю воротника и по обшлагам установили выпушку из прикладного сукна, застежку переделали слева направо, сзади сделали посередине разрез на 14 см ниже талии. Теплушку заменили полубубком образца 1862 г., но допускались отступления в зависимости от местных условий. Фуражку разрешили носить с козырьком. Металлические гладкие пуговицы украсились государственным гербом.

В ходе русско-японской войны выявилась полная непригодность прежнего летнего обмундирования офицеров и нижних чинов - белых двубортных кителей и белых гимнастерок. С 1907 г. на смену им приходят серовато-желто-зеленые однобортные кители с

пятью металлическими пуговицами. В том же году установили форму для четырехсотенного Лейб-Гвардии Сводно-казацкого полка: папахи черные и фуражки с верхами цвета парадных однобортных мундиров, которые, в свою очередь, шились из сукна прикладного цвета, присвоенного войскам (малинового, красного, голубого и желтого), с белым кантом на воротниках и обшлагах и эполетами на плечах; повседневные мундиры (с погонами) были темно-синего цвета, такими же, как и шаровары.

В 1909 году провели полное переобмундирование всех войск в парадную форму мирного времени, которая напоминала существовавшую до 1881 г. Казачьи папахи сохранили прежний покрой и размеры. Фуражки были двух типов: зимние (цветные суконные, с 1910 г. без козырька) и летние (защитные с козырьком). Мундир стал с короткими полами (до 25 см) и шестью ровными складками сзади, со стоячим закругленным воротником высотой до 5 см и выпушкой прикладного цвета. Рукава имели пришитые обшлага мыском с выпушкой по верху и по краю разреза. На воротник и обшлага полагались одиночные петли длиной 14 см и шириной 2,2 см из белой тесьмы (с просветом по прикладному сукну) с окраинами из такой же тесьмы. По правому борту шла выпушка из мундирного сукна, у артиллеристов - алая. Для всех казаков ввели шаровары серо-синего сукна с лампасами прикладного цвета, которые заправляли в черные сапоги.

Так же был установлен повседневный (походный) мундир, однобортный, защитного цвета, на 36 см выше колен, с обшлагами мыском, двумя пришитыми нагрудными и двумя боковыми карманами мыском и пятью пуговицами по борту. Серо-зеленая гимнастерка была с двумя карманами ниже пояса. В 1912 г. повседневный мундир заменили походной суконной защитного цвета рубахой (косовороткой) без карманов, со стоячим воротником и обшлагами, застегивающимися на две пуговицы. К нему полагались серо-синие шаровары с лампасами, обшитые в наиболее трущихся местах кожей. Гимнастерка, шаровары (без кожи) и зимняя фуражка составили летнюю парадную форму казаков.

По своему крою офицерское обмундирование мало чем отличалось от казачьего. Видимыми отличиями были: тесьма на папах, две широкие галунные серебряные или золотые петлицы на обшлагах рукавов и по одной закругленной на воротнике, эполеты на парадных мундирах, а в артиллерии еще бархатные черные воротники и обшлага. К тому же вне строя офицерам полагался чекмень, сшитый как мундир, длиной до колен, но без петлиц, в артиллерии - с бархатным черным воротником и темно-зелеными обшлагами. Китель (цветом и покроем похожий на походный казачий мундир), шаровары и цветная фуражка составили летнюю офицерскую парадную форму.

Казачьи генералы носили черные папахи, обшитые генеральским галуном, в гвардии - шапку-кивер с генеральским султаном, а чины царской свиты - белую папаху с кокардой и Андреевской звездой, а также соответствующие мундиры (нового покроя) и синие шаровары с красными двухрядными лампасами.

Довольно необычно выглядел казачий конвой Российского Охранного отряда в Пекине. Конвойцы были одеты в кители, шаровары, сапоги, кроме того, имели тропические белые шлемы французского образца с широким чехлом защитного цвета, погоны и перчатки цвета хаки. Офицеры конвоя надевали на службе защитного цвета брюки, парусиновые гетры (длиной 45 см) с тремя пряжками и ремешками на наружной стороне и ботинки (высотой 18 см) желтой кожи на шнурках, с толстой подошвой и каблуком.

С 1913 г. оренбургские казаки стали носить высокие папахи из длинношерстной овчины. В 1914 г. особо был отмечен 17-й Донской казачий полк - все его чины получили на папахи металлические изображения Адамовой головы (символ бессмертия), которые помещались под кокардой.

Парадная форма кавказских казаков осталась черной, с красными, светло-синими и черными бешметами. Однако повседневное обмундирование было упорядочено, и в него внесли небольшие, но важные изменения. Так, все нижние чины в строю находились в темно-серых черкесах из сукна местной выделки, на которые по обеим сторонам бортов на-

шивались два черных суконных напатронника каждый из 14 гнезд по размеру 3-линейных патронов (в мирное время заменялись газырями). Зимой разрешалось делать по бортам оторочку из черной овчины. Бешметы полагались черного, синего или другого темного цвета. Шаровары могли быть произвольные без выпушки, в Туркестане - чембары, заправленные в сапоги. Башлыки требовались серого цвета с обшивкой черной тесьмой, но у казаков употреблялись разноцветные - красные, малиновые, белые, светло-синие и другие. В кавказских войсках своим внешним видом резко выделялся Сунженско-Владикавказский полк. За особые отличия нижним чинам присвоили почетную Георгиевскую тесьму на бешметы и рукава черкесок.

Офицерская парадная форма осталась прежней, только по воротникам бешметов и краям рукавов она обшивалась кавказским галуном. В Сунженско-Владикавказском полку офицеры вместо галуна носили серебряные петлицы «За военное отличие» на бешметах и обшлагах рукавов, а в Кубанской и Терской артиллерии - такие же золотые петлицы на бархатных воротниках и обшлагах.

Повседневная офицерская одежда отличалась большим разнообразием. Допускались произвольные папахи (у кубанцев довольно низкие) с колпаками неярких цветов: темно-синие, темно-малиновые, серые, алые, защитные и др., черкески, в зимнее время отороченные черным курпеем, бешметы любого, но не слишком яркого цвета. Шаровары полагались только из серо-синего сукна с выпушкой приборного цвета, у генералов - с двухрядными лампасами.

Литература

1. Абрамов-Зябловский. Казачий словарь-справочник. /издатели: Скрылов А.И., Губарев Г.Б./ - Кливленд Охайло США, 1966 г.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. В 10-ти томах. СПб, 1841 - 1875
3. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным. В 2-х томах. Новочеркасск, 1891 - 1894
4. Александров Н. Казаки донцы и уральцы. М., 1899
5. Андреев И.А. Несколько слов об атаман-

цах. СПб, 1879

6. Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб, 1887

7. Баранов Е.З. Наши казаки. М., 1915

8. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846

9. Библия.

10. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. В 3-х томах. Саратов, 1911

11. Валаев А.И. Донское казачество в Отечественной войне 1812 года. Ростов – на – Дону, 1943

12. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. В 34-х томах. СПб, 1899 – 1902; Новосибирск, 1944 – 1948

13. Военная быль. Париж, 1952 – 1974, № 1 – 129

14. Военная энциклопедия. В 18-ти томах. М., 1910 – 1917

15. Военный состав и служебная деятельность Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1912 – 1916

16. Голицын Н.С. Русская военная история. В 2-х частях. СПб, 1877 – 1878

17. Гуляев А.Л. Отрывки из прошлого Уральского войска. Уральск, 1909

18. Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. В 4-х томах. СПб, 1878

19. Донские казаки в 1812 г. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. Ростов – на – Дону, 1954

20. Донской народный костюм. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1986 г.

21. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологическою Комиссиею. В 10-ти томах. СПб, 1848

22. Дубенский Д.Н. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Вып. 1 – 3. Пг., 1915 – 1916

23. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. В 3-х томах., СПб, 1888

24. Зайончковский А.М. Мировая война 1914 – 1918 гг. В 2-х томах. М., 1938 – 1939

25. Замысловский Е.Е. Занятие русскими Сибири//Журнал Министерства народного просвещения. М., 1882

26. Звегинцов В.В. Формы русской армии в 1914 году. Описание, схемы, рисунки. Париж, 1959

27. Иловайские и донские казаки. Пг., 1914

28. Иловайский П.И. Опыт руководства для конно-саперных команд. Ростов – на – Дону, 1890

29. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XXVIII – XIX веков. – СЛОВО/SLOVO, 2002

30. Ключевский В.О. Древняя русская история. М., 1883

31. Короленко П.П. Кошечья атаманы Черноморского казачьего войска. СПб, 1901

32. Королькова Е.Ф. Властители степей. /серия «Твой эрмитаж»/ - Издательство Государственного Эрмитажа.

33. Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии. Дневник начальника Конвоя Российской императорской миссии в Абиссинии в 1897 – 1898 гг. СПб, 1900

34. Кубанское казачество. Париж, 1931, № 1 – 2

35. Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1897

36. Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909

37. Летопись войны. СПб, 1914 – 1916

38. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб, 1890

39. Малинин К. Терские казаки. М., 1908

40. Михайлов. История 2-го Уральского казачьего полка. (Служба уральцев в Средней Азии). Б. м., 1904

41. Мякушин Н.Г. С театра войны. Наши уральцы в Манчжурии. Уральск, 1903

42. Пивоваров А. Донские казаки. Краткий сборник рассказов из военной жизни донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и проч. Новочеркасск, 1892

43. Потто В.А. Два века Терского казачества. 1577 – 1801. В 2-х томах. Владикавказ, 1912

44. Ригельман Л. История или повествование о донских казаках. М., 1846

45. Российский этнографический музей. Выставка Народы России (к 140-летию первой этнографической выставки 1867 года) «Этноджинс: все оттенки индиго».

46. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В 9-ти томах. СПб, 1910

47. Русский Народ и его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия собр. М.Забылиным. – М.: издание М.Березина, 1880 г.

48. Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского. 1570 – 1870. СПб, 1870

49. Савельев Е.П. Древняя история казачества. – Новочеркасск, 1915 г.

50. Савельев Е.П. Казаки. История. /Репринтное переиздание книги/ – Владикавказ, 1991 г.

51. Сибирские казаки. Их быт, организация и первые действия в русско-японской войне. Кишинев, 1904

52. Словарь Русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук /выпуск первый/. – С-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1891

53. Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб, 1903

54. Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. В 2-х томах. СПб, 1903

55. Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 – 1896 гг. В 2-х частях. Киев, 1900 – 1901

56. Тонконогов И. Наши казаки на Дальнем Востоке. Сборник рассказов корреспондентов и участников войны, помещенных в различных периодических изданиях. Вып. 1 – 2. СПб, 1907 – 1910

57. «Часовые отечества» из истории русского казачества. Каталог выставки. – М., 2006 г.

58. Чеботарев П.Г. Краткий очерк истории 6-й Лейб-Гвардии Донской Его Величества батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады. 1830 – 1905. СПб, 1905

59. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. В 2-х томах. Владимир, 1903

Алексей ВОРОНОВ

«Низшее начальство – высшее нахальство» или Новые приключения Петрухи

Фильм «Белое солнце пустыни», вышедший на экраны 45 лет назад, давно уже признан классикой отечественного кинематографа. Хорошо известны и биографии актёров, сыгравших в нём главные роли – Анатолия Кузнецова, Павла Луспекаева, Спартака Мишулина, Кахи Кавсадзе... Вот только Николай Годовиков, сыгравший юного красноармейца Петруху, давным-давно куда-то исчез, словно его и не было вовсе. А между тем, в жизни актёра с тех пор произошло немало событий, по драматизму ничуть не уступающих тем, что пришлось пережить его экранному герою.

Актёром Николай Годовиков стал случайно. Прочитав однажды объявление о том, что киностудии «Ленфильм» требуются для съёмки мальчишки 12-14 лет, он пришёл на студию вместе с десятками других мальчишек – и надолго остался в кинематографе. В 1968 году, когда за плечами начинающего актёра было уже несколько фильмов (в том числе знаменитая «Республика ШКИД»), режиссёр Владимир Мотыль практически без проб пригласил его на роль Петрухи в «Белое солнце пустыни».

«Из всех актёров – участников картины – самым близким моим другом был Павел Борисович Луспекаев, сыгравший роль таможенника Верещагина, – вспоминал впоследствии Николай. – Его жена, уезжая со съёмок в Ленинград, всегда просила меня в её отсутствие пожить в одном номере с дядей Пашей, последить за ним. Совсем недавно он перенёс ампутацию обеих ступней, ходил на протезах – и, несмотря на это, оставался удивительно открытым, компанейским человеком. Бывало, после съёмок мы собирались у него в номере, не забыв прихватить гитару, – и начинался на-

стоящий концерт, неизменно открывавшийся песней «Ваше благородие, госпожа удача».

Насколько Луспекаев был весел и добродушен во «внерабочей» обстановке, настолько же он был требователен к себе во время съёмок. Не раз, глядя на страдания актёра от физической боли, режиссёр предлагал ему сделать перерыв или убеждал, что кадр уже снят. Однако Павел Борисович в ответ требовал снять ещё один дубль, потом ещё один – и так до тех пор, пока не был уверен, что выложился по максимуму. Даже в трюковых сценах, которыми руководил известный каскадёр Александр Массарский, артист старался сам сделать всё, что было в его силах.

Впрочем, Петрухе (точнее, исполнителю этой роли) тоже здорово досталось. Например, сцена, в которой доверчивый паренёк гибнет от ножа Абдуллы, очень долго не получалась. Дело в том, что Николай в день съёмок был болен, ходил с высокой температурой и падал слишком неестественно. Почувствовав, что сцена «не идёт», юный артист обратился к актёру Кахи Кавсадзе, игравшему роль Абдуллы, с просьбой бить его не понарошку, а по-настоящему, со всей силой. «Коля, а я тебя не убью?» – спросил в ответ Кахи... Жив-то Николай остался, но после каждого следующего дубля ему приходилось полоскать рот чаем и выплёвывать его вместе с кровью.

Вскоре после окончания съёмок актёр был призван в армию и направлен в Сибирь. Благодаря стараниям его однополчанина, с которым Николай дружил ещё в Ленинграде, об участии новобранца в съёмках узнали многие, в том числе начальник клуба воинской части. Однажды, когда рядовой Годовиков «культурно отдыхал» в оркестрантской с приятелями, уходившими «на дембель», к ним ворвался

начальник клуба и с ходу выпалил: «Коля, готовься! Сегодня в клубе премьера твоего фильма, вся часть будет в сборе, а ты выступишь перед началом с кратким рассказом о съёмках. Всё понял?». Николай кивнул, и начальник тотчас же испарился.

До самого вечера компания просидела в том же составе, так что когда начальник клуба вернулся и потащил Николая на сцену, тот уже лыка не вязал. Единственное, что запомнилось ему по дороге – это три большие ступени, ведущие на сцену, поскольку для их преодоления потребовалось немало физических усилий... Затем юное дарование полностью «отключилось» - и пришло в себя только на следующий день, в незнакомой тёмной комнате. Первым живым существом, которого Николай увидел после того, как к нему вернулось сознание, был всё тот же начальник клуба.

- Поздравляю, тебе дали семь суток гауптвахты! – сказал он. - Но не беспокойся, я премьеру отменил, так что после того как ты выйдешь, опять соберёмся в клубе, в том же составе.

- А семь суток-то за что?!

- И он ещё спрашивает!.. Хочешь, расскажу, что ты устроил на сцене? Вышел, важный как индюк, уселся на стул и молчал целую минуту. Затем гаркнул что есть мочи: «Чего вы тут расселись, давайте кино смотреть!». А после этого рухнул на пол и моментально уснул. И это на глазах у всего начальства!

Первым фильмом, в котором демобилизованный солдат Годовиков снялся после армии, стала картина И. Хамраева «В чёрных песках». Затем последовали роли в фильмах «В то далёкое лето», «Последний день зимы» и в некоторых других картинах. Однако приглашения на съёмки приходили всё реже и реже. Повзрослевший и возмужавший Петруха уже не интересовал кинорежиссёров, которым требовались совсем другие типажи. А вскоре у Николая появился враг, оказавшийся страшнее экранного Абдуллы...

Фамилия этого персонажа нашей исто-

рии мне, разумеется, известна. Но чтобы его родные и близкие не терзались понапрасну, подобно безвинным потомкам Дантеса или Мартынова, назову его просто Участковым.

С некоторых пор Николай обнаружил, что этот человек буквально преследует его. Когда однажды он напрямую спросил обидчика, за что такая немилость, то получил ответ: «Я состою на государственном посту, а проживаю с семьёй в комнате площадью восемнадцать квадратных метров. А ты, бездельник, один, как царь, обитаешь на двадцати пяти метрах». Артист тут же парировал: «Да, но у вас в деревне есть дом с участком, а у меня нет. Я же не завидую и не требую, чтобы вы убирались из города и ехали землю пахать». На это его собеседник пробормотал что-то нечленораздельное и ушёл, пообещав вскоре «разобраться».

Очень скоро Участковый перешёл от слов к делу. Так, однажды вечером он, прихватив с собой целую ватагу хмельных дружинников, заявился к Николаю на квартиру, сграбастал его и поволок в отделение. Там он быстренько состряпал протокол, согласно которому гражданин Годовиков (в тот день вообще не выходявший из своей комнаты), находясь в нетрезвом виде, нецензурно ругался на улице и приставал к прохожим. Дружинники расписались в качестве свидетелей – и Николай получил 15 суток за мелкое хулиганство.

В 1979 году, в преддверии московской Олимпиады, органы внутренних дел проводили операцию «Трутень», с целью очистить Ленинград от «антиобщественных элементов». Не подозревая об этом, Николай готовился к переходу с одной работы на другую. В пятницу он подписал обходной лист на прежней работе и забрал трудовую книжку – с тем, чтобы в понедельник отнести её на новое место работы. Однако в распоряжении его недруга явно была большая агентурная сеть – потому что как раз утром в понедельник, 5 марта Николай был арестован и доставлен в следственный отдел. Как ни старался несчастный арестант убедить высокое начальство, что произошла

ошибка, что он вовсе никакой не тунеядец (а чтобы убедиться в этом, достаточно было позвонить на новое место его работы) – ничего не помогало! Следователь лишь развёл руками: «А что же ты, батенька, раньше со своим участковым не договорился. Теперь поздно, делу уже дан ход...».

В это же время новоявленных «тунеядцев» арестовывали по всему городу целыми охапками, так что печально знаменитый следственный изолятор «Кресты» вскоре оказался набит до отказа. Поэтому Николай и его товарищи по несчастью ожидали суда в следственном изоляторе Большого дома на улице Каляева. Большинство его соседей по камере были никакими не «трутнями», а жертвами произвола «бюрократов в погонах». Так у одного из сидельцев был солидный рабочий стаж, намного превышавший положенный законом пенсионный минимум. Работать он уже не мог из-за слабого здоровья, поэтому в ожидании скорого выхода на пенсию по возрасту сидел дома – и досиделся до того, что в один прекрасный день его забрал конвой.

Другим соседом Николая по тюремным нарам был оперный режиссёр. Он ставил спектакли в различных театрах страны и работал очень много, практически без пауз – но без зачисления в штат, по одноразовым договорам. Получив вызов в отделение, он решил, что произошла какая-то ошибка, прихватив с собой целую охапку трудовых договоров. Однако в милиции на эти договора даже не взглянули, заявив растерянному служителю муз: «Что ты нам суёшь под нос свои бумажки, покажи лучше трудовую книжку!». Показывать было нечего, и бедогагу-режиссёра моментально отправили в тюремную камеру. Случившееся с ним он воспринимал как настоящую трагедию, даже пытался покончить с собой прямо в следственном изоляторе. Что случилось дальше с этим человеком, Николай не знал, поскольку вскоре был переведён в другую камеру.

Только через восемь с половиной месяцев после ареста заключённого Годовикова, нако-

нец, доставили под конвоем в зал суда. Поскольку статья уголовного кодекса, каравшая за тунеядство, предусматривала наказание до одного года, Николай надеялся, что ему приговорят не больше того, что он уже отсидел. Однако приговор был вынесен по максимуму – артист получил год и отправился «на зону», досиживать оставшуюся часть срока.

Вернувшись домой после освобождения, наш герой обнаружил, что дома-то у него больше нет!.. Пока Николай сидел за решёткой, Участковый выписал его из квартиры (на что по закону не имел никакого права), а заодно «прихватизировал» имущество несчастного сидельца, поделив его между друзьями и родственниками. Отчаявшийся Николай обратился за помощью в милицию (а куда же ещё?). Там его сочувственно выслушали, обещали во всём разобраться, попросили составить опись пропавшего имущества, а также сообщить адрес, по которому его можно найти. Николай так и поступил, указав в заявлении адрес друга, у которого он остановился. Вскоре в эту квартиру неожиданно нагрянул... правильно, всё тот же Участковый! Он отвёл нигде не прописанного гражданина Годовикова в отделение, где оформил его привод как бомжа. Поскольку второй подобный привод автоматически приводил к заключению под стражу и новому тюремному сроку, Николай был вынужден уйти в глубокое подполье.

Участковый прекрасно знал, что за подобный произвол ему ничего не будет – ведь за успешную очистку города от «дармоедов» он получил не только благодарность от начальства, но и хвалебную статью в газете, прославлявшую его как «верного стража социалистической законности». Николаю же пришлось совсем туго. Многие из прежних друзей отвернулись от него как от прокажённого, другие обещали помочь, но ничего не делали. Единственным, кто откликнулся на его беду, был квартирный вор, с которым Николай случайно познакомился во время скитаний по ленинградским трущобам. Он дал ему денег, а потом, когда Николаю было совершенно не

на что жить, приобрёл его к своему «ремеслу». Вскоре они оба попались и отправились за решётку.

После второго срока Николай был определён на место жительства в один из пригородных посёлков (проще говоря, отправлен «на 101-й километр»). Там он женился, устроился на работу – но вскоре брак распался, и бывшая благоверная, не моргнув глазом, выставила несчастного муженька на улицу. И опять начались скитания по чердакам, лестницам и подвалам, затем состоялась встреча с уголовниками, последовало несколько краж – и новый, уже третий по счёту срок. В общей сложности, Николай Годовиков провёл в местах лишения свободы восемь лет.

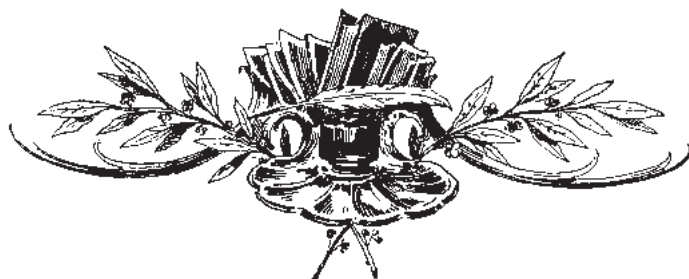
В конце концов, нашему герою удалось «завязать» с уголовным миром и вернуться к нормальной жизни. Он даже попытался вернуться к актёрской профессии, сыграв маленькую роль в фильме И. Усова «Ночь на четвёртом круге». Впоследствии он снялся ещё в нескольких картинах, и даже одно время играл в театре «Вторая реальность» (был в нашем городе в 1990-е годы такой драматический коллектив, ныне прекративший существование). Однако таких же «звёздных» ролей, как когда-то в «Белом солнце пустыне», у него больше не было.

Впрочем, жизнь у Николая со временем наладилась – появилась и новая семья, и работа. Несмотря на перенесённые злоключе-

ния, он не озлобился, не потерял интереса к жизни – наоборот, остался открытым и общительным человеком, не потерявшим чувство юмора. Казалось бы, на этом можно ставить точку, но...

Наверно, каждый из нас в жизни сталкивался с людьми, ничтожными сами по себе – но при этом жаждущими «самоутвердиться» за счёт других, с лёгкостью готовыми поломать не только человеческую судьбу, но и жизнь. Замечательный режиссёр и педагог, народный артист СССР Михаил Иванович Туманишвили (ныне, к сожалению, ушедший из жизни), более тридцати лет назад написал в своей книге о том, что именно хамство чаще всего отравляет жизнь честным, совестливым и порядочным людям: «Хамство – это наглое попираание норм. Хамы – люди, почему-то решившие, что им всё дозволено. Хамство – это мнимое право... Принцип хамства – всё неподчиняющееся должно быть уничтожено».

Для хама, облечённого властью, нет высшего наслаждения, чем втоптать в грязь действительно незаурядную личность. Вот почему жертвами хамов так часто становятся люди искусства – по своей природе самые ранимые и незащищённые. А мы, к сожалению, слишком часто забываем о том, что реальная жизнь – это не кино, где поверженный наземь герой может тут же встать, отряхнуться и, как ни в чём не бывало, готовиться к съёмкам следующего дубля...

Proza

МАКАР АЛПАТОВ

Так не бывает...

Калейдоскоп необыкновенной жизни, составленный из мозаики монологов, бесед, мнений, споров и авторских отступлений.

...Он попрощался с нами, немного не дожив до 90 лет. Он не любил говорить о друзьях и близких - умер, предпочитал - ушёл. Покинул нас неожиданно для себя и для всех, кто его знал; вдали от Родины, тихо, во сне, за несколько секунд - тромб клещами схватил сердце. «Так уходят хорошие настоящие люди», - плакали боготворящие его наши старушки-блокадницы. А от меня он не уходит... в моих горьких беспокойных сновидениях!..

...И вот предстал он перед Господом Богом. Нашим в солдатской нательной белой рубашке и кальсонах, абсолютно седой ещё с военных времён - как белый ангел. И вдруг увидел: справа - маму Марию Тихоновну, сестёр Лиду, Таню, Иру, жену свою первую Лену и дочку Марусеньку, названную в честь бабушки - погибших в осаждённом Питере; вторую жену - тоже Марусю, спасшую его после жестокого ранения при прорыве блокады Ленинграда; а слева - отца Игоря Ивановича, братьев Сашу, Мишу, Витю, павших на фронтах в Великую Отечественную войну, и рядом сына Андрея и внука Алёшеньку, которых уже недавно унес огонь Афганистана и Чечни.

И память забила в нём ключом крови...

...Жизнь случается такой необыкновенной, что никакой писательский гений не в силах не только придумать, а даже осмыслить события, выпавшие на долю, казалось бы, простого, а на самом деле неординарного человека - имя которому - Герой, хотя он сам себя таковым отнюдь не считает...

Если б я мог описать каждый фрагмент этой страшной истории жизни разным цветом?! Но нет таких оттенков палитры, которые были бы её достойны.

...Музыка войны - сумбур взрывов, стрекотание и уханье выстрелов, жуткие вопли

команд, криков, стонов, шипение всеубивающего огня - в этих адских звуках, как казалось тогда Ивану, не было мелодии, напева, стержня бытия - она оглушала, но и мобилизовывала, ведь надо было выживать и побеждать.

Краткие артиллерийские курсы в училище на Московском проспекте в Ленинграде и прибытие в часть (он даже не успел, не смог забежать попрощаться с родными), и вот она - дорогая сердцу гаубица, которую обожал весь расчёт и, по предложению Ивана, именовал ласковым именем «Маруся». Названная в честь его любимой дочери, гаубица была своенравной, как избалованная женщина; бывало, её клинило или ещё что, но добрым словом с ней можно было горы снарядов свернуть - она слушалась, подчинялась и помогала бить врага, как могла и умела. Гибли товарищи, менялся состав расчёта, а командир Иван с «Марусей» были будто заговорённые. Погибла она первой в том диком, последнем для них обоих бою - прямое попадание, кратер кипящей воронки на таком же чёрно-красном снегу. Из расчёта остался только Иван с пулемётом в обнимку. Патронов маловато! - пронеслось в мозгу, который тоже уже начинал закипать, и правда скоро, кроме связки гранат и пистолета, ничего не осталось. Как неумело, но истово и искренне молился Иван Богу окровавленными губами, как плакал по ребятам-товарищам своим да по пушке родной, Марусе-гаубице, кровавыми слезами, а потом матерился на чём свет стоит - не хотел умирать да и в плен попадать тоже! Никто из людей не мог слышать, вокруг стреляли только враги. Ленинградский блокадный мальчишка, поэт и артист Анатолий Молчанов в своей небольшой поэме «Остался последним», посвящённой подвигу Ивана Игоревича, утверждал, что «видят во сне ветераны всегда чёрно-красной войну», так ему поведал о цвете войны поседевший в бою, но выживший наш заговорённый герой. Музыка

и цвет войны слились воедино - белая трассирующая очередь фашистского автомата, чёрная озверевшая немецкая морда нападавшего, яркий ослепляющий блеск молнии в глазах, раскат грома в сердце и... Иван погрузился во тьму...

...- Што ж вин так стогнэ? – спросил лежащий у окна раненый, у которого миной оторвало стопу ноги, и уже идущий на поправку.

- А чего ты удивляешься, Грицко? Восемнадцать ран. И как его собрал да заштопал Лазарь Ильич? Хорошо хоть ни одна кость не задета – во, повезло! А мяско-то нарастёт, - ответил сидящий напротив басовитый усач с перебитой рукой, видимо, старшина, - на то и называется лазарет, видать, в честь нашего-то Лазаря – век буду за него Бога молить.

- Дак вин же яврей – нэ нашего Бога...

- Не будь идиотом – Бог для всех един. А Лазарь Ильич столько жизней спас и не спрашивал, кто какой крови!

- Да, Иван кровищи сколько потэряв, его даже нашей украинской попотчэвали.

- Всё славянская – одно и то же – никакой разницы.

- Ты прав, но, важно-кости целы да главный мужской орган. Поживёт да детишек ещё настрогает, - со смехом вмешался весь перебинтованный раненый.

- Цыц, охальники, - прикрикнула входящая пожилая санитарка, - сейчас Маша на уколы придёт, не смущайте её, она ж совсем девчонка ещё. Ну, как Иван-то? Шутка ли, столько часов на операционном столе?! Даже товарищ полковник чуть сознание не потерял, так вымотался.

- Важен результат, - назидательно произнёс усач, - а так - раз стонет, значит живой и, судя по всему, жить хочет, а значит, будет. Верно, Иван?

- А куда я денусь? - слабым голосом отозвался пришедший в себя, - дел впереди много. На фронт надо возвращаться - фашистов-гадов бить.

- Ты прям як полытрук, партэйный шолли?

- Нет, не партийный – из Ленинграда я.

- Город трёх революций, – уважительно

отозвался усач.

- Як думаш, сдадуть нэмцам?

- Какое сдадут! Прорвали блокаду и скоро отовсюду и везде погоним их – немчуру поганую. Вот встать бы побыстрее...

Вошла юная медсестра Маша делать уколы - в жизни раз бывает восемнадцать лет...

- Жену свою первую, Елену Прекрасную, которая мне, Ивану-дурачку, по сказке дана была, я обожал первой любовью, она работала в медпункте у нас на верфях. Познакомились случайно - поранился я, пришёл за помощью. Почти год ухаживал до женитьбы, а уж как доченьку Марусеньку любил! И не сказать словами, - сорванным на фронте, когда кричал «Огонь!», артиллерийским голосом рассказывал Иван Игоревич. Жили у её родителей, отдельная комнатка была. У меня-то дома аж пятнадцать человек обитало, пока братья и сёстры не переженились да по очереди не разъехались...

- Вы видели Неву, не зимой или в осеннюю непогоду, а летом, когда солнышко светит, а ты идёшь по набережной или по мосту? - закуривая папиросу (сигарет он не переносил, говорил: немецкий эрзац), - спросил Иван Игоревич. - Вот такого сине-бирюзового цвета были огромные глаза медсестры Маши и рядом довоенный фантастический блеск куполов Исаакиевского собора, Адмирал-тейства и Петропавловки, как золото её роскошных волос. Как она умудрялась их сохранять в блокаду? Ума не приложу. У меня про это даже стихи есть, я ей читал. Стройная, как говорится, всё при ней, какая-то по-особенному полётная, как чайка, да и фамилия соответствовала - Соколова. Она была музыкантшей, на рояле играла. Училась и в войну - как её хватало? В госпитале-то тогда ещё смен не было, работала чуть не круглые сутки. Перед войной в консерваторию хотела поступать. А тут и на фронт пошла, и ранена была - руку повредила, правда, уверяла-легко, но с мечтой о рояле пришлось проститься, и в госпитале теперь вкалывала, но себя блюла и хороша была до... слов не найти. Я, когда узнал, что всех на свете потерял, жить не хотел - она спасла, выжила. А у неё самой в блокаду тоже почти все

родственники погибли. Вот могил родных у меня для посещения не было - ходили на Пискаревку, думали, может, там наши могли оказаться или к её родным на Преображенское – кладбище Жертв 9-го января в Обухово. У нас разница тринадцать лет почти. Когда поженились мы, гордо мне было, я у неё - такой красавицы - первым был. И хоть свою погибшую доченьку очень сильно любил, но, как большинство мужиков, конечно, мечтал о сыне, и она мне его родила. Вот тогда и возродилась цель жизни моей. Я её Марусей, Марусенькой называл, как доченьку погибшую да свою родную фронтовую подругу пушку-гаубицу. Удивительно, но мы никогда не ссорились, хоть я всегда верил в Бога - крещёный был, а она - твёрдая атеистка, уважали и не осуждали убеждения друг друга.

...Заговорённый Иван выжил и поднялся. Его комиссовали по тяжёлому ранению, на фронт не пустили, как он ни просился и ни настаивал. Надо было возвращаться на гражданку. Как только он смог ходить, наведаясь к родному дому. На его месте увидел только глубокую, уже успевшую постареть воронку. Подлая немецкая бомба в одночасье уничтожила всех. В военкомате вручили похоронки на отца и братьев - пали смертью храбрых. На всей земле Иван остался один из своего рода Ивановых, на которых стоит Россия, как он любил говорить. Он вернулся в госпиталь, некоторое время работал в котельной, жил там же - жёсткая койка, больничные харчи. Потом военкомат выделил маленькую шестиметровую комнатку в коммуналке - всё-таки орденоносец. Шёл 1944-й год. Блокада Ленинграда была снята полностью. Война продолжалась уже на вражеской территории. Иван решил вернуться на родные Адмиралтейские верфи. Взяли. Потом женился.

- Так уж привыкли – Иванов да Иванов, вообще-то, фамилия моя совсем не ИванОв, а ИвАнов. Помнишь, Марусенька, как у Чехова? Род наш на Неве почти с основания Питера живёт, а предки мамы и того раньше - ижоры. А с мужской стороны так. Царь Пётр привёз из Голландии печников, холодно ведь

в северной столице. Пращур мой Йохан прибыл с ними и стал зваться Иваном Ивановичем и дворянством был пожалован за хорошую работу - сам Меньшиков ходатайствовал, так понравились ему каминные Йохана в его собственном приневском дворце. Жёну себе Йохан взял ещё раньше, Марией её звали, как и тебя, она к ним в слободу молоко носила, там и слюбились. Семьи у нас испокон веков большими были, только вот я самый мало плодовитый. Старший-то мой брат Шурик любил этим, как его, генеалогическим деревом заниматься да всё погибло в блокаду – сторело, ничего не осталось, как и все мои погибли.

- Но так не бывает, чтобы все сразу погибли. У Иванова, по его собственным словам, были и братья и сестры, которые наверняка имели своих детей да и других родственников? - интересовались те, кто прочёл мою первую статью о Герое.

- Так не бывает, но было, а лучше б не было – погибли в войну все мои родные от мала до велика, да и друзья мои тоже, знакомых и то почти не осталось, - горько ответил мне Иван Игоревич, - А кто не верит, не понимает, какой у меня счёт к фашистам, это их дело, я никого разуверять не буду...

На гастролях театра «Родом из блокады» в Париже после того, как я со сцены по-французски рассказал историю жизни Ивана Игоревича и о его подвигах, молодой сотрудник Дома России на улице Буасьер, москвич, съехидничал: «Хорошо придуманный персонаж для спектакля, но так не бывает, не могло быть. Ещё, как нарочно, Иванов – русский символ. Также, как вашей певице Ольге Нестеровой в Париже как будто бы специально исполняется 80 лет» Князь Шаховской смеялся: «Это всё прекрасно для простой публики, но нас, повидавших жизнь, трудно обмануть».

Ивана Игоревича я им представить не мог, он был дома, в Питере, а когда Нестерова показала Шаховскому свой паспорт, тот вынужден был извиниться и встал перед заслуженной артисткой России, блокадницей, на колени, поздравив её с восьмидесятилетием, подарив цветы и поцеловав руку.

- Если вы будете в родном городе ваших предков, князь, я не премину познакомить вас с Иваном Игоревичем Ивановым, и как бы вам снова не пришлось извиняться, на этот раз перед Героем?... – тот промолчал.

Послали в Русский Дом в Париже афишу концерта, посвящённого театром «Родом из блокады» памяти зрителя - подчёркиваю ни артиста или музыканта, поэта или любого творческого деятеля, а именно зрителя Ивана Игоревича Иванова - «Из-под небес по-птичьи окликающая...» Ответа не последовало.

- А моя родня – Соколовы да Кутейниковы, Жаровы да Феофановы, кровей много, а все – простые русаки питерские, местные, из Мурзинки, на границе с Рыбацким жили. Дед был важный, я его и не помню почти, на фото вон в котелке, котловым мастером на Обуховском заводе служил - рабочая аристократия, а бабушка - художница, да непростая - росписью на Ломоносовском заводе славилась да любила на рояле и на гитаре играть, не профессионально, а так, для себя, и пела красиво. Семья тоже немаленькая у нас была, родители-работяги. До войны жили хорошо, напасти нас не коснулись, - Мария закончила гладить детские распашонки и предложила:

-Давай-ка, ИвАнов, ужинать, поздно уже, завтра на работу рано вставать.

...И пошла жизнь Ивановых, как течение нашей родимой матушки-Невы, хотя особых повышений ординара не наблюдалось и, тем более, Слава Богу, намёков на наводнения. Иван любил свою профессию ещё с довоенного времени – лекальщик дело ответственное, по его шаблонам работают мастера-строители надводных и подводных кораблей. Как он поведал завлиту театра «Родом из блокады» А. Я. Гребенщикову, с которым подружился в последние годы жизни, позже его, благодаря опыту и стараниям, перевели в техническое бюро, где он отпахал до самой пенсии. «Я всю жизнь был корабелом - мои корабли по всему миру ходят», - часто повторял Иван Игоревич. Ну, а Мария, лишившись мечты стать пианисткой из-за раненной на войне руки, пошла преподавать. Сначала в обычной школе учи-

ла детишек музыке и пению, а дальше, после курсов по повышению квалификации, в музыкальном училище педагогом по сольфеджио и гармонии, где проработала до ухода из жизни. Её любили ученики. «Письма писали добрые, - вспоминал Иван Игоревич, - когда в люди-то выходили, не забывали».

Ивановы были театралами, любимым стал Театр Комедии, где пересмотрели весь репертуар и знали всех артистов наперечёт, особенно отдавая предпочтение теперь забытым и ушедшим - Юнгер, Зарубиной, Колесову, Люлько, Флоринскому, Сергею Филиппову, Уваровой, молодым тогда Милиндеру, Лемке... И в оперу-балет, и в театр Эстрады ходили, бывало; и кинотеатры не забывали - телевизор у них появился поздно, да они больше любили артистов вживую. Мария по праздникам пела под старенькое пианино или под новую, подаренную мужем гитару романсы и песни - Ивану нравилось. Когда в первый послевоенный год родился долгожданный Андрейка, забот, естественно, прибавилось, а мальчонка с детства рос такой хороший - вежливый, ласковый, самостоятельный. Всё прошёл – ясли, детсад, в школе не был круглым отличником, но дело шло нормально, и в училище артиллерийское на Московском проспекте 17, где отец закончил в войну краткосрочные курсы, поступил сразу и был на хорошем счету. Продолжил артиллерийскую династию. Назначение лейтенант Иванов получил в Сертолово – недалеко от родного дома. На танцах в Доме Офицеров познакомился с Оксаной - она училась в Педиатрическом институте, приехала с Украины, красавица. Подружились. Поженились. И подарили Ивану да Марье внука Алёшеньку...

...Мария Ивановна упала, не успев даже вскрикнуть, и больше уже никогда не поднялась. Иван Игоревич и Оксана были на работе, Алёша на экзамене. Она первой узнала о гибели сына - капитан Иванов исполнял интернациональный долг в Афганистане, посмертно награждён орденом Красной Звезды и медалью «От благодарного афганского народа». Груз-200 - цинковый гроб - прибыл через три дня. Мать и сына подхоронила к родным Ма-

рии Ивановны на кладбище Жертв 9-го января. Иван Игоревич ещё больше поседел и лицом почернел от горя. Вот тебе и юбилей – 75 лет! Так не бывает...

Но надо было продолжать жить дальше да и внука всяко поднимать, выпускать в жизнь. На родных верфях про юбилей ветерана не забыли, отметили - и грамоту вручили и подарки, и застольем повеселили пенсионера. На военную пенсию жить можно, но без дела Иван Игоревич не мог, устроился в жилконтору, сидел у телефона с бумажками на старости лет, чего не любил-принимал заявки от населения на ремонт, вызовы сантехника или ещё какого мастера. Алёша поступил в артиллерийское училище продолжать династию, дома стал появляться редко. Оксана откровенно сохла и вяла, спасаясь работой.

- Кому и зачем была нужна эта война в Афгане? - сокрушался Иван Игоревич. - Нам внушают - ограниченный контингент наших войск, а погибло за 10 лет что-то около 15 тысяч советских бойцов. Косыгин-то наш, забыли уже порядочного человека, говорят, против был, да и не только он, и другие умные руководители. Всё втайне делалось - многие и не знали, где и за что их дети воюют. Нам Андрейка написал - направляется в командировку. И воевали там всё больше совсем молодые, а когда погибали, то аж до 87-го года даже на могиле не разрешали писать, где и как погиб. Сын мой провоял там больше года и обидно, что в 88-м уже начался вывод наших войск, а он чуть не успел – убили его, а как дело было, мы так точно и не узнали, говорят, предательство, да кто знает?!

- Вот что, дочка, поезжай-ка ты к себе на Украину, оглядись. Ты молодая ещё всё впереди, - уговаривал свёкор Оксану Тарасовну, - там твоя профессия, как и везде, требуется. Начнёшь новую жизнь, Бог даст.

- Ну, что вы? Как же вы с Лёшкой без меня тут одни? – сопротивлялась она, но вскоре согласилась.

- А мы тут с твоим сынком – артиллеристы - Сталин дал приказ! Не сдрейфим, не боись, красавица, - поцеловал её на прощание Иван Игоревич, - а если что - приезжай, это ведь и

твой дом...

- Дальше становилось всё хуже и хуже, - рассказывал он нам с Алексеем Гребенщиковым и Анатолием Молчановым, сидя за праздничным столом и поднимая тост за День Победы, - да вы сами знаете, мужик, Союз развалили, мой Ленинград переименовали, всё хорошее и доброе забыли, Россию разворовали да продали не за грош-не за денежку, а пришла беда - отворяй ворота. Когда получил я похоронку из Чечни на Алёшеньку-внука, подумал, что проклят Богом, и хотел даже руки на себя наложить, но приехала Оксана со своим новым мужем и с маленькой дочкой Клавой - родня всё-таки. Так убивалась по сыночку-то любимому, а он к Марусе с Андрейкой в могилу ушёл, гроб даже открыть не разрешили, сгорел мой сердешный... Оксана и Гриша - муж её - к себе на Украину звали-отказался я, решил при могилах остаться. Запил с горя. Никогда раньше не пил в одиночестве. Не брало меня. Одиночество – это когда ничего не хочется и никого. Нет муки горше. Молился я Господу Богу - смерти просил. Да, видать, плохо молился. Прочухался, а тут тёзка мой, товарищ по войне и потом по работе на верфях, привёл меня в театр «Родом из блокады», и стало мне тепло. Давайте, мужики, чего мне тут нюни-то распускать, старперу, выпьем за Великую Победу нашу, которую никому у нас не отнять, за театр наш, что людям жизнь продолжает да и меня от одиночества спас!

Выпили...

Гребенщиков - хоть на пятнадцать лет помоложе Иванова и блокаду совсем пацаном пережил, много горя повидал, имел дар людей понимать и чувствовать.

- Вы театру нужны не меньше, чем театр вам. Поражаюсь вашей честности, точности, деловитости, пунктуальности, верности. Мне б так, как вы, научиться.

- Да, Иван Игоревич всё театру отдаёт, себя не жалеет, вторил Гребенщикову Анатолий Молчанов, - я вот о нём стихи пишу, о подвиге, о жизни его.

- Засмущали старика, - откликнулся Иванов. - Ну, какие новые планы, какие предложения и приказания от вас, начальников, будут?

- Спасибо вам, что помогаете, афишами

занимаетесь – деньги свои кровные вкладываете, обзваниваете зрителей, разносите приглашения. – Понимаю, с палкой-то нелегко ходить! Зато и залы полным полно, не зря ж нас называют «театром аншлагов». Спасибо, что пишете в газеты, поздравляете артистов с днями рождений, сувениры им дарите, стихи посвящаете, - это уже я вмешался в беседу, самый молодой за столом.

- Какие это стихи?! – снова смутился Иван Игоревич.

- У вас это выплеск души, - заулыбался Молчанов.

- Да с такими людьми снова жить хочется и не просто жить, а пользу какую-никакую приносить, - скромно вздохнул ветеран, - выпьем!

Выпили...

Иван Игоревич Иванов верой-правдой прослужил театру 5 лет...

Шёл 2000-й год. 20-й век уходил. Начинилось лето.

- Уезжаю я, на Украину, к Оксане, давно и долго обещал, надо выполнять. Когда вас можно навестить? Хочу попрощаться, - позволил мне Иван Игоревич.

- Ну, прощаться ещё рано, - мог ли я предположить тогда, что больше никогда его не увижу?! - А вот, если завтра часам к 6 вечера?

Встретились. У меня к тому времени почти все родные и близкие ушли, осталась только мама, но она сильно болела, лежала в Госпитале, и я вёл холостяцкий образ жизни. Сели вдвоём за стол на кухне, выпили, закусили, закурили.

- Вот, - вздохнул Иван Игоревич, достал из портфеля 4 миниатюрных фарфоровых фигурки разного размера и поставил их на стол, - теперь вам никогда не будет одиноко. А история такова – знакомьтесь! – «вошуми!»

- Не понял? Зачем шуметь-то?

- Шуметь, конечно, не надо. Я ведь тоже сначала удивился, когда Маруся мне ещё до свадьбы почему-то шопотом сообщила:

- Ваня, только не считай меня сумасшедшей, но я сейчас познакомлю тебя со своими

друзьями, вон они в шкафу стоят - бабушкина работа. - Она вынула небольшой бюст: - Вольфганг Леопольдович Моцарт - значит, Волик, как мой погибший старший брат Володя – ВО! - Она взяла вторую статуэтку – юного поэта, Александр Сергеевич Пушкин, стало быть, как мой первый друг по школе Шурик - ШУ! - И из шкафа появилась третья скульптурка: - Михаил Юрьевич Лермонтов, ты уже понял, – МИ! И получается ВОШУМИ. Вошуми, моя жизнь как память!

- Ну, ты фантазёрка...

- Знаешь, когда бывало трудно и одиноко, я к ним обращалась, советовалась.

- И что они?

- Они мне во сне, ну, как бы это сказать, снились-являлись и поддерживали.

- Пушкин – наше всё, Лермонтов - мне понятно – я сам его люблю, а причём тут Моцарт - он же австрияк, не наш. Почему не Чайковский, например?

- Сердцу не прикажешь. Моцарт - всешний, гражданин мира, как и музыка его, тут нет национальности, я так думаю. Да ты знаешь когда родился Моцарт? - (Я не знал к стыду своему.) - 27 января - в день снятия блокады Ленинграда – так просто не бывает, а Пушкин был ранен на дуэли 27-го же января, правда, по старому стилю. Я вообще о своих друзьях много знаю. Самый старший – Шурик, потом – Волик, самый молодой - Мишик – у него годы жизни и смерти легко запоминаются -1814-1841. Я о них читала всё, что находила; слушала Моцарта что могла; прочла всего Пушкина и всего Лермонтова. Да не смейся ты, они мне как родные стали...

- А почему только три? Магическое число?

- Бог Троицу любит!

- Приехали! Атеистка махровая... - (Теперь она засмеялась.) - А можно к ним четвёртого добавить – моего спасителя?

- Это кого?

- Вот послушай теперь мою историю. Ты же видела наш солдатский вещмешок под названием «сидор»?

- Не только видела, но и сама носила.

- Помнишь, что мы туда умудрялись набивать? Килограмм до 30. Тяжёлый был, чёрт,

но, как сказал ещё древний солдатик Сидор, по имени которого и назван мешок этот, всё моё ношу с собой – и комплект белья, и запасные портянки, индивидуальный медпакет, оружейный запас – патроны, пищевое довольствие... там... сухари, консервы, хлеб; котелок, ложка, нож столовый, кружка, фляги с водой и с кое-чем ещё, бывало. Что-то для личной гигиены. Всего и не упомнишь. А ещё в специальном кармашке письма из дома да фото, если были. Сидор – удобный заплечный мешок, но не всегда хорошо прилегал к спине. Я вот придумал подкладывать две плотных по 96 листов тетради стихов, которые мы с Алёнушкой – женой погибшей моей – переписывали ещё до войны. Есенина тогда не издавали или нам не попадался, а у друзей книжечки старые ещё были, вот мы и воспользовались. Всё, что можно, записывали: «Где ты, где ты, отчий дом, гревший спину под бугром», – теплее становилось. Сергей Александрович Есенин для меня не только любимый поэт, но и спаситель жизни моей. В том последнем бою фашист поганый весь сидор расчихвостили, а тетради со стихами не дали мою спину пробить. Так великий русский поэт спас меня, грешника. Дальше ты всё сама знаешь – не даром в госпитале приложила руки, чтоб остаться я на земле, да полковник Лазарь Ильич, собравший меня по частям, удивлялся – ни одной задетой косточки или рёбрышка. Будто и вправду заговорённый.

(В скобках от себя добавлю. Как-то летом в посёлке Рахья на Дороге жизни на Международном конкурсе военной песни «22 июня, ровно в 4 часа...» после выступления театра «Родом из блокады» мы решили искупнуться – жарища жгла несусветная – и я своими глазами увидел искорёженное, израненное войной тело Героя. Страшная картина – вырванные куски на ногах, руках и боках, а спина ровная, чуть поцарапанная, с неглубокими шрамами – 18 ран. А он легко, по-молодому спрыгнул с понтона и поплыл наперегонки с местной пацанвой. Ему уже было за 80. Я за ними едва успеваю.)

- Ну, что, Марусь, берём Есенина?

- Так его статуэтки у нас нет.

- Я найду. Достану. Обещаю.

- Только молчок – до моей смерти никому ни слова.

- Типун тебе на язык, балаболка.

- И как теперь наша когорта великих друзей называться будет?

- Вошумисер, - засмеялся я тогда.

Мария поправила:

- Вошуми, сэр! - и тоже разулыбалась...

- Теперь, если можно, пусть они у вас проживут и вам будут помогать. И вот ещё: набор 6 рюмочек по 30 грамм каждая - для друзей наших великих и нас с вами – это от меня подарок. Давайте, нальём и выпьем на дорожку на пососок – три на три, раз даже Маруся считала, что Бог Троицу любит.

Выпили.

С Украины приехала Оксана Тарасовна. Её было не узнать – за 12 лет она пережила смерть самых близких людей – мужа, свекрови, сына, свёкра. А ей ещё и полтинника не стукнуло. В квартиру Ивана Игоревича её даже не пустили – она была опечатана.

- Всё, что он нажил, сердечный, прахом пошло. Я ж теперь никто ему, как мне сказали, фамилия другая да и вообще из другой страны. Даже сохранённые дедом Иваном документы Андрея и Алёшеньки и наше старое свидетельство о браке не помогли. Всё отошло государству. Ходила я к юристам да к нотариусам, в военкомат – пустое дело, везде отказали. Хотела что-нибудь на память взять, хоть из своих вещей...

Мы сидели в офисе театра «Родом из блокады». Увидев афишу памятного вечера Ивана Игоревича, Оксана Тарасовна заплакала.

- У нас на Украине ему не сиделось, хоть забота и внимание были, как родному члену семьи, всё рвался домой, в Питер. В последний день жизни пошёл прогуляться и, как потом выяснилось, его остановил незнакомый офицер, спросил: не родственник ли он Алешин, вы же знаете, как они были похожи, у них вся порода такая. Домой пришёл молчаливый, мрачный и печальный, сразу лёг и утром не проснулся. Потом узнала я, что офицер тот рассказал деду, как погиб мой сынок. Капитан этот пришёл на похороны деда Ивана, в форме, с орденами, плакал, но на помин-

ки не остался, мне ничего не сказал, только соболезновал-так что я подробностей не знаю и больше его не видела.

Мы говорили много и долго, никак не могли остановиться, вспоминали.

- Помните какую-то деятельницу, чиновницу, которая вам вредила и которую дед не любил да и вы, и ваши друзья тоже? Он был жутко принципиальный - уверял, что она плохой человек и даже придумал ей обидное прозвище или, как он хохмил, кликуху – уже я и забыла, как называл, но смешно. Он всё шутовал, что «прошёл по местам её боевой и трудовой славы» - настырности ему не занимать - и такое выяснил, что даже вам не решился рассказать. Статьи резкие и правдивые написал о ней, ему Гребенщиков помогал, а вы, - печалился он мне, - посоветовали не печатать, чтобы других добрых безвинных людей из-за её делишек не замарать чёрной краской. Дед уважил. Статьи эти у меня хранятся. Могу переслать.

- Да, Иван Игоревич читал мне по телефону, но я не знал, что Гребенщиков руку приложил – вот детективы! Я Алексею обязательно попеняю. Эти статьи и мне приписывали, зло написано и зло призвано покарать. Всё со временем наружу выйдет. Правду не утаишь...

До её поезда оставалось время и мы поехали ко мне - перекусить. Помянули Ивана Игоревича, и я передал Оксане Тарасовне 4 фарфоровых статуэтки - Моцарта, Пушкина, Лермонтова и Есенина, которые оставлял у меня «пожить» Иванов. Рюмочки она отказалась брать, сказала: это подарок.

Но у меня в шкафу по-прежнему уже почти 15 лет продолжают обитать: портрет Моцарта, рядом с записями и нотами его произведений; фарфоровая статуэтка Пушкина вместе с его полным собранием сочинений, как Лермонтова и Есенина. А когда мне бывает одиноко и грустно, я достаю 6 рюмочек и вместе с классиками вспоминаю семью Ивановых, как живых...

... Мы потом иногда перезванивались с Оксаной Тарасовной, но чаще по её инициативе - в то время я был по горло загружен работой - театр, университет. Она по делам не-

сколько раз приезжала в Питер, то одна, то с мужем и детьми, которые незаметно подросли - дочь Клава уже невеста да и парень, названный ею в честь погибшего Алёши, стал подростком - мимолётно виделись. Последний звонок прозвучал недавно, когда на Украине уже во всю шла гражданская война:

- Украинцы и русские всегда были братья, а сейчас что? Вон дед наш смеялся, что в Госпитале ему влили к русской ещё и украинской крови - всё славянская. Я вошла в семью - Тарасова дочка - и Алёшка был у нас полухохол. У меня к вам просьба - нельзя на лето приехать в Питер моим детишкам? Если честно, боязно мне за них. На меня тут бочку катят, мол, училась в России - да ведь и муж мой Гриша тоже в Москве университет закончил - преследуют нас, москалями нас и детей обзывают. К тому ж украинську мову я плохо знаю – так вышло.

- Да, конечно, хоть все приезжайте. Места хватит. Да и мне веселее будет...

Горько сознавать, что Оксана Тарасовна и вся их семья погибли в один день и в один час в июне 2014 года. Она не удержалась, вступилась, когда подонки пытались осквернить Памятник советским воинам, освобождавшименьку - Украину, на том самом кладбище, где упокоился её отец-фронтовик и наш Иван Игоревич. Её убили не земляки, помнившие сколько их детей вылечила доктор Оксана Тарасовна, а наёмники. Она не посрамила Памяти свёкра, мужа и сына и того, что много лет носила гордую фамилию Ивановых...

Казалось, последняя ниточка земной связи с Иваном Игоревичем Ивановым оборвалась навсегда...

Когда в газете «Санкт-Петербургские ведомости» вышла моя статья к 100-летию Героя, в ответ поступило много добрых звонков и сообщений в Интернете, которые сохранены для Музея театра «Родом из блокады», но один звонок и последовавшая за ним встреча оказались из того же калибра, что и вся жизнь Ивана Игоревича. «Так не бывает!», - подумалось мне, но так было.

«Здравствуйте! Меня зовут Света! Хочу

поблагодарить вас за память о Иване Игоревиче Иванове и попросить о встрече, хотя знаю, что вы очень заняты, готовите 20-летие театра «Родом из блокады». Мне есть что сказать вам. Если вам удобно, я заеду за вами на машине. Это не займёт много времени. Пожалуйста, не отказывайте мне». Она ошиблась - это заняло много времени.

Мы встретились на Большом проспекте Васильевского острова у студии канала «Ваше общественное телевидение», где проходила программа «Форум», посвящённая юбилею нашего театра. Ехали недолго, на Петроградскую сторону. В машине успели поговорить мало, в основном, о театре, о спектакле-воспоминании «Из-под небес потичьи оклика...», посвящённом Иванову, и о статье. Дверь открыл муж Светланы, коротко представился: «Игорь Иванов». Я назвался. В гостиной был приготовлен праздничный стол: «Просим вас отметить с нами 100-летие Ивана Игоревича», - я не удивился.

- А теперь я должна вам всё рассказать, извините, волнуюсь. Постараюсь быть краткой. Я никогда не видела Ивана Игоревича, и у нас нет ни одной его фотографии, также, как его жены Марии Ивановны и сына Андрея Ивановича, но вот посмотрите на это фото, - и она протянула мне альбом. На снимке чему-то радовались два молодых курсанта и две юные девушки, в одной из которых можно было легко узнать Светлану, другие показались незнакомыми. Я ведь тоже из семьи Ивановых видел только Ивана Игоревича и Оксану Тарасовну, потому что, когда Иванов пришёл в театр, остальных его родных уже не было на свете.

- Посмотрите внимательнее, вот! - она ткнула пальцем в одного из курсантов, - и верно, парень был похож на Ивана Игоревича, которого я не мог знать в молодости и, вообще, как ни странно, его фотографий не сохранилось, скорее всего потому, что обычно он сам щёлкал других. Иванов запечатлён только на одном общем снимке, когда мы ездили на концерты в Кронштадт, но виден очень плохо, мелко и неотчётливо.

Я пока до конца не всё понимал, но про-

блески явно появились.

- Игорь, мой муж, про это знает и посоветовал рассказать вам. Всё банально, пожитейски просто. Мы познакомились с Алёшей Ивановым ещё до окончания им училища, полюбили друг друга и хотели пожениться, но решили это сделать, когда он вернётся из Чечни - он никому про это не говорил, только мне. Вам известно - какие времена переживала тогда их семья. Накануне его отбытия мы прощались, и я сама настояла на... близости, он говорил - надо подождать, но... Сын родился после гибели Алексея. Никто, кроме меня, не знал кто его настоящий отец. Игорь взял меня замуж с ребёнком, теперь у нас двое детей - Ваня и Маша Ивановы.

Пока она всё это говорила, её муж молчал, а тут вдруг громко позвал: «Ребята! Ребята!» - из соседней комнаты выбежала очаровательная беленькая девочка лет десяти-двенадцати и следом вышел серьёзный светловолосый парнишка, который... ну, тут пронизательный читатель должен меня понять...

- Это Маша и Ваня, - представил Игорь, - Ивановы - фамилия, распространённая на Руси. Никаких совпадений, могу документы предъявить, - улыбнулся он.

Так я познакомился с Иваном Игоревичем Ивановым-младшим, о котором прадед так никогда и не узнал. Мне стало очень тяжело себя сдерживать, но на помощь пришёл Игорь.

- Соловья баснями не кормят - прошу за стол! 100-летие Ивана Игоревича Иванова! - домой я был доставлен на машине только поздним вечером, что называется, отдохнув душой в этой чудной дружной семье.

Жаль, что недавно Ивановы переехали в Москву. Как сказала Света, «у Игоря там основной бизнес и офис, откуда легче руководить делами», - и я не могу с ними видеться так часто, как хотелось бы, но добрый Ванюшка звонит, не забывает да и в Интернете общаемся - он у меня в друзьях.

А мне говорят - так не бывает! Есть!!!

Иван шёл по белым бурунам невских волн прямо навстречу Богу - ветер развеивал его светлые одежды и седые волосы. Воссияло солнце.

- Чего, многострадальный сыне Мой, Иоанн-победитель, душа твоя хочет? - спросил Всевышний.

- Домой прошусь я, грешник. Господи! Помочь людям надо. Чую - плохо им.

- А согласишься ли все муки, что на земле при жизни тебе выпали, снова принять и пройти?

- Как пожелаешь, Боже Милостивый! Воля Твоя!

- Там, на земле, сейчас ещё хуже и даже Оксана твоя с новой семьёй погибла в котле братоубийственной бойни на своей Украине. Там у тебя нет родной кровинки, которую бы ты знал. Тяжко тебе будет.

- Ей-то, бедолаге, за что такое наказание? Я-то уже привык.

- Она уже в куцах райских с твоими родными, близкими и друзьями тебя ожидает. А злые люди забыли Бога Праведного. Золотого тельца, как в былые времена, во главу жизненного угла поставили. Грешат неимоверно и на прощение Бога надеются. Купить Господа думают, но по делам своим, по заслугам и получают. Тебе же хватит, тебе отдохнуть пора. А на земле есть уже новый, кровный тебе Иоанн - правнук твой, он за тебя и понесёт тяжкий крест земной.

- Нет у меня на земле никого. Один я, как перст. Откуда правнук-то взялся?

- Человек предполагает - Господь располагает. Не всё знать дано. А что тебе не удалось, правнук твой сотворит и за тебя жить будет долго.

- За что же, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, малому ребёнку такие страдания, такие мучения? Или меня мало?

- Гордись! Правнук твой через тернии земные победит во славу Божию! Повторю: будет

жить долго и счастливо, прославит имя твоё честное и благородное.

- Но так не бывает!

- И да будет так ибо сие дело Богу угодно! Аминь!

Господь растаял в солнечных лучах, а Иван всё шёл и шёл по невским волнам – возможно и сейчас идёт – кажется, он навсегда остался с нами - и все его родные, удаляясь, приветственно махали ему руками с яркого синего неба над безбрежной водной стихией и навстречу ему приближался светлый маленький мальчик, как две капли воды похожий на него в детстве.

- Неужели всё начинается заново? И станет по правде, как должно быть у добрых людей? Или это только сон?..

- Так не бывает, - подумали оба Ивана, каждый о своём...

И я с ними...

А, может, бывает???

...Звон стоял такой, что заложило уши – ещё бы! – подняли с постели одновременно будильник, домашний телефон и дверной звонок – вот уж верно – Бог Троицу любит! Будильник вырубил сразу, схватил трубку, попросил подождать.

У двери прозвучало: «Вам телеграмма!» - так начался день моего рождения. Первым телеграммой поздравил правнук с далёкой Волги, по телефону внук с гастролей, и не успел я его поблагодарить, как заверещал мобильник – это Иван Игоревич Иванов-младший, конечно, ему уже скоро в армию - время летит. Потом пошли поздравления учеников. Сон досмотреть не дали.

Спасибо, что помните. И я ничего и никого не забываю. И не забуду...

ВАЛЕРИЙ ОРЛОВ

Черныш

Рассказ о тяжелой жизни уличного кота

Вторая смена на заводе заканчивалась в двенадцать часов ночи. Иван с трудом стоял у своего вальцовочного станка. Восемь часов поднимать и бросать во вращающееся жерло тяжелые мешки с сажой, серой, каучуком и здоровый мужик не выдержит; у него сильно болела нога. В сорок третьем году сержанту Николаеву Ивану осколком снаряда перебило правую ногу. В госпитале врачи сказали, что ампутация просто необходима – иначе гангрена и он умрет. Иван упросил старого хирурга сохранить ногу. Врач четыре часа резал, сшивал, снова резал бедного сержанта. Утром, когда Иван отошел от наркоза, медсестра сказала, что операция прошла успешно; дежурный врач подтвердил ее слова. Теперь все зависит от его здоровья. Сержант был деревенским, крепким мужиком, поэтому в своем здоровье он не сомневался. Через два месяца его выписали из госпиталя на двух ногах и с костылем; еще через месяц, он сменил костыль на палку. Все знакомые узнавали Ивана издали, он сильно хромал на правую ногу – она у него была короче здоровой на четыре сантиметра.

На шинный завод бывшего сержанта приняли по распределению, пообещали приличные деньги, но тяжелую работу. Выбирать не приходилось, он согласился. Шесть страшных лет Иван работает на этой каторге, в ужасном цеху, где ночь и день слились в одно черное грязное болото, там и дышишь, и «купаешься» в саже. От завода ему дали комнату в бараке, недалеко от предприятия. Если идти прямо от проходной через заросли кустов и маленькое болотце, то можно попасть домой за пятнадцать минут, а если хочешь пройтись по освещенной, асфальтовой дороге, то время в пути будет около часа. Через болотце все обычно ходят днем, а ночью быть в этом месте опасно: разного рода шайки только и поджидают одинокого прохожего; разбой, изнасилование женщин – обычное явление в этих местах.

Ивану тоже два раза вытряхивали карманы; в основном там поджидают после получки. Но получка прошла, в его карманах пусто и он, после смены, пошел через проклятое болото. Была середина апреля, под ногами хрустел тонкий ледок, кое-где хлюпала вода. Слабый ветерок дул в сторону завода и отгонял от города резиновую вонь. Большие звезды и луна освещали едва заметную тропу. Но он хорошо знал местность, поэтому, прихрамывая, смело продирался сквозь кусты. «Домой. Скорей домой. Поесть и спать», - только об этом думал измученный Иван. Вдруг послышался слабый писк, не поверив услышанному, он продолжал ковылять по тропе. Писк становился все отчетливее, и Иван внимательно стал смотреть себе под ноги. Четыре небольших черных пятна были справа от его ноги; он нагнулся, и в ледяной подмерзающей жиже, различил новорожденных котят. Три комочка уже вмерзли в лед и не подавали признаков жизни, а самый крайний, барахтался лапками, не давая жиже замерзнуть, и слабо пищал. «Котят, новорожденных, выкинули, сволочи!» - подумал Иван. Он с трудом нагнулся, подцепил грубой ладонью шевелящееся черное тельце, сунул в карман своего старого пальто и... забыл про котенка. Придя, домой, растопил печку, которая занимала почти половину комнаты, согрел чай, недельные щи и вдруг, испуганно вспомнил... в кармане пальто лежит котенок. Иван осторожно просунул ладонь, нащупал тельце и вытащил его. Черный комочек не проявлял признаков жизни. «Наверно, сдох!» - решил он. Но, пригретое теплой ладонью тельце, слабо зашевелилось. Достав из ящика старую рукавицу, Иван нагрел ее на печке и засунул туда котенка. Заботы о новом жильце, отбросили отдых и сон на второй план. Его мозг сверлила одна мысль: «Где взять питание для своей животины? А что если сходить к Верке, может, даст молока котенку; она добрая. У

нее родился третий ребенок, а она все не замужем!» - рассуждал он вслух. Сказано – сделано! Верка жила в соседнем бараке. Позабыв про свою больную ногу, он осторожно прокрался к ее двери, тихо постучался, и скоро ему открыли. Жаркое тело молодухи, с большими отвисшими грудями, едва прикрытыми сорочкой, дохнуло на него женской лаской. Слабо горевшая лампочка делала очертания фигуры довольно привлекательной. Иван, который иногда к ней заживал по ночам, вначале растерялся и не мог вспомнить – зачем пришел. Верка, протянув загадочное: «О...о», осмотрительно молчала. Наконец, он пришел в себя и объяснил причину посещения. Женщина сначала удивленно его слушала, стараясь понять, что хочет ее ухажер. Наконец, она сообразила и беззвучно засмеялась, боясь разбудить детей. Самый маленький, а ему всего два месяца, слабо запищал, видимо, холодный воздух с улицы разбудил младенца. Верка поковырялась в каких-то тряпках у печки, и достала небольшую баночку с белой жидкостью; немного отлила в граненую стопку и тихо сказала: «Свое молоко даю, от ребенка отбираю!» Иван поблагодарил, поцеловав ее в горячую щеку. Вернувшись, он нашел котенка не в рукавице, а ползущим по одеялу к печке. Маленькие темные пятна на ткани показывали его путь. «Простудил все кишки», - подумал он. Часа два он пытался научить своего найденыша пить молоко. Наконец, он нашел способ кормления малыша: намочил кусочек марли молоком и просунул в пищевую глотку. Сделав два-три судорожных глотательных движений, котенок стал сосать ткань. Пределывая эти несложные операции, Иван накопил приемыша, который, наевшись, свернулся в маленький комочек и закрыл глаза.

Иван был одиноким всю жизнь. В тридцатых годах его семью раскулачили: отца расстреляли за то, что прятал хлеб от новой власти, мать сослали куда-то в сторону Урала, а его с сестрой отправили в детский дом. Потом - работа в колхозе, Армия, война и... этот проклятый завод. Семьи ни когда не имел – кому нужен нищий мужик с непривлекательной внешностью: небольшого роста, лысый, худой. Но он имел и достоинства – громкий

голос, который помог ему в Армии стать сержантом. Его четкие команды были слышны во всех точках строевого плаца. Однажды он познакомился на танцах с одной девушкой, но и ту «увел» близкий друг. После этого случая друзей у него не было. Ко всем Иван относился подозрительно, часто критиковал действие начальников и насмеялся над ними. С Веркой он познакомился года три назад, раз в неделю забегал к ней по делам и по своей мужской нужде. Она была доброй женщиной, тоже из деревни, привыкла весь жизненный груз тащить на своих бабьих плечах. От мужиков ничего не требовала, никому не была верной подругой. Дети у нее были все разные: первый – высокий, черный парень, похож на цыгана; второй – маленький, шуплый, со светлыми волосиками, имел большое сходство с Иваном, но тот старался не замечать этого; последний – рыжий, здоровый малыш родился весом в четыре килограмма – для послевоенного времени это было большой редкостью.

Иван еще долго не мог заснуть, вспоминая свою горькую жизнь, и мечтательно глядя на черный живой комок, думал, что и у него появилась своя «животина», за которой надо ухаживать, она преданно будет ждать его дома. Но скоро он задремал, сон его был чутким, болезненным, напоминал состояние недавно родившей женщины, которая была всегда на стороже, боясь пропустить плач своего ребенка. Ночью ему пришлось два раза подкармливать свое «чадо». Днем, на заводе, Иван только и думал – где достать молока для котенка – Верка больше не будет отрывать пищу от своего малыша. Его напарник посоветовал пойти в столовую и рассказать о случившемся, может, помогут повара. Но там его не стали слушать, а только осмеяли. Выходя из столовой, он проходил мимо посудомоек; его острый взгляд увидел капли молока в бутылках, которые мыли женщины. Он попросил разрешения собрать эти остатки для котенка – ему разрешили. Каждый день после работы, Иван по часу проводил время в столовой, высасывая живительную влагу для своего питомца. Молоко было найдено, Чернышу, как его называл хозяин, голодная смерть ему не грозила.

Через три месяца в его комнате всем завладел черный, крупный котик: теплое место на постели принадлежало Чернышу, красивая миска с едой, у печки, - тоже собственность кота. Иван свыкся с независимым характером своего питомца и всячески потакал ему: то для лежанки отдаст свой шерстяной шарф, то большим гребнем вычесывает его гладкую шкурку. Кот принимал это, как должное; дома бывал редко – поест, поспать, встретить хозяина и снова во двор, по своим делам к своим друзьям и подругам, таков был распорядок дня Черныша. Так как Иван закрывал всегда двери на замок, то на свою кровать кот привык ходить с улицы через форточку. Чернышу работы хватало на целый день: обойти три барака, облазить чердачные помещения, а главное, посетить барачную помойку, в которой всегда можно найти какой-нибудь необычный вкусный кусок. Правда, желающих побывать в такой бесплатной столовой было много: все барачные коты и кошки, собаки – свои и чужие - да и птицы, от воробья до вороны – все искали там свое лакомство. На этой помойке, как и в жизни, существовал один жестокий закон: лучший кусок достается сильному. Черныш от природы был добрым и ласковым, но, получив несколько трепок от своих и чужих, отбросил всю сентиментальность и стал жить по правилу «бей слабого – уступай сильному».

Однажды на его глазах гроза помойки, рыжий здоровый пес Джек разорвал знакомого кота, из соседнего барака. Этот котик, найдя что-то вкусное, замешкался и вовремя не уступил место грозному сопернику, и тот, по праву сильнейшего, придавил его лапой к земле и перекусил на две части. Не найдя ничего вкусного в отбросах, он плотно пообедал остатками этого несчастного. Наблюдавший из кустов за этой жуткой картиной, Черныш усвоил еще одно правило: нашел съедобное, хватай и быстро убегай куда-нибудь подальше, где можно спокойно насладиться едой. Если не считать мелкие неприятности, то жизнь Черныша была спокойной и счастливой: у него есть своя комната с кроватью, свой хозяин, который в нем «души не чаёт», и всегда приносит с работы вкусную еду. Кот благода-

рил хозяина по-своему: когда у Ивана болела нога, он согревал своим телом больное место, и хозяину становилось легче. В жизни у всех бывают полосы везения и невезения. Полоса счастливой жизни у Черныша прошла.

На заводе у Ивана были давние распри с мастером цеха: то ли из-за недоплат, а может, из-за отпуска – много всяких неприятностей может сделать начальник подчиненному. Иван рассказал в цеху анекдот про правителей в Москве; кто-то донес мастеру, а тот сообщил в «нужные органы». Утром в дверь комнаты хозяина тихо постучали. Иван открыл – два милиционера вежливо предложили взять вещи и документы, и следовать за ними. Ему помогли сесть в машину, и там он увидел еще несколько незнакомых «бедолаг». Он все понял; с каким-то равнодушием бросил последний взгляд на свой барак, и только одна мысль сверлила его мозг – что будет с Чернышом? Правда, кот почти взрослый: ему около двух лет, но все же жаль было с ним расставаться! Про Ивана больше никто ничего не слышал; на дворе были пятидесятые года, когда жизнь человека ничего не значила.

А, что Черныш? Проснулся утром, сунул мордочку в блюдо – пусто; махнул через форточку во двор, прошел свой дворовый путь, перекусил на помойке и стал ждать своего хозяина, но тот не появлялся. К вечеру в комнату Ивана пришла грудастая Верка, потрепала кота по черной шерстке, обшарила небольшую комнату, кое-что завернула в одеяло, посидела на кровати около Черныша, смахнула пару слезинок с глаз, тихо сказала: «Извини, тебя взять с собой не могу. У самой трое на шее висят». И ушла. Черныш мало кому доверял в своей небольшой жизни но этой женщине всегда подставлял спинку, приветствовал слабым мяуканьем – видимо, чувствовал, чье молоко вернуло его к жизни. Через три дня появились в комнате новые жильцы: нестарая, высохшая, рябая женщина и мальчик, лет восьми. Увидев кота на кровати, ребенок хотел было приласкать животное, но тот резким ударом когтистой лапы, поранил его руку. Тот с криком бросился к матери. Черныша выкинули из его родной комнаты в холодный коридор. Кот несколько раз пытался проникнуть в

помещение – его выбрасывали. Сидя у закрытых дверей, он долго мяукал, стараясь объяснить новым жильцам, что это его комната, скоро придет хозяин и решит это недоразумение. Но дверь и форточка оставались закрытыми! Кота просто выкинули на улицу, где он никому не был нужен и мог надеяться только на себя. Наконец, Черныш это понял: грязная помойка, мыши и воровство – могут его спасти. Подвала у барака не было, но теплый чердак мог дать ему прибежище. Кот знал все входы и выходы на нем и даже ухитрился поймать там несколько мышей; раньше он брезговал ими, но теперь, когда пустой желудок своим голодным урчанием требовал пищи – любая мышь казалась ему лакомством. На помойке, надо было найти и драться за пищу, а на чердаке все зависело от его силы, ловкости и хитрости. Он это быстро понял и скоро стал прекрасным охотником на мышей. Спал Черныш в разных местах; там, где топили печку, кирпич труб нагревался и грел отдыхающее тело кота. Постепенно его жизнь наладилась, но иногда воспоминания из детства, гнали его к родному окну, где он смотрел на закрытую форточку и беззвучно мяукал – кому-то о чем-то жалуясь.

Иногда ветер доносил до кота приятные запахи пищи из-за домов; Черныш не любил, даже боялся отходить от своих бараков: здесь он родился, вырос, живет, имеет теплый ночлег и кое-какую пищу, а там, где-то далеко, что его ждет – неизвестно. Однажды, когда кот был особенно голодным, вкусный запах заманил его прогуляться и узнать, что там, вдали, происходит. Пробирался долго, осторожно, наконец, увидел долгожданную цель: помойные бачки у столовой, но путь Чернышу преградили местные хозяева – несколько собак. С котами можно было бы сцепиться из-за вкусной еды, но собак он опасался. Долго кот наблюдал за этой пестрой компанией и, когда те насытились и разбрелись, ухватил несколько кусочков пищи, но этого ему было мало, и он вернулся назад, к своим баракам. Больше на эти вкусные запахи из-за домов, Черныш не реагировал. В теплое время года, жить было легче, зато зимой добыть пищу... очень сложно. В холодное время скоропортя-

щиеся продукты жители бараков хранили в сетках, за окном. Вот эти сетки его и кормили; если хозяйка не уберет на ночь свои продукты с улицы, то они принадлежали Чернышу – он таскал все, что можно было есть. За такое воровство, ему часто доставалось. Но «голод – не тетка», без пищи не проживешь. Несколько дробинок в задней ноге напоминали ему об опасностях в жизни. Но все забывалось, когда он добирался до заветных продуктов, вкуса мяса и рыбы отгонял все земные страхи. Люди бы сказали проще: «Не рискуешь – не пьешь шампанское!» Если чувствуешь аромат свежего запаха мяса или волшебный вкус рыбы – разве можно устоять против такого искушения, поэтому и приходилось коту рисковать своей жизнью.

Время шло: тепло сменялось холодом, холод – теплом; Черныш почти десять лет прожил в своем бараке, некоторые жители считали его своим барачным котом и иногда пытались прикармливать, другие, напротив, видели в нем врага и вора, который заслуживает смерти. Особую ненависть к нему питали мальчишки, для них он был живой мишенью, в которую можно стрелять из рогатки и кидать камнями. Один раз его чуть было не утопили в озерке. Маленькая девочка дала Чернышу кусок колбасы, почувствовав опьяняющий запах, кот забыл об осторожности, и мальчишки накрыли его сеткой. Дальше он оказался в темном мешке, и один хулиган несколько раз ударил кота палкой. Запах этого мальчишки остался в его памяти на всю жизнь. Мешок с котом принесли на берег небольшого озера и бросили подальше от берега. Был вечер, мальчишки не стали ждать, когда мешок утонет, покидав в него камнями, разбрелись по своим домам. Черныш родился под счастливой звездой, мешок плюхнулся рядом с плавающей корягой, зацепился за нее, и в полузатопленном состоянии, через пару часов его прибило к берегу. Зубами и когтями он разорвал ткань мешка и оказался на свободе; после такого угощения, кот никому не доверял, и с рук не брал пищу. Своему обидчику Черныш отплатил сполна, по запаху узнал, что тот жил в дальнем бараке. Несколько дней выжидал удачного момента для мщения, и когда тот

возвращался поздно вечером, кот подкараулил его в темном коридоре, прыгнул сверху, разодрал кожу головы когтями и исчез в ночном дворе.

Скоро с Чернышом произошел еще один неприятный случай: рано утром, когда он направлялся к помойке, ему навстречу, как ему показалось, шел его хозяин, прихрамывая на большую ногу и опираясь на деревянную палку. Забыв обо всем, кот бросился к этому человеку и прыгнул ему на грудь, как делал это в детстве... Страшный удар по голове отбросил Черныша в кусты, откуда он одним прыжком исчез в зарослях. Оглушенный, ничего не понимающий, лежал он на прелых листьях, а в голове была одна мысль: «За что?» Но запах одежды человека с палкой ему подсказал, что это был не хозяин; от его спасителя пахло махоркой и луком, здесь чувствовалась резкая вонь лекарств и нафталина. Да, как же он мог так ошибиться – видимо, годы брали свое.

Много еще событий происходило с котом за его долгую жизнь, но самое страшное ждало впереди. Черныш стал замечать, что людей в бараках становится меньше, вместо сытой помойки – свалка несъедобного мусора, печка на чердаке его больше не грела. Бараки стали исчезать: сначала снесли дальний, потом средний и, наконец, очередь дошла до его дома. Всю площадку обнесли забором, завезли песок, кирпичи, доски – ничего подходящего для жизни кота не было. Помойка была в стороне и ее закопали. Кот голодал, его шерсть клоками слезала со слабого тела; наступившие холода заставили Черныша вырыть глубокую нору в бывшей помойке, но мусор слабо грел. Мышей было мало, да и ловить их было тяжело; только личинки и червяки спасали его от смерти. Но недаром говорят, что у кота девять жизней; у него они не кончились, а продолжали следовать одна за другой.

Однажды, пробираясь через кусты, он уловил слабый шелест; любопытство и голод подтолкнули Черныша узнать – что там происходит? Заглянув в густые заросли, кот увидел большую белую птицу; ее крылья, еще недавно рассекавшие воздух, запутались в кустах и слабо трепетали: наверно, она ударилась о провода и разбилась. Смерть, невидимая, но

вполне естественная, медленно забирала последние силы и саму жизнь от небесной красавицы. Кот хотел броситься на добычу, но какой-то внутренний голос подсказал: «Не торопись. Дай ей умереть спокойно!» Черныш прижался к холодной земле и выжидательно наблюдал за агонией птицы. Наконец, она затихла; кот утолил свой естественный голод; два дня он не отходил от своего «праздничного стола». Сил прибавилось, и Черныш отправился к далекой столовой, запахи которой нещадно будоражили его голодную фантазию. Бачки с остатками пищи все так же стояли в углу двора; днем редко какая собака или кошка подходили к ним, но, начиная с вечера, картина менялась: сначала самые сильные и смелые животные насыщались долгожданной пищей, ближе к ночи, подходили к бачкам остальные – послабее, мыши и крысы завершали это бесплатное пиршество. Столовая помойка была кормилицей всех четвероногих, которые потеряли своих хозяев, и Черныш был в их числе. Ночевал он в подвале большого дома, там было сухо и тепло; через сломанные оконца, можно легко войти и выйти из этого убежища. Силы вновь вернулись к коту: шерсть загустела, и мышцы заиграли под ней. В ссорах с котами он мог постоять за себя и вырвать лучшие куски с обеденного стола-помойки. У Черныша появилось много подруг, но постоянной симпатии ни к одной он не имел: так, один раз встретятся и... разбегутся в разные стороны. Обращение с кошками у него было чисто мужское: он не бегал за ними, не мяукал, вылизывая ей мордочку, умильно заглядывая в глаза, а просто, грубой кошачьей лапой, прижимал голову временной подружки к земле, ловко влезал на нее и, сделав свое дело, уходил, не обращая на нее ни какого внимания. Так, как будто поймал очередную мышь, насытился и... забыл.

В теплую погоду, бачки с остатками пищи, стали своим запахом раздражать жителей, и вечером их пришлось увозить. За неимением еды, столовое «братство» распалось; каждый стал искать свой кусок – где повезет! Черныш снова решил вернуться к своим баракам; вместо них, за забором, высилось огромное многоэтажное здание, за строительными ма-

териалами, в углу двора виднелась будка сторожа, а рядом... конура собаки. Кот боялся и ненавидел этих огромных тварей, но от жилья сторожа тянуло таким ароматом пищи, что он не выдержал и подкрался поближе; долго лежал под забором, наблюдая за сторожем и его большой рыжей собакой, Альмой. Она была неопределенной породы – смесь дога и дворняги. Днем ей приходилось скучать на привязи, а вечером, когда уходили рабочие, сторож отпускал ее бегать по строительной площадке, где она своим видом и громким лаем распугивала воров – несла свою сторожевую службу. За эту работу собаку кормили вкусной пищей, остатки которой и привлекли кота. Дождавшись, когда Альма убежит от конуры, Черныш бросился к миске, схватил зубами несколько жирных кусков мяса – скрылся под забором. Скоро собака вернулась, подозрительно обнюхала свою миску и, не обнаружив ничего странного, снова убежала. Сторож кормил своего помощника два раза в сутки, вынося литровую кастрюлю с наваристым супом, собака всегда была сытой и не обращала внимания на воробьев, возившихся у остатков пищи; ну, а где есть один нахлебник – всегда появится и второй. Таким нахлебником стал Черныш: собаки нет – кот у миски, собака прибежала – кот под забором. Черныш долго жил на этом свете, он был старым и умным, редко какой его собрат проживет и год в этом жестоком уличном мире. Только осторожность и смелость могли ему помочь. И... помогали! Ночевал он в строительном мусоре, но кормился просто «по-барски»: почти каждый вечер его ждал жирный теплый суп, а иногда и с кусками мяса. Альма была не жадной собакой, она никогда не съедала все сразу, а может привыкла к однообразию пищи и к постоянству своей кормежки. Суп съедала по частям: когда ей приносили еду, после проверки стройки и ночью. Кот привык к распорядку дня собаки и был доволен своей новой жизнью, а та, после приятных моментов, подбросила ему и неприятности. Альма оценилась, принесла трех здоровых, толстых щенят, и как примерная мать, находилась рядом с новорожденными. Бегают недалеко и все следит за будкой, где спит ее потомство. Для Черныша это был

жестокий удар, но к его радости, так продолжалось недолго, Альма вновь стала убежать в дальние углы стройки. Кот, вместе с воробьями, кормился остатками собачьего обеда. Сторож сначала отпугивал всех от конуры, потом это занятие ему надоело, и он перестал обращать внимание на птиц и кота, но иногда любил из-за окошка понаблюдать за их возней у миски с едой.

Однажды, после очередного похода за обедом, Черныш у конуры почувствовал крысиный запах. Заглянув в конуру, увидел, как большая черная крыса, придушив щенка, прокусила ему горло и сосет кровь умершего малыша. Прыгнув на крысу, он прижал ее к земле и прокусил крысиную шею; та сдохла, кот вытащил зверюгу из конуры и бросил у дверей сторожевой будки. Сторож видел, как кот вытащил что-то тяжелое из конуры и выскочил спасать щенка, увидев мертвую крысу – понял свою ошибку: кот спас оставшихся щенят от неминуемой гибели. Сторож, удивившись такому благородному поступку, решил прикармливать спасителя – поставил у дверей банку с молоком. Черныш первое время боялся подходить к лакомству открыто, и ел подношение украдкой; постепенно привык и лакал молоко в присутствии сторожа. Альма, давно привыкшая к его запаху, мало обращала на кота внимания. Ее больше волновала кастрюля с едой, но Черныш при ней ни разу не дотронулся до собачьей пищи.

Так и зажили они втроем: сторож, собака и кот. Щенков вскоре забрали рабочие: одного взяли для охраны дачи, другого – для себя, просто понравился. Работа по строительству дома приближалась к концу, рабочие довели пятый этаж и приступили к сборке крыши. Альма все также - вечер и ночь - бегала по стройке, распугивая непрошенных гостей, а кот или грелся у печки, или нежился на солнце. Вечером собака, как всегда, убежала и... пропала. Утром сторож забеспокоился и пошел искать Альму; все было безрезультатно – на стройке собаку не нашли. Днем к нему подошел один из рабочих и сказал, что видел недалеко от дороги сбитого машиной рыжего пса; они поспешили к этому месту – в кустах, грязная и израненная, лежала Альма. Сторож

аккуратно обернул ее мешковиной и принес к своей будке, собака не подавала признаков жизни. Видимо, все силы она истратила ночью: ее сбила машина на дороге, были раздавлены задние лапы и сломан позвоночник. Альма ползла, упираясь передними лапами, и волокла изуродованные задние. До стройки оставалось не более двухсот метров, но силы оставили ее – она не могла переползти канаву, запуталась в кустах. Сторож стоял, с понурой головой, около умирающей собаки, Черныш испуганно глядел на тело из-за ноги хозяина. Помочь Альме никто не мог, и к вечеру она умерла. Ее хозяин пошел искать лопату, а кот подполз к телу собаки, прижался к широкой спине и неподвижно лежал, стараясь ее согреть. Страх перед Альмой у него давно прошел, они не были друзьями, но какая-то внутренняя жалость, заставила его пойти на этот поступок.

Сторож похоронил своего помощника на берегу заросшего озера, под кустами. Около месяца на стройке была тишина, не слышно гулкого собачьего лая, но вскоре это спокойствие нарушили тьяканье и повизгивание щенка. Один из рабочих вернул сторожу детеныша Альмы, крупного, ширококостного, рыжего. Эта собака в тесной квартире строителя перевернула всю мебель, и ее решили вернуть прежнему хозяину. Хотя Кузе, так звали кобелька, было около трех месяцев, но издали он походил на взрослую собаку. Молодость и сила будоражили его, он не мог и секунды оставаться на месте, ему надо было бегать, прыгать, хватать кого-нибудь зубами, особенно доставалось проходящим мимо будки рабочим. Два раза он пробовал схватить

зубами кота, но, получив увесистые затрешины, оставил его в покое. В старости Черныш плохо переносил щенячий запах, при приближении щенка, у него текли слезы, и он начинал задыхаться, поэтому кот держал Кузю на приличном расстоянии от себя. Настроение у него, как у всех стариков, резко менялось: когда ничего не болело – он мог разрешить себя погладить, потереться спинкой, если старческая немощ брала свое, то кот мог ударить лапой, просто так. А болезни брали свое, года давили своей тяжелой ношей! Черныш меньше стал выходить из сторожки, еда в миске часто оставалась нетронутой. По утрам было особенно тяжело, судороги вытягивали его больные лапы, причиняли невыносимую боль. Все чаще к нему приходила страшная мысль – пора уходить! Кот не понимал – куда уходить? Зачем? Но его тянула какая-то неведомая сила: уйти подальше от живого мира, туда, где тихо и темно. И он решился: утром, собрав последние силы, он спустился с крыльца, с трудом пролез под забором, углубился в чащу кустов, спрятался от всего живого, и... успокоился. Щенок, видя, что кот куда-то уходит, побежал за ним, но, сунув морду в кусты, где лежал умирающий Черныш, в испуге отпрянул – что-то страшное и непонятное, для него, витало в этих зарослях. Черные крылья тени прикрывали вытянутое тело, последний хриплый звук вытолкнул щенка в солнечный, радостный день, где он закружился вьюном на месте и побежал по своим щенячьим делам. Черныш, пройдя тяжелый жизненный путь, ушел далеко в темноту, к своим маленьким братьям и сестрам, о которых он никогда не вспоминал, но они были с ним рядом всегда.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона (окончание)

Застывший червячок

Следующее утро началось с происшествия. Возле остановки, где располагаются проползающие улитки, пассажирами был обнаружен совершенно замёрзший Дождевик. Выяснилось, что лежит он здесь со вчерашнего вечера. Вчера, после того как закончились соревнования дождевых червей и все участники расползлись по домам, один из Дождевиков остался на спортивной площадке. У него неожиданно заболела глотка, так как он по ошибке вместо комка земли проглотил камень. Когда же он, придя в себя, подполз к своей норке, то обнаружил, что она занята другим червяком. Между тем уже наступал вечер. Разгорячённый червячок решил поехать к своей бабушке, Череве, которая проживала на другом конце луга, но не нашёл денег на проезд. К тому же он забыл надеть шапку и шарф. Шарфом Дождевики обычно обматывают не только шею, но и всё своё длинное тело, потому что неизвестно где у червяка начинается туловище и где кончается шея. Прележав ночь на холодной земле, он так продрог, что не мог сам сдвинуться с места. Когда подошедшие прохожие, положив червяка на лист подорожника, отнесли к ближайшей норке, он совсем почти ничего не чувствовал. Расторопные муравьи побежали вызывать врача. Дождевика же, укрыв сухой травой, напоили тёплой болтушкой. Немного согревшись, червячок открыл глаза и увидел за стойкой в глубине норки каких-то двоих посетителей. Они сидели спиной к дверям и тихо переговаривались между собой.

- Как же теперь быть? - спрашивал басом первый незнакомец. - Ведь надежды наши на превращение в нормальных людей рушатся. Аппарат лишь приращивает букашкам крылья и всё, а мы испробовали его на многих насекомых. Как с его помощью смог этот про-

клятуший Нансон смог стать человеком?

- Не надо падать духом, - вторил ему писклявым голосом другой. - Я слышал, что этой машинкой занимаются инопланетяне. Надо следить за ними, и тогда мы узнаем тайну превращения.

- Нам бы только попасть обратно к людям, уж очень надоело возиться с букашками. Я предлагаю отнести аппарат обратно Нансону и сказать, что мы обнаружили его совершенно случайно под кустом.

- Чтобы нас сдали в полицейский участок?

- Тогда давай поручим ломехузу следить за ними.

Послышался вой сирены. Посетители быстро поднялись и направились к выходу. Не заметив лежавшего в проходе Дождевика, один из них зацепил за больного ногой и упал прямо на него. Оживший червячок ойкнул и перевернулся на другой бок. То, что он увидел, поразило его до глубины души: прямо перед его носом возникло перекошенное страшной гримасой лицо крошечного человечка.

- Развалился тут, как колода, - грубо толкнув червячка в бок, прошипел сквозь зубы человек и, расталкивая входящих санитаров, ринулся к выходу. За ним еле поспевал его напарник.

Неизвестные вскоре исчезли в высоком Травнике. Дождевика же, погрузив на носилки, отправили в больницу №3, расположенную на территории военного городка.

Неожиданная встреча

После разговора с пришельцами нашим друзьям стало ясно, что необходимо снова попасть в муравейник и чем быстрее, тем лучше. Нансон повёл их туда кратчайшим путём, через заросли колючей череды. Гуськом шли

они по узенькой тропинке, постоянно вынимая из одежды прилипшие колючки. Навстречу им то и дело попадались груженные подводы сороконожек. Погоняемые сзади жуками, они везли домой покупки с ярмарки. Вдруг в толпе букашек Нансон увидел знакомую усающую физиономию.

- Карос! – закричал он не своим голосом.

- Нансон? – удивился тот. – Что ты тут делаешь? Ты же должен быть давно дома.

- Да вот, понимаешь, задержался. А ты куда направляешься? – в свою очередь спросил друга Нансон. – Кстати, познакомься, мои друзья, люди, а это Нюся.

- Очень приятно, – отдал честь Карос, всем по очереди пожав лапку. – Я иду навещать Мароша. Он ведь в больнице.

- Как только освобожусь, я тоже загляну к нему, - крикнул на прощанье Нансон и помахал другу правой передней клешней.

- Кто это был? – спросил Славка у Нансона, когда подводы скрылись из виду.

- Мой давний друг. Мы с ним много путешествовали. Как-то раз побывали даже в жилище человека.

- Кого-кого? – спросила Катя, наставив прямо на Нансона дрожащие усики.

- Человека, - слегка смутившись пробормотал Нансон. – Ну, я имею ввиду этого, то есть того...

- Ха, ха, ха! – засмеялся Славка, трясясь всем своим зелёным телом. – Ты, может быть, ночевал у меня дома, а я этого совсем и не заметил.

- Тут нет ничего смешного, - насупил Нансон. – Возможно, всё так и было. Ведь в форточку небоскрёба мы попали, на истребителе, которым управлял пилот Марош, лежащий нынче в госпитале.

- А что с ним случилось? – поинтересовалась Вика.

- Попал человеку под горячую руку.

- Как бы нам самим не угодить ненароком под чей-нибудь сапог. Тогда нам домой точно не вернуться, - проворчал Славик, обходя воронку.

- Ребята, а ведь и мы с вами были совсем недавно такими огромными, что оставляли

след от ботинка размером вот с такую яму, - вдруг подумав, произнёс он, показывая на воронку.

Девочки вместе с Нюсей тут же подбежали к осыпающемуся краю ямы и заглянули вниз. Глубоко на самом дне поблёскивала вода.

- Неужели мы так малы сейчас? – покосилась на Славку Катя.

- А ты как думала? Так что нечего вам тут задерживаться и осматривать всякие водоёмы. Идём Нансона догонять! – с этими словами он схватил обеих подружек под лапки и потащил вперёд.

Нюся, стараясь не отстать от друзей пыхтела где-то сзади.

Узелковое письмо

Когда друзья, наконец, добрались до муравейника, было уже далеко за полдень. Нансон направился к проходной. Вдруг двери с шумом отворились. Ватага молодых муравьёв с гиканьем и свистом выскочили ему навстречу, чуть не сбив с ног. За муравьишками гналась вахтёрша в переднике и со шваброй в передних лапках. Муравьи быстро забрались на раскидистый Мятлик, повиснув на ветке вниз головой. Нянечка же была, как видно, не столь поворотлива, поэтому догнать их не смогла. Подбежав к Мятлику, она лишь попыталась сбить их щёткой от швабры.

- Вы что, заболели? Слезайте, негодники! – кричала она. – Тоже моду взяли с уроков сбегать.

Муравьишки срывали созревшие семена и, смеясь, кидали вниз.

- Прямо как у нас в школе на большой перемене, - удивился Славка.

Тут раздался слабый звук, похожий на звон серебряного колокольчика. Он доносился из муравейника. Это был сигнал на обед. Мураши, как по команде съехали вниз по гладкому стволу на землю и побежали домой.

- Учебный процесс восстановлен, - догадался Нансон и пошёл на вахту за пропусками.

Лили приняла путешественников в тронном зале. Придворные муравьи стояли вокруг

неё, склонив головы. Челюсти их постоянно двигались, будто что-то пережёвывая. На самом деле они таким образом заучивали новые параграфы законов, принятых на последнем заседании старейшин. Когда наши друзья вошли в зал, то были поражены великолепием покоев. До блеска начищенные стены, пол и потолок прямо светились чистотой. Нансон в приветственном поклоне склонился перед царицей.

- Ваше величество, ваше задание выполнено, дневник передан в центр информации, но помочь детям мы пока не смогли.

- Вижу, - отозвалась Лили. – Выходит превращение в людей не удалось?

- Да. И мы опять пришли за помощью к вам.

- Чем же муравьи могут помочь?

- Нам стало известно, что в ваших чертогах скрыт волшебный жук Скарабей.

- Что-то я такого не припомню.

- Ну как же, ваше величество! Когда мы в прошлый раз гостили у вас, то видели его в ваших покоях, - воскликнула Катя.

- Принесите сюда мои сокровищницы, - распорядилась царица.

Двое рассыльных тут же подняли свои усики-локаторы, пошевелили ими, потом повернулись и стали взбираться вверх по лестнице. Вскоре послышался шум катящейся тележки. Её спускали вниз по ступенькам рассыльные. Сначала показались её колёса, а затем уже скрученный из каких-то волокон корпус корзины. Муравьи вкатили ходунки в тронный зал. За рассыльными проследовала горничная, гремя связкой ключей.

- Откройте! – приказала царица.

Горничная выбрала самый большой ключ и отперла замок, достала из сокровищницы бархатную коробку и открыла её. Золотой жук, сидевший на подкладке, поразил всех удивительным сходством с настоящим: те же лапки, головка, сложенные на спине надкрыльнички. Царица взяла его и внимательно рассмотрела.

- Теперь я, кажется, начинаю понимать в чём дело, - сказала она. – Об этом жуке мне однажды уже довелось слышать. Его подарили на свадьбу моей бабушке. В тот момент, когда молодые стояли на вершине муравейника

и готовились совершить ритуальный полёт в честь создания новой семьи, к ним с небес на тонкой паутине спустился паучок. Он поздравил их и вручил подарок: вот эту шкатулку. Говорили, что она попала к нему от самой царицы паучьего племени, несравненной Арахны. Вот с тех пор этот талисман и хранится у нас в сокровищнице.

Лили правой лапкой провела по головке жука. При этом надкрыльнички зашуршали и приоткрылись. Из-под них показались прозрачные, как слюда, крылья. Сквозь складки правого крылышка видна была свёрнутая в клубок тонкая нитка. На нитке, как бусинки блестели разноцветные узелки.

- Уважаемые старейшины! Что вы обо всём этом думаете? – повернувшись лицом к министрам, спросила Лили.

Один из муравьёв с потёртыми усиками тяжело поднялся и подполз к царице.

– Это старинное узелковое письмо, - сквозь очки рассмотрев нить, сказал он. – Вы, конечно, слышали такое изречение: “Завяжи на память узелок”. И сами, наверно, не раз пользовались этим советом, не подозревая, что имеете дело с древнейшим в мире узелковым письмом. Давно, когда не было известно букв, разумные существа на Земле научились пользоваться таким удивительным способом передачи информации. Они складывали из узелков целые послания своим друзьям и устрашающие вызовы врагам. Тот, кто хотел выразить свою мысль, брал толстую нитку или верёвку и тонкие шнурочки различной длины. Привязывая их особым способом к основной нитке в виде узелков, он составлял таким образом послание. Чем ближе был расположен узелок к нитке, тем важнее была вещь, о которой шла речь. Все узелки были разного цвета. Чёрный – означал смерть, белый – мир, жёлтый – золото, зелёный – хлеб.

- Теперь понятно, почему при перемирии выбрасывают белый флаг, - сказал Слава.

- Ну, а что же всё-таки написано на нашей нитке? – спросила у старейшины царица.

Старый муравей отозвал Лили в сторону и что-то прошептал ей на ухо. Царица кивнула головой и попросила всех ненадолго покинуть тронный зал. Нансон, Нюся, Слава, Катя

с Викой, а за ними и все придворные один за другим тихо покинули покои царицы. Как и в прошлый раз, за ними пришёл Глухой и повёл ребят в библиотеку. На все расспросы детей он отвечал однозначно:

«Тайна Скарабея раскрыта»

Когда все вышли, Лили спросила у старейшины:

- Так что же ты хотел мне сказать, Тодд?

- На этой нитке заключено следующее послание: “Возьми священного жука Скарабея, потри его золотую голову и тогда он подымет крылья и откроет свою тайну. Жёлтый узел – это сам жук, через него передаётся волшебство. Три мелких красных узелка, к которым привязаны зелёные узелки – дети, держащие хлеб. Синий узел – это водная преграда, а большой тёмно-красный узел, висящий вместе с белым – мирное разрешение всех проблем и превращение в большого человека.”

- В чём же здесь тайна? И почему тебе надо было удалять всех из зала? – удивилась Лили.

- Эти дети, которые гостят у вас, не должны были до поры до времени ничего знать.

- Почему?

- Потому что они сами являются участниками всех событий.

- Как это так?

- Когда-то давно богиня Исида наделила детей даром предвидения за то, что они помогли ей отыскать мужа Осириса. Если загадать желание и выйти туда, где находятся дети, то первое сказанное ими слово и будет главным недостающим звеном в этом послании. Теперь иди к ним, слушай, что они произнесут, и открой им тайну возвращения домой в мир людей.

Лили в сопровождении Тодда быстро направилась к библиотеке. На пороге она слегка задержалась, будто хотела выждать какое-то время, затем медленно повернула дверную ручку и вошла в помещение читального зала.

В это время Слава, сидевший на скамеечке и, как видно, что-то рассказывающий собравшимся вокруг слушателям, произнёс:

- Вот такой фокус-крокус получается.

Увидев Лили, все поспешили ей навстречу.

- Ну, друзья, - сказала царица, - вот вам волшебный талисман и по хлебу на дорогу. Скорее потрите Скарабея по его золотой голове, это будет означать, что дорога в мир людей открыта. В узелковом послании указано о преодолении вами водной преграды. Здесь есть только одна преграда – это пруд на другом краю луга. Там в глубокой пещере ожидает вас тритон - дядюшка Крокус.

- А как же подарок вашей бабушки, ведь вы его потеряете, отдав нам, – обратился к царице муравьёв Слава, принимая в дар Скарабея.

- Не волнуйтесь, - улыбнулась Лили. – Жук никуда не денется, он всегда возвратится к своему хозяину.

В больнице

Червячок лежал в больничной норке на мягкой подстилке из мать-и-мачехи. Листья этого растения применяют как нежнейшую простынку, способную своими невесомыми волосками высасывать недуг из тела больного насекомого. Эти волоски даже можно жевать, что наш Дождевик и делал. Он сосал волосок и ждал обеда.

«На обед, наверно, будет опять паровая припущенная почва, – думал он. – Скорей бы выздороветь и от души наестся настоящего чернозёма».

- Эй, дружище, дай напиток, - вдруг услышал он писк, похожий на комариный.

Червяк обернулся и увидел пациента, крест-накрест перевязанного бинтами.

По торчавшему хоботу и длинным ногам он действительно признал в нём комара. Червячок подполз к больному и поднёс к его хоботу склянку с болтушкой. Комар прицелился и с третьей попытки попав хоботом в банку, насосался, наконец, лечебного раствора.

- Тебя, как я вижу здорово тряхануло, - пожалел комара Дождевик.

- Да, врачи ставят диагноз, сотрясение средней мозгины, но у меня такое чувство, что во мне всё переломано, - прокашлял комар.

- Ничего, поправишься, - успокоил червячок. - Одно моего родственника и вовсе разорвало пополам, но он выжил и находится на излечении в клинике Арахны. Там лечат больных, прикладывая к их ранам натуральную паутину. После лечения он стал чувствовать себя настолько хорошо, что у него чуть не отросли крылья.

Тут открылись двери и вошли санитары, неся носилки с больным жуком. Сзади протолкнулся какой-то насекомый в белом халате. Пошевелив зелёными усиками, он подошёл к постели комара:

- Привет, Марош.

Комар поглядел на вошедшего. Тот распахнул халат, и больной без труда узнал в нём Нансона.

- Видишь, в какую белую мумию я превратился, - пожаловался приятелю комар. - А ты так и не добрался до дома?

- Со мной, брат, такая история приключилась, долго рассказывать. Где я только ни побывал, всё пересказать, дня не хватит. Да, чуть не забыл, вот тебе баночка свежего нектара, - насекомый достал из кармана коробку.

Марош раскрыл её – на подкладке сидел жук.

- Прости, я перепутал, это совсем не та коробка.

- Какой интересный жук.

- Волшебный жук Скарабей. Он превращает букашку в человека, – отложив в сторону коробку, улыбнувшись сказал Нансон. – Ну что скучаешь, брат?

- Да, что ты, мне скучать не дают. Вот только что Карос приходил.

Вдруг раздался страшный грохот и звон разбившейся склянки. Нансон вскочил, думая, что рушится потолок. Когда он обернулся, то в проходе заметил перевернутый лист мать-и-мачехи. Он приподнял его и увидел испуганное лицо червяка.

- Ты, что? – спросил он Дождевика.

- Это были они.

- Ничего не понимаю.

- Да, они же, люди. Они переоделись санитарями и унесли вашу коробку.

- Ну, так что ж.

- Но вы же сами сказали, что это волшеб-

ный жук.

- Это всего лишь брошь, бутафория, а настоящий Скарабей уже давно далеко отсюда.

Рассказ рыбака

Я сидел на берегу пруда и ловил карасей. Утро выдалось прохладным, к тому же начался мелкий дождь. Я уже собирался уходить, как вдруг заметил в камышах старика, завернутого в прорезиненный плащ. Я любопытствовал посмотреть его улов, поднялся и, раздвинув камыши, заглянул к нему в ведёрко. К моему удивлению, оно было полно головастика и мелких карасиков.

- А зачем вам головастики? – спросил я.

- Тсс, - старик приложил палец к губам и оглянулся по сторонам, - Крокус, - шёпотом представился он, подавая мне бородавчатую руку.

Я тоже оглядел поросшие ивняком и осокой берега пруда, но ничего подозрительного не заметил.

- Хороший денёк, - чтобы как-то развеять неловкость, сказал я.

- К тому же выходной.

- Почему выходной, вторник.

На это старик ничего не ответил, поднялся и затем, захватив ведро, поманил меня за собой. Мы прошли среди высоченных, качавших бархатными головками камышей и попали в небольшой грот. Тут старик скинул плащ и остался в каком-то зелёном балахоне. В нём он чем-то смахивал на огромного тритона. Пойманных головастика он выпустил в траву и до каждого дотронулся ивовым прутиком. Головастики при этом, дёрнув хвостиками, превращались в пятнистых лягушат. Карасей же Крокус попросту вылил обратно в пруд, приговаривая:

- Растите большими, да больше не попадитесь на удочку.

Когда ведёрко опустело, Крокус направился вглубь пещеры, я за ним. Здесь было сухо и тепло, а стены помещения напоминали стёкла аквариума. За прозрачными стёклами возились жуки плавунцы, дрыгали лапами лягушки, проносились стайки мальков. По-

середине комнаты были расставлены кресла, в которых сидели одетые в длинные платья и сюртуки дамы и кавалеры. Они все тоже напоминали подводных жителей: жаб и тритонов. Когда мы с Крокусом вошли, они, как по команде, повернули к нам свои зелёные головы.

- Ну, как дела? – спросил у них мой провожатый. – Много ли головастика сегодня перешли в первый класс лягушачьей школы?

- Только двадцать, - ответили придворные.

- А сколько карасей пошли в детский сад?

- 32 карасика.

- Как их успехи?

- У них подросли плавники, и они уже сами могут есть червяков.

- Чем они сейчас заняты?

- Учатся строить дом.

Крокус подвёл меня к одной из стенок этой чудесной комнаты и мы увидели маленьких рыбок, которые хватили ртом водоросли и наматывали их на растущие стебли. По потолку, тоже прозрачному, ползали улитки, улыбались и строили нам смешные рожицы.

- Цыц! – прикрикнул на них Крокус.

Тут двери открылись и на пороге показались три букашки. Самое большое насекомое шло впереди и катило перед собой блестящего навозного жука.

- А вот и наши гости! – воскликнул Крокус.

Он прикрыл букашек покрывалом, держа наготове ивовый прутик.

Вдруг погас свет, а пол аквариума вздрогнул. От неожиданности я повалился между креслами.

Я открыл глаза и увидел, что лежу на берегу пруда. Неподалёку сустились какие-то ребята, пытаюсь меня поднять.

- Дяденька, вам плохо? - спросила меня девочка, одетая в лёгкое не по погоде красное платье.

- Ещё бы, ведь он бы захлебнулся, не пойдёшь ты вовремя, - перебивая первую, тараторила её подруга.

Тут мне на помощь пришёл высокий паренёк, который оттеснил девчонок, подал мне руку и помог подняться.

- Хватит вам, - сказал он, - дайте человеку встать.

- А что случилось? – спросил я.

- Вы разве ничего не помните? Вы лежали в воде и пускали пузыри.

- А где старик?

- Какой старик?

- Ну, Крокус.

- Никакого старика мы не видели, правда, Катя? - обратился он к смуглой девочке в красном платье.

- Какой старик, - зябко поёжилась та. – Слава, Вика, идите потихоньку, я быстро переоденусь, захвачу портфель и догоню вас, а то мы в школу уже опаздываем.

И ребята, перегоняя друг друга, помчались прочь от пруда. Я остался на берегу один. Поднял валявшееся ведёрко. Вытряхнул из него мокрую траву. Среди грязной осоки блеснул золотой жучок. Я хотел поддеть его ногтем, но жук вдруг встряхнул крылышками и полетел среди шуршавших на ветру камышей.

ЮЛИЙ ТАГЕР

Рассказы

Неизбывный «квартирный» вопрос

Когда я была маленькой, лет четырёх, мы с мамой жили в большой коммуналке в доме номер 14 по улице Софьи Перовской. И я тогда уже очень хотела собаку, а из-за жилищных условий мама не хотела заводить мне собаку. Я ещё о лошади очень мечтала, но лошадь-то совсем никак нельзя было поселить в одну комнату с нами в коммунальной квартире, в центре города, примерно в 1970 году.

Так вот, шли мы как-то из детского садика домой по набережной канала Грибоедова, и я сказала маме, которой, как я тогда понимала, не везло в любви: «Мамочка, когда я вырасту, я найду себе муженька с трёхкомнатной квартирой. В одной комнате будешь жить ты, в другой комнате буду жить я, а в третьей комнате будет жить собака».

Мама рассмеялась и спросила: «Юленька, а где же будет жить муженёк?» Я очень растерялась, но сообразила, что обычно муж и жена живут вместе, и сказала, что муженёк будет жить со мной в одной комнате.

Теперь, когда я вырос и стал привлекательным мужчиной, мы с мамой уже давно живём вдвоём в двухкомнатной квартире на самом краю города в доме-коробке на улице, которую можно отличить от других близлежащих улиц в основном только по названию. И собака у меня уже была. Это была хорошая собака, но, к сожалению, собачий век короче нашего, и сейчас я только вспоминаю о той собаке с печалью. Это была хорошая собака, лучше тех женщин, с которыми теперь уже мне не везёт в любви. И я очень страдаю от того, что мне не везёт в любви. Но если бы у нас была трёхкомнатная квартира, то в третьей комнате точно жила бы новая собака.

Я бы очень её любил и называл бы Дианой. Жаль, что третьей комнаты нет. Если бы

была третья комната для собаки, я бы ей туда и сена принёс, только бы радовалась.

Жаль, что для Дианы нет комнаты. Ведь Диана очень большая собака, и ей необходимо много простора. В одном углу сено, в другом углу игрушки, а в третьем углу кресло, где я мог бы сидеть, когда с ней разговариваю.

Жаль, что нет третьей комнаты.

10 июля 2005

Женский травматизм

Волею судьбы, обстоятельства сложились так, что ко мне приехала бывшая жена, приблизительно после семилетнего необщения. У неё возникли важные дела в Санкт-Петербурге, и я оказал ей гостеприимство. В свободное от дел время мы активно философствовали, спорили, даже ругались по старинке и так общались.

Как-то вечером, сидя за столом и дружно дымя сигаретками, мы в очередной раз говорили об астрологии, ибо моя бывшая супруга - настоящий астролог. И она весьма пристрасно оказывала своё астрологическое давление касательно моего гороскопа. Я ведь ещё довольно молодой мужчина, мне нет и сорока лет, и конечно я ещё интересуюсь своими звёздами. А Аня, на правах старшей, постоянно учит меня, как надо жить и работать, а старше-то... всего лет на четырнадцать.

Разбор жизненных ситуаций с точки зрения астрологии навёл меня на мысль, что всё-таки всё не случайно. И я решил рассказать ей о своих подозрениях касательно некоторых моих стихов, и перевёл тему на стихотворение, посвящённое девушке Диане в июне 2000 года.

Я сказал: «Аня, у меня чувство вины из-за того, что то, что я пишу в стихах, каким-то образом влияет на женщин, и думаю, что это действие какого-то космического зако-

на. Они почему-то разбивают коленки. В стихотворении-то этом упоминаются коленки, и каким-то злокозненным путём оказывается, что то, что я воспевал как нечто прекрасное в стихах, в реальности трансформируется в негативные явления. И из-за этого я чувствую вину.

В общем-то у меня такое по разным поводам бывало с тех пор, как в 1994 году я сошёл с ума, но в результате упорного лечения, чувство вины выбирает теперь только сексуально опознанный объект, то есть некоторых женщин».

Аня посмотрела на меня, как на идиота, потом спросила: «И сколько у тебя этих женщин?» Я сосредоточился и стал перечислять: «В самом начале мама, потом Диана, потом Алла, и совсем недавно, уже при тебе - Надя, когда она возвращалась домой с нашей пьянки от Зинули. Мы тогда её ещё на маршрутку посадили, а потом сами поехали домой. Если я никого не забыл, то это все, о ком мне известно».

Аня опять спросила: «И в течении какого периода времени всё это происходило?» Я стал вспоминать: «...это было приблизительно в 1994 году. Когда маме приспичило мыть окно, а я в это время спал, я ещё сказал ей, чтобы не мыла окно без меня. Так она умудрилась влезть на трёхногий журнальный столик, ну и свалилась с него, и травмировала колено. Пришлось с ней на неотложке ехать в больницу - ставили гипс на ногу, такой ушиб был. До сих пор побаливает у неё это колено.

Потом Диана. Она каталась на роликовых коньках и навернулась - разбила коленки, руки, и даже скулу. Это было где-то года три назад.

Ещё Алла разгребала в прошлом году комнату для престарелого родителя. Залезла на табуретку и с неё свалилась и ушибла колено.

А Надя позавчера навернулась.

И при этом я могу присягнуть, что все они сознательно или бессознательно меня хотели. В этом я нахожу знак того, что я к этому причастен, потому и чувствую вину».

Аня сосредоточенно посмотрела на меня и опять спросила: «А сколько всего коленок получается?» Я стал считать и сбился, ну в

общем не все же разбивали по обе коленки, некоторые по одной, и я спросил: «А коленки по одной считать или парами?»

Тут нам стало как-то трудно сохранять серьёзность, и Аня ехидно сказала: «Вот и испусти свою вину. Начни с Нади». Я ответил, что ни с Нади, ни с кого другого у меня не получится. На том мы переменили тему, так как я понял, что ни в чём не виноват.

Мы вместе встретили Новый 2004 год. Потом Аня уехала к себе домой в другой город. А я вспомнил, что когда мы ещё жили с ней семьёй, в 1988 году, она тоже упала и сломала руку. Я сам ходил с ней в травмпункт, и когда мы сидели в очереди накладывать гипс, одна дама спросила Аню, показывая на меня: «А это Ваш сын? Какой взрослый...»

Но в то время я ещё не писал стихов.

16 января 2004 - 9 июля 2005 .

О черном юморе

Быть может, кто-то мне сказал —
Люблю тебя! Ты счастье жизни!
Там был один большой спортзал,
Где судьи — ложь и укоризна.

Я им читал смешной рассказ,
И над другим смеялся каждый,
Но прекращал смеяться враз,
Когда о нём шла речь однажды...

Так люди судят о других,
Себя не видя и не зная,
Что сами корни бед своих,
Других грехи с лихвой считая.

А посмеяться над собой —
Нелёгкий жанр, — жалеть ведь ближе...
И происходит в людях сбой —
И этот сбой, увы, я вижу...

22 марта 2014

ИРИНА КУЛЕШОВА

Рассказы

Пшеничный мальчик

Есть вещи, которые, к сожалению, не вернуть. Ленинград. Сайгон. Мне 18 лет. У меня одно желание — подружиться как можно с большим количеством художников и быть ближе к ним. Уже тогда замуж не хотелось. Я спросила свою подругу — сколько она имела мужчин. Она ответила — 40 человек, но у меня были возможности — ведь я работала в милиции. А мне хотелось поближе познакомиться с искусством и раствориться в нём без остатка. С художником Сашей Исачёвым меня впервые познакомили в Сайгоне. «Саша Заплаткин, — представился он, — видишь, у меня все джинсы в заплатках». Волосы у него были пшеничного цвета, и я дала ему новую кличку «пшеничный мальчик». Вместо парфюма от него пахло маслом и красками. За столиком, где мы пили кофе и портвейн, он всё время рисовал. На рисунках были изображения людей. Знать бы, что в будущем он станет одним из самых дорогих и покупаемых художников в Европе. Но не будем забегать вперёд. Вернёмся в Сайгон 20-го столетия. Полдень. Саша предлагает выпить, но денег у него нет, и мы едем в Вырицу к Юре Антонову — поэту и художнику, тем более, что мой будущий муж, его сосед, всегда найдёт денег на пару бутылок вина. И ещё, Юра был похож на моего будущего мужа, как две капли воды. У каждого человека должен быть двойник. Ведь жизнь, она как зеркало. По приезде Юра потребовал от Саши расписать дверь в его комнату и обещал потом расплатиться (вином, естественно). Всего лишь за час наш «пшеничный мальчик» написал на двери картину, которую назвал «Мой заброшенный дом». (Позже эта раскрашенная дверь была выставлена на Европейском аукционе и была куплена за огромные деньги). Но вернёмся в то время. Тогда у нас началось веселье: вино, разговоры. Потом продали зонтик, все мои украшения. Но нам

было хорошо и весело. Люди тянулись к нам и называли нас своими кумирами. Мир вокруг нас был сказочным и великолепным. Но мысли мои всё время вертелись вокруг моего интереса к «пшеничному мальчику». Как он мне нравился! Мы ничего не боялись, ведь СПИДа ещё не было. Потом мы оказались в каком-то заброшенном доме в Вырице. И всё свершилось. Он относился к моей одежде, как к холсту, на котором писал, а к моим волосам — как к материалу для кистей. Он гладил их и целовал. А дальше мы растворились в небесных удовольствиях и были на границе рая. Над нами летали ангелы. Утром я проснулась одна, его рядом не было. Я подошла к зеркалу посмотреть на своё отражение, и увидела, что всё моё тело исписано акварельными красками.

Примечание

Сайгон - кафетерий, где собиралась продвинутая молодежь, то есть богема. Много знаменитостей вышло оттуда: поэт Иосиф Бродский, писатель Сергей Довлатов, скульптор Михаил Шемякин, поэт и художник Юрий Антонов, которые вошли в историю, как гении 20-го столетия.

Вырица - посёлок городского типа Ленинградской области, 60 км от Витебского вокзала, в этом месте родился и писал знаменитый писатель-фантаст Иван Ефремов. Там находится деревянная церковь, освященная в честь Казанской иконы Божьей Матери. И ещё находится часовня, где покоятся мощи святого преподобного Серафима Вырицкого, по молитвам которого и ныне свершаются чудеса.

Отчаяние

Уже за полночь. Опять переела. Вес приближается к сотне, а мужа так и не найти. Хотя и говорят люди добрые, что фигура для счастья и личной жизни значения не имеет. Но это только говорят. Я же очень комплекую и мучаюсь, но ем... Поедаю пищу вечером и позже для поддержки настроения. Но не лежать же пластом и глядеть в потолок, думая, что жизнь прожита не так и не с тем. Лучше переест и мучиться от излишков пищи, чем от депрессии. Он так и не звонит. Держит марку. Показывает свой мерзкий и тяжелый характер. И я стала гордой. Гордой и одинокой. Пища заменяет любовь. Идёт сублимация. Ещё год назад я бы оборвала его телефон, посылала бы СМС-ки, добиваясь его расположения. А теперь? Он мне нужен и не нужен. Куплю шоколадку, пирожное или торт и заем все оставшиеся и слегка остывшие чувства. Ему тоже одиноко, сидит у компьютера, ходит на работу и страдает от голода и одиночества. Зарабатывает он мало, денег хватает лишь на курево и малую порцию пищи. Но главное, что я могу есть много и вкусно. Жаль, что так случилось. Лучше бы мы были вместе, и я ела бы меньше. А что нынче? Иногда хочется забыться, и я иду к друзьям, и мы пьем шампанское и виски. Потом я «умираю» и болею, и через день-другой обо всем забываю, и всё начинается сначала: обжорство, выпивка, депрессия. Снова — депрессия, выпивка, обжорство. Вот из чего состоит моя никчёмная жизнь. А могло бы быть совсем иначе, если бы не его скверный характер. Ведь была же любовь? Или это иллюзия? Пойду перекушу, а то опять не о том думаю.

Как грустно...

Скверный характер

Это будто бы случилось не со мной.

Он был нежен, любим и обаятелен. Я была от него без ума. Да ума у меня прежде и не было, но такой человек мне встретился впервые. Я влюбилась. Всё остальное было несущественно.

Огромные крылья неизвестности и заблуждения привели меня в тупик. Я зациклилась. Я перестала существовать без него.

А он жил прекрасно. Окучивал несколько дам, которые им восхищались. А я... тупо хотела выйти за него замуж. Мне почему-то казалось, что он и есть моя половинка, и без него я не смогу существовать. Я зверски его добивалась. Подарки, походы в кафе и рестораны — всё это ему, безусловно, нравилось. Я его обожала. Он меня не отталкивал и не принимал. Как с этим жить? Этот вопрос я задаю себе теперь, спустя 5 лет после нашего знакомства.

Наверное, нет половинок. Наверное, нет любви!

Всё бред!

Он заразился. Заразился самой неизлечимой болезнью 20 века.

Хорошо, что он со мной редко имел близкие отношения, и я его разлюбила.

Умирать, как Фредди Меркьюри, никому не хочется, и моя любовь унеслась в неизвестном направлении.

Зачем? Зачем это было? Но была же любовь, и я жить не могла без этого. Конца этой истории быть не может: любовь излечима, но не болезнь.

Теперь я никого не люблю.

Но ангел, который меня охраняет, почему-то что-то шепчет мне о прекрасном и добром, и я с удовольствием прислушиваюсь к нему, а вдруг...

ГАЛИНА КОВАЛЬСКАЯ

Мое военное детство

Посвящается моей маме Нине Алексеевне Горовец

Я хотела назвать этот рассказ «Мои воспоминания о войне», но что может помнить трёхлетний ребёнок?! Только какие-то мгновения, которые трудно связать воедино. Поэтому всё написанное в основном почерпнуто из рассказов моей мамы и из её дневника, который я обнаружила в документах, когда её уже не стало.

К началу Второй мировой войны мне было три года. Наша небольшая семья, состоящая из трёх человек, проживала в городе Минске. Папа был военнотружашим, мама преподавала русский язык и литературу в военно-политическом училище. В июне 1941 мы с мамой отдохали в доме отдыха «Гнёздово» под Смоленском. Когда объявили, что началась война, мама собралась ехать домой, в Минск, хотя многие её уговаривали остаться в Смоленске, здесь были родственники и друзья, а Минск, находясь ближе к границе, в первую очередь мог подвергнуться нападению. Но мама была уверена, как и многие другие в то время, что война продлится не больше двух месяцев, и мы поехали в Минск. По дороге поезд бомбили немецкие самолёты, но мы продолжали двигаться навстречу немецким войскам, которые уже пересекли границу. Когда мы добрались до Минска, папа был уже на казарменном положении, лишь изредка забегал к нам, и помог нам с чемоданами перебраться в бомбоубежище - немцы уже жестоко бомбили город, многие дома горели. Папа успокаивал нас, говорил, что город готовится к эвакуации мирного населения, формируются целый состав, который отправится в тыл. Но события развивались иначе. Бомба попала в наш дом, мы в это время были в бомбоубежище. Я, мама и наша 14-летняя родственница Маня оказались в темноте, среди пыли и груды кирпичей. Мы были живы, мама, придя в себя, стала ощупывать стены и вдруг её рука попала в пролом, через него мы смогли

выбраться на улицу. Мама была в спортивных тапочках, летнем пальто, на одной руке сидела я, в другой у неё был чемодан, Маня держалась за подол её пальто. Бомбёжка продолжалась, гремели выстрелы зениток, искрами рассыпались осколки снарядов. Мама стала искать выход из города, дорогу на Смоленск. Город после бомбёжки стал неузнаваемым, груды битого кирпича, стёкол, горящие дома, мечущиеся в панике люди. Преодолевая завалы, мы, наконец, выбрались на трассу Минск - Москва. По дороге шли толпы беженцев, кто пешком, кто на телеге, а кто и на грузовике с мебелью и коврами. Здесь же шли отступающие войска и военная техника, над дорогой пикировали немецкие самолёты, приходилось или ложиться у дороги, или бежать в лес. Мама пыталась голосовать. Иногда останавливался один из военных грузовиков и подбирал нас, меня подкармливали сухарём, давали глоток воды. Но потом - команда, и нас высаживали на дорогу. Так продолжалось несколько дней и ночей, мы шли от деревни к деревне, там останавливались на ночлег у оставшихся жителей и могли что-то поесть и утолить жажду. Отступающие войска двигались в том же направлении. Где-то среди них был и мой отец.

В одной из деревень мы увидели далеко на Западе зарево - горел Минск. Позже стало известно, что 28 июня Минск был занят немецкими войсками, а эшелон с эвакуированными так и не успел выйти из города. Папа добрался до Смоленска раньше нас, зашёл к маминой сестре Тоне и рассказал, что он увидел вместо нашего дома, когда забежал проститься с нами. Пытался искать нас среди развалин, хотел у кого-то расспросить. Но у кого спрашивать?! Тётя Тоня расплакалась, и тут появились мы, измученные, но живые. Мы преодолели около 350-ти километров труднейшего пути. Все восприняли это, как чудо. В Смоленске готовился к отправке в эвакуа-

цию эшелон, к нам присоединилась дочка тётки Тони, шестилетняя Валюшка. Тётя Тоня в связи со служебными обстоятельствами осталась в Смоленске, а 16 июля 1941 года Смоленск был занят немцами. К счастью, на этот раз эшелон был отправлен вовремя. И вот мама с тремя девочками, с чемоданом летних вещей отправилась в неизвестность. Я из всего нашего многодневного путешествия запомнила только синие огни на железной дороге ночью. Так освещались железнодорожные пути на вокзалах. В дороге я заболела ветрянкой, нас хотели высадить из поезда, боялись, что заразятся другие дети. И вот мы, наконец, прибыли на конечный пункт - станция Москаленки Омской области. Это был целый эшелон людей, лишённых крова и имущества, все в летней одежде. Мама направилась в Эвакопункт. Так называлось учреждение, которое занималось распределением по квартирам. Помню тёмную комнатку с земляным полом, примыкающую к частному дому, топчаны из досок с тюфяками, набитыми соломой. Блох было столько, что маме часто по ночам приходилось вытряхивать постельное бельё на улице, иначе спать было невозможно. Голодали. Продукты были только на рынке, в основном, их можно было выменять на что-то ценное, которого у нас не было. Однажды прошёл слух, что на берег озера выбросило рыбу. Мы вчетвером пошли её собирать. Наелись. В результате все заболели, еле выжили. Тяжелее всех заболела мама, она так ослабела, что её выводили во двор под руки и причитали над ней: «На кого малых деток оставляешь?!» Последствия в виде желудочных заболеваний мы ощущали всю оставшуюся жизнь. Поздней осенью после уборки урожая в колхозах нам разрешалось выкапывать остатки овощей на поле. Опять мы вчетвером отправлялись в поле и выковыривали подмороженную картошку и, если повезёт, морковку. Хорошо помню, как мы стояли у раскалённой плиты в ожидании, когда спечётся чёрная подмороженная картошка. Примерно раз в месяц, когда от моего папы и папы Валюшки приходили аттестаты, мама устраивала нам праздник и приносила с рынка миску молока, именно миску, мне это хорошо запомнилось, оно было заморожено

в миске – вот такое Сибирское «мороженое». Волков было великое множество, они бродили по окраине посёлка в поисках добычи, утаскивали собак вместе с цепью. Однажды забрались на крышу сарайчика наших хозяев, разгребли её, зарезали овцу и утащили через ту же крышу.

В Отделе народного образования мама познакомилась со своей полной тёзкой – Ниной Алексеевной Неверовой, директором Ленинградского интерната, эвакуированного из осаждённого города. В интернате были дети разного возраста и в их числе её сын – пятилетний Алик. Мама и Нина Алексеевна подружились, и, хотя позже надолго расстались, эта встреча стала для меня судьбоносной – в 1960 году мы с Алексеем поженились. Но возвращаюсь на станцию Москаленки. В Наробразе маму назначили инспектором школ во всём районе, дали ей лошадь с санями и тулупом, и она весь учебный год объезжала казахские аулы, инспектировала школы. Степь, пурга, темень, один раз чуть не замёрзла, в другой раз за санями гнались волки, лошадь понесла. Чудом спаслась.

Мы оставались в Омской области до осени 1943 года. Как только мама узнала, что наша армия перешла в наступление на Западном фронте, она решила перебираться ближе к родным местам. К нашей радости 25 сентября Смоленск был освобождён. Мы добрались до Калужской области и остановились в городе Кондрово – в Смоленск ещё не пускали. О судьбе тётки Тони мы ничего не знали, от неё за это время не было никаких вестей. О жизни в эти годы я кое-что помню. Здесь я поступила в первый класс, очень хорошо помню, как к праздникам нам каждому клали на парту кусочек серого хлеба. Это в то время было лакомство. Здесь так же недоедали и мёрзли зимой, дрова для печки раздобывали сами, в основном носили хворост из леса. Хорошо помню нашу длинную комнату на втором этаже двухэтажного дома с «удобствами» во дворе. Она была уставлена всё теми же топчанами, с матрацами, набитыми сеном. Над моим топчаном висела чёрная тарелка громкоговорителя, которая никогда не выключалась, так что я засыпала под бой курантов и гимн Советского

Союза и просыпалась с ними же. Голос Левитана до сих пор вспоминаю с волнением: «От Советского Информбюро. Сегодня войска Западного фронта освободили...», это было для всех праздником, великой радостью. Зато я знала фамилии всех крупных военачальников: Жукова, Конева, Рокоссовского, Ватутина и др. Особенно моей симпатией пользовался Рокоссовский, наверно, из-за необычной фамилии. Нам, детям, очень не хватало игрушек, особенно мяча, куклы и санок зимой, на них так здорово было бы кататься с крутого берега реки Шаня, но зато были «классики», скакалочка, беговая лапта, забытые современными детьми. Всё заменили «гаджеты». Помню ещё один эпизод тех лет. Папу отпустили на пару дней повидаться с нами, мы ведь не виделись с 1941 года. Я прибежала с улицы и первое, что увидела, был кирпичик серого хлеба на столе и что-то ещё невиданное, что находилось в открытой консервной банке и пахло необыкновенно аппетитно. Это, видимо, была тушенка. Мне стыдно признаться, но эти продукты затмили радость встречи с папой, от которого я отвыкла за эти годы. Мы, дети войны, даже не знали, что такое «конфета» или «булка». День Победы помню как солнечный тёплый день, почему-то не работало радио, но все говорили: «Победа, победа, война кончилась!», улицы заполнились людьми, все поздравляли друг друга. Так победно закончилось моё военное детство.

P.S. Папа закончил войну под Берлином. Был награждён орденами и медалями и продолжил службу в Советской армии. Тётя Тоня была отправлена на работу в Германию и вернулась летом 1945 года. Так случилось, что, сама того не зная, через много лет, я была направлена в составе студенческого отряда на уборку целинного урожая именно в Омскую область на места моего военного детства. Об этом я написала небольшом рассказе «На целину!»

P.P.S. В то время, когда я писала свой рассказ-воспоминание, начались военные действия на Украине из-за полной безответственности так называемых политиков перед своим народом. Всё повторилось, как будто не было 70-ти лет со дня окончания Великой Отечественной Войны.

Те же бомбардировки, обстрелы, так же гибнут люди; те же беженцы с детьми на руках, вынужденные покинуть родину. Мы, дети войны, воспринимаем происходящее, как личную трагедию. Жаль, что история ничему не учит зарвавшихся политиков, развязавших по указке американских хозяев войну против собственного народа. Хочется обратиться к «господину» Порошенко словами великого русского поэта: «...и вы не смаете всей вашей чёрной кровью» народа «праведную кровь»!!

ЛЕВ ГОРЯНИН

Пролог к роману «Богом данный»

Распростерлась дивная земля рязанская от среднего течения Москвы-реки до верховья Дона-батюшки. В ее глухих и могучих дубравах, сосновых корабельных борах, березовых, осиновых и ольховых зарослях, по преданиям и прославленным народным сказаниям, можно было встретить, наряду со зверьем диким и птицами – леших, упырей, да кикимор. А в непроходимых мещерских болотах, где и нога человеческая не ступала, чувствовали себя властителями – водяные. Голубые прозрачные озера, что протянулись цепочкой с севера на юг и великолепные реки в своем множестве, кишели рыбой. Земля эта древняя. Еще и славяне здесь не появились, а уж жили в этом месте угро-финские племена – мурома, мещера, черемиса, чудь, меря, весь, мордва. Занимались они сельским хозяйством и скотоводством. Первыми из славян добрались в эти края вятичи с кривичами (1). На слиянии реки Серебрянки с Окой они построили столицу и назвали ее Рязанью (2). Кроме главного города, выросли на этой земле и другие: Пронск, Переяславль, Ростиславль, Ижеславль. Прошли века, и все коренное население этого края растворилось среди пришельцев. Князья, владельцы этих земель, накладывали немалую пошлину на генуэзских и других заморских купцов, пользующихся речными торговыми путями, проходящими по Москве-реке, Оке, через Рязань и далее – по Дону в Сурож и Кафу (3) к Византии, а также по Волге – в Орду. Пушнина в те времена высоко ценилась в заморских странах. Ее-то и везли энергичные купцы на своих галерах. Попутно перевозили на этих кораблях сало, воск, лен, масло, кожу, холсты, стрелы, ножи и другие товары. Торговля шла широким ходом. Рязань процветала. С другой стороны, она была открыта любым нашествием. Кто только не топтал эту землю. С запада шли войной на нее немецкие и шведские рыцари, литовские племена, с востока – кочующие по «Дикому Полю» племена монголов. Междоусобные войны между Рязанскими с одной стороны, Владимиро-Суздальскими, Московскими и другими князьями – с другой, велись непрерывно. Их правители непрочь были прирезать видный лакомый кусок к своей вотчине. И не быть бы Рязанскому княжеству на чудной земле русичей, не появись в 1336 году, в его главном городе, исключительных способностей, недюжинного ума и доброго нрава князь, из династии великих рязанских князей – Олег

Иванович, в святом крещении нареченный Иаковом, в иночестве Иоакимом, сын Ивана Александровича – князя Рязанского. Он был прямым потомком Рюрика в восемнадцатом колене. Его прапрадедом был Ярослав – старший сын святого благоверного князя Романа Рязанского.

Главный город Рязань нападавшие рати не раз сжигали дотла, но, как мифическая египетская бессмертная птица Феникс, он вновь возрождался из пепла. Однако в 1237 году хан Батый всей своей громадной армией навалился на Рязань. Ни один из князей русичей не вышел со своим войском на его защиту. Город был полностью разрушен и сожжен. Поднимать из руин его не стали. Позже, князь Олег объявил своей столицей Переяславль, стоявший на возвышенном берегу Трубежа, у впадения в него Лыбеди, и назвал его вновь Рязанью. Так град воскрес в новом качестве, на более лесистом месте и выше по течению Оки.

Через короткое время разрозненная Русь вошла в вассальную зависимость от Орды. Монголы стали считать ее еще одним своим улусом и обложили княжества, как и все другие улусы, «выходом» (4), Князья-русичи звание «Великого» стали получать только с согласия на то Орды. По просьбе князей, монголы, как правило, выделяли им в помощь своих воинов, чтобы объединенными усилиями защитить державу от нашествия других племен.

Олег всю свою жизнь посвятил защите рязанской земли. Народ князя любил безмерно, и верен был ему даже в лихую годину. Наследовал Олег княжение после смерти своего дяди – Василия Александровича. (5)

(1) Свое название племя вятичей получило от имени легендарного славянского вождя Вятко (по мнению летописца XII века Нестора). Кривичи – название восточных славян, проживающих в районе Смоленска.

(2) Рязань – славянская форма слова «эрзань» – название одной из ветвей мордовского народа.

(3) Сурож – Судак, Кафа – Феодосия.

(4) Выход – налог, введенный Ордой (≈10% от дохода). Средства от налога направлялись на нужды, как самой Орды, так и на защиту интересов Руси в ее борьбе с Литвой и Западом (походы хана Узбека с русскими князьями: 1324 год – против Литвы; в 1340 год – против Польши и др.). Подобный налог устанавливает любое государство и в наши дни. Налог, возложенный на граждан России, значительно превышает эту величину.

(5) 1350 год.

НИНА ОЗЕРОВА

Портрет

Однажды как-то, перебирая вещи в своем платяном шкафу, Леночка обнаружила рулон ватмана, стоявший незаметно в углу отделения, где висели ее платья. Она вспомнила, что поставила этот рулон сюда давно, не найдя для него другого подходящего места.

Это был портрет в карандаше. Это был ее портрет. Осторожно развернув тугой лист, который своей упругостью скрывал, словно тайну, ее изображение, она уселась в кресло и стала разглядывать портрет.

Леночка увидела себя такой, какой была тогда в свои сорок лет: довольно молодой, теперь уже далекой и недостижимой. Всматриваясь в лицо на портрете, она убеждалась, что то мгновение ее жизни было передано художником, рисовавшим ее, очень точно. В лице, на портрете, Леночка узнавала свои удивленные на весь мир глаза, высокие брови, гладкий лоб, вздернутый нос, пухлые губы... Потом заметила, что в нижней части лица, у подбородка пряталась едва уловимая какая-то горечь... Понимая, что это не фотография и придиричливо отмечая какие-то неточности, она все же подумала: «Наверное, он, художник, именно такой и видел меня тогда. А потом, через много лет, когда меня не будет, кому будет важно все это? Да, но ведь останутся же фотографии и можно будет сравнить...».

Как наваждение, отогнала она от себя эти мысли. «Портрет хорош, нравится мне, и пусть я останусь в памяти тех, кто меня любил, именно такой» - решила она и свернула лист ватмана. Лист послушно завернулся, обретя прежнюю форму, и оказался на своем месте в шкафу до времени.

Желания вставить этот портрет в раму и повесить на стену у Леночки не возникало никогда, потому что не было причины рассказывать кому-либо, даже своим близким, историю портрета, что оставалось ее тайной... Продолжая делать уборку в своей комнате, она стала думать об этом и мысленно пере-

неслась в то далекое прошлое, в тот ясный октябрь восьмидесятых, когда зародилась эта история.

В один из осенних погожих дней возвращалась Леночка с работы на трамвае домой. Трамвай вез ее с улицы Куйбышева, что на Петроградской стороне на Васильевский остров, точнее на остров Декабристов. Это была ее Родина. Пока трамвай ехал, можно было любоваться Ленинградом, прекрасным в осеннюю пору и в любую погоду. Настроение в тот день у Леночки было неплохое, не было раздраженности, усталости и жизнь не казалась мрачной. А если когда и было очень скверно на душе, то лишь только от сознания собственного несовершенства и отсутствия самоуверенности, что очень мешало ей в жизни. Она недавно развелась с мужем. Старший сын служил в Советской Армии в Муроме, младший - студент Университета - остался жить с отцом и его новой семьей. Ей же после развода пришлось переехать к родителям. «Разведенная женщина - это так неприлично», - думала она. И за все свои неудачи она казнила только себя. Леночка еще не додумалась перевести взгляд с себя на окружающий ее мир и на людей и, еще не зная, что «во многой мудрости» потом окажется «много печали». Но все же, перенеся тяжелую болезнь и операцию, что и явилось причиной охлаждения супружеских отношений, она начинала понимать, что даже близким своим и семье нельзя отдавать себя полностью. Нельзя оставлять себя самое без своей любви. Пусть поздно, но она поняла, что «возлюби ближнего, как самого себя».

Сначала «самого себя»...

И еще, она очень переживала, что новые отношения с новым кандидатом в мужья не переходили в финал. Ей не делали предложения. Быть замужем, быть в семье - это единственный вариант образа жизни женщины в ее понимании. Не получилось после одно-

го замужества оказаться в другом, что очень огорчало ее и являлось для нее трагедией.

Но вернемся в тот октябрьский день. Долго ли коротко ли, доехала она до своей улицы. Выйдя из трамвая, зашла в маленький галантерейный магазин, что находился рядом с домом. После магазина направилась к своему дому. Не доходя несколько шагов до него, она остановилась, услышав фразу, которая заставила ее обернуться: «Девушка, разрешите с вами познакомиться?»

Леночка остановилась и повернулась к говорившему. Это был невысокого роста мужчина, моложавый на вид, наверное, ее ровесник, подумала она, весьма скромно одетый. Окинув его выразительным и оценивающим взглядом, она рассмеялась, сказав: «Я уже вышла из возраста, когда знакомятся на улице, и у меня уже взрослые сыновья». Но этот мужчина продолжал тихо и вежливо свой разговор, что вынудило ее прислушаться. Представившись и назвав себя, он сообщил, что он фотожурналист и художник, очень любит рисовать и добавил, что живет один. И в заключении всего он сказал: «Не согласились бы Вы позировать мне?». Для нее это было уж слишком! Но, несмотря на всю необычность ситуации, она все же пыталась разглядеть его глаза и составить себе какое-то впечатление о нем. Он очень вежливо и настойчиво продолжал уговаривать ее, приглашая к себе посмотреть его картины, и дал ей свой номер домашнего телефона. И в заключении своих слов, в ответ на ее отказ, сказал: «Но, вы все же культивируйте в себе эту мысль, что вы придете! Думайте об этом! У вас русалочьи глаза! Я хочу вас рисовать!». Так состоялось это знакомство, его звали Сергей Семенов...

Воспоминания нахлынули на нее...

Первый визит ее к нему все же вскоре со-

стоялся. Она позвонила ему и они договорились о встрече. Он предложил встретиться на трамвайном кольце, что было недалеко от его дома. Сергей жил в тех домах, что выросли, как грибы, на месте, где когда-то был пустырь. Она помнила бухточку Финского залива, вокруг которой был маленький песчаный пляж и небольшой сквер, тут же памятник Декабристам, дальше дровяные склады. И многие жители Васильевского острова в те далекие шестидесятые приезжали и приходили на этот пляж позагорать и покататься на лодке, т.к. здесь была лодочная станция. И вообще, для них, девчонок тех лет, сквер и пляж были местом романтических прогулок и свиданий. А если посмотреть в сторону залива, то были видны остров «Вольный», а за ним Кировский стадион. Грусть охватила ее душу, когда Леночка проходила знакомыми дорожками, замечая, что тополя стали огромными. Пляжа и воды нет и никогда уже здесь не будет. По асфальтовому шоссе на этом месте проносились машины... Все останется только в воспоминаниях далекой юности. Выйдя из сквера, она увидела через площадь высотные дома чужого и незнакомого города, нового района. Эти грозные дома слишком по-хозяйски расположились здесь, как будто бы всегда здесь и были. Но она-то знала, что они для нее чужие – они «пришельцы». Но в этих домах жили люди и некоторые из них были ленинградцы... Вот как и Сергей, на встречу к которому она спешила. Любопытство и страх неизвестности беспокоили ее, но они тут же улетучились, когда она увидела его. Но, когда Сергей привел ее в свою однокомнатную квартиру на восьмом этаже и за ними закрылась дверь – страхи ее исчезли совсем...

15.09.2014

АННА СКВОРЦОВА

Забытая песня

*Наши мысли – скакуны,
Не всегда они верны,
Без коней бегут бесспорно
И бывают очень вздорны.*

Анна Скворцова

В душе Тимошки, поливающего огурцы на даче утром, ненавязчиво звучала старая, забытая песня, которая вчера летела над вечерней Волгой. Её слова «Это было недавно, это было давно...» как-то успокаивали и в то же время, тормоша память, заставляли тихонько себе под нос напевать:

- Па-ра-ра-ра-рам...Парам, парам, парам...

Однако это не лишало удовольствия вдыхать запах яичницы, видно, мать, жаря его карасиков, которых он наловил на заре, залила яичками. Вот этот-то запах приглушил мелодию песни и каким-то образом внедрил:

- Яйца едим, на яйцах сидим...

- Ха-ха-ха...

Рассмеялся Тимошка, а потом задумался:

- И правда. Яйцо для жизни – это не только продукт питания, но и сохранение вида с его генетической структурой. Не зря же в сказке про Кашея его смертельную иглу запрятали в яйцо.

Мысль была прервана сильно бьющей струей воды из шланга, которая смыла один кустик огурцов и он тихо с душой выругался:

- Кипит твоё молоко, ангидрит твою перекись марганца.

Так всегда он выливал свой гнев в присутствии женщин и детей. Держать в себе раздражение не позволял темперамент горячего нрава, а эти слова он давно услышал от своей учительницы по химии и запомнил их на всю жизнь. Конечно, в кругу мужиков шли более крутые слова, созвучные этим:

- Пошёл на хутор (бабочек ловить).

Отгладив течение воды из шланга, потихонечку успокоился, опять, ловя мелодию в душе:

- Это было недавно, это было давно...

Но мысли, перебивая друг друга, скакали, хоть и без коня.

И Тимошка опять погрузился в размышления:

- Это мужик, когда на коне, каждой бабе нужен, а вот когда конь сбросит, тогда никому не нужен, кроме жены, да и то приходится ломать себя, угождая благоверной. Правда, матери и малым детям всегда нужен.

Такое течение мыслей опять прервала мелодия души:

- Это было недавно, это было давно...

Как-то сама собой включилась память прошлых лет, ярко открывая картины молодости, где он – только, что отслуживший в армии: красивый, высокий, подтянутый, с золотым фиксом, тогда в 80-е годы было модно, обточив здоровый зуб, надеть золотую коронку, рассыпая модные словечки и фразы молодёжного сленга той поры, стоял вторым в очереди, в парикмахерской. Ничего интересного не предвещало, парикмахерская-то мужская. И вдруг... Настроение поднимает одна девушка, пришедшая именно сюда. Ей нужно чуточку подправить стрижку, но ограничения во времени привели её в мужской зал, где обычно никого не было, поэтому обращение её к очереди было немного игривым:

- Мальчики, кто по-рыцарски пропустит вперёд себя даму? Очень спешу, простите.

Он был сражён её симпатичностью и не смог устоять.

- Я, - ответил он.

Девушка от сердца поблагодарила его и поэтому при выходе из зала включила скорость ухода, но он спросил её:

- Где тебя можно найти?

Она сказала на ходу, потому что опаздывала на урок:

- В этом треугольнике: магазин, аптека, школа.

И, по всей видимости, забыла про него, потому что, найдя её в школе среди учеников на перемене, увидел её радостную растерянность.

Потом он не раз прибежал в школу, чтобы встретиться с ней, приносил незамысловатые подарки: то арбуз, то дыню, то шоколадку. Осень же была, но к зиме он попросил её свидания не на территории альфы с бетой.

Так начались встречи. И одна из них была роковой.

Был свежий зимний вечер. Искрился снег в лучах уличных фонарей. Мажорное настроение зачем-то толкнуло его слепить большой снежок и бросить в окно второго этажа. Он не обратил внимания, что звон стёкол разбитого окна, испортил ей настроение. Да и она, слегка возмущившись, продолжала идти с ним, чтобы испытать чашу разочарования до конца.

Они вошли в летнюю кухню, отапливаемую газом, стоявшую во глубине двора частного тёткиного дома. Свой план он продумал заранее, поэтому стремительно закрыл дверь на крючок, и, как кот, нападающий на мышку, стал гонять напуганную девушку по этой кухне из угла в угол. Спасибо тётке, вовремя пришла, а то бы сидел в местах отдалённых.

Здесь воспоминания прервала мать:

- Пойдём завтракать.

Воду для полива уже отключили, мысли тоже перестали скакать, остановились на доме и Тимошка подумал: «Там благоверная с внуками, видно позавтракав, опять села вышивать...»

Как прекрасна жизнь и не важно, что круг поклонниц сузился до жены. Был же большим.

И он вполголоса запел:

- Это было недавно, это было давно...

- Па-ра-ра-ра-рам... Парам, парам, парам...

02.08.2014

ИГОРЬ САФРОНОВ

Яна или три пунцовых розы

Их любовь прожила только три самых темных месяца в году. Ноябрь, декабрь и январь...

Небо над их коротким счастьем было тяжелым и мрачным, каким оно бывает в Питере в самые глухие зимние месяцы. Судьба безжалостно смела их коротенькое счастье разделенной совместности в самом конце января 2005 года, навсегда оставив за своими неумолимо-железными воротами их мечты, весеннее небо, звонкую мартовскую капель, кипение сирени и их первую белую ночь. Ну а всю первую брачную ночь он провел с ней, обнимая и целуя ее, мертвую и недвижимую...

Единственным белым пятном, затмившим собой все остальное в эти молчаливо-кошмарные дни похорон Любви, было ее белое свадебное платье, в котором ее и похоронили... Белое платье невесты, белый гроб, гора белых лилий и звездик и белые сугробы Смоленского кладбища... И лишь три мои пунцовые розы кровоточили на ее поспешной и невыносимо ранней могиле... Тогда, стоя над ее могилкой, сотрясаемый страшной внутренней лихорадкой, я понял, что не могу не написать об Этом... Так и присутствуют в этой печальной повестиона – он – я и Вечная Любовь, прерываемая, но непрекращающаяся...

Встреча

Их первая встреча случилась в первых числах ноября в одной из сумрачных палат Боткинской больницы, куда он пришел как волонтер Центра поддержки и реабилитации наркоманов. Ему приходилось бывать здесь и прежде. Когда-то он и сам валялся здесь, в одном из холодных переполненных коридоров этого печального заведения в окружении таких же несчастных молодых людей, слишком рано искалеченных наркотиками...

Яна лежала уже вторую неделю с тяжелым

обострением гепатита Б. Красивая девушка с высоким лбом и с раскосыми смешливыми глазами на овальном миловидном лице чувствовала себя здесь совершенно одинокой и никому не нужной. Так оно на самом деле и было. Родители ее развелись 7 лет назад, почти сразу создав новые семьи и, как оно очень часто бывает на таких крутых поворотах судьбы, довольно скоро забыли о ней, погрузившись в муравейник новых забот.

Яна, казалось, внешне спокойно перенесла распад семьи, но довольно скоро холодная и заунывная боль отчуждения поселилась в ее молодой и хрупкой душе. Иногда до слез было жаль отца и мать, тех недолгих, но светлых лет, когда все были вместе и заботились друг о друге. Очень скоро холодный, жутковатый дух враждебности и недоверия к миру, как подлый наркотик, проник в самое сердце впечатлительной и ранимой семнадцатилетней девушки.

И вот она здесь, в этой мрачной палате, совсем одна, забытая всеми, встречает свое 24-летие. Диагноз больных, попадающих в это невеселое место на карте большого города, не внушал оптимизма, это были, главным образом наркоманы со стажем, давно севшие на иглу и с большим или меньшим запасом сил вступившие в заведомо обреченную игру со смертью.

Яна отчетливо понимала это. Ее собственный наркоманский стаж был вполне достаточным для того, чтобы раздавить последние остатки воли и поставить эту молодую и потерявшуюся жизнь на самый край бездны... Лежа на спине в душном сумраке большой палаты, где кроме нее лежали еще несколько таких же, как она, страдалец, Яна вспоминала свою жизнь, одновременно такую знакомую и такую чужую. Счастливыми, светлыми видениями проплывали в ее внезапно пробудившейся памяти радостно-безмятежные годы

детства, проведенные в небольшой рязанской деревушке на Оке. Там, в красивых и привольных местах, столь не похожих на окружающий ее ныне страшный и неодоушевленный мир, живя с бабушкой Аней, в ее теплом и гостеприимном доме, она провела, может, самое счастливое время своей жизни. Боже, как там сейчас бабуля! Как не хватает ее! Вспомнила свою деревенскую подругу Женьку, с которой делилась самым сокровенным... Где-то она сейчас? Последний раз слышала ее голос пять лет назад...

Глаза Яны под полуопущенными веками медленно наполнялись слезами. Горячим ручейком потекли они по щекам, щекоча мочки ушей и окропляя подушку... Яна инстинктивно прикрыла лицо ладонями, чтобы не выдать своих слез и не быть услышанной, повернулась лицом к стене. Ей вдруг стало мучительно жаль себя. Она вспомнила, как все начиналось...

Это случилось на третьем курсе техникама, вскоре после того, как ей исполнилось 17 лет. Была какая-то вечеринка, как всегда собралась большая компания девчонок и парней. Было много шума, вина... Потом все разошлись - кто с кем...

Последнее, что она помнила, что шла куда-то с высоким развязным парнем. Дальше что-то случилось с памятью. Ее как обрезало - три дня не помнила ничего: где она, что с ней... Не помнила, как вышла из этого забытья. Что-то страшное, неподвластное ее воле произошло с ней тогда. Казалось, какая-то чуждая злобная сила проникла в нее и стала управлять ею. Ну а потом было еще ужасней: без наркотиков уже не могла представить свою жизнь - все, решительно все казалось пресным и ненужным, начисто лишены смысла и какой-либо цели... В 20 лет сошлась с очередным наркоманом. Приезжий из Украины, он жил у нее без прописки и, пользуясь ее слабостью, заставлял добывать ему дозы, посылая ее то к отцу за деньгами, то к наркоторговцам - и она послушно выполняла его приказания... Этот ад длился и длился, и выхода из него не было видно, да, пожалуй, и не могло быть... Ведь с

наркоманами почти не происходит чудес.

Легкий скрип двери и полоса яркого дневного света из коридора, достигшая Яниной подушки, неожиданно прервали цепь ее безысходных мыслей. Она невольно повернулась навстречу открытой двери и равнодушно посмотрела на стоящего в дверях молодого человека в смешном белом халате и с большим пакетом в руке. На секунду ей показалось, что это пришел ее истязатель, но уже в следующее мгновение она поняла, что это не он.

Между тем молодой человек с пакетом в руке осмотрелся в полутемной палате, ища кого-то глазами, и уверенно направился к Яниной кровати. Подойдя к ней, он неожиданно, совсем по-свойски, осторожно сел на краешек одеяла, у ног Яны, и простодушно и непритворно улыбнувшись, произнес: «Привет, я - Женя, а ты - Яна; я уже знаю твое имя...» Неожиданно прозвучавшее в тишине полутемной палаты ее имя, казалось, разбудило Яну. Станным образом, спокойный и уверенный голос молодого человека проник в самую глубину ее сердца и вызвал такую же внезапную встречную волну благодарного доверия и участия. Все это произошло абсолютно инстинктивно и естественно и даже не удивило Яну.

Женя

Моему племяннику Жене было 32 года, когда он впервые увидел Яну и влюбился в нее с первого взгляда. Я знаю это по своему горькому опыту - бывает такая любовь... Темная, непредсказуемая, роковая, чаще кончающаяся трагедией и крайне редко долгой и счастливой жизнью...

До этой, не такой уж неожиданной, хотя и негданной встречи с Ней в полутемной палате Боткинских бараков, жизнь его была во многом типичной для поколения, рожденного в середине семидесятых, о котором сейчас с известной долей справедливости говорят, как о потерянном. Это справедливо потому, что их ранняя молодость, их взросление совпало со временем беспрецедентной исторической

ломки. Огромная и, казалось, благополучная страна, страна их отцов и дедов, к моменту их становления стала стремительно распадаться, преданная и проданная своими близорукими политиками, раздираемыми властными амбициями и яростной борьбой за власть. Раковая опухоль распада безжалостно и губительно охватила весь истощенный организм некогда великой страны. Неуклюже и примитивно манипулируя людским сознанием, одурая и гипнотизируя его звонкими лозунгами демократии, ловкие политические проходимцы, озабоченные лишь собственным возвышением во власти, прикрываясь общественными интересами, бездумно и безответственно пустились на новый кровавый эксперимент. Выбив из рук анемичного и одинокого Горбачева, первого и последнего президента великой советской державы, жупел власти, новые демократические акулы, не дрогнув ни одним мускулом, хладнокровно и трусливо подписали последний приговор прежней стране. Из уральских дебрей пришел в Москву и, как пасечник, окурил миллионы растерянного населения громогласный косноязычный самозванец и вместе с разношерстным ничтожным сбродом хамски забрал власть, амнистировав продажную девку Свободы. Теперь ее можно было продавать на вес, как грязную свиную тушу, как живой товар в виде глупых продажных девчонок на грязных московских тротуарах, еще недавно обогранных кровью охмуренных защитников демократии. Все стронулось с мест и, как перегруженный самолет с плохо закрепленным грузом, стало стремительно падать вниз, неуправляемо и катастрофично.

Деньги в условиях беззакония и паралича власти делались на всем: на политике, на уворованной госсобственности, на тупой и примитивной коммерции, на армии и флоте, на органах, на диких, утробных развлечениях, и конечно на человеческой жизни. Она то, простая человеческая жизнь, в первую очередь, перестала иметь значение и цену... Тогда-то в разоренную воровским произволом и изощренно разграбляемую страну бешеной,

словно вырвавшейся из прорванной плотины, взбаламученной рекой хлынули наркотики...

Женя рос без отца, который почти сразу оставил сына после рождения и которого заменил ему дед или мой отец, честный, серьезный и всеми уважаемый человек (что в ту пору еще ценилось), прошедший войну, где был боевым летчиком, а после войны и окончания с красным дипломом юридического института, долгие годы проработавший в органах правопорядка, пройдя путь от следователя до прокурора большого города. Бабушка Жени проработала всю жизнь в школе преподавателем иностранных языков, и оба они души не чаяли в своем внуке. Мать Жени, после окончания ЛИИЖТа, работала инженером-программистом в разных закрытых конторах, а свободное время часто бывала у многочисленных подруг, очень ее любивших и имевшихся в великом множестве. Был у Жени и единственный дядя, художник и вечный странник, во всех отношениях незаурядная личность. Он-то и принес племянника из роддома маленьким, запеленутым свертком в 1973 году в огромную квартиру деда, где вся семья жила дружно, как, наверное, и миллионы других таких же семей в огромном городе Ленинграде.

Женя был любим всеми и рос добрым и милым мальчиком, купаясь в неизменной заботе и достатке. Но эта идиллия продолжалась до начала роковых девяностых годов, когда с ним случилась первая беда... К тому времени он уже был студентом первого курса ФИНЭКа, престижного и доныне вуза, куда Женя поступил сразу же после окончания школы.

Однажды, это было поздней осенью, школьные друзья пригласили его в пивной бар на Гороховой улице. Полтора часов хватило на разговоры, и истратив все деньги, друзья поспешили кто куда, оставив Женю одного. Вскоре и он отправился домой. В темных осенних сумерках его подкараулили двое подростков, завели в подворотню и, ударив в лицо, сняли с него лайковую куртку. Но и этого им показалось мало: напоследок один из отморозков автоматически ткнул Женю шилом в

область сердца... Теряющему сознание Жене удалось доползти до улицы и привлечь внимание редких прохожих, которые, к счастью, вызвали «скорую помощь». Она вовремя привезла его в ближайшую больницу. Уже через считанные минуты Женя был на операционном столе. Вот тогда и началась настоящая борьба за его жизнь. Как потом рассказывал нам с сестрой молодой хирург-мингрел, Женя родился в рубашке. Фактически рана была смертельной, несовместимой с жизнью - шило пронзило сердце и, глубоко войдя в него, остановилось в миллиметре от жизненно важного сосуда. Даже выдавший виды хирург не верил в возможность благополучного исхода операции... Но чудо произошло - Женя выжил. Впервые смерть, дохнувшая на него своим ледяным дыханием, отступилась от него. Было ему тогда неполных восемнадцать лет. С тех пор словно тень беды упала на его жизнь. Постоянно напоминала о себе пережитая ужасная травма, точнее, травматический инфаркт, повлекший за собой повреждение головного мозга, выразившееся в кислородном голодании одного из его важных участков.

Вскоре, прямо в стенах родного института, Женя познакомился с наркотиками. В перерывах между лекциями многие студенты курили травку, а избежать этого дьявольского искушения Женя со своим мягким характером и слабой волей не смог. Наркотики в начале девяностых годов мутным грязным облаком окутали голодный город. Сбитая с толку происходящим, растерянная молодежь с упоением беспамятства бросалась в эту смертельную реку. Бывшие дома и дворцы молодежи, захваченные разбойной приватизацией, кинотеатры и бомбоубежища наскоро приспособливались под дискотеки, оглушая молодежь грохотом железного рока и чадом дешевых наркотиков. В то время, когда опустевшие, залитые кровью молодых и необученных российских новобранцев улицы чеченской столицы Грозного дымились чадом пожарищ, на улицах и в подъездах домов больших и малых городов России в изобилии, как стреляные гильзы, валялись использованные одноразовые шприцы... Так

ценой жизни целого поколения, утверждало себя преступное время, отравленное человеческим скудоумием и духовной мерзостью, с отвращением сортируя людей, опуская одних до абсолютного дна, и вознося других до облачных высот воровского благополучия. Травмированное же государство, как человек с тяжелой черепно-мозговой травмой, само находилось в коме, нуждаясь в экстренном хирургическом вмешательстве... Такое это было время... Таким завершился кровавый и неопределенный российский двадцатый век.

Я

Серый январский день за окном был скучным и смазанным, медленно тонушим в сгущающихся туманных сумерках. Внезапный звонок по телефону застал меня с кистью в измазанных краской руках. Я не люблю, когда меня отвлекают от работы, тем более той, которая висела на мне, как камень, и порядком мне надоела. Я заканчивал большое заказное панно для одной из петербургских гимназий, где когда-то работала моя мать. Это был последний день, когда я должен был поставить последнюю точку в работе, уже давно оплаченной заказчиком, и, избавившись от нее, наконец-то устроить себе недельный отпуск, который собирался провести в полном одиночестве у себя в деревне на Псковщине. На следующий день, я хорошо помню, это был вторник 25 января 2005 года, к десяти утра должна была приехать машина заказчика и увезти мою композицию, развязав мне руки и освободив меня, наконец, из плена надоевшей работы.

Я уже собирался идти и мыть кисти и руки от краски, когда раздался этот неожиданный звонок, как-то особенно болезненно вторгшийся в тишину моего одиночества. Я взял трубку с легким суеверным чувством.

- Слушаю...

Где-то далеко обозначил себя неизменяющийся с годами голос моей матери. На сей раз в нем чувствовалось заметное волнение: - Здравствуй, сынок! Когда ты уезжаешь? -

спросила она, как бы между прочим.

И не дожидаясь ответа, стала упрасивать меня отложить отъезд и обязательно быть на бракосочетании моего племянника Жени и его невесты Яны, назначенном на ближайшую пятницу 28 января. Услышанное не вызвало у меня энтузиазма. Холодное чувство тревоги шевельнулось во мне, когда я услышал об этом из уст мамы. Мне уже было известно о предстоящем событии раньше от моей сестры Аллы, и это известие вызвало во мне суеверное и, казалось, забытое чувство опасности. Очень серьезной опасности. Я вдруг вспомнил свой первый неудачный брак, который был когда-то, много лет назад зарегистрирован именно в этом ЗАГСе, а главное, что давно угнетало меня, так это то, что жизнь моего несчастного племянника однозначно зачеркнута наркотиками. Я, чего греха таить, был просто уверен, что это не приведет ни к чему хорошему, и радостное в жизни нормальных людей событие в данном случае грозит тяжелыми последствиями, скорее всего самыми тяжелыми...

Я еще раз высказал маме свои опасения: совсем не хотелось лгать себе и разделять эту ложь с близкими мне людьми - но мама была непреклонна. Часто слышимые интонации вины и сомнительного прощения, всегда ощущаемые мной в ее голосе, когда мама говорила о своем внуке, сегодня явно отсутствовали. Она прямо обязала меня быть на регистрации, напомнив о том, что я в каком-то смысле заметил Жене отца. Было над чем задуматься. Отчасти это смахивало на правду, но в действительности не было ей. Когда-то, 33 года назад, и в самом деле именно я, тогда еще сам мальчишка, правда, закончивший в тот год Академию художеств, на своих руках принес Женю из родильного дома, о чем все любили вспоминать в нашей семье. Сохранилась даже мутноватая от времени, черно-белая фотография, где я несу в руках маленький сверток - моего новорожденного племянника. Но в дальнейшем, поглощенный своими собственными интересами, я мало проявлял внимания к его жизни и очень редко в качестве дяди виделся

с ним и уж тем более влиял на его жизнь... Так уж сложилась моя собственная судьба: еще с институтских моих лет, я часто и надолго покидал Питер, отправляясь в длительные поездки по стране в поисках заказов. Непостижимая сила звала меня в дорогу, я не мог пробыть в Питере и полугода, чтобы, бросив все, не сорваться в очередное путешествие. Муза дальних странствий была моим наркотиком. Это было очень похоже на судьбу моряка, не представляющего своей жизни без моря и дальних плаваний; возможно, неумный, рискованный характер одного из моих дядей - моряка и известного яхтсмана, как-то замешан в этой моей почти болезненной страсти к перемене мест. Эта страсть стала причиной и моей несчастной семейной жизни. Мой ранний развод и мучительная потеря сына, которого мне не давали видеть долгие годы, были слишком сильным испытанием для моей тогда молодой психики. Тем не менее, моя личная свобода, как я понимал ее тогда, была для меня выше всего, она отуманила меня, как наркотик, и лишь с возрастом, став писателем, я понял, наконец, значение и смысл этих бесконечных плаваний в море человеческих судеб - но это уже другая история. Таким образом, иногда месяцами я не видел своего племянника и лишь от сестры узнавал о его жизни, но если говорить правду самому себе, то это был чистой воды эгоизм, которому нет и не может быть оправдания.

- ...Ты должен быть там... - еще раз повторила моя мать, и в голосе ее прозвучала какая-то евангельская мука, если не мольба.

И неожиданно для себя я сдался. Решение было принято мгновенно - я остаюсь! Я должен остаться, черт побери, и, конечно, безусловно, присутствовать, на событии, и не просто присутствовать, а разделить его всеми фибрами своей души... Принять его в себя как радость, разделив с молодыми людьми их внезапное и всегда такое хрупкое счастье этих мгновений, мгновений другой жизни, которая должна вот-вот возникнуть и заявить о себе в этот счастливый день жизни моего племянника Жени, которого мне доверили нести из

родильного дома тридцать три года назад, и его неизвестной мне избранницы Яны... Внезапно прилив какой-то невероятной нежности окутал меня, как будто вся моя уязвленная совесть перелилась в нее в это мгновение. Я так же мгновенно принял и другое решение: подарить этим дорогим мне молодым людям еще один праздник - взять их с собой в мою псковскую деревеньку на несколько дней, о чем Женя, а потом и мои мать и сестра осторожно просили меня еще неделю назад. Приняв решение, я сразу успокоился и, обещав матери все сделать так, как она просила, повесил трубку...

Тот день...

(28 января)

1903 год. Модильяни перебирается в Венецию, где продолжает учебу в местной Академии.

*Впервые пробует наркотики.
(Жизнь Амедео Модильяни)*

Этот солнечный январский день был волнующим и суматошным и сулил не меньше волнений, чем все предыдущие... Уже в девять часов утра Женя заехал в одну из фирм, с которой сотрудничал как классный программист, чтобы получить деньги. Сегодня предстояли радостные расходы на цветы и многое другое, без чего не обойтись в такой единственный день в их с Яной, пока еще короткой совместной судьбе.

Так они задумали с Яной - чтобы все было у них не хуже, чем у других нормальных людей, далеких от их печального опыта наркоманов. Особенно этого хотела Яна. Ей казалось, что ее встреча с Женей три месяца назад решительно повернула доселе не принадлежащую ей жизнь в совсем иное русло - русло новой, другой жизни, исполненной красивой и заботливой любви и нового, казалось, открывшегося ей смысла. Ах, как же она истосковалась по такой жизни, жизни с любимым и любящим человеком, чтобы отдать ему все лучшее в себе, что было дано Яне с рождения,

и что, она это чувствовала в себе как никогда, требовало бурного и радостного исхода...

В это сияющее утро, утро ее новой жизни, Яне хотелось выглядеть как никогда красивой. В крохотной квартирке Жениной мамы на тихой улочке Петроградской стороны, где Яну как-то сразу все искренне полюбили, Ира, младшая сестра Жени, усадив девушку перед большим зеркалом в своей девичьей комнатушке, употребила все свое умение и вкус, чтобы сделать ей красивую прическу и макияж. Облаченная в белоснежное свадебное платье, осененная легчайшей газовой фатой с маленькой изящной диадемой на голове, Яна вся лучилась каким-то неземным светом счастья, и лишь иногда ее взгляд туманился и на какое-то время впадал в странную и чуть пугающую отрешенность, как если бы все эти радостные хлопоты не имели к ней ни малейшего отношения...

Я

*Половина выручки от продажи часов и драгоценностей на ежегодной престижной Выставке часов в Базеле (Швейцария), куда съезжается много мировых знаменитостей, поступает в Фонд борьбы со СПИДом.
(Из газет)*

Этим утром я поднялся рано, около девяти, приятно удивленный чистотой неба за окном моей крохотной комнатушки, и невольно порадовался этому. Дай Бог, чтобы все прошло хорошо, подумал я, пытаюсь представить себе предстоящие сегодня события. Глупое и пустое занятие. Запретив себе заниматься им, вспомнил о свадебном подарке. Что же мне подарить молодым? Проблема, впрочем, решилась сразу же: в коридоре уже месяц пылилась добрая дюжина моих акварелей, привезенных с последней выставки. Я выбрал одну из работ в недурной золоченой раме - это был написанный мной прошлой весной наш кургальский расцветающий сад - и остался дово-

лен: лучшего подарка и представить не мог. С тыльной стороны я размашисто написал зеленым маркером: «Дорогим Жене и Яне - в памятный для Вас день 28 января 2005 года. Пусть ваши чувства всегда цветут, как наш всегда неувядаемый Кургальский сад! Любящий Вас – Игорь».

Затем я наскоро побрился, принял душ и, зная за собой привычку всегда и всюду опаздывать, не мешкая спустился на улицу, чтобы завести и прогреть своего старенького «Москвича», на котором собирался ехать на регистрацию. К счастью, машина завелась почти сразу, хотя и простояла пару недель без движения - это прибавило мне настроения и уверенности, что по крайней мере по этому пункту все будет хорошо. Наскоро прогрев мотор, я вновь сбежал домой, чтобы спустить вниз и разместить в машине свой свадебный подарок. Большая акварель едва поместилась на заднем сиденье. Осталось довести ее невредимой. Я так и представлял себе, как вручу ее в нужный момент Жене и его невесте, озвучив свое скромное посвящение.

Время регистрации неумолимо приближалось и меня внезапно охватило сильное волнение. Я - опоздаю! В половине третьего надо уже быть в ЗАГСЕ, памятуя о возможных пробках на дороге, а мне еще оставалось заехать за цветами и купить аудиокассету. Я, как всегда в последний момент, вспомнил о стареньком диктофоне, давно лежащем у меня без применения, а мне очень захотелось записать на пленку всю сегодняшнюю церемонию.

Наскоро одевшись во все самое подобающее к этому торжественному случаю, я в каком-то угаре сбежал с лестницы и уже через считанные минуты ехал в сторону Петроградки. Пересекая Северный проспект, вспомнил, что не захватил с собой бумажник с правами... Я, впрочем, не очень расстроился. Мысль вернуться была сразу отброшена мной и, как ни странно, это обстоятельство сразу успокоило меня, я мгновенно справился со своим волнением.

Я довольно быстро двигался в сторону Петроградки, лихо маневрируя в, как всегда, тесном окружении машин, стараясь не думать

о времени и цепко следя за дорогой, боясь нарваться на инспектора ГАИ и выискивая по пути цветочный киоск. Но мне не попадалось ни одного киоска, как впрочем, и ни одного гаишника.

Стоя у последнего светофора на Каменноостровском, я все же посмотрел на часы и вздохнул с облегчением. Кажется, успеваю... Почему-то поймал себя на мысли, что давно так не спешил, как на свидание, где едва ли не решается моя судьба.

Время, подумалось мне, вот, что оно делает со мной... Не спрашивая, обращает все вспять, не считаясь ни с чем, заставляет пережить все вновь и вновь... Вот откуда это волнение, переходящее в суеверный страх опоздать, вот почему эти проникающие сквозные уколы совести и этот, иногда непереносимый крест поздней ответственности за все свои прегрешения, за тот кошмарный ущерб, причиненный себе и людям. Иногда самым близким и самым любимым людям... Да, в который раз, подумалось мне – за все надо платить, за радость и боль, за забвение и верность... И совесть, если она конечно есть в тебе, никогда не опоздает и рано или поздно остановит тебя, как инспектор ГАИ, и от лица Всевышнего потребует у тебя твои права на звание Человека.

Нервные сигналы машин за моей спиной пробудили меня от этих полуфилософских мыслей. До меня дошло, что своими терзаниями я сдерживаю толпу неумных, вечно спешащих гомо сапиенсов, заключенных самих себя и свои лакированные авто, которым нет дела до моих терзаний. Зеленый свет давно горел... Я резко взял с места, и, не успев разогнаться, повернул направо на Большую Монетную улицу, кое-как припарковался и быстрым шагом рванул к ЗАГСУ. Наконец-то увидел я и такую долгожданную вывеску «Цветы». Буквально вбежав в маленький и пустой подвальный магазинчик, я впился глазами в вазы с цветами. Выбор был не ахти. Не раздумывая, я попросил завернуть мне три самых свежих пунцовых розы и в том же темпе выскочил на Каменноостровский проспект.

До ЗАГСА оставалось всего три сотни шагов...

Регистрация

*Афганистан. Нынешний 2004 год
явился рекордным по урожаю
маковой соломки. Ее собрано около
800 тонн в героиновом эквиваленте.
Отмечено оживление наркотрафика
на Российско-Афганской границе.
Большую часть планируется
переправить в Россию и в
страны Восточной Европы.
(Из сообщений радио)*

Еще издали я увидел небольшую группу молодежи, стоящую у крыльца Загса. Подойдя ближе, увидел и своего племянника Женьку, героя сегодняшнего торжества. Как всегда, он был без головного убора, бледный и привычно возбужденный. Увидев меня, он улыбнулся и как-то подозрительно энергично подался мне навстречу. Мы по-мужски обнялись и крепко пожали друг другу руки. «Ну как ты?» - спросил я его, не без всегдашнего чувства тревоги за него. Его радостно-уставшие глаза, горящие каким-то сумасшедшим блеском, были более чем красноречивы. Я произнес несколько ободряющих слов и поправил сбившийся на нем галстук...

Вероятно, ждали меня, потому что с моим появлением, все сразу направились к дверям столь знакомого мне в прошлом особняка, где испокон веку располагался Загс Петроградского района. Отзвуком давно отболевшей памяти отозвалось в моем сердце воспоминание о том, что именно здесь, в этом самом премиальном особнячке, начиналась когда-то моя первая неудачная семейная жизнь. Как же давно это было, сколько трудных жизненных страниц было перевернуто с тех пор, и вот опять мне суждено побывать здесь, в этом казенном дворце, где всем одинаково мило желают семейного счастья и благополучия. Эх, если бы это было достижимо в принципе, автоматически подумалось мне. Счастье и благополучие... Как же разнородны и двусмысленны эти понятия, как противоречивы и обманчивы, как тот туман из одного моего стихотворения...

Раздевшись в полуподвальном помещении под вечное ворчание какой-то мелкой служительницы, мы поднялись на второй этаж этого храма мифического счастья, и здесь, в небольшом квадратном зале с большим зеркалом на стене я впервые увидел невесту. В центре комнаты, как столб света, лучилось очаровательное создание. Красивая какой-то русской плавной красотой, стройная и изящная девушка со смешливыми карими глазами на миловидном овальном лице стояла в окружении нескольких человек и, несомненно, была в центре всеобщего внимания. От нее, и в самом деле, трудно было оторвать взгляд. Была во всем ее облике какая-то светоносная тайна притяжения, и я, сразу это почувствовав, невольно вспомнил свою мать, любившую ее с первого взгляда. Милое и неза-taskанное имя Яна очень соответствовало ее ослепительно-привлекательной внешности. Красивая невеста, пожалуй, слишком красивая для Жени. Что несет эта красота моему несчастному племяннику? - задал я самому себе этот пустой и напрасный вопрос.

Увидев среди присутствующих свою сестру, я попросил ее представить меня Яне. Произнеся подходящие в таких случаях слова, я легко пожал Янину руку в белой перчатке и преподнес ей три своих пунцовые розы, которые так красиво смотрелись в ее длинных и изящных руках, переключаясь с ярко-вишневым цветом ее красиво очерченных губ.

Было видно, что Яна чересчур взволнована происходящим, смешливые глаза ее временами хмурились, и слегка грудным голосом она выражала свое неудовольствие по каким-то пустяковым поводам. Но даже в этом она была очаровательна. И все-таки ее почти нескрываемая взвинченность вкупе с чересчур лихорадочной возбужденностью моего племянника насторожили меня, снова оживив во мне липкое чувство тревоги. Мне показалось даже, что все кто окружал молодых, и кто знал их лучше меня, испытывают нечто подобное. Сестра представила меня родителям Яны. Сравнительно молодые, они стояли в стороне,

погруженные в свои мысли, и я почувствовал их холодную отчужденность друг от друга, впрочем, мне уже было известно об их непростых отношениях.

Вскоре виновники торжества и их гости были приглашены в парадный зал, где по заведенному сценарию, как только мы расселись, началась отмеренная по минутам, церемония регистрации. Все присутствующие молча и задумчиво внимали словам заведующей, старавшейся как можно эмоциональней произвести свой заученный монолог, обращенный к молодым. Я вспомнил о принесенном диктофоне и незаметно включил запись.

Я неотрывно смотрел на Яну и Женю, пытаясь постичь их мысли, сокрытые ото всех движения их чувств, в то время как собственная память невольно засасывала меня в свои потемки...

Пленка крутилась, записывая отретпированные слова ведущей, а я продолжал смотреть на новобрачных, не в силах подавить в себе горькие размышления...

Глядя на Яну, я невольно подумал о ее грядущей жизни и мне вдруг стало мучительно жаль ее, эту еще совсем молодую и где-то беззащитную девушку с ее оголенно-ранимой душой, дерзнувшую, как и я когда-то, начать новую для себя жизнь, закономерно несущую в себе крушение самых возвышенных надежд и холодный пепел разочарований. Я отчетливо представлял себе, в каких условиях будет начинаться эта ее новая жизнь, и, слишком хорошо зная Женю, не представлял себе скольнибудь нормального ее будущего. Думая о племяннике, я просто не в силах был забыть о его страшном пути до сегодняшнего дня. О тех нечеловеческих страданиях, которые он причинил своим близким. Внезапная, мучительная смерть моего отца, его деда, причиной которой он стал, мучения бабушки, невыносимые страдания его собственной матери и моей сестры... И это помимо смертельного вреда, который он причинил себе... Это страшное знание о растерзанном, уничтоженном человеке, низведенном до абсолютного рабства, этот жуткий опыт души, которого не пожелаешь и

врагу, его органическая неспособность осознать и тем более раскаяться в содеянном - все это просто подавляло и растаптывало во мне все радужные мысли и какие-либо надежды, связанные с сегодняшним событием. Я с тупой и безысходной тоской думал о том, что все это не может пройти бесследно, стать прошлым, раствориться за пределами жизни одного отдельного человека, моего племянника, - все должно как-то материализоваться, в очередной раз вырваться наружу чем-то ужасным, и кто-то должен заплатить по этим счетам, ведь этот страшный счет человеческого жертвоприношения по сути уже давно открыт... Я знал, что весь этот убийственный опыт его деградации уже не может быть поводом и материалом для Трансформации Преображения. Я был абсолютно уверен в том, что из ужаса и потемок не может излиться свет. И вот сейчас на моих глазах совершалась эта подлая игра, этот жестокий фарс, это кощунство, нечто глубоко противоестественное и бесчеловечное - решается Судьба еще одной жертвы, еще одной заложницы этого ужаса - молодой и природно красивой девушки Яны... Еще одно жертвоприношение молоху Абсурда... И я присутствую на этом позорном спектакле как презренный статист, малодушный очевидец этой дурной и бездарной постановки с заведомо плохим концом, этого явного для меня и столь плохо скрываемого преступления... Пожалуй, хватит с меня, я уже почти не в силах воспринимать идиотский смысл происходящего, думать об этом. Интересно, понимает ли это кто-либо из присутствующих, кроме меня, и частично моей сестры Аллы?.. Уйти, уйти немедленно, оставить свое место пустым в этом траурном зале, где творится привычная, нормальная подлость! Я посмотрел на сестру: Алла сидела нахмурясь, стараясь скрыть свою привычную тоску...

Единственно, кого мне было мучительно жаль в этом жутком спектакле-заклании, так это одного безвинного человека - молодую женщину Яну, стоящую в трех шагах от меня... И тому было две серьезные причины: Я ничего не знал о ее прошлом и настоящем, а

во-вторых, и это главное, я понимал, что запас ее собственного личного опыта был слишком мал, чтобы противостоять грозящей ей смертельной опасности.

Аккорды внезапно пролившейся необыкновенно красивой органной музыки, сопровождавшей церемонию, словно омыли мои душевные раны, приглушив их растревоженную боль...

Между тем молодые обменялись кольцами и поцеловались, но вдруг, и это произошло совершенно неожиданно для всех: искусственно-участливый голос работницы Загса, поздравившей молодых с рождением новой семьи и желавшей им долгой и счастливой жизни, прервали взрывные лихорадочные рыдания Яны, как если бы мои горькие размышления тайным образом передались ей. Закрыв лицо узкими ладонями, девушка тщетно пыталась скрыть внезапные, неуместные слезы. Повисла тяжелая пауза, лица присутствующих омрачились. Работница Загса, ведущая этот стандартный церемониал, прервала свои заученные пожелания и растерянно умолкла. Плечи Яны молча сотрясались от сдавленного плача, а смущенный, с глупой улыбкой на губах жених не знал, что и предпринять.

Впрочем, вновь заигравшая музыка как-то загладила этот печальный эпизод, и уже через несколько минут Яне удалось справиться со своими внезапными чувствами и успокоиться. А еще через какое-то время, бледные и взволнованные молодожены, окруженные своими разношерстными друзьями, рассеянно внимали косноязычному и невнятному хору поздравлений и радостно-банальных пожеланий.

Выждав, и я подошел к новоиспеченным супругам, произнес что-то дежурное, с тревожной пристальностью посмотрел им в глаза... В глазах Яны, вновь ставших улыбочивыми и смеющимися, светился дерзкий и бесшабашный вызов судьбе. Глаза жениха, напряженно источали радость, хотя обычно были холодны и пусты, увы, хорошо знакомой мне бесчувственной пустотой.

Я перевел взгляд на родителей Яны. Их

лица были непроницаемы. Одному Богу было известно, что происходило у них внутри.

Несущие в себе какую-то неловкость и явно опечаленные, все с видимым облегчением, покинули зал регистрации, почти сразу же попав во власть вежливо-назойливого фотографа, который около получаса выстраивал вокруг оглушенных молодоженов групповые композиции для своих красноречивых снимков.

И лишь выйдя на парадную лестницу особняка, все почувствовали себя свободнее, почему-то даже мне, некурящему, страшно захотелось закурить, кому-то пришло в голову не мешкая откупорить бутылку шампанского и чокнуться за здоровье новоиспеченных молодоженов, что и было сделано с лихорадочной суетливостью и расточением неуместных слов...

Мы вышли из Загса шумной и возбужденной толпой. Молодожены со своими молодыми друзьями, разместившись в небольшом автобусе, отправились прокатиться по городу. Мы с сестрой не спеша направились к моей машине. Янины слезы не выходили у меня из головы. Я боролся с яростным желанием облегчить душу и рассказать сестре о том, что распирало меня в зале регистрации. Но, увидев ее уставшее, все понимающее лицо, со следами пережитых непростых раздумий, я не решился это сделать. Ну что же, подумалось мне, придется испить эту чашу до конца, и будь что будет... Я чувствовал, что тень Судьбы уже упала на нас всех. Станным потусторонним голосом, словно прочитав мои мысли, Алла попросила не оставлять ее одну в этот день. Через час все должны были вновь собраться в крошечном кафе на Рыбацкой улице на скромный свадебный ужин. Я, как мог, успокоил ее, и дал ей слово оставаться при ней до конца вечера...

Свадьба

Было ровно пять часов вечера, когда мы с сестрой первыми вошли в маленькое - всего пять сдвинутых в ряд небольших квадратных

столиков - кафе «Мечта», расположенное в ста метрах от пересечения Рыбацкой улицы и Малого проспекта Петроградской стороны. Простодушное название этого крошечного заведения «Мечта» своей прямолинейной наивностью отозвалось внутри какой-то невеселой нотой. Никак не выходили из головы Янины слезы...

Столы еще не были накрыты, но с нашим появлением две расторопные официантки довольно быстро справились с поставленной перед ними задачей, и уже через десять минут на наших глазах стол был вполне сносно сервирован. Наконец-то подъехал белый микроавтобус с молодыми, и через минуту шумной оживленной гурьбой они заполнили маленькое помещение кафе, сразу ставшее тесным. Было видно, что они изрядно замерзли, особенно молодожены. Яна в своем ослепительном облачении была по-прежнему неотразима, но высокий чистый лоб ее иногда искажала нервная складка, и тень легкой тревоги, казалось, зависла над ней.

Невесту посадили во главе стола, а ее счастливый жених и моложавый Янин отец по имени Сергей расположились сбоку, друг напротив друга. Каждый быстро нашел себе место за скромным свадебным столом, за которым хотелось согреться в душевном разговоре, освободиться, наконец, от тревожной напряженности этого дня, а мне отцепиться от всегдашней тревоги за племянника. Зная, как быстро он хмелеет и теряет контроль над собой, я неотвязно думал только об этом. Мне хотелось познакомиться с отцом Яны в более непринужденной обстановке застолья, но в какой-то момент я почувствовал, что он избегает прямого общения со мной и моей сестрой, к тому же бросалось в глаза отсутствие Яниной матери. Вероятно, это обстоятельство как-то повлияло на поведение отца, который выглядел чуть грустным и старался находиться как можно ближе к дочери в этот знаковый для нее день. Я чувствовал, как это необходимо сегодня им обоим, отцу и его первой дочери, быть вместе, разделить все непростые чувства, наполнявшие их, и я хорошо пони-

мал, что творилось в душе Сергея, когда он, прервав всех, попросил налить бокалы и взял слово...

Он налил себе и Яне немного шампанского, встал, рассеянно посмотрел на разом притихшее застолье, потом повернулся лицом к дочери. Чувствовалось его крайнее волнение:

- Дорогая доча! - произнес он чуть хриплым от волнения голосом. - Не знаю, как и сказать о том, что я чувствую сейчас... А в душе у меня сегодня радость и боль. Уж и не знаю, поймешь ли ты меня... Как бы там ни было, я хочу сказать тебе сегодня, моя родная, что я очень тебя люблю, может быть, сегодня я понял это как никогда раньше, как я люблю тебя... Дорогая доча!.. Я прошу тебя простить меня за то, что последнее время мы редко виделись и за то, что отдаляло нас по нашему неведению. Поверь, мне больно думать об этом и я хочу попросить у тебя прощения за все... - Сергей лихорадочно перевел дыхание, лицо его выражало крайнюю степень боли и нежности.

Мне трудно было смотреть на него в этот момент, у самого заклинило горло, я видел, как опечалились молодые лица гостей, как погасло их радостно-застольное оживление. Лицо Яны стало бледным, смешливые глаза ее посерьезнели, хотя легкая улыбка продолжала растягивать ее красивые полные губы. Было очевидно, что эта простодушная полуулыбка, лишь маскирует ее сильное волнение.

- Я прошу у тебя прощения, доча, - продолжал Сергей после трудной паузы, - и хочу пожелать тебе сегодня стойкости, терпения и большой любви, так как именно сегодня вы делаете лишь первый шаг навстречу этой большой любви и к ее осознанию. Возможно, она не минует вас в будущем, и я очень, очень хочу, чтобы она пришла к вам однажды... Будь счастлива и храни тебя Бог, моя родная доча! За Вас!

Он быстро выпил шампанское и, подойдя к дочери, нежно обнял ее и поцеловал в щеку. Яна прильнула к отцу всем своим изящным телом и тоже поцеловала его в щеку. Я заметил на ее глазах слезы, которые она и не пы-

талась скрыть...

- Спасибо, папочка, - всхлипывая, произнесла Яна. - Я тоже очень, очень тебя люблю, и ты хорошо знаешь об этом. Я так рада, что ты сегодня со мной и будешь всегда со мной, ты ведь для меня самый-самый дорогой человек!.. Я люблю тебя!..

Мне невыносимо трудно было слышать эти простые, рвущиеся из сердца слова, пропитанные подлинной человеческой болью двух самых родных существ - отца и дочери. Это бесхитрое, преодолевающее холод непонимания и отчуждения, такое непритворное признание в любви, прощающей и милосердной.

Эти простые слова мысленно перенесли меня на двадцать лет назад в 1986 год. В тот год я похоронил в себе свою внезапную позднюю Любовь к одной женщине-вдове, которую я встретил в Сибири на неисповедимых путях моей кочевой Судьбы. Она по-настоящему жертвенно и милосердно любила меня в продолжение трех лет со дня нашей первой встречи и однажды, зная, как мне трудно разрушить семью, пожертвовала своей любовью и удержала меня около моей трехлетней дочери.

В том году, летом, моей выросшей двадцатидвухлетней дочери Алене также предстояло выйти замуж за любимого человека и надеть белое платье невесты...

Не потому ли я так хорошо понимал Сергея, который с таким напряжением облекал свои сложные чувства в произнесенные им незамысловатые слова, которые, может быть, впервые были услышаны и восприняты его многострадальной дочерью.

Какое-то время после слов Сергея стояла проникновенная тишина, которую все боялись нарушить. Ее прервала моя сестра Алла, взяв слово. Как мать жениха и как самый старший по возрасту человек среди собравшихся, она обратилась к молодым со своим материнским напутствием. Она говорила правильные слова о счастье и ответственности друг за друга, а глаза ее были грустны, и мне показалось, что в них не было никаких эмоций. Я как никто

знал, что за этим скрывалось. Возможно, все ужасы и беды ее старшего сына промелькнули в ее мозгу в этот момент, и слово «счастье» в ее устах было давно похороненной надеждой. И все-таки, все-таки происходящее сегодня на ее глазах она воспринимала как последний шанс, и вся «надежда» была на любовь... Но что такое любовь для этих двух несчастных жертв сегодняшней жизни, хрупких и, в сущности, беспомощных детей, разделенных десятью годами своего страшного опыта - об этом Алле как матери своего старшего непутевого сына, сегодня просто не хотелось думать.

Мы чокнулись с сестрой и с молчаливым пониманием посмотрели в глаза друг другу. Пока молодежь оставалась еще относительно трезвой, я тоже взял слово. Все притихли, ожидая от меня чего-то особенного. Но что особенное могли они от меня услышать? Я достал из внутреннего кармана пиджака вчетверо захваченный на всякий случай сложенный текст стихотворения, посвященного моей первой юношеской, казалось, такой вечной любви. Решил, что это лучше всех дежурных слов и привычных поздравлений выразит мои сегодняшние чувства и эмоции.

Между тем крошечное помещение кафе быстро насыщалось взволнованным гулом разнородных эмоций, голоса стали слышней, как маленькие костры вспыхивали застольные разговоры, изредка прерываемые нестройными криками «Горько!». Отец Яны заказал несколько бутылок дорогого мартини, хотя в выпивке не было недостатка. На лице моего племянника светилась сдержанная счастливая улыбка, было видно, что он всеми силами пытается управлять собой, хотя я знал, что усталость и уже выпитое им начинало действовать на него. Появилась его всегдашняя болезненная импульсивность, голос стал громче и резче. Видимо, это его состояние передалось и Яне. Мне показалось, что внутри у нее что-то происходит, иногда она каким-то невидящим взглядом смотрела в большое темнеющее окно напротив, выходящее на Рыбацкую улицу, и словно бы искала кого-то отсутствующего.

щими глазами. Во время одного из тостов за молодых, когда Женя несколько неуклюже наклонился к ней, чтобы поцеловать, Яна неожиданно оттолкнула его и, недовольно сдвинув брови, сказала что-то резкое. Похоже, не меня одного настораживала такая странная перемена в настроении невесты. Я видел, как опечалилось лицо моей сестры, разговаривавшей с ее отцом, и видевшей этот эпизод.

Поставили громкую и пошлую музыку, свадебный подарок одного из приглашенных, провинциального музыканта. Голоса сразу потонули в ее тягостной белиберде, костры разговоров горели уже не с такой страстью как час назад, архитектура свадебного ужина теряла свою стройность и торжественность. Я пристальней всмотрелся в двух-трех Женяных друзей, приглашенных им на торжество. Это были молодые люди разных возрастов, от двадцати до тридцати пяти лет с красивыми, но измученными, бледными лицами, в которых прочитывалось обреченное на поражение безнадежное сопротивление нахрапистому прессингу неизбежной жизни и печальное осознание этой безнадежности. Было видно, что кто-то из них уже был знаком с наркотиками, и уж во всяком случае с алкоголизмом. Одного из сверстников Жени, его свидетеля на свадьбе, я знал. Это был Володя У., сын известного функционера, когда-то комсомольско-партийного лидера, а после краха прежней системы занявшего удобную для жизни должность главы ассоциации «Невский проспект». Он жил вдвоем с отцом (его мать умерла три года назад) и работал с ним в его конторе.

Странные у них были отношения с моим племянником. Непонятно, что их сближало? Разве что та злополучная лайковая куртка, привезенная некогда его покойной матерью из Турции и проданная Жене, с которой начались все его беды?.. Я знал, что отец Володи, как мог, не подпускал Женю к своей семье как конченого наркомана, считая, что их интересы лишены какой либо-взаимности. Но так ли это было? Дано ли нам до конца понять, что сближает молодых людей в этом возрасте?

Взаимность... Мужская взаимность... Что же это такое, во времена плоского расчета и узколюбной выгоды? Элементарные чувства чисто человеческой симпатии, по-моему, давно уж подавлены в нашем примитивном обществе все тем же бурно развившимся инстинктом консумизма и самодовольства временно сытого индивида, оценивающего себе подобных с позиций своей мнимой сытости.

И вот, я вижу Володю с красной лентой свидетеля на Женькиной свадьбе, с блуждающей улыбкой растерянности на бледном и измученном лице. Или все это очень серьезно, подумал я, или до невозможности абсурдно. Хотя абсурд так же уверенно входит в моду, как и все остальное, еще вчера казавшееся диким и неправдоподобным. Рядом со мной сидел интересный молодой человек с интеллигентным породистым лицом. Он отсутствующе молчал и выглядел абсолютно безучастным, уставшее измятое лицо желтого цвета было похоже на трагическую маску. Он показался мне случайным гостем, нелепо, по недоразумению оказавшемся на чужом не веселом празднике. Он невольно привлек мое внимание своей отрешенностью. Я незаметно спросил у сестры, кто это. Оказалось, что этого странного молчащего человека зовут Саша. Он является сыном некогда известного балетного режиссера Аскольда Макарова. Я представился ему, и мы понемногу разговорились. Выяснилось, что Саша - друг свидетельницы невесты. Он тоже, как и его умерший отец – балетный режиссер, ныне временно безработный. Тупая грохочущая «музыка» не давала ничего слышать, поэтому мы чокнулись с ним за здоровье молодых и наше знакомство. Ох, уж эти свадебные знакомства!

Свадебный ужин, между тем, становился все более скучным. Казалось, настоящей радостью и не пахло здесь, все выглядело ненужным и тягостным, и почему-то хотелось сбежать. Я снова поймал грустный взгляд Яны, смотрящей впереди себя в клубящиеся синие тени в большом темном витринном окне напротив. Что ей виделось в нем? Задумавшись об этом, я тоже увяз взглядом в этом большом

окне, норовя увидеть в нем свое прошлое, и снова, в который уж раз за этот предолгий день, разводами бурых теней на сине-лилово-пепельном фоне стали проявляться воспоминания давних лет...

Незаметно минул второй час свадебного застолья, когда Яна, неожиданно сославшись на теснящее ее свадебное платье, объявила, что пойдет переодеться. Она предложила моей восемнадцатилетней племяннице Ире пойти с ней, с трудом выбралась из-за стола, слегка качнувшись, свалила на пути вешалку с пальто. Мгновение спустя они были уже на улице. Все произошло так стремительно, что ни отец, ни захмелевший жених, ни мы с сестрой не успели даже пошевелиться. Я лишь увидел, как в черном окне белой вспышкой чиркнуло Янино свадебное платье...

Внезапное исчезновение невесты никого особенно не насторожило. Шум музыки по-прежнему заглушал все голоса. Я тоже воспринял это спокойно, зная, что дом сестры, куда Яна отправилась вместе с племянницей переодеться, находится рядом с кафе, на соседней улице, в пяти минутах ходьбы... И потому все мы продолжали свои застольные разговоры, ожидая ее скорого возвращения. Клянусь, что в тот миг никто не мог и мысли допустить, что с этого момента все дальнейшие события начнут приобретать трагическое ускорение и впереди нас всех ожидает нечто самое ужасное и непоправимое...

О, горькая человеческая беспечность! Зачем ты поражаешь нас и лишаешь бдительности? Зачем бываешь иногда страшной самой явной угрозы и стреляешь нам в спину?

Прошло не менее часа, прежде чем Яна, наконец, появилась в кафе. Она вошла неожиданно, как было неожиданным и непредсказуемым многое, что происходило в этот свалившийся на меня, как испытание и сделавший меня невольным участником надвигающейся драмы бесконечный «день икс», протянувшийся в мое болевое прошлое... На Яне была модная короткая куртка типа дубленки, которую она небрежным движением бросила на вешалку. Без своего воздушного свадебного

платья, в обычном брючном костюме, она выглядела теперь далеко не романтично, на ее лице не было и тени того свечения, которым еще утром радостно светились ее смешливо-раскосые глаза.

«Куда это все улетучилось?» - с тревожной тоской подумал я. Усталость, стертость, тень легкого презрения ко всем и ко всему. В ее глазах как будто зажглись какие-то рысьи огоньки нескрываемой насмешки над происходящим вокруг, как если бы все окружающее было жалкой данью ее прихоти и злему капризу... Почти вызывающая нервность, взвинченность наполняли ее. «Что могло произойти с ней за это время?» - невольно шевельнулся во мне всегдашний вопрос. Да и она ли это, Яна - крылатая Ника, еще днем восхитившая меня полетом своего божественного облика? «Какая странная, дикая метаморфоза! - подумал я невольно, с тревогой вспомнив о подаренных ей отцом тысяче долларов. - Может быть, все дело в этом? Не слишком ли опасный подарок сделал по неосторожности ее отец?» Этот вопрос тотчас пронзил меня тупой болью, как только моя сестра Алла шепнула мне об этом еще в Загсе. Ведь, зная о пагубном пристрастии дочери к наркотикам, он не мог не понимать, что такой подарок мог оказаться смертельным испытанием, роковым искушением, да и о своем племяннике я знал слишком многое... Было ясно, что отец совершил непростительную ошибку. Но шаг был сделан, и оставалось лишь надеяться на Провидение и на помощь высших сил.

Но фатум, похоже, уже начал разворачивать все события в свою сторону...

Заняв свое место во главе стола, Яна попросила у отца его мобильный телефон и стала набирать чей-то номер. Делала она это вызывающе. Первым, кому она позвонила, был старый Женин приятель Андриан, внук знаменитого скульптора. Яна бесцеремонно выразила ему свое неудовольствие по причине его отсутствия на их с Женей торжестве и попросила его срочно приехать, на что Андриан не согласился, сославшись на занятость. Уже потом я узнал, что он питал неприязнь

к Яне. Попросив у отца сигарету, она нервно набрала другой номер и, закурив, быстро выскочила из-за стола и вышла на улицу. Все это выглядело, по меньшей мере странно, но порядком захмелевшие гости вряд ли могли придать этому какое-то значение. Вся эта лихорадочная нервозная суетливость невесты, видимое равнодушие жениха и всех собравшихся окончательно испортили мне настроение - я вновь почувствовал себя заложником событий, навязанных чьей-то злой волей. В какой-то момент я взглянул на Яниного отца, который почему-то тоже заторопился уходить, и увидел в его покрасневших измятых глазах застывшую муку...

... Начался откат... В меру шумный свадебный ужин, собравший под одной крышей столь разных и внутренне непохожих людей, так или иначе причастных к молодым, кажется стал походить на кошмар, на тихий кошмар, хотя дурацкая музыка еще продолжала испытывать наши мозги, въедаясь своим рассолом в приглушенный ропот утомленного застолья.

То, что должно было сплотить людей, и сделать их хотя бы ненадолго ближе и роднее, вдруг (о это роковое «вдруг»!) стало стремительно и ощутимо приобретать зловещие признаки неотвратимо надвигающейся драмы... Инициатива однозначно перешла в руки мрачных, явно инфернальных сил, вмешательство которых мгновенно уничтожило праздничную атмосферу вечера.

Вбежав в кафе, новоиспеченная невеста, прижимая к груди отцовский мобильник, с плачем подбежала к отцу и объявила всем присутствующим о том, что у нее пропали деньги... Я посмотрел на сестру, ее глаза были пусты - нам сразу стало ясно о каких деньгах могла идти речь. Недоуменная тяжелая тишина разом повисла в сгустившейся атмосфере вечера. Обведя всех гостей блуждающим взглядом своих юных нахмуренных глаз, Яна не очень уверенно предложила всем оставаться на своих местах, пригрозив вызвать милицию. Все невольно потеряли дар речи, обмануто и жалко глядя вокруг и боясь посмотреть друг на

друга. Я закрыл глаза и на минуту представил себе, что должен был испытывать каждый из нас, приглашенных гостей, ощущая себя подозреваемым невестой в таком гнусном деле. Началась суета, вслух робко прозвучали разные догадки относительно пропажи. Медленно отходя от шока, и продолжая чувствовать себя обманутыми и униженными, гости стали собираться, чтобы уйти. Лицо жениха, моего племянника, было растеряннo-бледным и бесстрастным. На все это, недоумевая и оправдываясь, испуганно смотрели две официантки и хозяин кафе, также заподозренные в краже...

Я

...Влажно-лиловый, напоенный желанным привкусом бензина ночной воздух моей родной Петроградской стороны исцеляющим бальзамом вливался прямо в мою горящую душу.

С суеверной животной радостью освобождения из плена, я втягивал его внутрь себя, не веря своему счастью и, невесомый, с каждой живительной затыжкой чувствовал, что воскресая, освобождаюсь от одуряющего наркоза отупения. Моя оголенная сущность, совсем недавно подавленная увиденным и пережитым, невесомым облаком возвращалась в саму себя, обретая свое убежище в вырвавшемся на свободу теле... Боже, как же тяжело даются мне подобные эксперименты! Как все страшнее, невыносимее, невозможнее, смотря на чужие жизни, упираться в себя и, как в Библии, читать в себе всю тысячелетнюю историю прегрешений человеческого рода.

Я невесомо шел по Малому проспекту в сторону метро «Петроградская», не замечая ничего вокруг себя и, как глухонемой, не слыша никаких звуков. Отключка. Какое счастье, что нас спасает, бережет, спешит нам на выручку это блаженное состояние нирваны. Иначе бы наш мир превратился бы в один огромный институт Сербского, хотя я почти убежден в том, что это, скорей всего, уже произошло на самом деле. Не помню, как покинул это душное, почему-то нестерпимо душное

кафе «Мечта», как распрощался с виновниками сегодняшнего, пронизанного непреходящим чувством тревоги странного торжества, торжества тяжелых предчувствий и неизвестности. Помню, что трудно попрощался с сестрой, оставив машину у нее под окнами.

Дико хотелось тишины и покоя, усмирить, укротить разбушевавшуюся стихию, разнородных чувств и мыслей, сопровождавших этот, казалось, бесконечный и безмерный день, грозивший поглотить меня, как атлантическая пучина поглотила некогда огромный «Титаник». Но вот и станция метро. Бесшумная река эскалатора относит меня в другую Вселенную. Все кончено...

Кажется, я спасен...

Утро

На следующий день я с трудом проснулся от раннего звонка по телефону. Тяжелый сон под утро не дал мне сразу услышать его. Бесцветный, слабый голос сестры произнес в трубку невероятные слова:

- Игорь, у нас беда. Яна умерла. Приезжай.

Сердце мое оборвалось. Не помню, что пролепетал мой пересохший язык.

Наскоро одевшись и кое-как ополоснув лицо, я поспешил на Петроградку. Не чуя под собой земли, я шел по улице Щорса к дому сестры тем же путем, каким только накануне покидал свадьбу. Сестра уже ждала меня, чтобы сразу повести на расположенную метрах в восьмистах тихую улицу, в один из старых питерских домов, типичных для Петроградки. По сырой, дурно пахнущей лестнице поднялись мы на второй этаж в жутковатую коммуналку. Дверь в первую же маленькую комнату была открыта: я увидел в ней бледного плачущего Женю и лежащую на кровати Яну. Лицо ее было безжизненно.

Маленькое, скромное ожерелье искусственного жемчуга, еще вчера украшавшее ее шею, было разорвано – и бусины рассыпались вокруг кровати... Я поднял одну и автоматически положил в карман.

Сбивчивый рассказ моего племянника звучал жутко.

Задержавшись в кафе с гостями, он не сразу отправился за невестой, а сначала проводил домой мать и сестру, живших буквально на соседней улице – и только после этого поспешил к себе. Открыв дверь, он увидел спящую на кровати Яну – она лежала спиной к нему. Отброшенное свадебное платье странно белело в темноте узкой комнаты. Тихонько, чтобы не разбудить спящую, Женя лег рядом с женой, осторожно обнял ее и моментально забылся сном.

Что разбудило его через несколько часов? Тело, которое он продолжал обнимать, было под его руками абсолютно холодным и твердым. Женю подбросило, он с силой повернул Яну к себе – и страшная догадка пронзила его... Обхватив руками любимое, уже мертвое лицо, он припал к нему своей горячей головой и судорожно, сипло заплакал... Так и лежали они вдвоем до позднего утра, эти двое, так и не успевшие стать счастливыми супругами, отвергнутые временем и нашим бесчувствием.

Несчастные Тристан и Изольда эпохи смуты и невидимой войны на уничтожение.

Похороны

Под старыми, потемневшими от времени и копоти свечей церкви Смоленской иконы Божией Матери, что на Смоленском кладбище, было тихо и пусто. Прошло ровно три дня с той ужасной свадьбы, и у меня перед глазами все еще стоял весь кошмар, произошедший с моими дорогими людьми. Не знаю, как все мы, каждый по-своему любившие своих детей, приняли и прожили те черные дни.

Причина смерти Яны была установлена: ее убил героин, грязная доза, смешанная с выпитым шампанским, привезенная ей прямо на свадебный ужин в кафе «Мечта». Что толкнуло молодую девушку в такой яркий и поворотный день своей судьбы отдать себя в лапы неумолимой смерти? Кто не захотел отпускать ее в новую счастливую жизнь с моим племян-

ником Женей? Ответ и на этот вопрос вскоре был получен: отвергнутый ею раньше неудачливый «жених», заезжий украинец, промышлявший наркоторговлей, не захотел отпустить свою жертву, а вскипевшая ревность толкнула его на прямое убийство несостоявшейся подруги...

...Я пришел в этот намоленный храм раньше времени. Мне хотелось побыть одному, раствориться в его успокоительной тишине, помолиться и прийти в себя, прежде чем стать участником последнего акта этой человеческой драмы. Но вскоре внесли гроб с телом Яны и поставили его посередине. Стали собираться близкие – те немногие, кто знал эту несчастную девушку, вновь обряженную в белоснежное платье невесты. Только вот ожерелья, сорванного ею в припадке последнего, смертного удушья, на шее уже не было... Я подошел и положил в ее гроб три пунцовые розы.

А за колонной, как позже стало известно, притаился в торжестве и страхе ее убийца – тот самый, продавший ей за деньги свой «свадебный подарок».

Миг прощания после отпевания был невыносимо тяжел. Я смотрел на своего племянника Женьку – того самого, которого когда-то забирал из роддома в белом одеяле с голубой шелковой ленточкой. Теперь он стоял изможденный, необратимо переменявшийся, с кривой складкой страдания на лбу – и я не знал, чем ему помочь – смог только подойти и положить руку ему на плечо: «Держись... И я, и все мы – с тобой...». - «Дядя Игорь, дядя Игорь, дядя Игорь...» - как заведенный, повторял он. С трудом подавив рыдания, я поцеловал холодный лоб Яны, про себя поклявшись при этом найти ее убийц и наказать их...

Странно, но мне это действительно удалось. Немало потратил я времени на встречи с оперативниками всех уровней и званий. Еще больше написал заявлений. Иногда мой напор удивлял оперов, но многие из них понимали меня и стремились помочь – и однажды, по прошествии года, мне позвонил один из милицеских начальников и сообщил, что подонки, убившие Яну, арестованы и вскоре предстанут перед судом.

А в тот бесконечный мучительный день мы пронесли гроб с телом Яны из церкви до вырытой в мерзлой февральской земле могилы и опустили туда под свист холодного ветра – и метель сразу же припорошила его...

А спустя три года умер и мой племянник Женька. Тоже во сне, как и его нареченная, только от сердечной недостаточности. Чего недоставало его сердцу, что оно взяло и остановилось? Было ему только тридцать шесть лет. Похоронен он на Сетрорецком кладбище, рядом с могилой моего отца, а своего – деда, так любившего когда-то маленького щекастого внука.

Иногда я заезжаю на оба кладбища поклониться дорогим могилам, прислушиваясь к ропоту старых деревьев, колеблемых и там и тут морским ветром и шепчущих мне о мгновении жизни и о чьей-то несостоявшейся любви.

Так закончилась эта печальная повесть о моих дорогих Женьке и Яне. С годами я научился прощать людей, оставляя в своей памяти только светлое и лучшее – то, с чем каждый человек приходит в этот мир, освещая его.

Октябрь 2005 – октябрь 2014

Украина – моя незаживающая рана

(Интервью автора цветной вкладки, Санкт-петербургского художника Игоря Сафронова специальному корреспонденту журнала «Золотое Слово»)

Корреспондент: Расскажите о создании цикла работ «Украина. Гнев и скорбь», в котором Вы так страстно и, главное, так оперативно откликнулись на эти трагические события, потрясшие весь мир. Создается впечатление, что это коснулось вас лично.

И. Сафронов: В июле 1941 года во время оборонительной операции Юго-западного фронта, войска которого всеми силами пытались защитить Киев, куда рвались немецкие войска, самолет младшего лейтенанта, 21-летнего Александра Сафронова, pilota бомбардировщика ПЕ-2 («Пешки»), был подбит. Этот pilot после войны стал моим отцом. Пылающим факелом его самолет врезался в землю в районе городка Белая Церковь, в шестидесяти километрах от Киева. Боевые товарищи отца, штурман и стрелок-радист, погибли, а сам он был тяжело ранен, но чудом остался жив, вынесенный из горящего самолета нашими солдатами.

Вот ответ на вопрос, коснулось ли это меня лично. Самым непосредственным образом: я, как видите, стою перед вами собственной персоной. Я чувствую, и чувство это особенно окрепло с годами, что всей своей жизнью обязан поколению наших родителей, спасших мир от фашистского рабства в годы Великой Отечественной войны. А отразить трагедию сегодняшней Украины меня подвинули Гнев и Скорбь, которые не позволяют молчать нормальным русским людям, тем более, моим ровесникам. Как мы видим на примере этой страшной войны на уничтожение собственного народа, фашизм не кончился, его черные знамена подхватили новые убийцы, отравленные ядом его человеконенавистнических идей. Я равно имею в виду тех, кто отдавал приказы, и тех, кто выполнял эту грязную работу – не

важно, президент или исполнитель в камуфляже. И снова ненависть фашизма направлена именно против русских людей и русского мира в целом. Биология фашизма состоит в том, что его личинки крайне живучи и размножаются с невиданной силой. Вот почему украинский фашизм – мой личный враг. «Не пропустите Наци!» - писал я еще четверть века назад, когда усилиями агентов влияния, поддержанных тогда гнилой русскоязычной интеллигенцией, разваливался Советский Союз.

Корреспондент: Да, это более чем убедительно. Хотелось бы, чтобы ваш цикл увидело как можно больше людей, и, увидев, они бы задумались над тем, что вы только что сказали.

И. Сафронов: Я обратил внимание на то, как наши деятели культуры и искусства прикусили язык, старательно обходя эту тему, тему реальных человеческих страданий, вновь не желая открывать глаза на то, что испепеляющая война давно полыхает в России, не обходя стороной и наш «благополучный» Петербург. Неужели мнимая буржуазность, мизерность частных интересов ослепила их, сделала глухонемыми? И хочется крикнуть: господа, развернитесь лицом к своей совести! Уйдите от копошения на мелкотемье! Обоострите свое обоняние! Чувствуете – пахнет пепелищем? Как беспомощно выглядите вы, в тепле и покое разглагольствуя на отвлеченные темы Большой Геополитики, и всерьез не веря в то, что события, отраженные мною, например, в картине «Семья ополченца», могут произойти и с вами!

Корреспондент: Ну что же, страшновато, но, пожалуй, недалеко от истины. Спасибо за интервью.

АНТОНИНА ЛИПИНА

По заповедным местам

Сказка-быль

Часть вторая

(Продолжение. Начало в № 9)

*Мил сердцу мне ты, край родной,
Берёзкой стройной, осинкой хрупкой,
Сосной могучей, зверьком лесным,
Травинкой каждой душе ты мил.*

Автор

Ленинградская область

С далёких петровских времён тянется история Ленинградской области. На протяжении трёх столетий то увеличивалась она в размерах, то уменьшалась, меняла свой статус с губернии на область. Удобно расположилась она в северо-западной части России по соседству с Эстонией, Финляндией, а также Псковской и Новгородской областями. На сравнительно небольшой территории, чуть более 80 тысяч квадратных километров, мирно уживается многонациональное население: русские, белорусы, украинцы, а также старожилы и хранители этнической культуры этих мест: вепсы, карелы, ижора, воль, чудь.

В состав Ленинградской области, территория которой на карте выглядит разноцветной бабочкой, входят 17 районов. Каждый район создал свою неповторимую композицию рисунка, но больше всех в этом постарался Выборгский район. Выборгский район родился на Балтийском щите, занял северо-западную окраину Карельского перешейка, и это положено ему по старшинству. Ведь его территория самая древняя, образовавшаяся ещё в докембрии, покрытом волшебными загадками времени, которое уничтожило все доказательства пребывания жизни и не хочет раскрыть свои тайны людям.

И всё-таки Архитектор-Ледник своим приходом чуть приоткрыл тайные сокровища района, обнажил гранитно-кристаллические породы, превратил их в скалистые гряды. Создал Архитектор-Ледник сельговый ландшафт с красивыми озёрами и протоками, разделяющими и в то же время соединяющими их, а

более пологие склоны покрыл мореной и осадочными породами из супеси, песка с гравием, щебнем и валунами.

Время и процесс выветривания сделали законченным ландшафт, совсем оголили вершины и приукрасили морену дёрном. Но не стоит природа на месте, и вот уже поросли они хвойным лесом из сосны да ели, а высокие со временем ложбины превратились в пашни, сенокосы да луга. Чем ближе к морю, тем больше видоизменяются ложбины, террасируют. Климат становится мягче, и здесь уже вместо хвойных красуются смешанные, лиственные, а местами и широколиственные леса.

Леший

Во время переполоха, когда никто на Сёму не обращал внимания, он поближе подполз к своей маме. Норка прижала его к себе и объяснила детёнышу, что это был Леший. Он дух леса, хозяин зверей, птиц, насекомых, который оберегает от истребления всё живое. Его не надо бояться, он очень добрый и справедливый, любит чистоту и порядок, ведь не зря он сегодня встретился в белом одеянии.

Это перед людьми он предстаёт в образе человека, но он умеет и перевоплощаться. Когда возникает конфликт между животными и надо его предотвратить, то Леший может предстать в виде любого хищного зверя или змеи. В лесу он превращается в громадное дерево или трухлявый пенёк, в поле – в маленькую неприметную травинку, в зависимости от складывающейся ситуации.

Живёт он в непролазной чащобе леса, в сказочном лесном тереме, украшенном резь-

бой удивительной красоты, от которой нельзя оторвать взгляда. Люди не могут видеть этого, потому что Леший обвёл волшебной чертой свою территорию и сделал всё, что за чертой, невидимым. Люди натываются на этот незаметный для глаз человека забор и произвольно поворачивают обратно. На них нападает такой страх, что они, сами того не ведая, без оглядки убегают от того места.

Раньше Леший всегда в зимнее время уходил на покой, отсыпался за зимний период. Теперь ему приходится только дремать, прятаясь под землю. Причина его бессонницы – неужённая жадность людей. Сейчас только зимой и начинают вырубку леса, даже машины изобрели, чтобы побольше вывезти. Летом-то непролазные, непроходимые болота мешают, тяжёлую технику засасывают. Зимой всё смерзается, вот по снежному крепкому насту люди на машинах и забираются как можно дальше вглубь леса.

Леший очень добр, всегда предупредит хорошего человека об опасности, с родительской заботой выведет из леса заблудившегося ребёнка. Злого, того, кто приходит в лес с недобрыми намерениями, может заплутать, закружить на одном месте.

Большую неопределимую помощь приносит Леший лесным жителям. К великому сожалению, он, как и мы, не бессмертен, хотя и живёт значительно дольше нас. Самым уязвимым местом его является пятка, потому что, проколов её, он может умереть. Вот и бережёт он свои ноги, ходит по лесу всегда в обуви. Только вот лапти так и не научился за свою долгую жизнь носить правильно, всегда не на ту ногу норовит надеть.

Леших много, у каждого вверенная только ему территория. Он, как лесничий у людей, заботится, печётся о ней. Но не справился бы он с этой задачей один. Есть у него много лесных помощников: это и белочка, быстро разносящая корреспонденцию по лесу, и филин, охраняющий ночной покой, и бурундучок, заготавливающий запасы на зиму, и кукушка, стоящая на страже днём, и дятел, отбивающий телеграммы азбукой Морзе, и очень много других помощников. С ними ты ещё познакомишься поближе.

Заказник «Сестрорецкий Разлив»

Сегодня в лесу опять переполох. Секретарь Лешего Верява по прозвищу Секьюрити собирает всех на экстренное собрание. Снова люди отвели участки лесных угодий под застройку коттеджного посёлка. На повестке дня стоит вопрос: как быть, кого из зверей потеснить, где разместить оставшихся без своей территории животных и птиц?

Верява отдала распоряжение дятлу и белочкам оповестить жителей леса о предстоящем собрании, а сама стала тщательно готовиться к нему. Она всегда ждёт этих встреч, любит помодничать, показать себя во всей красе, предстать перед лесной братией, так сказать, продемонстрировать себя.

Только Норка с Семьей выпрыгнули из машины, как к ним подскочила белочка и сообщила об экстренном собрании духов леса и лесных обитателей. Мать с детёнышем поспешили на болото, на ту встречу, подальше от людской суеты. Собираются они в самой лесной глуши, чтобы люди их не видели. Ведь они тоже живут и подчиняются природным законам лесной жизни.

Сёмочке было всё в диковинку, очень интересно. Он даже не знал, на ком остановить своё внимание. Отыскал взглядом Лешего, ведь мама много рассказывала о нём. Выглядел он сухим старичком, состарившимся от забот и долголетия, но остался добрым и мудрым, не потерявшим память и рассудок, а главное – желание заботиться о близких. Мама Норка продолжала рассказывать своему детёнышу о том, что все знают: самый главный в лесу – это Леший, не зря он слышит хозяином леса. Всегда озабоченный, серьёзный, никогда смешинки из него не выдавить, потому что за всё он, горемыка, в ответе.

Какой урожай кормов в этом году: шишек, желудей, грибов и ягод, трав – всем ли лесным обитателям хватит корма? Ведь от этого зависит приплод молодняка. Достаточно ли сделали себе запасов впадающие в спячку животные? Леший регулирует поголовье хищных животных. Он следит за тем, чтобы лишнего не было собрано людьми – грибов, ягод, шишек кедрача; следит, не много ли вытоптано людьми молодой поросли да травы, ведь тем, кто живёт в лесу, надо хорошо питаться, что-

бы принести здоровое потомство.

Хозяин леса подсчитывает ущерб, нанесённый катаклизмами, и убытки от неблагоприятной деятельности людей: от вырубки леса, поджогов, застройки домов, забора земли, ведь в почве тоже есть своеобразный растительный и животный мир. Всё он знает о своём лесном царстве, и везде у него есть свои маленькие разведчики.

За глаза лесные обитатели называют его Пеньком. Но это так, не со зла: уж больно сух он и строг. Леший знает об этом, но не обижается на лесных братьев. Он и сам не против каждому дать своё безобидное прозвище. В его лесной державе все под прозвищами живут.

Леший хоть и старый, а принарядиться любит, всё старается людям подражать. Банки из-под консервов пособирает в лесу после неяршливых туристов да бусы себе из них смастерит. Наденет себе на шею и ходит, гремит ими, привлекает внимание к себе, красуется. Но это бывает редко, только если собрание или встреча, а так любит покой и уединение.

Рядом с ним Верява, его секретарь, всегда важная, со счётами в одной руке, в другой – расчёска с выломанными зубцами, которой она обмахивается, словно веером. Из кармана цветастого платья виднеется сломанный сотовый телефон, выброшенный когда-то в лесу людьми из-за ненадобности, но носит его с собой Верява для большей важности. Она обладает феноменальной памятью, все цифры держит в голове и всегда при удобном стечении обстоятельств подскажет Лешему нужную информацию.

По случаю встречи Верява очень принарядилась, ведь она всегда считала себя неотразимой. Подражая людям, она вышла в круг, как манекенщица на подиум, покачиваясь и прихрамывая на левую ногу. Леший даже забеспокоился за неё, но тут выяснилось, что она подобрала людские туфли, на одной из которых не было каблука. Волосы на полголовы Верява выкрасила сажей, лицо выбелила тальком.

Пришёл на собрание и закадычный друг Лешего Домовой по прозвищу Квартирный. От него старичок узнаёт все подробности о людской жизни. Частенько за последние сто лет он стал заглядывать к нему, да всё с неу-

тешительными вестями. Жалуется на то, что люди совсем перестали уважать и ценить его заботу об их жилище. Да что там его! Друг друга перестали уважать. Дети не слушаются взрослых, грубят родителям.

Ценности у людей поменялись, многие машины заимели. Нельзя на улицу выйти, шум, гам вокруг, и от выхлопных газов автомобилей можно задохнуться. Сигнализация срабатывает на машинах и в магазинах, то и дело будит по ночам, совсем не стал высыпаться, никакого покоя нет старичку.

Пока не началось собрание, Верява в ответ посетовала на свои проблемы: вот уже и сажи не стало хватать, чтобы все волосы на голове покрасить. Люди на заводские трубы фильтры установили, да и многие заводы остановились, не работают. Домовой не дал ей дожаловаться и пригласил почаще приходить к нему в гости, чтобы загорать под выхлопными газами и копотью машин. Идея эта ей очень не понравилась, и она оставила Квартирного в покое.

Все собрания, конечно же, начинал Леший. Он посетовал на то, что нет у людей твёрдого слова, не держат они своих обещаний, пускают слова на ветер. Всё говорили, что вроде бы заказник организовывают – «Сестрорецкий разлив», две тысячи гектаров обещали под него отвести, а сами отдают часть территории под застройку коттеджного посёлка. Вот и верь после этого людям и их обещаниям.

Поддержал его Водяной по прозвищу Мокрый. Напомнил, что ещё в 1723 году люди сами без его подсказки подпрудили речку Сестру, построили на ней плотину. Вот тогда-то и образовалось озеро Разлив. Обрадовался Водяной, посоветовал грунтовым водам, которые в этом месте залегают и так высоко, по сообщающимся сосудам объединить воды в междуречье близ текущих рек. От этого они поднимутся ещё выше и образуют болото в низовьях рек Чёрной и Сестры. Благо люди сами без его просьбы помогли в этом задуманном деле.

По душе пришлось Водяному это место, и украсил он его сотканным невиданной красоты ковром. С северо-восточной стороны по окрайке болота берёзово-сосновым лесочком с вереском да водяникой прикрыл, чтобы не было видно осоково-сфагновую топь с сabelьником и вахтой, а дальше пушицей да

кассандрой затянул, кое-где клюкву разбросал. Вдоль же речки Чёрной берёзовые колки оставил, лишь вкрапил кое-где чёрную ольху. Берега и вовсе тростником, сабельником да пузырчаткой украсил. В самом центре болота разместил редкий соснячок в окружении пушицы да хвощово-осоково-сабельниковой топи. Даже капризным ондатрам угодил – понастроили они здесь хатки себе.

С запада Водяной обводнил и разукрасил берега и болото на фоне зелени хвоща, осоки да вахты белоснежными цветами белокрыльника и очеретника белого. Немного подустал от своего творчества, поэтому дальше к югу всё сплошным изумрудным моховым покрывалом покрыл. Правда, с мочажинами – окнами открытой воды в местах разрыва торфяной массы – плоховато вышло, не хватило силёнок: только шейхцерией болотной да осокой топяной немного воду прикрыл, маленькими уж больно мочажины получились да редкими, зато не забыл и про острова.

На самом озере Разлив и вовсе постарался, разошёлся «дизайнер». Принарядил его растениями, какими только смог: и плавающими на поверхности воды, и погружёнными в воду, и воздушно-водными. Здесь тебе и рдест плавающий, и кувшинки с кубышками, и горец водный – красота неопишная.

Всё это великолепие сделал для птиц. Раньше любили здесь гнездиться песчанки, утки, петушковые, ржанкообразные. Даже совы и дятлы приживались, а кукушки своими возгласами радовали слух. А теперь... да какое там, толпы людей приходят на отдых. Пугают птиц, нарушают их покой. Многие пернатые переселили свои гнёзда в болота, подальше от озера, чтобы их не беспокоили. Лишь ночами прилетают на него кормиться.

Посетовал, что губят люди уникальное озеро и болото. И как только у них на это рука поднимается? Сколько стараний он приложил, чтобы создать такой уникум, а теперь всё на смарку. Вот и Берендей так хорошо помог с семенами растений да уходом за всходами молодой поросли...

Тут взял слово Домовой и объяснил, что депутаты законодательного собрания решили отвести часть санитарной зоны Юнтоловского заказника под малоэтажное строительство: «Но не верится мне, что захотят люди жить на

болоте в частных домах, где подвалы будут заливаться водой, а сырость навсегда поселится в комнатах. Огороды же будут затопляться грунтовыми водами.

Лукавят люди: сами сразу же проведут мелиорацию вод, вытопчут всю растительность вокруг, кострища будут жечь, шашлыки жарить. Новосёлы, поселившиеся здесь, постараются уничтожить остальную флору и фауну. А ведь у нас гнездятся редкие виды птиц и произрастают эндемичные растения.

Это для людей санитарная зона, а для нас это родимый дом. Ладно, всю живность в городе уже загубили, так дальше пошли, совсем неймётся им. Ведь с такой большой территории очень тяжело переселить всех лесных обитателей».

Опять взял слово Леший и сказал о том, что так можно говорить до бесконечности. Нужно принять решение, куда же всё-таки будем отселять осёдлых птиц и животных с занятой людьми территории. Это ведь не только с территории «Сестрорецкого разлива», но и из санитарной зоны Юнтоловского заказника.

Спор был долгим, но потом все окончательно решили, что больше всего для переселения подходит заказник «Раковые озёра», так как он более удалён от больших людских населённых пунктов и имеет достаточную территорию. Леший обещал встретиться с лесной братией того заказника и попросить, чтобы приняли переселенцев с почестями, не обидели, ведь им и так тяжело приживаться на новом месте.

Норка с сыночком поспешили к машине. Дети уже ждали их и очень волновались. Но тут их окружила стая птиц, они о чём-то взволнованно кричали и не давали зверькам сесть в машину. Оказывается, птицы просили объяснить людям, что так бесцеремонно поступать с ними нельзя, что им тоже надо где-то жить. Они не зря называются оседлыми: они не улетают на зиму в тёплые края и имеют здесь свою территорию, свой дом. Если отселять их в заказник «Раковые озёра», то там будет перенаселение и нехватка пищи и территории для перелётных птиц, останавливающихся в сезон миграции. Вот если бы людей так оставляли без жилья, как бы они на это посмотрели?

Птицы услышали обещание Норки выполнить их просьбу и быстро улетели.

АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ

Рассказы

Про себя

*

Утро начинается со взгляда в окно, на питерские крыши, на небо, распахнутое над ними, на чаек, распластанных в нём. Утро приходит отражёнными звуками пролегающих вокруг и внизу улиц, запахом близкой и большой воды. И утро – оно всегда само по себе, как, впрочем, и любой другой шанс, выпавший тебе.

И утро – оно вне контекста. Как вне контекста и утренние мысли. Поэтому они и не суетливы, и даже неподвижны, да, да, именно так, - все утренние мысли неподвижны, как гранитные плиты мокрых набережных. Любые утренние мысли равны в своей неподвижности – мысли о блаженной прохладе чистых простыней, мысли, в которых тактильного много настолько, что почти не остаётся места для формулировок; уже абсолютно лишённые предметности мысли о вчерашней вечерней усталости; и утренние мысли о сексе ничего не предполагают настолько же, насколько ничего не определяют и утренние мысли о хлебе насущном. Всё ещё вне контекста. Просто крыши. Просто небо. Просто чайки. Просто мысли.

*

Я скучаю по безделью, по затяжному, как обложной дождь, пробуждению, по благодатному ощущению права на именно такое пробуждение. Скучаю по неторопливым глоткам первого утреннего кофе, настолько неторопливым, что кофе успевает остыть, пока я доберусь до половины бокала. Скучаю по неосмысленному перелистыванию страниц случайно оказавшейся под рукой книги. По долгим взглядам в окно, куда я перевожу взгляд, оторвавшись от ничего не говорящих мне строк и абзацев - и, - бог весть о чём я думаю тогда, глядя в окно, мне потом никогда не удавалось вспомнить этих неторопли-

вых утренних мыслей, и поэтому, видимо, эти мысли всегда о чём-то приятном. И, наверное, я скучаю именно об этом.

*

По утрам память выкидывает коленца наиболее изощённо. Как вывезет чего-нибудь этакое, так впору бывает только руками развести: и откуда что берётся? Впрочем, и возрасту, если он выражен хоть мало-мальски значимым числом, тоже надо отдать должное - худо-бедно, но он наделяет нас опытом отстранения. В том числе и отстранения от себя. С годами мы научаемся при необходимости смотреть на себя со стороны, пусть даже как на неприятного, но абсолютно не значимого для нас героя не нашего романа. Смещаем фокус. Тем и спасаемся. А крепкий кофе закрасит оптимизмом последние вопиющие детали (не потому ли я люблю его пить не из чашек-напёрстков, а большими бокалами?). Утренняя гимнастика души.

И начинаем осмыслять новые ракурсы, находить в них место для себя, втискивать себя в сегодня.

*

А сегодня – дождь. После недели жары, жары, ставшей за последние годы уже нормой для середины мая, наконец-то самый настоящий питерский дождь.

Я люблю просыпаться под его шум. Состояние какой-то ничем не мотивированной, растворённой в теле радости остаётся на целый день. (И даже выстрелы памяти в такие дни уходят в «молоко»).

Дождь

Зонты, разнообразие их цветов и размеров, шуршание струй по листве, смягчённые дождевой ретушью перспективы улиц.

И плацы проблем задёрнуты влажным тюлем.

И мокрые наряды, - о! - (но это стоит отдельного вечернего разговора в начале февраля).

Звуки шагов по мокрым тротуарам. Мне всегда казалось, что шаги под дождём, шаги по упавшему дождю, таят в своём звучании что-то от «шагов в вечность». Правда, что бы это услышать, ни в коем случае нельзя торопиться. И насчёт «шпилек» я не уверен. Впрочем, последнее наблюдение, возможно, и весьма субъективно.

*

А дни, бывает, тянутся. Иные вообще кажутся бесконечными, как зимняя бессонная ночь в плацкартном вагоне, - чужие мысли, шаги, чужие слова и чужое молчание.

*

вечер тихо роняет свои лепестки сиреневые спицы иллюзий вяжут из тонкой пряжи полуденные слова приходят посмотрятся в зеркала и тают паром над чашкой с крепким кофе ничто не вечно в такие вечера ничто в такие вечера не хочет быть вечным

*

Вечер, пожалуй, – это само Время, которому надоело валять дурака, подстраиваясь под нас, под наши заботы и планы, и вечерами оно само не прочь подурочиться над нами. К ночи эти забавы ему, как правило, надоедают, и тогда, порой, под занавес, оно материализует наши собственные тени...

Записки отпускника

Мне хочется, хотя бы месяц, не думать о плохом. И размышлять о трудном тоже не хочется. И здесь, в Солигорске, мне, петербуржцу, - это удаётся. И даже голос рассудка, говорящий мне в общем-то правильные вещи, что жизнь – она везде сложна, и что чудес не бывает, а есть только иллюзии, не в силах выдернуть меня из этого блаженного состояния. По крайней мере, до той поры, пока длится отпуск. А здесь он – длится, длится и длится.

Сторонний взгляд, рассеянный отпускной интерес – они, как выпавшие из детского конструктора лишние детали, лежат до поры, по-сверкивая цветом «ни пришей ни пристегни». Удивляющие элементы летней шарады. Солнечные «вещи в себе».

Окрашенные солнцем дни. Пляжное заб-

вение себя, с размытыми цветными видениями, скользящими по прикрытым векам, - видениями извне, принесёнными тёплыми ветрами. Их сюжеты легки и непостижимы. Пытаться их понять – это всё равно, что пытаться предугадать ежеминутные метаморфозы облака. На них нужно просто смотреть. И они, как облако, сами покажут то, что ты достоин увидеть. Не более. Но и не менее.

Прогулки по улицам незнакомого тебе города. Обживать его пространство, вписывая себя в его ландшафт, перспективы и горизонты. Увидеть себя, отражённым в его зеркалах. В его дворах услышать эхо своих шагов. И прислушавшись, понять, чего в этих звуках больше. Находить ракурсы для разных настроений и погод. Для разных времён года. Просеивать память в поисках аналогий. Тренировать мимические мышцы в поисках того прищуря, что оптимален для непривычных твоему взгляду полутонов.

Сосновый лес дышит в открытое окно. Как в детстве, в Карелии. И, как в детстве, по ночам ничего, кроме этого дыхания, не слышно. Планета вновь кажется огромной, а мир – понятным, и не таящим угроз. Я окунаюсь в безмятежность. Я позволяю себе какое-то время не мыслить сухими и плоскими категориями «или-или», становлюсь глух к хрипатым интонациям, сокрытым в словах «нужно» и «должен», не реагирую и на другие слова из этого же ряда. Единственное, что я должен – это обрести себя. Единственное, что мне для этого нужно - это настроить собственную душу в унисон с окутывающей меня, густой от соснового аромата, тишиной.

И сны. И каждый сон – как летний отпуск.

Фрагмент (весенний)

Окна уже не «можно открывать», а открывать надо. И солнце уже вторую неделю по утрам бликует со ската крыши соседнего флигеля. И чайки вернулись на утреннее небо. Сдаётся, что чайки – это единственные перелётные птицы у нас, зимой они редки, чего не скажешь про уток. Чайки... они тревожат, их крик настолько требователен и остр, что от него на ветках лопаются почки.

А вчера, гуляя, мы видели бобра. Он, весь в своих заботах, плыл по Смоленке, не отвлекаясь на нас, на наше шумное удивление в его адрес. А на Елагином белки – как воробьи, на них не обращаешь уже внимания, ну разве что на некоторых взгляд останавливается - на тех, чей мех как самые глубокие тени на фотографиях Карла Буллы.

*

Сегодня мне снова снилась росомаха.

Я увидел её, глаза в глаза, более двадцати лет назад.

Меня в тот день, что называется, леший водил, я петлял, чуть ли не круги выписывал меж двух водоразделов, идущими параллельными рядами гранитных скальных обнажений. Надо было просто перевалить через один из них. Через северный. Разумом я это понимал, но вновь и вновь оказывался где-то около срединной болотины. Здесь, в молодом и каком-то дурнотном ельнике, мы и столкнулись с ней. Столкнулись, как два путника, и, лишь на мгновение замедлив шаги, как путники, разошлись. Она стала спускаться к болотам, а я пошёл напрямик к северному перевалу. До него, как оказалось, было рукой подать.

Более двадцати лет прошло. А снится она мне стала в эти две последние недели.

*

дневные сны песчаны они шершаво шепчут по сетчатке и морские раковины наполнены ими они появляются в полдень на крыльях стрекоз и обживают моё тело гасят мой голос они заносят меня а ближе к вечеру уходят сквозь пальцы

О солнце, чтении и пневмонии

У кого как, но моё детство уходит по индейским тропам. Над ним шумят кронами вечнозелёных сосен упругие охотничьи ветра. Оно уходит бесследно, бесшумно раздвигая ветви тронутого осенней желтизной подлеска. Оно уходит, я это знаю, навсегда. И вслед, на серебристых паутинках, летят иллюзии.

Но четверть века, разделяющие нас, бесильны перед тонированной в цвет летних сумерек линзой памяти. Видна каждая улыбка.

И, более того, слышны ответы на вопросы, которые я сегодняшней обращаю в прошлое. Мы разговариваем каждый день. Это привычка, это потребность, возникшие уже давно. Без этих диалогов я становлюсь хуже.

Я был болезненным ребёнком. И благодаря этому, моё детство было счастливым. Такое бывает. Из-за постоянных моих пневмоний родители от отчаяния во втором классе отвели меня в бассейн, и я много лет занимался плаванием, что закончилось получением «корочек» лёгкого водолаза (дайвинг как понятие тогда ещё и известен не был). «Корочки» за ненадобностью давно потерялись, и устойчивая аллергия на хлорку осталась единственным вещественным напоминанием о том периоде.

Пневмония. Если бы не она, наверняка моё детство было бы менее ярким. Незначительный озноб, «чахоточный румянец» и небольшое повышение температуры переносились легко, но из-за них летние каникулы для меня начинались уже в середине марта, - обострения приходили ранней весной. И – «Прощай, школа»!

Апрель проходил в пустых надеждах, которые мама возлагала на «антибиотики внутримышечно» (она у меня медик, колола сама), и в борьбе с моим запойным ночным чтением. Читал я всё. Бессистемно. И только вне программы. Годам к двенадцати, например, имел достаточно ясное представление о классической французской литературе. Сегодня, к слову сказать, не имею никакого, даже смутного. Так вот, надежды на медикаменты из года в год истаявали к концу апреля, и с ними вместе в лесах сходил снег.

В деревню!

Именно потому, что я был ребёнком «хворым», я и узнал природу. Каждый год на несколько месяцев меня отвозили в карельские леса. Дядька, «матерщинник и крамольник», работал лесником, а по совместительству был ещё и браконьером. Впрочем, в зависимости от сезона, это могло быть и наоборот. «Чтобы я, живя в лесу, и мяса свежего не ел?!» - это его аргумент, против которого и возразить нечего, особенно если вспомнить прилавки магазинов той поры (70-е года прошлого века). Не забыть его выражение «ухайдакал» как си-

ноним слова «добыл». Героем для меня он не был, но легендарный Буффало Билл, невзирая на раскрученный вестернами «винчестер», явно уступает в охотничьих доблестях Виктору Иванову (так звали моего дядьку) с его «тулкой». Это ружьё было куплено им с рук за сорок рублей. До сих пор помню его цевье, перемотанное синей изоляцией, его тяжесть и отдачу от выстрела. И этот опыт пришёл ко мне раньше, чем представление о французской литературе. А ножи дядька делал из полотен вышедших из употребления кос.

И Фенимор Купер, благодаря дядьке, воспринимался совсем иначе, чем в городе. Качу, например, на велосипеде на рыбалку на дальнее лесное озеро, километров восемь до него, лесная, ещё финская, дорога. Больше половины пути уже отмотал, кругом лес, погранзона, «чужие здесь не ходят». И вот дорогу пересекает черта, от края до края. И я понимаю, что это следопыт Иванов её провёл, желая знать, когда он будет возвращаться, на рыбалке я ещё или переехал эту черту уже дважды. Кожаный Чулок и могикане обретали плоть. Тексты переставали быть вымыслом.

А ещё черта поперёк дороги говорила о заботе.

В лесу мне не было страшно. Позже, в юности, я мог пропадать на озёрах по нескольку суток. И никого не смущало, что ни палатки, ни еды я с собой не брал. Как-то приехавшая в отпуск мама, не привыкшая к таким отлучкам её болезненного городского ребёнка, с тревогой спросила дядьку, мол, а вдруг дождь. Ответ сурового жителя приграничья был краток и весом: «Под ёлкой переждёт». Летом я не болел.

Окончательно пневмония ушла сразу после получения мной аттестата о среднем образовании. Но это, как принято говорить, «совсем другая история».

Детство оставило после себя любовь к природе, к чтению, к слову. И ещё от детства осталось солнечное ощущение свободы и счастья. И каждый раз, вспоминая те годы, я греюсь в его лучах.

Я заглядываю в этот солярий каждый день.

Лики времени, лики памяти

Человек по своей природе консервативен. Привычка для нас действительно, как вторая натура. Мы обставляем свою жизнь собственными маленькими благоприобретёнными ритуалами, защищаясь ими, как щитом, от сурпризов изменчивого мира. Привычки вносят в нашу жизнь элемент осмысленности, надёжности. Чтобы ни случилось, но - для кого чашка крепкого кофе поутру, для кого сигарета на тошак, и мир принимает знакомые черты. А привычное не может таить угрозы, и, одним словом, жизнь продолжается, какой бы кризис не обрушивал бы биржи.

У каждого есть любимая погода, любимое время года и суток, есть излюбленные маршруты прогулок, даже если это всего лишь путь «на», и «с» работы. Они привычны, эти ежедневные будничные пути. Их прелесть в том, что они «исповедимы на все сто», нас ничто не отвлекает, ничто не колет глаз, пейзаж обыден. Всё как всегда. Мы идём почти на автопилоте, утром настраиваясь на рабочую суету, вечером релаксируя.

Прогулки. Любителям этого вида отдыха, как правило, свойственна некоторая сентиментальность. Излюбленные маршруты - это, если разобраться, чередование линий зданий, элементов их архитектуры, оазисов островков зелени и обрывков воспоминаний, связанных со всем этим, вкраплённых в пейзаж. Гуляя, человек возвращается в своё прошлое, - а что может быть столь же неизменным, более неподвластным течению Времени, чем давно прошедшее. С годами оно, как старое вино, становится только лучше, приобретая черты идеального.

Но в последнее время - и я это по себе знаю - в таких прогулках появляется что-то новое, это становится уже тенденцией. Нет, память не стала подводить. Всё чаще нить воспоминаний рвётся, когда вместо уютного уголка, куда, например, ты ещё на школьной перемене бегал покурить, громоздится забор, означающий снос, исчезновение очередного маркера твоего прошлого. И ты чувствуешь себя обворованным. Начинаешь злиться, и от благостного настроения тоже остаются только руины, как за этим чёртовым забором. И чтобы потом ни выросло на стройплощадке, оно,

скорее всего, будет нас всегда раздражать. Оно будет для нас чуждым. Оно будет уже из чьей-то чужой жизни и чужой памяти. И уже навсегда.

Для меня, например, шоком было в первый раз увидеть огромные площади намывных территорий за гостиницей «Прибалтийская». Огромные площади. Ещё год – другой, и здесь уже не позагорать. А я ведь помню, как от самой улицы Кораблестроителей и до берега залива были сплошные джунгли. Правда-правда! Пройти можно было только по петляющим тропинкам. Зайцы бегали. А по весне было много жаворонков. Вечерняя пробежка из фильма «Осенний марафон» - по этим местам. А по берегу, помню, лежало много известняковых плит с фрагментами окаменелостей. Трилобиты! И куда они делись потом – ума не приложу. Специально ведь ходил, хотел отыскать хоть одну плиту – нету! Они остались только в моей памяти. Стали окаменелостями вдвойне....

Наша консервативность несёт в себе изрядную долю эгоистичности. Можно находить отдохновение в прошлом, в ностальгировании на тему «как будто бы и не было этих лет» (но они – были, были). Можно пытаться жить в музее. Но в таком случае не стоит удивляться тому, что и тебя самого начнут воспринимать его пыльным экспонатом.

«Другие времена» приходят с каждым рассветом. И, слава богу, что течение времени стало ощущаться зримо, стало оставлять характерные, присущие только ему, приметы. Время сдвинулось. Оно открывает нам новые перспективы. Намывает территории для будущего (это метафора, конечно). Мы современники настоящего.

Нам многое может в нём не нравиться. И многое действительно достойно критики. Но эти строки не о нарушении высотного регламента. Меня искренне удивляло и удивляет до сих пор, что такие исторические персонажи как, например, Николай Гумилёв или как Ахматова, - именно те, чьё творчество для нас ассоциативно связано, неотделимо от эпохи, оставившей после себя в архитектуре стиль модерн, - отзывались об этом стиле исключительно пренебрежительно, даже негативно. Это, с одной стороны, весьма странно и удивительно, но, с другой стороны, весьма пока-

зательно и характерно. Мы по природе своей консервативны.

Поэтому сейчас на прогулки я всегда беру с собой фотокамеру. Я оцифровываю собственную память, овеществляю её. В таком виде её никто не обнесёт забором и не подвергнет капитальной реконструкции. Разве что только в Фотошопе.

Но куда всё-таки делись трилобиты?

У черты прибоя

Мы сидим на берегу вечности. Наши письма – на песке. И вся наша история – от черты прибоя.

Но так ли она коротка на самом деле? И что такое вообще «наша» история?

Рассуждая о ней, мы, в той или иной степени подразумеваем преемственность событий, их обязательную взаимосвязь. Или, по крайней мере, сводимость множества отдельных нитей к единому узлу под названием «сегодня». Или «завтра», - впрочем, это больше относится к футурологам.

Мы, казалось бы, искренне хотим знать своё прошлое. Но...

«Запрещённая археология». Сам термин говорит о многом. И о косности академической исторической науки – в первую очередь. Можно учреждать сколь угодно много комиссий по борьбе с лженаукой, как это стараются сейчас сделать в Российской Академии Наук, - но карта адмирала Пири Рейса, известная с 1513 года, и являющаяся копией с ещё более раннего оригинала, от этого не станет современной подделкой, и с неё не исчезнет антарктический материк. Недовольство фактом её существования – есть признак слабости, а игнорирование этого факта – есть признак глупости.

И артефактов подобного рода – не счесть. И для многих из них термин «древность», мягко говоря, не точен.

Мы сидим на берегу вечности. Наши города – из песка.

Говорить об истории Человечества – это говорить о Разуме на нашей планете. И мы – не первые его носители. Именно об этом говорят артефакты.

И глядя в звёздное небо, на эти колкие крохотные точки, мы знаем, что «где-то там»,

возле одной, или некоторых из них, Природа, в своём непрекращающемся развитии, создала «братьев по разуму». Мы это именно знаем. Иначе к чему мы нацеливаем в космические бездны антенны? Мы знаем, что мы не одиноки, и поэтому внимательно прислушиваемся к космическим шумам.

Но и взглядыываясь в прошлое собственной планеты, мы скоро поймём, что и в бездне времён на ней неоднократно вспыхивал Разум.

Мы не связаны с прошлым кровно. Наша связь глубже. Наша история – это история островов, разбросанных в океане Вечности. И мы – на берегу одного из них.

*

Времена не выбирают. Да. Каждый живёт в своём.

Время индивидуально, как цвет наших глаз, оно наполнено разными смыслами и свойствами. У одного оно густое от событий и имён, насыщено памятью, как детский калейдоскоп разноцветными стекляшками, оно пронизано запахами яростного, беззаботного и очень плотского мира, оно материально и весома, его можно дегустировать, им можно наслаждаться и с ним можно даже не совладать, и, не вместив его в себя, задохнуться, как от штормового ветра. У другого же оно как снулая рыба.

*

Зимой меня часто посещает мысль, что «порою Брейгель прилетает в Петербург. Инкогнито. На лайнере «Люфтганзы». И оставливается наверняка где-то на Васильевском острове. Но никак не могу вычислить где именно.

Не могу определить, из какого конкретно окна он смотрел на эти, как будто выточенные из хрупкой печали, ветви. Они узнаваемы до боли своими изломами и застуженной наготой. Или пытаюсь догадаться, гуляя по каким именно заснеженным дорожкам Смоленского кладбища, он их увидел. И никак не могу этого разгадать. Но они где-то здесь, они знакомы мне не только по его холстам.

И фигурки людей... Вот они совсем отсюда. Гнёт серых небес на их спинах. Это вечное, сутулое ожидание непогоды, изматывающего ли осеннего затяжного дождя, или зимнего тя-

жёлого снегопада.

Нет, он определённо бывает в Петербурге. И непременно зимой.

Внутренняя Монголия

Грядущее беззвучно, даже немо, оно само – обращённый в сегодня слух. Оно так зависимо от наших слов, и потому внимательно их запоминает, фиксирует. Но когда восходят февральские волчьи звёзды, и колючие метели вытесняют с улиц вечернюю суету, и мой слух становится чуток.

Я слышу голоса пустынь, в барханах которых заблудились тысячелетия. Я слышу никогда никем не произнесённые слова, слова, не знавшие тепла гортани, её трепета... И только растёртый в пыль кварц шепчет и шепчет их в своих вечных играх с седыми от солнца и созвездий ветрами.

*

История не заканчивается никогда. По крайней мере, она не заканчивается, пока существуют те, кто её делает. Или даже – пока есть те, кто собственной кожей ощущают её течение. История просто есть, как есть род человеческий.

В России можно жить только с ощущением того, что ты бессмертен. Что болезни и старость – они эфемерны, как и все остальные придуманные ужасы Хичкока. А в твоей жизни, - безусловно созданной для солнечного счастья, - места им нет.

Бессилие

Время многолико. И у него много зеркал.

Есть мутные. Они из дребезжащей меди, или старого стекла с подтёками, с лишаями отслоившейся амальгамы, в оправе из траченного ржавью железа. Они - для мистиков и оптимистов.

Есть лёгкие – в цветных пластмассах, на июльский день.

А есть и такие, из острой, как зубная боль, полированной стали, - в такое долго не помотришь, его не удержать. В такое я заглянул на днях.

Я увидел в нём маму. Мою старенькую маму. Как уточка идущую.

*

«Чувство возраста»... Наверное, пока ты сравниваешь себя с окружающими – это не оно. Я думаю, что оно – вне зависимости от окружающих должно возникнуть. Наверное, для его опознавания достаточно будет себя одного, - наверное, в этом оно очень эгоистично.

А вообще – чёрт его знает.

Странно – как тянулось время в детстве. Это что-то невероятное даже – как оно было тогда тягуче. И воздух, которым я тогда дышал, был густ от него, иногда даже до невозможности густ, потому что - ну невозможно же дышать мёдом! И оно было тактильно осязаемо, - его холод болезненно, частенько до слёз, колот меня зимой, а летом время во все стороны разбрасывало свои острые стёкла и лезвия, и они таились в прибрежной воде, или ждали моих ладоней в траве и раз за разом резали их и мои пальцы. Во что бы я ни играл летом, ладони постоянно испытывали отточенные прикосновения времени, и глубокие зудящие порезы сопровождали меня до юности, - многие из них читаются и сегодня, и, наверное, могут смутить своим узором хироманта. Впрочем, что это за линия жизни без следов порезов?

А потом со временем что-то стало происходить. Оно вдруг перестало навязчиво напоминать о себе каждую минуту, каждый час, каждый день. Оно просто впустило меня в себя, я вошёл в него, как входят в вагон, и вагон тронулся. И с этого момента – только мелькание пейзажей за окном, мороки бессонниц, бесконечно повторяющаяся смена времён года, ярко освещённые вокзалы, остановки на которых отмечены встречами, событиями, или просто запомнившимся навсегда витражом на циферблате вокзальных часов. И вновь перестук на стыках и новые пейзажи... Но когда-то же это движение закончится. Мне отчётливо видится этот тупик с классической балкой поперёк путей. И безлюдный пыльник, уходящий вдаль. И по нему, всё-таки, надо будет, наверное, идти одному, даже если идёшь с кем то, - потому что чувство возраста, наверное, действительно эгоистично.

А пока – пейзажи. Сегодня их ретуширует дождь.

Dolce Vita

Баба Надя была уже старенькая совсем, - хорошо за восемьдесят, - но всё продолжала суетиться по хозяйству. Скорее, впрочем, придерживаясь ритуала, - в «хозяйстве» несколько лет уже и кошки не водилось, за собой бы присмотреть. Но картошка на трёх сотках всегда была вовремя окучена и выкопана, и дрова на зиму припасены. Она любила этим похвастаться перед часто навещавшими её детьми, приезжавшими к ней из далёких городов. Дети знали, что картошка и дрова – это исключительно заслуга Красенького, но держали свою осведомлённость при себе.

Красенький.

Он был на пару лет старше бабы Нади, но вплоть до последнего времени держался молодцом, невзирая даже на свою, считай уже извечную, тягу к дешёвому пойлу, любовно называемому им «красенькое», за что и получил это прозвище, прилипшее к нему навсегда. Он сватался к ней, ещё задолго до войны, - но до околицы она гуляла не с ним, не с ним и детей завела, и тоже – ещё до войны. На ту войну в один день ушли и её муж, и Красенький (или как его тогда звали? Говорят, что прикладываться-то он начал сразу после её свадьбы). Вернулся один Красенький.

А она за войну совсем перегорела, в одиночку троих детей поднимая, до срока став бабой Надей. Порой, перебрав, он подбивал к ней клинья ещё долго, и о каждом таком сватовстве деревня была информирована истошными матюгами бабы Нади. Но по хозяйству он ей помогал всегда, а в последние лет десять – так и вовсе тащил его на себе. Так они и жили. Вдовая и бобыль.

А недавно дочка решила-таки забрать бабу Надю к себе в город. Она и раньше пыривалась, но та – ни в какую. Но если в прошлые разы находились какие-то причины: боров там «смотри, какой будет» или картошка уродилась на славу – отдавать жаль, то теперь-то – что? Но всё равно пришлось звать Красенького. Он и уговорил.

Я видел эти проводы - как раз выбрался в те края на осеннего налима.

Старик долго стоял у дороги, глядя в дождь.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Дом, где я умер

Повесть

*В поте – пишуций, в поте – паиуций!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляиуций, –
Дуновение вдохновения!*
М. Цветаева

*Сочинитель сочинял,
А в углу сундук стоял.
Сочинитель не видал,
Спотыкнулся и упал.*
Л. Толстой (?)
Фольклор (?)

Глава 1 Свидетель крещения Руси

Сознание возвращалось урывками. Ему будто бы позволяли глянуть на свет Божий из наглухо зашторенной незнакомой комнаты поочередно через разные дырки в бесцветной шершавой гардине. Место, где ткань расплзлась от ветхости и обнадеживающе просвечивала серым, вдруг само наплывало на его испуганные глаза – и тогда можно было на мгновение почти четко увидеть застывшую картинку, сначала похожую на неудачную случайную фотографию. Но сразу становилось ясно, что это никакая не фотография, а некрасиво застывший кадр любительского фильма – и его запускали вновь безо всяких просьб до поры до времени молчаливого зрительного зала. Так мелькнули стертые за полтора века до опасной гладкости ступени родного дома – только не внизу, под привычно шагавшими ногами в серых кроссовках, а прямо перед глазами, будто лестница, на секунду вообразив себя стеной, по чьей-то чудовищной воле поднялась вертикально. По ступеням почему-то бойко топали вверх, вместо обутых ног, заскоружло окровавленные руки – его собственные, потому что серебряный перстень-печатка с

упрямо вставшим на дыбы черненым Пегагом ритмично мелькал на левом безымянном пальце. Когда руки благополучно, хотя и с мучительными перерывами, добрались до пункта назначения, а именно – обитой вагонкой двери, гардина вдруг без предупреждения бесшумно поехала вбок. Наплыло другое рваное отверстие, в котором оказалось сперва плоское и бледное, но быстро ожившее и выпучившее блеклые глаза хорошо знакомое лицо доброй соседки-старушенции, немедленно захлопавшее беззубым рыбьим ртом. Хотя кино крутили явно немое, с нелепыми подпрыгиваньями героев, он отчетливо услышал старушкин парадоксально оперный голос, сразу густо запевший, будто начало трагической арии: «Василь Саныч... Господи... Что ж это...» – но тут опять вступила в дело рваная штора, пыльно бухнувшаяся между ними, как театральный занавес в конце четвертого акта трагедии, и он вновь оказался в душном плену не то одиночной камеры, не то... Самого себя! Один смутный толчок крови в голову – и он осознал, что заперт всего лишь в собственном теле, и уж два-то окна наружу у него совершенно точно имеются! Поэт открыл глаза и увидел традиционный белый потолок.

«Больница», - бесстрастно и бессловесно,

каким-то гораздо более быстрым и доходчивым способом констатировал кто-то извне. И Поэт в то же мгновение расколдовался. Повезло все-таки, подумалось ему: ведь, когда полз по ступенькам вверх, то ускользящим, как детские санки с горки, сознанием понимал, что сил дотянуться до звонка двери на первом этаже уже не хватит. Бесконечно длинные минуты преодолевая до тех пор и вовсе ни разу по-настоящему не замеченную куцую лесенку, успел смириться с тем, что это – смерть. Знал, что и ползет-то чудом, потому что голова, скорей всего, проломлена, и там уже осколки костей, наверное, смешались с его еще теплой кровью – ведь били-то отморозки, кажется монтировкой. Не больно вовсе: вошел в свой родной питерский подъезд, за всю жизнь единственный, и даже дверь, не глядя, кому-то за собой придержал по привычке; потом – мгновенный яркий всполох не в глазах, а где-то внутри, во тьме черепа – и все. Очнувшись лицом в побитые метлахские плитки, засохшая кровь стянула кожу, запаяла глаза. Кое-как разодрал их, с корнем вырывая присохшие ресницы, и – воспоминание в воспоминании, как желток в яйце: в детстве болел гнойным конъюнктивитом, и вот точно так же по утрам нельзя было раскрыть намертво, как створки ракушки на заливе, склеенные веки... Что умрет, не сомневался, поэтому, когда полз, если и думал о чем, так об одном: достал, значит, все-таки, кого-то из них стихами своими, в самую точку попал – не снесли; не зря погибал, с честью... И, кстати, в тридцать семь, как по профессии положено.

Но ничего – выходит, еще поборемся? Залатали, значит, доктора череп-то пробитый? Поэт дерзнул немного повернуть голову на подушке, и предположения сразу с поспешной готовностью подтвердились: он увидел изящную бездействующую капельницу и металлическое изножье казенной кровати. Поскольку нигде пока не заболело, он деликатно поерзал на ложе, смутно предчувствуя угрожающе-ржавый скрип древней, как кольчуга витязя, панцирной сетки, и уже представил себе, что вот сейчас она бурно заколышется под ним, будто резиновый матрац, испустивший дух

прямо на глади морской – тоже одно из страшных детских воспоминаний, восходящих аж к самому Артеку, – но ничего подобного не случилось. Больничная койка оказалась спокойной, прямой, в меру мягкой и гораздо более удобной, чем их с Валею по нынешним миллениумным временам уже антикварная, вся в жестких ямах, супружеская кровать, на которой в свое время родители его и зачали в самую первую свою брачную ночь... Валя! Поэт непроизвольно схватился за голову обеими руками, мимоходом обнаружив, что голова плотно забинтована – но это, как нечто само собой разумеющееся, проплыло как-то сбоку вполне проснувшегося сознания, а главным стало внезапное острое воспоминание о семье. Валя и Доля (семь лет назад он сдуру не воспротивился затейливому желанию жены назвать новорожденную дочку испанским именем Долорес в честь героини какого-то не замеченного им, но важного в ее жизни телесериала) сейчас, должно быть, сидят, игнорируемые бело-зеленым персоналом, в длинном негостеприимном коридоре – потому что девочку, разумеется, не с кем оставить в трудный час. Он отчетливо представил, как Валя, всегда молчаливая в минуты волнения, неудержимо трепещет всем своим гибким осиновым телом, а человеческого в ней осталось – только два огромных, светло-карих и мокрых, как аквариумные рыбки, глаза, словно бы без лица, а на тонких дрожащих ниточках. Был бы не поэт, а художник-импрессионист – так «портрет жены художника» он бы написал именно так, пикассисто. Только таким он внутренне видел подлинный образ жены, иначе он свою Валу в ее отсутствие и представить не мог.

Нет, голова все-таки побаливала. Вернее, в ней ощущалось что-то похожее на ленивое перекачивание тяжелых железных шаров, поэтому подымался Поэт со всеми необходимыми предосторожностями. На полпути заметил прямо над собой в прямом смысле палочку-выручалочку, то есть, надежную перекладину, специально предназначенную, чтобы ослабленному больному удобно было хвататься при вставании. Он и схватился, привычно подтянулся, вновь испытав дежа-вю (ну да, конечно, ничего страшного: турник в школь-

ном спортзале), только тогда огляделся как следует – и ошеломленно присвистнул.

Вместо ожидаемой облезлой мужской восьми-шестнадцатиместной палаты с облупленными зелеными стенами, увечными тумбочками, голыми, как лишенные ресниц глаза, окнами, и небритыми мужиками в дешевых спортивных костюмах, он увидел уютный одноместный номер вовсе не последнего разряда гостиницы. То, что это все-таки не гостиница, а больница, можно было понять только по вполне дружелюбной, знакомой уже капельнице и огромной чистой медицинской кровати, назвать которую неприятным казематным словом «койка» не поворачивался даже тот невидимый, но очень внятный язык, расположенный не во рту, а в сознании. Сквозь полупрозрачные успокаивающе зеленые занавески мягко тек рассеянный дневной свет. Пол перед кроватью застилал зеленый же, но темный, пригласительно мягкий коврик, два пустых кресла коричневой кожи выглядели так заманчиво, что хотелось немедленно опробовать их своим непривычным к буржуазной роскоши седалищем. «Вот именно – буржуазной! – обидчиво пронеслось у него. – Буржуйская палата, вот что. Как для куркуля какого-нибудь... И как только меня сюда угораздило? Что за дела такие?» Но думал он не более минуты, и решение пришло быстрое и исчерпывающее, в одном слове: покупают. Когда узнали, что недобили, откупились от Вали – сунули в какую-нибудь платную клинику, чтоб задобрить наперед, рот ему заткнуть... Не дождутся, вражья сила... У него уже и сейчас там где-то, на задворках мысли, бурлят, ищут выхода еще не оперившиеся строчки... Гляди, Р-россия на та-та ублюдков... Тут где-то крутятся – и очень подходят – лизоблюды, но тогда ублюдки уже автоматически превращаются в верблюдов каких-то, а это явно не вяжется... Может, пусть будут лизоблюдки – в смысле, бабы? Их сейчас и в политике, и в бизнесе тем более, развелось, как мух в солдатском сортире... Так, ладно, об этом подумаем позже, когда голова станет пояснее, может, и верблюды подойдут. А пока – срочно вызвать Валю и сказать ей, чтобы немедленно прекращала этот цирк с отдельной палатой – кто бы ей ни

посулил золотые горы – и везла бы его домой поскорее, там уж и сам как-нибудь долечится. Поэты – настоящие, имеется в виду – не продаются и не покупаются. Знала десять лет назад, за кого выходит. Предупреждал.

Он кое-как выбрался из-под легкого, соблазнительного, как девушка, одеяла, свесил голые ноги в мятом густом меху, подивился их тощей жалкости и, экономя силы и дыхание, все еще боясь каких-нибудь болезненных неожиданностей, в несколько приемов сполз ступнями на ковер, обуви не обнаружил, во все этим обстоятельством не смутился – и заковылял к туманному зеркалу в раме, как у музейной картины: надо же было проверить, какой общий ущерб понес он вчера вечером в старинном гулком подъезде.

Ущерб оказался катастрофическим. Сначала Поэт себя как бы и вовсе не узнал – показалось, что из зеркала глядит его безжалостная карикатура, которую и с натяжкой дружеским шаржем не назовешь. Лицо одутловатое, будто пил неделю и не закусывал, под глазами дряблые сизые мешки, как под клювом голодного пеликана, все лицо, казалось, сначала расширилось, а потом размякло и потекло, подалось вниз... Вновь облившись варом ложной памяти, он понял, на кого убийственно похож: это же отец в конце своего шестого десятка, закруглить который достойным юбилеем ему так и не пришлось! А выглядел он этак плачевно не где-нибудь, а в дешевом, холодном и жестком, кумачом обтянутом гробу. Собственно, себя Поэт теперь узнал именно по этому семейному сходству...

Все выходило гораздо сложнее, чем сперва подсказал врожденный оптимизм. И, строго говоря, маячила не оперная, а всамделишная трагедия. Сердце неприятно, по-бабьи затрепетало, словно целиком превратившись в Валю. Ведь получалось, что, раз на лице отразились такие разрушительные изменения, значит, травма оказалась отнюдь не пустяковой, и не со вчерашнего вечера валялся он тут в расслаблении. А болел долго и нешуточно, месяц – самое малое, подвергся за время беспомощности не одной сложной, в святая святых – драгоценный мозг его – вторгшейся операции, неизвестно кем оплаченной и в какие по-

жизненные долги его, бесчувственного, ввергнувшей... Скорей инстинктом, чем догадкой и намерением, Поэт перенесся к высокому, зелению подернутому окну. Никакой зелени, кроме шторной, ему не полагалось сегодня: когда в свой подъезд последний раз входил, с удовольствием, помнится, бодро стопал с серых кроссовок первый долгожданный снежок. Теперь снег должен был уже густо лежать, сваявшимся покрывальцем... Да, там и в самом деле снег валил за окном: в широкой щели между занавесками на фоне какого-то слепого коричневого здания косо неслись, вовсю завихряясь и играючи, крупные новогодние снежинки. Действительно – выходило, что прошло около месяца. «Не так страшно, не так страшно, бывало с людьми и похуже, надо радоваться, что этим кончилось», - наскоро проведя этот нехитрый сеанс аутотренинга, Поэт натужно улыбнулся Судьбе и отодвинул послушную штору.

Первым звуком, донесшимся до него с момента возвращения, стал странный писк. Или, скорее, тонкий сип. И это, конечно, был не его красивый низкий раскатистый голос, словно специально предназначенный для чтения стихов со сцены, когда враги назло ему отключали микрофон. Потому что, если бы даже он захотел малодушно крикнуть «А-а-а!!!», то звук был бы подобен если и не трубе Иерихонской, то уж стекло в окне том задрожало бы обязательно. А тут точно хомячку дочкиному кормушка на лапу упала. Но звук упрямо рос и крепчал, заполнял собой всю его несчастную голову, вырывался за ее пределы, летел через приоткрытое окно прямо во двор института травматологии, мешался с яростно и весело мчавшимся в млечном воздухе тополиным пухом, застревал и терялся в густой, тяжелой, словно пудрой присыпанной листве древних, хрупких, но из гуманности не спиленных, а вместо этого профессионально подстриженных «а ля пирамидальные» больничных тополей.

Позади открывалась дверь, возникали дородные женские фигуры, слышались зауценно-ласковые голоса («А-а что это мы кричим? А-а теперь кричать уже не надо. А-а все уже позади. А-а вот и доктор уже идет»), его нежной

и мертвой хваткой сжимали умелые стальные руки, влекли к покинутому страшно белевшему ложу, неотвратимо заваливали туда, как жертвенного тельца на древнеиудейский алтарь, вроде бы заботливо укрывали, а на самом деле туго пеленали легким одеялом, так что и биться оказалось бесполезно, - а он все тоньше и пронзительней визжал, как под секирой, захлебывался невесть откуда взявшимися во все не скупыми мужскими, а бесполоыми проливными слезами беспробудного ужаса.

Настоящий, несомненно, мужчине принадлежавший голос положил конец возмутительному беспорядку:

- Ну, и что у нас здесь происходит?

Мелкий и щуплый, но даже на вид твердый, как дерево, туго-жилистый и оттого почти неподвластный времени мужчина средних лет, обладатель еще более низкого и звучного баса, чем тот, который помнил за собой Поэт в самом недалеком прошлом, непринужденно разметав мутные зеленые тени, предстал в традиционном белом халате перед страдальческим ложем. Все стихло кругом на миг, а затем послышался внятный ответ одной из медичек:

- Вот видите, не только проснулся, но уже ходит вовсю и буянит, еле унять смогли.

- Ладно, идите, сам разберусь, - и доктор сразу же был оставлен с больным тет-а-тет.

Первым делом он взял совсем сомлевшего после истерики Поэта жесткими холодными ладонями за щеки и деловито оттянул ему большими пальцами нижние веки. Заглянул под них странно выпуклыми бесцветными глазами с таким вниманием, будто там заключалась вся тайна жизни и смерти.

- Чего орали-то? – в его темно-голубой от сплошных крученых вен руке возник сияющий молоточек, тотчас заходивший вправо-влево. – Сюда смотрим. Теперь сюда. Еще раз. Так. - Молоточек исчез, остались только гипнотизирующие непрозрачные глаза с обильными сливочными белками. – Жалуетесь на что? Болит где-нибудь, спрашиваю?

Поэт промычал отрицательно, что абсолютно соответствовало истине.

- Действительность полностью осознаете?

Пациент печально гукнул в положительном смысле, но на этот раз доктору показалось мало:

- Так не пойдет. Имя-отчество свое не забыли? Дату рождения? Профессию?

- Стрижев... Василий Александрович... - голос свой он на сей раз узнал и сразу этим отрадным обстоятельством ободрился. – Года – девятьсот шестьдесят четвертого... Восьмого октября... Поэт я... - («Может, больше и не спросит, тогда про котельную не придется»).

- Все точно. Только – одна тысяча, - пришел непонятный ответ.

- А? – тоскливо переспросил Поэт.

- Одна тысяча девятьсот... и так далее. А то ишь – еще один свидетель крещения Руси объявился, - буркнул доктор безо всякой улыбки, и пациент не решился угодливо хмыкнуть на предполагаемую шутку, а вместо этого торопливо кивнул.

- Обстоятельства, при которых травму получили, помните? – уже мягче спросил врач.

- И рад бы забыть, - как мог мужественно, усмехнулся больной, поддавшись на более участливый тон. – Кровищи было... Глаза еле открыл... Думал, мозги наружу... Полз – уж ни на что не надеялся... - голос все-таки предательски дрогнул.

- Ну, ну, ну, - врач успокоительно похлопал Поэта по руке. – Мозги на своем месте остались. И работают нормально, как видите. Хуже было б, если б вы ничего не помнили. С амнезией ведь никогда не знаешь, чего ждать, а вы молодцом – после такого ударища-то! Швы, конечно, наложили – да это ж не смертельно. Теперь главное для вас лежать и отдыхать, о плохом не думать. Телевизора пока, извините, не могу позволить. Книг-газет – тоже. Спать, в основном, будете, уколы подделаем. С сотрясением мозга не шутят, даже когда так благополучно все выглядит.

«Ага, сейчас, сотрясение мозга... Провалился бы я с ним полгода без памяти, как же... Заливаешь, Гиппократ лупоглазый, тяжелого пациента расстраивать не хочешь... Благополучно – не фигу ж себе так врать... Ну да ладно, тебе по штату положено», - подумал, легко ухмыльнувшись, Поэт.

- И вставать не врите, - продолжал Лу-

поглазый. - Только когда за большое приспишит – это на судно нелегко делать, согласен. А малое пока – в «утку». Спасибо скажите, что мужик. Кнопка тут вот у вас, нажмете – подадут. Ну, и все остальное, само собой...

- А... жена... когда... Можно?... - робко вклинился в поток вольной докторской речи обманываемый пациент.

Врач глянул на часы:

- Теперь завтра. Домой я ее отправил, спать. Измучилась она тут у вас дежурить. Потерпите, все равно вечер уже.

Поэт прикрыл глаза, соглашаясь, - устал он, хотелось спать, а не задавать вопросы этому уверенному в своем превосходстве над ним (и в данный момент времени его, определенно, имеющему – вот что печально) двужилному мужичку. Подумал, гнездясь поуютнее, что завтра все и разъяснится наилучшим образом: Валя соврать не сумеет, даже если враги Отечества спросят у нее в лесной чаще дорогу на Москву, так что сразу выложит как миленькая – и что там за ушиб такой странный, с которым полгода бревном лежат в полном изумлении, да и про палату эту буржуинскую, кстати... Жену он давно не любил и не уважал, но умом понимал, что никакая другая с ним на свете не ужилась бы.

...В конце лета девяносто первого на площади за Казанским Собором, где с незапамятных времен исправно и незаметно функционировало троллейбусное кольцо семнадцатого маршрута, проходил еще один возбужденный митинг, отличавшийся от многих предыдущих тем, что именно на этом никому не грозили: очумевшие люди просто радовались и братались. «Победа!» - это слово реяло над толпой, как одно огромное знамя, затмевая мелкие триколоры местного значения, бойко плескавшиеся тут и там. В той странной толпе не крали кошельков, не лапали зазевавшихся бабёх и не употребляли ядерных тюркских заимствований. На пике своей обычно страшной пассионарности, народ в тот день выглядел вполне достойно и великодушно – впрочем, пассионарность победителя, получившего здесь, в Питере, победу абсолютно даром, и капли крови за нее не отдав, вероят-

но, коренным образом отличалась от таковой московской, оплаченной там молодой горячей кровью... А тут обошлось. Глухо говорили о какой-то танковой колонне, призванной раздавить все живое, но «остановленной» – кем и как? – под Гатчиной, с удовольствием вспоминали о двух бивуачных ночах у баррикад – с пламенными стихами, крепким кофе, бодрящими песнями, общемировым братством – и пугающе белым «Мерседесом», пожертвованным революционным краснопиджичником в одну из игрушечных баррикад. Все это здесь, в родном его городе, выглядело не более чем бездарной театральной постановкой, грустно размышлял молодой еще Поэт, протискиваясь к ступенькам, игравшим роль положенной любому спектаклю сцены. Но, во всяком случае, «держат и не пущат» его больше не удастся – это он понимал очень ясно, и в дополнение к мощному колоколу общей Победы звучал в нем еще и маленький частный колокольчик торжествующе-уверенного тона... Позади осталось приключившееся за восемь лет до того скандальное исключение из комсомола в Университете, повлекшее немедленное изгнание уже и из самой почтенной и многообещающей *alma mater*, что мгновенно перекрыло ему все дальнейшие дороги, кроме той, которую сразу предложил обрадованный отец.

Тот с самого начала не одобрял странные причуды сына-подростка, но до поры до времени сквозь черные от машинного масла трудовые пальцы смотрел на то, что тот кропает стишата в опрятный тайный блокнот. Думал – перебесится; не по подворотням шляется, где «три семерки» сызмальства хлещут, а по кружкам каким-то мудреным – и то хорошо. А Васька его взял, да и подал, никого не спросив, после школы документы в университет на филологический – туда, где лишь никчемным малеванным девкам-белоручкам место. Вынул было родитель армейский ремень с бронзовой пряжкой, чтоб по старой памяти мозги заблажившему чаду вправить через зад, да тот вдруг проявил дотолу не виданный норов – руку отцовскую перехватить посмел и глазами зазыркал.

- Ты вот что, батя, - сказал неожиданным

баском. – Ты ремень свой по назначению с сегодняшнего дня используй. Не то, не ровен час, и против тебя повернется...

Отец окинул нерешительным взглядом коренастую, крепко сшитую фигуру юноши, безошибочно определил, что силы неравны – и плюнул:

- Ладно, мне-то что. Я как лучше хотел, чтоб разом, чтоб ты зазря не мучился. Теперь жизнь сама тебе зубенки повышибет – ишь, ощерился. Но только учти, студент гребанный: на шее у нас с матерью тебе сидеть не дам... - дух перевел и закончил просто: - Эх, ты, сын, называется... Матери на одни лекарства ползарплаты моей уходит, да еще продукты на рынке покупай... Рак – это, Вась, не насморк... Пенсия-то ее инвалидная – так, смехота одна... Думал, школу закончишь – на завод наш тебя устрою, кормильцем станешь, защитником... А ты... Иди с глаз, смотреть противно...

- Бать, а, бать... - застыдился новоиспеченный филолог. – Я – это... Что ж я – не понимаю, что ли? Я работать пойду... ночами... Деньги – все до копеечки... Тут ты не сомневайся... Просто учиться мне надо – мечта есть одна. Силу я в себе чувствую...

- Силу чувствуешь – так па-хать надо! – внушительно сказал отец.

- Да не ту... То есть, да, и пахать – тоже... Да только больше та сила, о которой говорю... Значительней, что ли... Как объяснить тебе – не знаю. В общем, поэт я, батя. Вышло так уже. И тут никто мне помешать не сумеет.

- Как Рождественский? – недоверчиво и напряженно спросил «батя».

Вздыхнул Василий:

- Ну, хотя бы... Примерно...

- Тогда дурак ты, и никто больше, - подведен был быстрый итог. - Ну что ж, полетай, сокол, полетай, что делать. Пока не сверзишься...

Сверзился он ровно через полгода, аккуратно после зимней сессии, обеспечившей ему было повышенную стипендию, – да так, что и опомниться не успел. И всего-то стихотворение его, умеренно обличительное, опубликовали в студенческой стенгазете: уломал Сашку-редактора, задурил ему мозги передовым

соображением, что, дескать, генсек Андропов взял курс на разоблачение разожравшихся при покойном бескровном правителе сатрапов, и вот-вот полетят они вверх тормашками из своих уютных, красным плюшем завешенных кабинетов. Обтянув животы пиджаками,/Говорите обиняками,/Гнездышки теплые свили,/ Властью тупость прикрыли,/Освоились вы на беду,/Дудите в свою дуду,/Гениев признать не хотите,/Что ж, попробуйте, поэта раздавите!

На бюро комсомола Сашка, попавший под расправу первым, будто настоящий, а не стенгазетный редактор, каялся, разоружался и отмежевывался прямо по учебнику истории ВКП(б) образца тридцать восьмого года. А белый, как высокая «бабетта» деканши, Василий стоял молча, перекосив рот в презрительной, как ему казалось, и испуганной, как виделось всем остальным, усмешке. И, когда очередь дошла до него – а кого это, студент Стрижев, имели вы в виду, когда писали про тупость власти? – он скупым и верным движением расстегнул верхнюю пуговицу парадного пиджака, добротного пошитого на швейном объединении «Рассвет». Не торопясь, вынул бордовые корочки, хотел швырнуть, но в последний момент почувствовал – несолидно – и тихо положил билет на край стола.

- Вас, - ответил твердо и сдержанно (тут и голос его, не по летам значительный, поспособствовал), и тотчас с небывалым наслаждением услышал в прозрачной тишине яркое девичье «Ах!».

Повернулся и вышел, сам не понимая, что педантично разыгрывает сколь героическую, столь и заезженную мизансцену. Когда спохватился, запоздало осознав, что все происходило непосредственно с ним и именно по-настоящему, было, конечно, поздно... Родители торжествовали открыто, даже мать сумела победно улыбнуться из своей шаткой ремиссии, откуда обычно в мир здоровых и счастливых головы не поворачивала. Но он опять их огорчил до невозможности: на багин родной электромеханический учеником идти отказался, а вместо этого поступил на трехмесячные курсы машинистов газовой котельной, где ни комсомольского билета, ни политической лояльности не спрашивали – да,

собственно, в те годы там и то, и другое могло встретиться разве что случайно. Он оказался в своей среде - среде гонимых и униженных поэтов, музыкантов и художников. Большинство из них уже впечатляюще получило от власти по мордасам, но такого дивного подвига, как претерпевший муку Василий, не сподобился совершить никто. Ну, писали стихи, заведомо ни в один вмняемый журнал не пригодные – разве что клуба самоубийц; ну, картины там мазали с вполне узнаваемыми свинскими харями – так ведь что позволено Глазунову, то у серой команды не проскочит; ну, обличали суровой песней душителей свободы в узком кругу доверенных лиц, из которых одно вдруг по непонятной никому причине прямо из круга бежало в Большой дом; но чтоб вот так – красными корочками – да прямо в поганую рожу председателю райкома комсомола (молодая легенда, понятное дело, выйдя в свет, вздохнула полной грудью и зажила новой, вполне самостоятельной жизнью)... Словом, Поэт постепенно обретал уверенную известность в нижних кругах творческого ада.

И вот, все это осталось позади, взволнованно думал он в августе девяносто первого, энергично проталкиваясь к ступенькам Казанского и на ходу бесплатно раздавая из продуктовой сумки многочисленным желающим свой первый, на кровные изданный, поэтический сборник «Сердце свободы». На сцену пускали всех. Дождавшись, пока пропищится вдохновенный очкарик с мятыми листочками в руках, Поэт ловко оттеснил его плечом и, подняв руку ладонью вперед, громовым голосом начал: Христиане и фашисты/Сионисты и бомжи/Комсомольцы и артисты/Оказались во лжи... - слова его предсказуемо потонули в шквале аплодисментов; переждав этот краткий приступ, он продолжил, зная, что вот сейчас подбавит перцу: - Шовинизм, нацизм, фашизм/Лезут на поверхность/Их словесный онанизм/Опорочил честность...- в передних, сплошь мужских рядах послышалось короткое одобрительное ржанье, сразу заглушенное бешеными хлопками... Он давно уже научился чувствовать и держать аудиторию, давая ей время где надо – задуматься, где надо

– хохотнуть... Сегодня, определенно, был его день... Нет, не его – поправился мысленно – всей России.

И потому он совсем не удивился, спускаясь с каменной «трибуны», когда у нижней ступеньки оказалась застенчивая девушка с двумя толстыми светло-русыми косами и огромными, на грани красоты и шаржа, золотистыми глазами в густой шерстке не длинных и не черных, но пушистых ресниц. Девушка смущенно улыбалась и трепетала так, что хотелось взять ее за локти обеими руками и попридержать, чтоб из нее что-нибудь не посыпалось. Тонкие розовые пальцы сжимали уже изрядно помятое «Сердце свободы», голосок очаровательно срывался:

- А можно мне... Можно ваш... автограф...

Он знал, что краснеет от удовольствия, и потому сразу же придал себе суровый вид, задиристо мотнув головой, чтоб красиво метнулась на лбу его темная, под Маяковского, прядь. Намеренно помедлив, взял ее изрядно обгрызенную авторучку, открыл книгу:

- Зовут вас как? Валя? Ну, вот... - И стремительно черкнул: «Вале – от Поэта».

Они расписались все на той же высокой волне новых всеобщих чаяний, не успевшей еще с шумом разбиться о скалистый берег неотвратимой Истории, как всегда, предпочитавшей собственные проторенные пути. Никакой особенной любви к Вале Поэт с самого начала не испытывал, вполне отдавая себе в этом строгий мужской отчет. Он даже не был ею – ни романтически, ни физиологически – увлечен. Но девушка подарила ему уникальную, единственную в жизни возможность через призму Валиного немного сумасшедшего взгляда увидеть себя именно таким, каким мечтал всегда. Мечтал – и не смел, потому что естественные сомнения в исключительности своего таланта все-таки кишели в его своевольном подсознании, как личинки паразитов в анализах уличного подростка. Валя уничтожила их с самого начала – по-женски решительно и беспощадно:

- Вася, чем человек гениальнее, тем свойственной ему скромность и самокритичность.

В этом ты полностью прав, так дальше и живи, милый – по самому высокому счету. А уж мне со стороны видней, какой ты на самом деле... - тут ее необычайные глаза теплели и увлажнялись, сияя некой внутренней лукавинкой, ясно давая понять без слов, какой именно.

И надо полагать, убеждал себя смущенно-радостный Поэт, она имела полное профессиональное право на свое мнение, потому что, выпускница института Культуры, работала библиотекарем в школе и, стало быть, в стихах, уж наверное, хорошо разбиралась.

- Кормильца из меня не получится, - счел он нужным внушительно предупредить невесту перед свадьбой. – Предназначение мое – иное. Я – поэт, и путь мне предстоит не обывательский, сама понимаешь. Тернистый, скорей всего, путь... Я почему это сейчас, заранее, говорю? Просто, чтобы ты никогда потом не попрекнула меня бедностью, неустроенностью, неожиданностями, может быть, какими-то с моей стороны... - это последнее он специально вернул – к тому, что фанатичной верности от него ожидать не стоило: не было еще такого в истории мировой литературы, чтобы поэт раз и навсегда оказался привязанным к одной юбке. – Словом, не по розам пойдем. Так что подумай еще раз, не торопись... Судьба жены моряка раем показаться может! Но, если ты готова к трудностям и встаешь на этот путь с открытыми глазами...

Ее глаза были уже заранее широко открыты, почти разинуты, как и нежный бледный ротик, и Валя изо всех сил кивала на каждое его слово:

- Господи, Вася... Тебе и говорить мне всего этого не нужно!

Отцу (мамы к тому времени давно уже не стало) молодая сноха тоже пришлась по душе, только смотрел он с другой, неожиданной для сына стороны:

- Главное, не намазанная она. В смысле – лицо всякой дрянью не красит.

- Уж и главное... - усомнился Поэт, раньше и вовсе этим вопросом не задававшийся.

Но отец был уверен:

- А как же! Которая мажется – та себя, как на продажу, выставляет, даже если о том и не

думает. И покупатель всегда найдется – вопрос только времени. А которая не мажется – та для мужа живет, ей другого не надо. Я вот своей, - (имелась в виду не почившая супруга, а новая отцова пассия, к которой он стыдливо, но целеустремленно бегал уже два года), - так и сказал еще в самом начале: увижу, что рожа размалевана – возьму мазилку и враз тебе на голову вылью.

Он прожил еще четыре года, успел даже потешно повозиться с внучкой Долюшкой, и скоропостижно умер от обширного инфаркта – как выяснилось на вскрытии, от третьего, что удивило искренне горевавшего Поэта несказанно: к врачам отец никогда ни за чем не обращался, а из лекарств после смерти жены признавал лишь салол от живота, аспирин от головы и валидол от сердца... Ни тем, ни другим, ни третьим не увлекался, таблетки годами сохли и желтели в кухонной аптечке вместе с зеленой и серым от времени бинтом...

А жить становилось все невыносимей. Сиротских зарплат библиотекаря и оператора котельной на пропитание семьи из трех человек не хватало уже просто категорически. Короткое время держались продажей надежного советского золота, оставшегося от двух покойных матушек; по полгода жили трудным подножным кормом, благо летний сарайчик на шести сотках в дальнем, за лесами-за болотами, садоводстве, Валя давно унаследовала от матери (отца не помнила), одевались с плеча троих покойных родителей, отчего долго походили на призраков победившего социализма – но о подобных пустяках и вовсе совестились задумываться...

И все-таки он издал за это время шесть небольших книжиц – за свой счет, конечно: после того, как волна, так обнадеживающе вынесшая его когда-то на твердый берег надежды, схлынула, оставив на том берегу лишь грязную пену, сор да дохлых медуз, поэзия надолго перестала интересовать оголодавших и быстро дичающих бывших читателей. Чтобы издать свои, он продавал чужие – ценные книги из библиотеки Валиных предков – в прямом смысле воровал их оттуда во время родственных визитов, потому что квартирой тещи завладели теперь хищные старшие се-

стры. Он посещал сразу два самоуверенных ЛИТО, где иногда издавали тощенькие коллективные сборники на спонсорские подачки. Мечтая о битком набитых слушателями залах, где молодежь с горящими глазами гроздьями висит на балконах, бурливо толпится в проходах и сажает низкорослых юношей на плечи в распахнутых дверях, он выступал теперь перед дюжиной шепчущихся крашенных старух в каких-то сомнительных собраниях, перед пылавшими открытой ненавистью полуярками-школьниками, насильственно сгоняемыми Валею в актовыв зал на уроки внеклассного чтения, перед такими же, как он, неиздаваемыми поэтами и, что еще мерзей, заносчивыми, разодетыми в пух и прах поэтессами, слушавшими его лишь потому, что сами ждали очереди выступить...

Он классически попал из огня да в полымя, в чем убедился очень скоро, как и в том, что в новых политических условиях можно спокойно читать публике старые клеймящие различные неправды стихи вперемешку с только что написанными – и они звучат в новейшее время точно так же убедительно и уместно, как и в предыдущей проклятой формации. Куклы бездарей болтливых,/В политику играющих, - надрывался Поэт, тряся фирменной прядью, на поэтическом собрании, где разрешалось курить, отчего отрешенные слушатели выглядели сквозь дым, как кикиморы среди болотных испарений, - Бюрократов тьму сонливых/От нас оберегающих.../Веку ядерных аварий,/Веку сумасшедших,/Обнаглевших хитрых тварей,/К власти путь нашедших... - но обидно много поэтов получило возможность невозбранно высказываться в таком же духе, и его одинокий пророческий голос тонул в квакающем болоте...

Дома жилось не лучше. Валя (которой, застенчиво грезя о бурных связях с экзотически твердящими «Ты пророк! Я тебя недостойна!» поклонницами, он изменил за все время только один раз, с возрастной поэтической дамой, имевшей слишком поздно рассмотренный завитой парик на коротко стриженной седой голове – а больше ни одна не захотела) надоела ему необратимо. Дочку Долю Поэт любил, разумеется, – но несколько отвлеченно, пото-

му что инстинктивно ждал и искал в ребенке продолжателя и выразителя своих пошатнувшихся чаяний, но было сомнительно, что девочка однажды в должный час подхватит родительское знамя: не для слабых девичьих рук его тяжелое древко, смутно чувствовалось разочарованный отец. Он, конечно, безотказно водил дочь в недалекий детский садик, покупал ей мороженое на сэкономленные копейки, атавистически волновался, когда она вдруг заболела старинной и оттого страшной скарлатиной, от которой умерла в детстве сестра его смутно помнившейся бабушки; впрочем, когда выяснилось, что современная скарлатина совсем не опасна, сразу успокоился. И, в конце концов, он легко мог представить себе такую же кипучую жизнь – но без дочери Долорес... Нелюбимая же Валя была необходима – и это Поэт безжалостно осознавал. Пусть он презирал ее за то, что под многозначительной тихостью и чистотой юности, поманившей его когда-то обещанием свежего и сильного обожания, оказалась обыкновенная безлика никчемность. Пусть ему претило в ней ее жалкое самоуничижение, отсутствие любого самостоятельного смысла, пустота, которую он когда-то мечтал наполнить – собой. Пусть наполнить не удалось, потому что наполнять было нечего, слишком уж скудельным оказался сей сосуд... Но, пока она была у него, была вместе с девочкой Долечкой, он знал, что не сдастся. Не сдастся хотя бы ради той огромной и грозной надежды, которая когда-то столкнула их – случайные листики, мотаемые вихрем Истории, у Казанского собора в прохладный августовский денек...

И поэтому, когда наутро Лупоглазый, небедительно растягивая губы в скупой песьей улыбке, вошел в мешковатой бирюзовой форме и на затылок сдвинутой шапочке к нему в палату, Поэт обрадовался: улыбка явно предназначалась кому-то, кто уже входил следом, а там робко постукивали женские каблукки...

- А вот и супруга ваша, - бодро доложил врач, не поздоровавшись. – Раньше обхода пришла, оцените... - Обернувшись, он хрипловато бросил назад: - Только недолго на первый раз, хорошо? – и отстранился, давая дорогу.

На миг притиснув доктора к стенке, в палату почти ворвалась высокая длинноволосая женщина в темно-синем платье до колен и с короткими бусами из ровных серых жемчужин.

- Вася... - срывающимся голосом прошептала она, прежде чем броситься к постели. – Слава Богу... - и подавила рыдание.

Женщина эта была ему абсолютна незнакома. Поэт мог поклясться, что никогда раньше ее не видел.

Глава 2 **Old MacDonald Had a Farm**

Частных учителей приглашают к двум видам учеников: более или менее способным, но нуждающимся в твердой руке для поддержания на спокойном пятерочном уровне, и тем, которым пожизненно вызывают «скорую помощь», как инвалидам детства, подверженным постоянным смертельно опасным приступам. В этой категории встречается немало потенциальных гениев, у которых одна половина мозга, отвечающая за техническую или же гуманитарную сторону человеческой жизни, словно обесточена, как половина квартиры, когда в электропакетнике один из в норме торчащих вверх рычажков с тугим щелчком падает – и это означает, что пробки вылетели. На одной половине дома как ни в чем ни бывало болбочет у сына телевизор и подвывает у хлопчущей мамы посудомойка на кухне, – а на другой в сумрачном папином кабинете навечно погас экран компьютера с только что вдохновенно начертанной, но еще не сохраненной формулой нового топлива для межпланетных кораблей... Другими словами, если человек по-русски читает по слогам, а английский алфавит в выпускном классе видится ему не более ясным, чем арабская вязь, то нет никакой гарантии, что на первом курсе физтеха он не изобретет машину времени – а если его математические познания трагически оборвались на так и не освоенном квадратном корне, то общество вовсе не ограждено в будущем от двухтомного продолжения «Евгения Онегина»... Впрочем, существует и третий, аварийный, вариант. Это когда отягощенный

родительскими грехами всех видов ребенок лет двадцать назад специальной медико-педагогической комиссией был бы навеки причислен к беззаботному племени дебилов и после окончания условной школы, дипломатично называемой «вспомогательная», обречен до смерти клеить белые коробочки (что, в общем-то было бы по отношению к нему и справедливей и гуманней, тем более, что и коробочки государству тоже нужны). Но восторжествовавшая в девяностых агрессивная демократия решительно воспротивилась такому тоталитарному произволу, и начала требовать на упомянутом заключении, кроме подписей врачей и педагогов, еще и подпись родителей – ну, а чтобы поставить таковую, они и сами должны сначала рехнуться. Ведь если ребенок не мычит, а разговаривает, пусть даже параллельно и пережевывая одному ему известную вкуснятину, и самостоятельно находит туалет, где ухитряется спустить за собой воду, то ни один в своем уме родитель не вычеркнет его собственной рукой из списка небезнадежных. Оставит хоть один шанс на почти человеческое (ведь и в поведении официально здоровых людей часто приходится на что-то закрывать глаза), очень напоминающее полноценное будущее. Вот и ходят к нему до глубокой ночи, сменяя друг друга на посту, как бойцы Кремлевской роты у Вечного огня, жадные репетиторы уже по всем предметам, кроме разве что физкультуры. Все они прекрасно знают, что ученик их, в принципе, необучаем, да и речь-то идет не о том: не обучить, а вытянуть на желанную тройку – и хорошо, если родители тому не препятствуют...

Но ведь нет же! Была, например, у Полины девочка, словно сошедшая с полотна придворного мастера девятнадцатого века – и одевала ее мама соответственно, в розовые шелка с кружевами, а в конфетные ушки вдевала бриллианты... Все у нее было – и сверкающие платиной локоны до копчика, и тонкая кунья бровь, и будто искусно выведенные эмалью нечеловечески синие глаза в аккуратных стрелках ресниц... - не было только мозгов. Если девочку сажали – она сидела, пока не падала, если ставили перед ней тарелку – отрешенно ела, а унитазом пользовалась

по условному рефлексу, точно так же, как и собственная британская кошка, раз и навсегда приученная к лотку. Четыре раза в неделю в течение получаса Полина водила ее безответной рукой, все время норовившей выронить авторучку, по тетрадным клеточкам, произнося вслух заданные на дом простые английские предложения, а на вторую половину урока запускала диск с несколькими английскими песенками – и можно было спокойно расслабиться за чашкой кофе, равнодушно наблюдая, как в гладких непроницаемых глазах ученицы исподволь нарастает некая тупая озадаченность. «Моя знакомая по фитнесу тоже пригласила к своей дочке репетитора! – горячилась после урока ее моложавая мать с пластмассовым от бесконечных подтяжек лицом. – Занимается с ней всего полгода, а девочка уже стрекочет по-английски, как сорока – не остановишь. А вы, Полина Леонидовна, у нас третий сезон, а у Заиньки все еще тройки в четверти!» Если бы Полина была по-настоящему честным человеком, то следовало бы твердо ответить, глядя в глаза этой старой, прошедшей огонь и воду и мечтающей о медных трубах суке, что нельзя в конце пятого десятка зачинать детей от кого попало в пробирках, да выращивать их потом в своей истощенной абортами бесплодной утробе в компании двух-трех засохших трупиков предусмотрительно редуцированных сестреночек. «А коли родила да кормишь, - гаркнуть под конец так, чтобы у той в лице мелькнула осмысленность, - то ты не англичанок-математичек ей, дура, нанимай – дефектологов! Потому что она у тебя по-русски знает меньше слов, чем людоедка-Элочка!» И швырнуть бы что-нибудь шумное, да дверью грохнуть... Ага, и четверть месячного заработка долой. «У каждого свои способности... - понижает голос до бархатности Полина. – У кого-то к языкам, как у той девочки. А у кого-то... - бросает выразительный взгляд в открытую дверь, за которой неподвижно, как кукла Мальвина, сидит на диване среди десятка вышитых подушечек Заинька, - способности запрятаны глубже... И лежат где-то в другой области... Но, поскольку школу закончить все-таки надо...»

Через пять минут в Заинькином дворе По-

лина с привычным и все чаще оправдывающимся этой зимой страхом поворачивает ключ зажигания в едва живой отцовской «шестерке». Машина болезненно вздрагивает всем своим чуть теплым телом и удивленно вскрикивает, как женщина, наступившая на осу. А магический ключ, будто бор в огромном пульпитном зубе, вызывает у нее длинную ознобную дрожь и каскад надрывных стонов... В общем, на следующий урок Полина бежит пешком, опасно оскальзываясь на обледенелых дорожках и уже бесчувственными пальцами без перчатки прижимая к щеке холодный, как пистолет Макарова, мобильник: «Да, да, опять сдохла... Нет, вообще не схватывается... А хрен ее знает, жужжит, как навозная муха, и все... Да как я вам ее пригоню – на себе принесу, что ли...»

На последнем уроке ее напоят, накормят и обогреют – хотя никакой пользы она и там никому не принесет. То есть, добросовестно сделает домашнее задание за Петю – именно так зовут уже не маленького, но всегда испуганного казашонка. Глаза мальчика природы словно срисовала из эпического произведения, созданного на мультипликационной студии Казахской ССР – именно такими там гордо смотрели национальные кони: вроде бы и традиционно раскосыми, но в то же время дикими и громадными. Его мать, сорокапятилетняя белокожая, скуластая, светло-рыжая сибирячка под два метра ростом, давно разведясь со случайным плюгавым азиатским отцом своего ребенка, растила его с помощью старшего сына – ни разу не показавшегося при Полине владельца одного из крупных успешных телеканалов. Помощь оказывалась исключительно материальная, уродливо щедрая, немало озадачивавшая и саму принимающую сторону. По необъятной, как родные просторы, квартире, отделанной малахитом и уставленной мраморными амурами, по наборному паркету, среди мебельного рококо и технических чудес, бродила, как снежный человек по Забайкалью, огромная женщина в серых валенках на босу ногу, в теплой ночной рубашке нежно-голубого цвета и блестящими, будто ромашкой крашенными, но на самом деле нетронутыми волосами, раскиданными

без унижительного участия расчески поверх оренбургского платка, покрывающего круглые мощные плечи. Не имея вообще никакого образования, эта женщина была так умна, что Полина со своими двумя высшими гуманитарными перед ней неизменно терялась. Возможно, этой сибирячке с пронзительным взглядом отсутствующие университеты вполне заменила исключительно счастливая наследственность: деда Анны Георгиевны раскулачивали не как всех, а дважды. Первый раз почти законно, в черноземной полосе России, где отобрали племенное стадо и несколько гектаров плодородных садов и пашен, а второй – в сибирской тайге, через три года после того, как оставили с беременной женой и пятью детьми прямо на шпалах Транссиба – просто выгрузили из товарного вагона, в чем были, в девственный снег под кедрами и, весело гуднув, отправились дальше... Обучением бедного Пети ни работодательница, ни репетитор особенно не заморачивались, без слов договорившись о его полной бесперспективности – им было просто интересно друг с другом. После урока и до полной темноты они часто просиживали на кухне за обширным столом из диковинной пестрой яшмы, раздвинув локтями грязные золотые вилки и севрского фарфора тарелки с засохшими объедками, и философствовали, прихлебывая травяной чай с деликатесным домашним растегаем. Обе, каждая на свой лад, дивились на сидящее напротив диво дивное: одна – на оживший в центре Петербурга идеальный, будто только что из поэмы, некрасовский типаж, а другая – на впервые подпущенного на близкое расстояние дотоле неведомого зверька под названием самка русского интеллигента. И две далекие друг от друга, как Петербург и Сибирь, женщины удовлетворенно убеждались всякий раз, что во всех мнениях вполне меж собою сходятся, хотя и разными путями добираются до одной и той же неистребимой сути вещей...

Был у Полины и третий ученик, и четвертый, и пятый... Легка жизнь домашнего учителя! Доход в полтора раза больше чем у школьного, а нагрузки и нервотрепки меньше раза в три, причем, ответственности практически никакой. Зато никакой и пенсии – так

ведь до нее еще неизвестно, в наших условиях доживешь ли... На этот заманчивый путь встала Полина Леонидовна невзначай: когда очень болел перед смертью ее старый папа, представитель редкой, как белый воробей, популяции отцов-одиночек, брошенных ветреными женами, она должна была разорваться между ним и бескорыстно любимой работой в средней английской школе. Но оказалось невозможным совместить ее с бесконечными дневными поездками с папой по уникальным специалистам и труднодоступным, как гора Эльбрус, процедурам, призванным лишь продлить ему мучительное существование, с редкими анализами, которые нужно было многократно лично отвозить в далекую, чуть ли не подпольную лабораторию... Но, главное – не хотелось поступаться последним общением с родным человеком, иначе обреченным вечно сидеть под колючим пледом в одиночестве, в высокой и темной, как готический собор, квартире среди пыльных портьер, под арокными сводами заплесневевшего потолка... Сидеть и думать о том, что жизнь, вроде бы, и не началась (все думал – вот выращу дочку, образование ей дам, тогда уж и для себя...), а уже неумолимо заваливается за низкий горизонт, как похожее на подгнившую хурму в ледяном мху морозилки зимнее питерское солнце тихо скатывается куда-то за край заставленного аптечными склянками старинного широкого подоконника...

Тогда Полина и бросила изнурительную школу, перейдя на торную и надежную стезю частного репетиторства: думала, временно, но оказалось, навсегда. Когда, отплавав положенное по отцу, она вознамерилась вернуться на былую работу, то, уж собрав нехитрый пакет документов, вдруг призадумалась: ей остро вспомнился резкий, как кинжальный удар, грохот будильника, врывающийся в половине седьмого утра в ее только-только укрепившийся и повернувшийся на интересное сон, смазанные лица подростков, традиционно видящих в учителе подлежащего изничтожению врага, дружный, крепко споенный педагогический коллектив, где даже физруками работают две одинаковые блондинки в ярко-фиолетовых костюмах, пыльный ворох ненужных в мире аб-

солютно никому, но обязательных для заполнения бумаг, стопки idiotических методичек, свое собственное очень точное школьное погонялово «Коряга»... И решила не особенно торопиться с возвращением блудной дочери.

Полине исполнилось тридцать два, она была стандартно некрасива, искусственно дефлорирована под местным наркозом, чтобы не позориться на медосмотрах (зато уши сохранила девственными, убоявшись кровавой процедуры прокалывания), избыточно для женщины умна, более или менее равнодушна к нарядам и косметике (хотя одевалась нарочито сдержанно и опрятно), и наркотически зависима от художественной литературы. Ученики обидно прозвали англичанку Полину Леонидовну Корягой с полным основанием: весь склад ее сухого угловатого тела, общий ритм скупых движений, грубые и жесткие, полумужские черты бледного лица, обрамленного гладкими пепельными волосами с ранней проседью – все это сразу приводило на ум одиноко торчащую из болота высохшую ветвь погибшего дерева. Когда Полина была и сама собой отчего-нибудь недовольна (а к собственной персоне относилась интеллигентски-взыскательно), она мысленно обругивала себя именно этим нехорошим словом: «Ну, Коряга ленивая, ты так и намерена жить среди любимой болотной тины? На ремонт подвигнуться не желаешь?» И подвиглась, и погода прожила как кот на гноище, и в результате осталась на сверкающем паркете слегка ошарашенная: неужели это вот все – для нее одной?

В незапамятные времена сюда в качестве подселенцев подсунули ее тогда еще ненадолго женатых родителей. Во второй, большей комнате жили две старушки-близняшки, родившиеся там же в последней, уже не очень благополучной четверти девятнадцатого века. Квартира изначально была, как они всю жизнь помнили, шестикомнатной и принадлежала их строгому мундирному отцу, путейскому инженеру. Там все обстояло основательно, как и полагается в порядочных домах: имелись две расторопные горничные, душевная няня в кокошнике и в рюмочку затянутая гувернантка – а так же целых два целомудренно незаметных, но размером с жилую комнату

санузла в разных концах квартиры: один, в белоснежном сияющем мраморе, - господский, другой, с замечательными медными рычажками и кранами – для капризной городской прислуги. Последнее обстоятельство и позволило озабоченному квартирным уплотнением гегемону запросто, как ножницами, раскроить бывшее родовое гнездо на две неравные части: одна, с выходом на черную лестницу, сохранив четыре комнаты и медные рычажки, так и жила свой долгий век коммунальной; другой достались две, плюс беломраморные удобства, и она со временем возвратилась в благородное семейство отдельных квартир. Когда почти через сто лет после общего дня рождения сестры-близнецы, прожившие всю жизнь нераздельно, будто были не простыми, а сиамскими, умерли в один пусть не день, но месяц, их комната, отошедшая Жакту, подлежала коммунальному заселению вновь. И вот тут Полинин родитель, покинутый муж и ответственный отец, отбросил присущую ему всегда кротость и непредсказуемо взбунтовался. Выяснилось дотоле неизвестное обстоятельство: он и его ребенок, оказывается – разнополые! И им законодательно разрешается претендовать на освободившуюся площадь! А Полинин папа, как оказалось, ответственный не только отец, но и работник! В общем, комнату они получили в наследство от покойных инженерских дочерей вместе с антикварной мебелью, бронзовой настольной лампой, изображавшей лесную деву с очаровашкой-оленьком у ног, и хитро обнаруженным девочкой-резвухой тайником под обоями. Из тайника, правда, достали не шкатулку с бриллиантами, а всего лишь связку коричневых от времени скучных писем, писанных неизвестно кем неизвестно для кого и не содержавших ровно ничего ни таинственного, ни романтического – так что оставалось только удивляться тому, что их так основательно припрятали. В перестройку квартиру предусмотрительно приватизировали, а после смерти отца никому не нужная, одинокая домашняя учительница Полина Леонидовна осталась бродить по теплым гулким комнатам, постукивать неброско налаченными ноготками по бело-синим изразцам случайно за целый хлопотливый век

не пострадавшего четырехметрового камина и удивляться непрактичной расточительности мировой судьбины. Она знала, что некоторые из ее бывших школьных учеников, коренных петербуржцев, живут в историческом центре с мамой, папой и двумя братиками в узких, как трамваи, комнатах и не мечтают о лучшей доле; что иные и вовсе стойчески ездят в престижную гимназию из окраинных пятиэтажек, тесно и жестоко заселенных никому не ведомой питерской беднотой; прекрасно понимала, что вопреки всякой справедливости единолично владеет своими светлыми высокими палатами, не снисшимися во время оно и боярскому терему... Здесь бы звучать золотому детскому смеху, сбивчиво топотать коротеньким неумелым ножкам... И зачем ей эта кухня размером с бальный зал, если не готовить здесь завтрак, обед и ужин для большой дружной семьи, а лишь разогревать в микроволновке унылые синтетические котлеты? Ей даже завещать это недвижимое богатство, за которое нашлись бы желающие и отравить, и зарезать – некому, некому, некому... Впрочем, завещаешь – и действительно зарежут...

Однажды осенью позвонило агентство по подбору домашнего персонала, где давно невостребованно пылилась на всякий случай заполненная Полиной анкета. Предлагались регулярные уроки английского у девочки семи лет и, пару секунд незаметно поколебавшись, Полина решила заткнуть ею внезапную финансовую дыру, зиявшую на месте без предупреждения отданного в дорогое закрытое заведение ученика.

Дверь открыл пожилой бородатый дядечка в женской шерстяной кофте а ля академик Сахаров, а из-под его крендельного локтя с недоверчивым любопытством глядел сквозь каштановую челку диковатый, как у Маугли, круглый, редкого орехового цвета глаз. Приличность любого работодателя определялась, в числе других, маловажных факторов и одним наиболее веским: поят или не поят чаем-кофе, и что к напитку предлагают. Бывали семьи, где на просьбу о невинном стакане воды, чтоб запить таблетку от головной боли, давали полчашки, которую разрешалось быстро выпить на кухне под пристальным взглядом

хозяйки – и создавалось полное впечатление, будто мамаша ученика боится, что учительница эту чашку украдет. В других домах насильственно кормили полным обедом из первого, второго и третьего, кланяясь, умоляя не побрезговать, и обидчиво поджимая губы, если англичанка была сыта. Наиболее нормальными местами считались у Полины те, где попросту приносили к рабочему столу добрую кружку кофе со сливками и могли пожертвовать несколькими хрустящими печенюшками. Бородатый «Сахаров» оказался как раз из таких, назвался Константином Павловичем и Леночкиным дедушкой, а с учительницей пожелал предварительно конфиденциально побеседовать. Это было, в общем, неплохо, по крайней мере, можно было надеяться узнать, чего же именно хотят от нее в этом доме: твердой тройки в году или высшего балла на вступительных в Кембридж.

Константин Павлович долго и занудливо профессионально готовил кофе, говорил поставленным преподавательским баритоном (да и являлся профессором какого-то технического, в расчет Полиной не принятого института), а историю рассказал малоприятную и легкой наживы не сулящую. Его давно не любимый, последовательно поправший одно за другим все отцовские чаяния сын лет восемь назад случайно перепихнулся (так и сказал, даже Полиной внушительной камеи под кружевным воротничком стерильно белой блузки не постеснялся) с юной наркоманкой, дочкой маргинальных родителей, и думать об этом, естественно, позабыл на следующее же утро. И напрасно, потому что наркоманка, пребывая в ином, не каждому доступном мире видений, о своей беременности догадалась только, когда у нее начались преждевременные роды. Но, родив ребенка, она неожиданно встала на трудный путь исправления, ощутила дотоле неизвестную ей ответственность и даже предпринимала какие-то неубедительные действия, со стороны напоминавшие воспитательный процесс – а именно, дав ребенку имя, определила его в круглосуточный ясли-садик и целых семь лет не забывала брать оттуда на выходные. Но три месяца назад была убита в бытовой драке пьяным сожителем.

Никого из живых безработных родственников упавшая на Землю по недосмотру девочка Лена не заинтересовала, зато равнодушная директриса интерната сумела разыскать ее биологического отца. Разысканный отец, непонятно чего устроившийся, бросился за помощью к собственному, уже лет пять не навещаемому. Захотел было Константин Павлович от всей этой неприятной истории загодя отмежеваться, но дрогнуло мягкое стариковское сердце: представился какой-то там солнечный лучик в недрах одинокой темной квартиры, загроможденной вековыми накоплениями мебели, и еще что-то столь же сентиментальное, вроде лесного ручейка в дремучей чаще. Закончилось тем, что уже отданную в школу-интернат внучку Леночку теперь на выходные забирает он сам, да еще берет ее домой в среду, выходной свой день, когда у него нет в институте лекций... Девочка, конечно, запущенная («Дичок такой, понимаете?») - благодушно улыбнулся разомлевший дед), но он задался целью бережно ее выправить и вернуть в мир хороших людей полноценным членом общества, для чего первым делом остриг ей волосы, а вторым – пригласил репетитора по английскому.

...У старика Макдональда была ферма, на которой он развел кучу живности. Имелись у него куры, то здесь, то там издававшие почему-то воробьиное «чик-чик» вместо законного кудахтанья; утки его, тоже повсеместно, перешли почему-то на лягушечье кваканье, а уж свиньи изъяснялись и вовсе невразумительным «хоньк-хоньк»; только коровы невозмутимо тянули свое интернациональное «му-у» - в общем, весело, должно быть, жилось шотландскому старикану.

- Неправильно, неправильно! – горячо настаивала Леночка, чуть ли не со слезами на глазах. – Утка говорит «кря-кря»! А свинка – «хрю-хрю»! Нам Наталья Ильинишна говорила! – то была, вероятно, ее маленькая истина последней инстанции, за которую заставлял цепляться дремучий инстинкт самосохранения.

- Она рассказывала о русских свинках и уточках, - терпеливо разъясняла Полина

в тысячный раз. – Английские кричат по-другому...

Она вновь нажимала кнопку музыкального центра.

- Old Macdonald had a farm, - несся бодрый бесполой голос, - Ea-ea-yo-o... And on his farm he had some chicks... Ea-ea-yo-o... With a «chick-chick» here... And a «chick-chick» there... Here «chick», there «chick», everywhere «chick-chick»... (1)

Про Макдональда Леночка вполне понимала: это была такая замечательная, совсем не похожая на интернатскую, столовая, где в больших цветных коробках, кроме булки с котлетой и картонного кармашка с вкусным жареным картофелем, лежала еще и маленькая симпатичная игрушечка. И котлета была даже очень ничего себе, с густой желтой подливкой и зелеными листиками. Она тоже имела свой персональный картонный домик. Все эти звери нужны Макдональду, чтобы делать из них котлеты – понятно, что зверей у него было много: вон, сколько людей в столовой, и все едят котлеты... В «Макдональдс» Леночку водил дедушка Костя два раза в неделю – в среду и субботу, поэтому, когда кончалась среда, она сразу же начинала ждать субботу, а когда кончалась суббота, то сразу же начинала ждать среду. У нее теперь было, чего ждать. Другие дети – те, что поглупее – ждали своих мам. Мамы к ним никогда не приходили, а они все равно ждали. Леночка была умнее их и давно поняла, что мама к ней больше не придет, и ждать ее – просто глупо. А вот дедушка Костя – тот приходил, значит, его и нужно было ждать. В результате, другие ждали напрасно, а Леночка – нет. Вот какая умная была девочка Лена. Поэтому и песенку про старого (наверное, такого же, как дедушка) Макдональда она

слушала с удовольствием, хотя звери в ней и разговаривала неправильно. Правда, это все, что ей было в песенке понятно. Там вообще все слова были неправильные. То есть, когда Полина Леонидовна объясняла, то Леночка сразу понимала – не дурочка же. Но, когда учительница уходила, Леночка быстро все забывала, и на следующем уроке уже совсем ничего не помнила. Полина Леонидовна пыталась включать и какие-то другие песенки, но те были совсем неинтересные, потому что в них ничего не говорилось про столовую дедушки Макдональда. Когда вдруг звучала не та мелодия, Леночке сразу хотелось плакать и кричать – слезы так и брызгали:

- Я хочу «Макдональдс»! - рыдала она, нетерпеливо подпрыгивая вместе со стулом. – Там про игрушки!

И Полина Леонидовна сама начинала напевать:

- Old Macdonald had a farm... Ea-ea-yo-o... And on his farm he had some pigs... (2)

Лена узнавала последнее слово и с восторгом кричала:

- Хоньк! Хоньк! – и хлопала в ладоши...

Она от рождения страдала дебильностью. Полина не очень разбиралась в дефектологии и не знала – легкой, средней или тяжелой степени. Во всяком случае, в голове ребенка словно присутствовала огромная засасывающая дыра, прямым сообщением с пустотой. В памяти девочки не удерживалось ничего, кроме того, что периодически застревало там благодаря условным и безусловным рефлексам. Говорила она примерно так, как это свойственно щебетливым четырехлетним детям, только, в отличие от них, никогда не являла шквального любопытства по отношению к окружавшим ее невероятным предметам и

(1) У старика Макдональда была ферма, /Иэ-из-э!/ А на ферме были цыплята. /Здесь «пи-пи», там «пи-пи» - везде «пи-пи»... (пер. с английского).

(2) У старика Макдональда была ферма, /Иэ-из-э!/ А на ферме были свинки... (пер. с английского).

Это старинная шотландская песенка, которую можно петь бесконечно, каждый раз в один и тот же куплет подставляя название нового животного и заменяя междометие, означающее производимые звуки; не все звуки животных трактуются в английском языке так же, как в русском: например, свинья «говорит» «хоньк-хоньк», утка - «квак-квак» и пр. (Примечание автора).

явлениям, ни разу не задала хрестоматийного детского вопроса «Почему?» Ее ничто в этой жизни не удивляло, а все радости сводились только к гастрономическим: дедушка Костя и Полина Леонидовна, каждый со своей стороны, олицетворяли собой жирные котлеты в прелой булке из знаменитого ресторана быстрого смертоносного питания. Один ее туда водил, другая – учила воспевать... Тут она достигала нерушимого потолка своего абстрактного мышления и, строго говоря, Полине давно пора было набраться храбрости и отказаться от странных, словно в тумане протекавших уроков... И больше никогда не увидеть Константина Павловича в вязаной растянутой кофте – благодушного дедушку... Ему все равно очень скоро пришлось бы осознать происходящее в полной мере: пока на уроках письма в школе-интернате дети, с Леночкой в числе других, еще только пыхтели, выставив напряженные язычки, над косыми палочками в прописях, не так бросалась в глаза общая отсталость внучки, которой заведомо не предстояло легко управляться ни с буквами, ни с цифрами. Про английский язык и вовсе не приходилось заикаться, потому что под словом «язык» Лена понимала только тот розовый кусочек, увы, несъедобной колбаски, что мокро болтался у нее во рту. Английский – это был чей-то чужой язычок, и до него она не имела ровно никакого дела... Все это дедушке Косте предстояло объяснить на пальцах, потому что для него, рассеянного ученого из старых советских комедий, разницы в четырех- и четырнадцатилетних девочках, собственно, не было никакой: то и другое обозначалось словом «дети», чье дело – «играть в куклы» и «хорошо учиться», а задумайся он невзначай о нюансах того и другого – и, пожалуй, встал бы в тупик...

Да, бесповоротно уйти и больше не сидеть с ним до ранней ночи на кухне, когда Леночка давно смотрела на цветастых подушках свой очередной макдональдсовый сон. Не слушать его бесхитростные в извечном мужском желании произвести впечатление на слабую женщину рассказы о героической флотской юности. Не учить его правильно варить фасоль, чтобы она не оставалась после трехчасового

кипячения загадочно жесткой. Не прощаться потом в темноте у машины сначала под влажным листопадом, а потом под теплой кружевной вьюгой. Не ходить в воскресенье после урока с ним и Леночкой на горку, не ловить ее внизу, горячую, визжащую и хохочущую, потерявшую в пути свою ледянку и оттого съехавшую на животе. Не слышать, как она бежит внутри квартиры на дверной звонок, залиvisto крича: «И-э, и-э, ё-оо!» Не отругиваться на катке от чьей-то строгой бабушки, значительно выговаривающей Полине у бортика: «Следить надо за своим ребенком, мамаша, чтобы он других детей не толкал!» Не представлять себе по ночам, лежа под темными сводами недоступного потолка, что вот возьмут они как-нибудь – и заживут втроем счастливо, не хуже других – и Леночка либо внезапно выздоровеет, либо постепенно выправится, не по науке, так по любви... Вот и отвечала с самой искренней улыбкой Полина Леонидовна Константину Павловичу звенящей морозом ночью в его дворе у медленно прогревающейся «шестерки»:

- Нет, особых способностей к языкам я у Лены пока не замечаяю. Значит, они лежат в какой-то другой, пока неизвестной области. Но, поскольку школу закончить все-таки нужно...

Он робко похлопывал учительницу по руке, радуясь, что она без перчатки, и вовсе не догадываясь о том, что перчатка была удалена злостно и преднамеренно – именно ради вот этого мимолетного прикосновения:

- Но ведь вы же поможете? Тогда на будущий год мы подумаем о том, чтобы перевести Лену в нормальную школу – может быть, гимназию или там лицей...

«Мы, - упоенно шептала в машине Полина, несясь домой через пустынный промороженный город и замирая в преддверье грядущей субботы точно так же, как и ее ученица. – Господи, неужели у меня с кем-то намечается «мы»? Или это я фантазирую, а он просто оговорился?»

Кроме регулярных, как месячные, по расписанию шедших уроков, случались иногда у Полины и внезапные прибыльные халтурки разового свойства, позволявшие нешуточно

себя побаловать покупкой ранее недоступного художественного альбома или даже недалекой заграничной поездкой, осиянной не менее чем четырьмя обусловленными договором звездами. Так подвернулись солнечной ветреной весной почти конспиративные переводы. Два вечера подряд в тихом чужом кабинетике без окон она переводила одну за другой старинные, выносу из дома, ввиду уникальности, не подлежавшие почтовые открытки, присланные из Эдинбурга в Советский Союз тридцатых годов на имя давно почившей прабабушки заказчицы – никогда не разоблаченной западной разведчицы, как надеялась правнучка, задавшаяся целью вычислить среди бледно-коричневых завитушек некий секретный, никем не расшифрованный код. «Милая Ninon! - быстро писала Полина, уже вполне освоившаяся со всем этим буквенным рококо. – На прошлой неделе у нас произошло очень печальное событие. Умер старый папин сеттер Тото, которого все мы так любили...» Похоже, даже цензура НКВД не признала в несчастном скончавшемся псе засекреченного резидента – что позволило прабабушке тихо дожить до спокойной голубиной старости, думала Полина, досадливо морщась на беспечно-звонкий голос хозяйкиной гостыи, ясно доносившейся вместе с бряканьем чайной посуды сквозь полуоткрытую дверь. Вдруг одно слово заставило ее вздрогнуть и прислушаться.

«...дебилка! – ударило по беспомощным, неловко подставившимся ушам. – Я ему говорю – ты глаза разуй, братишка, это же овощ у тебя растет! Я только глянула – и ахнула: она же мычит просто, едва разговаривает: «И-э-ё, - твердит, - и-э-ё...» А он-то, дурак: дети, дети... Какие, блин, дети могли быть у наркоманки! Да и вообще от кого этот ребенок – большой вопрос. Мать ее, небось, и сама не знала, а братец мой... Старше меня на пятнадцать лет, а и сам, как дитё, ей-богу... И, главное, слушай, училку ей нанял, языку обучать... Поглядела бы я ей в ее бесстыжие глаза: ведь она-то не может не видеть, что перед ней за вундеркинд! Так ведь нет – таскается, мошенница, и деньги из него сосет. Да, впрочем, этим, нынешним, все равно, лишь бы денежки капали... Он как сказал, сколько

ей платит, – я чуть на пол не села. Что значит – мужик... Любая бы женщина ее давно пинками под зад выгнала. А этот знай себе умиляется: в гимназию, говорит, на будущий год запишу... внученьку... тьфу... Ну, короче, мозги ему пришлось вправлять не по-детски: ты, говорю, опомнись, сердешный! Девчонку эту дефективную оставь в покое и забудь, она все равно конченная, у меня на такие дела глаз наметанный: сама двоих без мужика подняла. А аферистку твою английскую в шею гони... Да, спасибо, полчашечки... Вот эти особенно вкусные, я их в Финке надыбала... Ну, в общем, весь вечер перед ним выступала, целую лекцию прочла, он только глазами лупал. Но ничего, вроде, в разум возвращается... А, здравствуйте... Может, чаю с нами выпьете? Налей ей, Нин... Вот вы мне... как вас по имени-отчеству... как специалист по языку, объясните...»

- Вы меня простите, Константин Павлович... - тихо сказала Полина вечером в телефонную трубку. – Но мне, наверное, больше не надо к вам приходиться...

Наутро она поехала в интернат.

...Уже через год, мелькнувший, как двадцать пятый кадр, оглядываться на себя прежнюю стало стыдно. Даже удивительной казалась в квадрат, нет, в куб возведенная ничемность былого существования в собственном рукотворном оазисе, где серьезно помешать налаженной жизни Полины могла разве что полномасштабная ядерная война. В оазисе, не знаящем, что такое бессонная ночь. Где случайный рев будильника звучал канонадой – настолько был редким и странным. Где не существовало ни привязанностей, ни навечно сопряженного с ними холодного глубинного страха. Где круг обязанностей мог считаться условным и легко, безболезненно разрывался. Где не требовали жертв, не взыскивали долгов, не брали обещаний. В оазисе, который предсказуемо оказался миражом и растаял, не снеся приближения любви.

У Леночки тоже был свой ревниво оберегаемый оазис – с неправильно хрюкающими свинками и квакающими утками. «Куák! – заливалась, подпрыгивая и хлопая в ладоши,

в просторной залитой солнцем комнате уже большая девочка Лена. – Хоньк, хоньк!» - это означало, что пора идти в дурно пахнущий горелым жиром зал с пластмассовыми столами и есть из теплых картонных коробок взорванные, как дебелая тетка, круглые булки с безвкусными коричневыми плюхами внутри, не имевшими ровно никакого отношения к холеным копытным и пернатым старика Макдональда.

Полина отправляла приемную дочку на французский берег Средиземного моря, в развивающийся центр для отстающих детей, где их учили не люди, а дельфины – и через три месяца получила назад человекообразного дельфиненка, утратившего и те немногие навыки людского общения, что имел, зато уверенно переходящего на ультразвук. Полгода ушло на устранение последствий галльского лечения. В продвинутом санатории на родной земле девочке вернули способность справлять естественные нужды не в воде, как она приноровилась на средиземноморье, перенеся новый обычай и в питерскую ванную, а в сухом благоустроенном туалете. В платной «выравнивающей» школе Лена в течение полугода рисовала жирными цветными мелками разновеликие кривые палочки, долго плясавшие в ее альбомах будто бы странные ритуальные пляски – и однажды удалось добиться уверенной победы: изобразить на линованной бумаге что-то вроде поваленного бурей зеленого забора, что позволило перейти на освоение колеса... Колесо изобретали восемь изнурительных месяцев, оно упрямо не желало замыкаться, являя собой то состриженные пуделиные завитки, то новогодние гирлянды – но вот однажды получился уверенный огурец. Еще год к нему пририсовывали справа палочку, пытаясь внушить, что это – а, а, а, - а палочка все летала где-то вокруг, упрямо не желая приклеиваться к огурчику, зато, когда приклеилась – произошло небольшое чудо переходного периода: сразу четыре палочки всего за два месяца красиво улеглись должным образом, явив собой красивую десятисантиметровую «м».

- «М» и «а» вместе будет «ма-а», - втолковывали наперерыв Полина и логопед-дефектолог, тряся перед озадаченной девочкой

двумя ее собственноручными изображениями указанных букв. – Повтори: ма-а!

- Му-у! – обиженно мычала двенадцатилетняя ученица. – Так коровка говорит на ферме у Макдональда – му-у!

Но настал день, навсегда с тех пор обозначенный красным в Полинином календаре, когда кусок рисовального мелка в напряженном, измазанном зеленым жирком кулачке Лены, без ошибки вывел на листе ватмана четыре огромные кривые буквы: МАМА – и, главное, девочка точно знала, что именно они означают. Они означали Полину.

Полину, уже несколько лет встававшую в шесть часов утра, но ложившуюся не раньше часа ночи. Полину, увеличившую количество частных учеников вдвое и бравшую на ночь переводы. Полину, открывшую недавно на паях с соседкой, бухгалтером по профессии, многопрофильное агентство иностранных языков «Полиглот» - свое второе, отнюдь не дефективное детище... Полину, с тех пор вообще не знавшую, когда спит и ест, потому что и то, и другое проскакивало мимоходом, как нечто необходимое, но досадное, мешающее делу. Полину, одержимо рулящую в старом «Фольксвагене» по всеядному Питеру, «Фольксвагене», утроба которого давно устрашающе воняла тухлыми яйцами, ибо аккумулятор подвергся биологическому распаду и требовал адекватной замены, до чего у хозяйки банально не доходили руки...

Но Полина еще не знала об этом в знаменательный зимний вечер, когда машина, вздохнув и надутно замолчав прямо под железнодорожном мостом, в узкой горловине улицы, заткнутой недвижимой, глухо урчащей автомобильной пробкой, при всех попытках запустить ее вновь только обреченно сипела, будто выпила на холоде пива и посадила голосовые связки. Когда два дюжих водителя заблокированных ее невезучим авто джипов со зверскими мордами, не сдерживая так и першого из обоих непобедимого, как рвота, туалетного мата, почти на руках отнесли ее похожую на больного ребенка машинку к обочине, она привычно отвинтила и выволокла теплый вонючий аккумулятор, питая надежду зарядить его быстрым током дома,

вернуть в родное гнездышко и вновь погнать автомобиль по колючей поземке. Она донесла в клеенчатой сумке аккумулятор до недалекой автобусной остановки и принялась ждать. По сравнению с компаньонами по ожиданию, Полина находилась в самом невыигрышном положении: легко, по-водительски, одетая в тонкую замшевую куртку и коротенькие, без меха, ботиночки, она сразу начала серьезно замерзать. Приятно из окна теплой персональной машины с превосходством смотреть на подпрыгивающих от мороза в застегнутых до глаз пуховиках безлошадных граждан, то скливно, с одним и тем же стадным выражением лиц, тянущих шеи в сторону предполагаемого явления избавительного автобуса. И как страшно оказаться среди них – легко одетой, но не так легко избавляемой от холода, как они! Весь ужас Полининого положения в те минуты заключался в том, что ни одна из то и дело подъезжавших к остановке и торопливо глотавших порцию груза маршруток ей не подходила: годился единственный номер государственного автобуса, что шел, мудрено петляя среди переулков, почти прямо до подъезда ее дома. Маршрутка того же номера делала кольцо примерно в километре от цели, и тащиться этот километр по гололеду, полураздетой, без головного убора, транспортируя на себе бездыханный восьмикилограммовый прибор... Представить себе этот героический путь было решительно невозможно. Сжавшись, словно городская синица на пустой кормушке, стояла Полина под стеклянным козырьком обледенелой будки, завистливо наблюдая, как тепло одетые сограждане один за другим запрыгивают в гостеприимные двери маршруток. Но довольно скоро выяснилось, что плачевное положение ее разделяют еще двое несчастных, ожидающих, по ее вычислениям, тот же самый легендарный автобус. Она невольно пригляделась к товарищам по несчастью.

Одним из них оказалась вполне здоровая, только бледная девочка, на вид первоклассница, бедненько одетая в китайскую немаркого цвета курточку и разбитые, явно купленные года два назад «на вырост» сапожки с изломатившимися шнурками. Наметанный женский глаз сразу остановился на нерабочей

молнии одного из них: когда та сломалась, ее просто накрепко зашили суровой ниткой, и теперь, обуваясь-разуваясь, ребенку приходилось каждый раз шнуровать-расшнуровывать один ботинок. Полина поймала себя на мысли, что предпочла бы, чтобы и ее Лена была одета так же непритязательно, но зато училась бы в простой районной школе, как, наверное, и это дитя каменных джунглей.

- Повернись спиной к ветру, Долли, - вдруг басовито сказал девочке ее отец.

«В честь Лолиты, что ли, они ее назвали?» - удивилась Полина, приглядываясь теперь уже к невысокому, но кряжистому мужчине.

Он носил добротные, доперестроечного пошива брюки, давно бесформенные, утратившие и цвет, и стрелки, синюю куртку с заклепками – красу и гордость молодежи восьмидесятых годов, и мятую кроличью ушанку, севшую от старости так, что теперь налезала она только на макушку его крупной упрямой головы. Словом, от Гумберта в нем вовсе ничего не было.

- Опять не наш! – в озябшем девчоночьем голосе уже откровенно звучали слезы. – Ну, папа!

- А что папа может сделать? – раздраженно отозвался тот. – Я что тебе – автобусный парк?

- Давай на маршрутке поедем! – отчетливо сглотнула слезы девочка. – У меня ноги уже совсем деревянные!

- Потерпи. Я же денег не печатаю. Я их горбом своим зарабатываю. Откуда у трудящегося человека деньги на маршрутку? Я что – вор? Или публичная девка? – раскатистый бас ее папы явно призывал равнодушных слушателей. – О, вон еще одна! У этих-то денег куры не клюют! – он с ненавистью проводил взглядом дамочку в нутрии, почти на ходу вскочившую в отъезжавший микроавтобус. – Легкие деньги легко и тратятся...

Полина с неприязнью отвела взгляд, но ответы один другого язвительней так и крутились на языке. Борец, тоже, выискался, за социальную справедливость... А ребенка собственного насмерть заморозить готов... Но она тотчас же устыдилась своих жестоких мыслей: а вдруг он тоже – отец-одиночка, как

и ее папа? Ведь и тот почти всю жизнь проходил в единственном, трижды вопреки логике перелицованном пальто и сэкономил даже на спичках... Полина вновь, уже с сочувствием скользнула взглядом по мужчине, но встретилась с двумя острыми буравчиками недоверчивых глаз. Попутчик, вероятно, посчитал ее бойцом своего стана – ведь она, в конце концов, тоже игнорировала маршрутки! Взгляд его просил поддержки – гордо, непримиримо – но просил. Полина неуверенно улыбнулась.

- Вот-вот! – ободрился мужчина. – Видишь, Долорес, мы не одни с тобой честные люди. Эта тетенька тоже не садится в маршрутки! И одета еще легче, чем мы: посмотри, какая у нее курточка тоненькая, а теплую, наверное, не на что купить... Загнали людей, дерьмократы хреновы... Мы-то за них в девяносто первом... А они... Маршруток коммерческих развели, порядочному человеку нормальных автобусов не хватает... Бурж-жуи... Одних прогнали, другие пришли...

«Нет, все-таки в честь Ибаррури...» - мимоходом проскочило у Полины...

- Папа, а почему от них не отнимут немножко денег, чтобы и мы могли на маршрутках ездить? – спросила сквозь слезы уже полноценно плачущая девочка. – Я не могу больше... Мне холодно... Уже столько маршруток проехало – мы бы давно дома были...

- Чубайсам скажи спасибо, - отрезал отец, но сразу успокоительно похлопал дочку по плечу: - Но ты не горюй: отнимем! Вот подкормим сил – и отнимем! И не только на маршрутку хватит – шоколад будешь на завтрак пить. Хочешь горячего шоколада? Ну, вот и будешь пить... Подожди немного: скоро русский человек примкнет штыки, и тогда...

- И тогда на эти штыки поднимут вашу девочку! И мою! – неожиданно для себя крикнула Полина сквозь морозный дым. - Чему вы ребенка учите?! Обалдели совсем?

- Я – обалдел? – громовым голосом рявкнул мужчина. – А вы не обалдели – заступаться за них, когда на морозе по их милости почти голая стоите, а автобуса все нет?! Вас обобрали и унизили – а вы всё против того, чтобы пустить толстосумам кровь? Всё ручки ваши интеллигентские испачкать боитесь?!

- Я... - трясаясь от гнева, Полина даже не сразу собралась с мыслями... - Вон, вон моя машина на той стороне стоит... Мне просто аккумулятор надо зарядить, от маршрутки долго идти, вот и жду... А одета легко, потому что привыкла в машине ездить... Так что можете уже пырять меня штыком... Пожалуйста, начинайте...

- И начнем, не волнуйтесь! Не долго вам жировать осталось! – Перед ее лицом грозно закачался черный палец в штопаной шерстяной перчатке: – А с бабами – с первыми разберемся. Потому что вы-то уж точно не хребтиной свои машины заработали, а известно чем...

- А вы – чем? – опомнившись, пошла в атаку начальница агентства «Полиглот». – Чем вы не заработали своей дочке на теплую обувь? А себе – на штаны из этого, а не прошлого века? Какие трудовые подвиги совершаете? Или инвалидность скосила? На баррикадах ранения получили? Свободу отстаивали?

- У меня – другой долг перед Родиной. С такими, как вы, мне не о чем разговаривать, - вдруг остыл обличитель, с презрением отворачиваясь.

- И какой же?! Нет уж, оскорбили меня – так будьте любезны объяснить! – не смогла вовремя остановиться Полина.

Он смерил ее с ног до головы одним из тех взглядов, которые предназначены, чтобы испепелять на месте не хуже светового излучения, начисто сжигающего города. Но, так как собеседница не превратилась ни в кучку пепла, ни в соляной столб, он снисходительно ответил ей – по слогам, как слабоумной:

- Я – по-эт. Слышали про таких? Нет? Вот и у-би-рай-тесь.

Глава 3 Полет над бездной

Он кричал, не останавливаясь. Выл, как располосованный поездом, но еще не сдохший пес. Он чем-то напоминал со стороны внезапно потерявшего зрение человека, пытающегося сорвать с беспомощных глаз отсутствующую черную повязку, нацепленную, словно перед расстрелом. Он крепко зажмурился и тряс

перевязанной головой так, что казалось, она вот-вот оторвется, в надежде открыть глаза – и увидеть все – прежнее... Хотя какое – прежнее? Он этого не знал, смутно представляя себе родную кровать в собственном бедном, но желанном доме, где упорно пытался проснуться. Сон? Да, да, сон – очень глубокий, может быть, пьяный, такой, который так просто не прервешь. Кошмарный сон о том, что он накрепко привязан ремнями к больничной кровати, так что даже не может дотянуться и удариться головой о спинку – а вот если бы это получилось, то он бы сразу проснулся. Сон, в котором есть еще и дополнительные черные ямы, куда он каждый раз проваливался после издевательских уколов, предназначенных, чтобы не выпустить, удержать его в этом страшном мире... Он никого не желал видеть, никого не слушал. Любое человеческое лицо, иногда начинавшее маячить перед ним, становилось объектом сначала единственной навязчивой мольбы – «Выпустите меня отсюда!!!» - а потом, без перехода – ненависти, потому что желание его исполнять никто не собирался. Они вообще не понимали, о чем идет речь, и заученно-елейно, будто разговаривая с младенцем или придурком, обещали, что его «выпишут сразу, как только он выздоровеет». Но больница была для него так, частность. Он хотел достать пропуск из этого уродливого зазеркалья, вырвать его откуда-то то ли из воздуха, то ли из темных недр собственной гулкой головы... А иногда, в просветах между черными ямами, он лежал в изнеможении и уже не пытался биться, а до боли думал, искал брешь в той бездне, над которой летел в ночи и тумане, как заблудившийся самолет с отказавшими навигационными приборами. Заговор? Похищение? Смутно припоминался какой-то завлекательный – французский? – роман о том, как несчастного ослепшего ученого выкрали – с какой целью? – забыл! – и поместили в неизвестный дом с садом, уверяя, что привезли в те места, где он вырос. Но, бродя по дому и гуляя по саду, он постепенно понял, что находится совсем в другом месте: воздух, что ли, пах не так или ветер дул не отсюда... Нет, это он сейчас придумал, а в той книге было – вернее, не оказалось на

нужном месте – дерево... Апельсиновое... Абрикосовое... Когда бедняга об этом сказал, дерево на следующий день появилось... Ему пытались внушить, что он вчера ошибся и искал не там, но он-то знал доподлинно, что его обманывают, и дерево специально посадили, «по заказу»... Шаг за шагом, сражаясь за свое достоинство и из последних сил думая в полной темноте, жестко ограниченный во всех средствах борьбы, среди хитрых и безжалостных врагов, герой постепенно по кусочкам складывал чудовищный пазл отвратительной интриги против него... Вот и ему надо теперь взять себя в руки и вычислить тех, кто... Бред. Кому он нужен. Даже если предположить, что пронял кого-нибудь стихами до печенок, то просто и надежно шлепнули бы – и без досадной промашки, кстати. А устраивать вокруг него такой дорогостоящий спектакль... Который никогда не окупится – что с него, нищего, взять? Предположить, что это... правда? Нет, невозможно... Хотя бы потому, что он все помнит – досконально. А этот Лупоглазый начал было заливать ему баки, что он, дескать, перевернулся в собственной машине, вылетел в канаву и долго выползал оттуда в темноте с разбитой головой... Какая машина, он и водить-то никогда не умел! И учиться бы ни за что не стал – из принципа: народ в стране миллионами мрет, а он, честный трудяга, как бизнесмен какой-нибудь, начнет на авто рассекать... Вот бы позор! И случилось все, якобы, только пару дней назад. Да зима тогда была, зима, что они ему впаривают, за окном же лето!!! И потом – тетка эта, которую ему подсовывают в качестве жены... Он ей так и выдал в то утро, когда она тут перед ним комедию ломала: «Вы в зеркало-то себя видели?! Кто вообще на вас мог жениться?! Я что – на извращенца похож?! Мою жену зовут – Валя! Ва-ля, поняли? Приведите мне мою же-ну!!!» Сама костистая, как мужик, морда грубая, волосья жесткие, духами прет, как от последней... Он бы даже в помрачении ума на такую не залез!

Не сходились концы с концами – это было очевидно. Значит, все-таки заговор. Пусть пока не понятно, кто и зачем – выяснить! Не пиццать здесь, как слепой кутенок, вынутый

из-под сучьего брюха, а думать и бороться. Перехитрить их, притвориться, что верит их дурацким рассказням, усыпить бдительность – и сбежать. Главное, вырваться отсюда, а там видно будет. Да ведь его же ищут, наверное! Конечно, ищут, пока он заперт тут в клинике! Если это вообще клиника... Валя с ног сбилась, в милицию заявила, на работе его хватились... Из Лито телефон обрывают – он ведь без вести пропал, шутка ли! Увидеть людей, которые не в заговоре, просто прохожих попросить о помощи... Телефон найти, позвонить... Но для этого надо, чтобы развязали и не кололи... Кстати, кстати... Колют ведь – так наверное, у него галлюцинации? На иглу посадили? Как минувшие времена диссидентов в советских психушках, так и его теперь дерьмократы превратят в покорное растение... О, нет, только не это!.. Он опять горестно взвыл, предчувствуя неотвратимое низвержение в пропасть ужаса, как в Мальстрем. Стоп, стоп, стоп. Раз он сообщает, значит, это еще не конец. Собрать всю волю... Остаться человеком... Поэтом, гражданином – как это он забыл... Ага, вот и медсестра. Слава Богу, молодая и не из тех огромных страхолюдин, которые тогда повалили и душили... Правда, лицо какое-то непроницаемое... В любом случае, говорить спокойно, чтоб увидела, что не буйный, тогда доложит по начальству... Так, улыбнуться... Как слушателям – самой располагающей улыбкой...

- Сестрица... - хрипло сказал больной, ужасно гримасничая, так что девушка в высоком крахмальном колпаке едва не отпрянула.
- Мне – это... Легче гораздо. В общем, понял все, осознал, раскаиваюсь... Ну, и так далее... Биться, короче, не буду больше. Можно, вы мне хотя бы одну руку отвяжете? И трубку принесете – у вас ведь здесь есть, да? Конечно, есть, ведь клиника такая продвинутая... Мне позвонить надо. Домой... Очень вас прошу...

Он ни на что не надеялся – просто бросал пробный шар наудачу. Она, откажет, разумеется, но, может быть, по тону удастся что-нибудь определить. Степень опасности, что ли...

- Конечно, - на матрешечном личике сверкнула быстрая и ослепительная, как магниевая вспышка, улыбка. – Тут ваш собственный ай-

фон есть, он не пострадал нисколько, мы его только отключили, чтобы вас никто звонками не беспокоил. Одну минуточку... - и медсестра исчезла из поля зрения, оставив озадаченного пациента слушать всегда приятное мужскому уху цоканье тонких каблучков.

Сзади прозвучала как бы короткая музыкальная фраза, за ней послышалось спокойное гуление медсестры, увенчавшееся загадочными словами: «Ага, ну вот... И батарея почти полная...» - и каблучки вновь вернулись на исходную позицию, у запястья связанного что-то щелкнуло, правая рука обрела легкость – и тотчас в ладонь ладно легло нечто плоское и прямоугольное. Поэт недоуменно поднес руку к лицу, глянул: его пальцы сжимали невиданный пластиковый прибор черного цвета, почти всю поверхность которого занимал гладкий темный экран, как у выключенного телевизора, только не выпуклый, а ровный. Рука произвольно стиснула непонятную штуковину крепче – и экран вдруг вспыхнул ярким, неестественным светом, как на пульте незаконно посещенной любопытным грибником аварийно покинутой хозяевами летающей тарелки... Перед тем, как изо всех сил отшвырнуть испускавший тугие волны опасности неведомый предмет, Поэт еще успел увидеть в прямоугольнике света знакомое ненавистное лицо – улыбающуюся рожу мнимой жены...

- Сволочи!!! – завыл он протяжным, как у Шаляпина, басом, извиваясь и силясь разорвать свои мягкие, но несокрушимые путы. – Все вы тут заодно!!! Сдохните, гады, со своими фокусами!!! А-а-а!!!

Раздался негромкий звон, каблучки испуганно метнулись к двери, из коридора сразу же донесся взволнованный щебет:

- Думала, опомнился, а он айфон за штуку баксов – хрясь – и об стенку!.. И теперь, ревет, как мамонт, слышишь?! Ага, сама иди – у него одна рука отстегнута! Петра Игнатъича звать надо...

А Лупоглазый был уж тут как тут: еще доглатывал Поэт остатки крика и слюны, размазывал временно свободной рукой щипучие, как укус, слезы – а он уж сидел в благоразумном отдалении, сцепив и свесив меж колен свои страшные, как у злого гнома, узловатой

сетью жил повитые руки, звучал его серьезный, с гнусной хрипотцой голос:

- Ну, что ж, уважаемый. Сон вас, как я вижу, не лечит. Переходим на шокотерапию.

Обернулся на дверь, бросил, не повышая голоса:

- Заносим.

Поэт ощутил мгновенный прострел под ложечкой, потому что ему смутно представилось, что заносить можно только труп. Но ничего подобного. Двое дюжих медбратьев в нежно-голубой форме уже затаскивали в палату что-то плоское, блестящее и черное, похожее на полированную столешницу журнального столика. «Спокойно, - велел себе Поэт после секундного замешательства. – Спокойно. Ничего особенного. Это обычный ультрасовременный телевизор для новых русских. Его можно, как картину, на стенку повесить». Даже чуть-чуть интересно стало: вот выпал же случай посмотреть, как это чудо техники работает – а так ведь заказано было! Дома они с Валею нарадоваться не могли на родительскую тучную, не сдвигаемую с места, покрытую плешивой соответственно возрасту гипюровой салфеткой «Радугу» первого поколения: пашет и пашет себе уже четверть века, и ничего ей не делается... Между тем телевизор был споро пристроен высоко на стену, где, как оказалось, давно уж имелся специальный кронштейн, – прямо напротив страдальческого ложа приговоренного.

Лупоглазый небрежно махнул назад зажатый в руке продолговатым пластмассовым брусочком (Поэт успел приказать себе не пугаться, потому что вовремя вспомнил про существование хитроумных пультов, включающих в богатых домах технику на расстоянии) – и огромный экран с тугим электронным чмоком вспыхнул, будто вмиг распахнулось гигантское окно в параллельную реальность. Врач обернулся, а Поэт невольно зажмурился.

- Надо же, как кстати! – услышал он бодрый голос Лупоглазого. – Гляньте-ка – узнаете... товарища?

Опасливо взглядевшись в экран, Поэт нахмурился на беззвучно хлопавшее там губами большое желтое лицо и потрясенно прошеп-

тал:

- Узнаю, конечно... П-президента... Но что это с ним, а? Не запил же он, как предыдущий... Или чего – болеет, да? Рак, что ли? – тут ему было, с чем сравнивать: мама ведь вот именно так, на глазах, потухала. - Блин, за полгода будто на десять лет постарел...

- На тринадцать, - сухо уточнил доктор. – А это вам как?

Экран как раз слепо перемигнул, и пошли странные кадры нештучной бомбежки мирного южного городка – или, скорей, минометного обстрела, потому что по вечернему небу наискось неслись частые электрически белые плевки, похожие на залпы «катюши». Без перехода были показаны залитые явно не северным солнцем руины, среди которых кое-где укромно лежали целомудренно покрытые трупы – и безмолвно кричали в камеру, грозили яркому небу опухшие от слез бледноволосые женщины...

- Чечня? – догадался Поэт и сразу же, ну-тром испугавшись, отрывисто прошептал: - А почему это ба... в смысле, женщины... Русские они, что ли?!!

- Украинки, - мрачно сказал Лупоглазый, снова небрежно махнул рукой – и экран погас.

Настала нехорошая тишина – и сразу начала сгущаться, как сумерки. Единственной действующей рукой Поэт непроизвольно сгребал тонкое одеяло и медленно тянул его вверх, к ритмично заработавшему кадыку: он давился ужасом, осязаемым и чудовищным, будто недовольный жизнью в утробе глист, пробивающий себе дорогу вверх, к свету. В ушах застрекотало – даже почудилось, что где-то за стеной заело чью-то бойкую речь по радио, и, что совсем уж удивительно, в ослабевших, как ноги от страха, мозгах успела сбивчиво мелькнуть идиотская мысль: ну, не машина же это времени, в конце-то концов...

Это было единственное, что в самом скором времени подтвердилось. Когда через полчаса грамотно заколотый не до бесчувствия, а лишь до тупого равнодушия пациент, освобожденный от гуманных медицинских пут, смиренно и плоско лежал под ровно расстеленным по нему одеялом, Лупоглазый сидел уже

не на безопасном расстоянии, а доверительно, как одноклассник на постели больного друга, пристроился у него в ногах. Он говорил – хрипловато и необидно усмешливо – а больной слушал и не возражал, без интереса следя за жирными солнечными зайцами, лениво прыгавшими по потолку.

- Будем считать, наш следственный эксперимент подтверждает результаты, хм, оперативного расследования... По крайней мере, мы знаем, с чем имеем дело, а это уже кое-что. Могу вам доложить, уважаемый, что драгоценная ваша, хм, голова пострадала дважды. Причем, позавчера – это уже второй раз, так-то. А первый – тринадцать лет назад, когда кто-то вас действительно легонько стукнул по макушке монтировкой, после чего оставил на вас, хм, только трусы – даже обувь с носками унес, не побрезговал. Легонько – это потому, что если б посильней, - вас бы тогда же, хм, и похоронили. А вы – ничего, молодцом: до первой квартиры в бельэтаже по лестнице доползли, в дверь там снизу стучали, лежа. Соседи нашли вас, узнали и за женой вашей – первой, имеется в виду – сбегали. Нашли мы ее. Собственно, это все именно она сейчас по нашей просьбе и рассказала... Как же вы это с ними так, в эдакий-то гадюшник, хм... Ладно. Ну, в общем, в больничке неделю провалялись, да и дело с концом. Все с вами прекрасно обстояло – одно только не так: обстоятельства нападения у вас намертво, хм, выпали, так сказать. Но вам это не мешало, потому что если б и помнили – сами бы забыть пожелали. А так – тишь да гладь, и голова не болела. Через год жену с дочкой вы без лишних сантиментов, хм, бросили, женились вторично и...

- Доктор... вы ее... видели? – заплетаясь, впервые перебил Поэт. – Я... бы на такой... и под наркозом не женился...

- Под наркозом – возможно, - кротко согласился врач. – А наяву люди чего только не делают. Короче, начали вы с новой женой жизнь с чистого листа... Бизнес у нее там какой-то хилый был – с языками, хм, что-то связано, я не очень понял, да не в том дело... Запряглись вы вместе и в гору потянули. Су-пруги – это значит «запряженные совместно кони», слышали про такое? Нет? А у меня вот дочь на

лингвиста учится... Словом, агентство какое-то у вас там процветает. Денег нажили. Накупили всего, ясное дело. По миру покатались. Идеальной, хм, слыли парой...

Больной было протестующее забулькал, но врач скорчил быструю мягкую гримаску:

- Точно вам говорю. Там, внизу, не только она сидит и плачет, но и друзья ваши какие-то толкуются, судят-рядят... Дальше что? Жили не хуже других, даже интеллигентно, ведь она же у вас, хм, иняз закончила. Ну, а на днях ехали вы с ней с дачи на «мерине» своем – и подрезал вас на трассе какой-то придурок. Собственно, я это вам говорил уже, да вы вдруг реветь начали, как кабан недостреленный. Я тогда сразу и не въехал, что с вами – вы ведь поначалу так, хм, осмысленно говорили... Как ползли, рассказывали, про руки в крови... Дату рождения назвали... Я так порадовался, что про нынешнюю-то дату и не спросил! Показалось, что и так все ясно... Да, так о чем бишь я? Словом, ничего необычного. Вы на скорости сто тридцать – на встречу и в кювет. Тут бы вам, хм, и крышка – да в канаве кусты росли, густые. «Мерс» ваш так в них и запутался, как подводная мина, хм, в водорослях. Жене ничего не сделалось – только подушкой безопасности нос ей подбило. Ну, а ваш ремень почему-то отстегнулся, и вас сначала головой хорошо мотнуло, а потом и вовсе, хм, из машины выкинуло. Ну, порезало трошки, некритично... Пока она сообразила, что да как, да на помощь вам полезла сквозь ветки эти все – так вы уж, хм, и сами по откосу канавы всюю ползли. Ну, а там и народ, хм, набежал. Такие вот дела.

Обхватив себя руками, Лупоглазый немножко покачался взад-вперед, словно у него болел живот, эластично покрутил мягкими выпученными губами... Пациент молчал, совершенно раздавленный.

- Ну, и какой тут вывод можно сделать? – сам себя спросил врач и сам же ответил: - Да очевидный. Ваша ретроградная амнезия сопровождается полной дезориентацией во времени. Второй удар включил вам память о первом. И полностью вырубил все, что было после. Вы проснулись памятью там – в декабре две тысячи первого. А телом – сегодня.

Знаете, какой нынче год?

Но не это интересовало сейчас несчастного больного. Не это вдруг пронзило ему его бедную, слишком много испытавшую голову.

- А... стихи... - беспомощно пролепетал он. - Мои стихи - они как же... Доктор, я ведь - Поэт...

...Это же целая река боли. Нет, море. Или даже океан...

Никакие таблетки ее не притупляли. Это глупости, что таблетки могут обезболить душу. Они способны только сломить в человеке сопротивление. Погрузить в мутную воду, где нельзя дышать и страдания только сильнее. Он однажды видел такое на кладбище, когда с еще живым отцом навещал уже мертвую мать. Неподалеку шли многолюдные похороны, вой стоял до небес, причем, даже мужики, не стесняясь, плакали. На гроб он старался, разглянув, больше не смотреть, потому что тот показался ему странно коротким, а про то, что за этим стояло, думать было совсем невозможно. Так вот, одна женщина, которую жадно вели под руки две других - единственная из всех не плакала, а молча шаталась. Ему сразу стало понятно, что именно это - мать. Ее накачали лекарствами так, что она едва ли могла что-то видеть и понимать, но то, что ее боль была не менее, а более мучительна, чем у других, криком кричащих (теток, наверное, каких-нибудь или бабушек) - бросалось в глаза. Теперь он про ту женщину все время вспоминал, теперь он и был - ею.

Поэт давно уже понял, что противиться бесполезно, что правда Лупоглазого - вот она, перед ним: чужая жестковолосая женщина, похожая и лицом, и жестами на болотную корягу. По неправильному ее, подпухшему лицу было понятно, что где-то за кадром она часто и помногу плачет - но что ему было до того! Это не у нее пропало из жизни почти тринадцать невозвратимых лет! «Вася... пожалуйста... Поверь мне... Все еще вернется... Обещаю тебе... Обещаю...» - иногда тихо говорила она и тянулась к нему своими длинными сухими губами. Поэт отдергивался с настоящим омерзением: поймала его, приволокла - что ж, тут он ей пока помешать не может. Но уж

целовать - это извините. Он вздрагивал, когда она норовила к нему прикоснуться, чтобы похозяйски что-то на нем поправить, таблеток из чистых наманикюренных пальцев брать не мог - брезговал. Попросил, чтобы приносила в упаковке - и сам на свою ладонь выдавливал, под пристальным взглядом ее - глотал. Упорно звал на «вы»: «Я вас не помню, понимаете - не помню! Говорите, что хотите, но вы для меня - посторонняя!!» Еще девица какая-то жирафовидная мелькала где-то на заднем плане - все хихикала, как придурочная. Слава Богу, хоть в дочери ему вместо Доли никто ее не навязывал. Коряга сама ее обеими руками за дверь выпихивала, как только та к нему в комнату совалась. Как же больно, как же больно ему было... Из комнаты своей выходить отказался, еду туда же требовал, только в уборную выходил - и то почти рычал по дороге от бессилья: не мой это дом, не мой! Мебель кругом стояла добротная, кричаще господская, западная какая-то, не для русского человека, аскета и трудяги по сути своей. И все предметы кругом предназначены были для того, чтобы владельца своего развратить, отучить от труда, избавить от малейшего неудобства... В унитазах вода - и та без всяких человеческих вмешательств сливалась раз в три минуты, когда крышка откинута была - надо ж до такого свинства дойти! В коридор как выходил - там свет сам собой зажигался, приятный такой, матовый... Да за кого ж они его принимают?!

Однажды, когда ни Коряги, ни дочери ее чокнутой дома не было, решил из комнаты своей выбраться и побрел на экскурсию - надо ж было посмотреть, куда заточили. Обратно к себе еле добрался - так расстроился: да что ж за скоты в этой квартире живут! Он вспомнил, как, на сутки предварительно замочив в ванной два комплекта белья, их большой и дочкин маленький, Валя несколько часов стирала их хозяйственным мылом в горячей воде своими давно загрубевшими от работы, до багровости распаренными руками с вросшим обручальным кольцом - и пена брызгала ей в маленькое кроткое лицо, а она тщилась согнать ее, смешно дуя вверх из-под нижней губы... Потом кипятила с хлором, полоскала,

отжимала, развешивала... Падала чуть не замертво после работы такой, и так – два раза в месяц! А в этой мерзкой квартире с четырехметровыми потолками урчала и переливалась огнями, как новогодняя елка, толстая глянцева машина, без напряжения ворочавшая в круглом окошке, наверное, полцентнера диковинного, не белоснежного, как издавна, матерью его еще, и до нее – всеми бабками заведено было, а темно-синего, в красных маках белья! На кухне такая же, но поменьше, с тревожным гулом мыла посуду – уж это-то может нормальная женщина сама делать?! Плита была не похожа на плиту (каток какой-то полированный, дотронуться страшно!), раковина на раковину, чайник на чайник... Небольшой блестящий прибор с окошком и решеткой внутри при попытке открыть его, больно укусил Поэта за палец. Холодильник оказался ростом под потолок, серебристым, как ракета с ядерной боеголовкой, чудищем, беспорядочно набитым до отказа разноцветной, заведомо несъедобной снедью, в количестве, достаточном для стратегических запасов небольшой страны! Ему что – хотят сказать, что какой-нибудь месяц назад он считал все это своим и нормальным? А теперь ему оставалось только «вспомнить», и тогда все «вернется»? Вернется – вот это? Да что они все – спятили?! Вдруг ему вспомнился их с Валеи рокошующий, словно самолетная турбина, и подпрыгивающий от рвения кругленький, облупленный, похожий на голубоватое вареное яичко, «Мир», который никогда заполнялся и до половины... Но после редких семейных праздников там всегда стояли пол-литровые баночки с недоеденными салатами – так радостно, бывало, наутро положить себе хорошую ложку «шубы», как бы полузаконно продлевая вчерашнее застолье... И что – ничего этого больше никогда не будет? Ни-ког-да?

Павший было на взволновавшийся под ним благородно кремовый кожаный диван, Поэт встрепенулся, будто проснувшийся воробей. А почему, собственно, никогда? Голова проясняется, значит, пора принять таблетки – а если он их не примет? Не вернет себя в ставшую привычной физическую заторможенность? Он здесь что – пленник? Почему

он сидит, как идиот, на диване и терзается мнимыми потерями? Он же мужик, в конце концов – почему он позволил так себя опустить? Да валить отсюда надо, пока Коряга с девкой своей чокнутой не вернулась и не заперла его тут навсегда! Поэт вскочил, сразу ощутив всеми порами невесть откуда нахлынувшую решимость: ну, конечно! Все же элементарно! Если дверь не заперта снаружи, он просто – вернется. Вернется туда, и они начнут сначала... А это все – забудет... Да оно и забыто уж! Дочка, наверное, подросла, совсем барышня стала (смутно предположился стеснительный угловатый подросток с худыми нескладными конечностями)...

Длинный, как поезд, шкаф-купе с одеждой тянулся от края до края коридора. Поэт с силой отодвинул одну дверь и попал на Корягину половину: там было тесно от ее нарядов, будто в трамвае в час пик. Стерва. Народ русский голодает, а она в шмотках потонула... Он зверски толкнул дверь обратно, взялся за другую, потащил в противоположную сторону... Кстати подвернулось воспоминание о том, как лет пять назад они решились на покупку нарядного платья для Вали. Он и сам тогда принял предстоящее важное семейное событие близко к сердцу, несколько часов ходил с женой по Троицкому рынку, волновался, советовал... Ему хотелось, чтоб непременно розовое, сверху узкое, снизу широкое, как у мамы было когда-то. А Валя и ему угодить стремилась, но, в то же время хотела, чтоб и самой нравилось: обидно же – раз в жизни собралась что-то новое купить, а не чужое донашивать, и вот будет не по своему, а по мужнину вкусу... У нее слезы даже в глазах стояли, а он сердился: «А ты для кого стараешься? Кому хочешь нравиться? Мужу или себе самой? А может, посторонним?» Так и не нашли подходящего платья, чтоб обоим понравилось, а вместо этого купили ему дорогой свитер: Валя вовремя вспомнила, что на грядущем поэтическом вечере выступать Поэту не в чем, обтрепался вконец, вовсе на Эзопа-раба похож стал; скромность скромностью, но нельзя же совсем уж оборванцем выглядеть, люди не поймут – а ей-то куда наряжаться, если честно? Так что подождет, не рассыплется... Тогда ему вполне

справедливым показалось, а теперь как бы и жалко ее стало...

Дверь мягко отъехала в другую сторону, и опешившему Поэту предстал словно магазин мужской одежды. Костюмов висело! Всех цветов и на все сезоны! Одних замшевых пиджаков штук пять на первый взгляд – а уж рубашек! Коробок с ботинками – не сосчитать... Обомлел Поэт: это вот что – он себе сам все купил? В тряпичника его превратили, как развратную бабу?! Гордо выпрямился и понял: не было такого. Не могло быть. Он – другой. Пусть он еще не понимает, что тут за подстава, но такого не потерпит. Ничего, сейчас разберется: пустяки остались, только до дома доехать... С деньгами проблем не было: прямо у входа на тумбочке фиолетовый комок мятых пятачков валялся, как мусор – а ведь это же целое состояние! Ничего, он не вор: до копейки этой вернет, когда все обустроится, а сейчас вроде как одалживает. Одежду специально взял самую скромную: серые брюки, свитер в ромбик, как всегда носил, и ботинки черные.

Когда перед дверью оказался – сердце на миг захолонуло, будто перед нырком: вдруг изнутри не отпирается, тюрьма ему тут междометно устроена? Тогда плохи дела, ломать придется, а дверь-то железная... Но ничего, обошлось благополучно: недолго поупрямившись и зловеще пощелкав, толстая металлическая дверь тяжело подалась наружу...

Еще не окрепшие после болезни ноги несли его по улице поначалу не очень ровно, но с каждым шагом набирались похвальной уверенности. Теперь, когда страшные декорации были убраны из поля зрения, казалось, что ничего необычного не произошло: он просто несколько лет отсутствовал в родном городе. Возможно, отмотал десятку как узник совести, или заколачивал нелегкую деньгу на дальнем прииске, а может, пел собственные песни у геологического костра (последнее было совсем уж маловероятно, потому что, одно время вознамерившись слегка изменить свой творческий профиль и переквалифицироваться в более понятного и близкого народу барда, он взялся было учиться гитаре, но потерпел неожиданное и унижительное фиаско). Город

оказался вполне узнаваемым, и это радовало всерьез: не надругались над ним в его отсутствие, не возвели непристойных башен в историческом центре, не пустили маршировать по улицам обмундированных янки с тяжелой челястью... И, по обыкновению недоступные для него, но, как и теперь он был искренне уверен, готовые раскинуться под любым куркулем из иномарки, русские женщины сияли повсюду своей спокойной, не увядающей и в старости красотой.

В метро, однако, чуть не заблудился, запутавшись среди внезапного обилия новых станций, но, выйдя, наконец, на своей, с детства привычной и ничуть не пострадавшей, удачно подбросился по прямой на маршрутке; там только с десятков метров пройти оставалось. Он упруго прошагал их, дыша чуть глубже и чаще обычного: все-таки вдруг Валя ему не обрадуется? Вдруг... замуж за кого-нибудь вышла? Да нет, ерунда... Быть такого не может, кумиры так легко с пьедесталов не падают – это революция нужна, какая Валечке не под силу. Да и кто, строго говоря, на нее польстится... Ну, поплачет немного – это уж само собой... Вполне законно, можно позволить. А он и объяснять ничего не станет – просто придет к себе домой. Да и квартира-то его собственная, он там родился, вырос и всю жизнь прожил – какие тут нужны объяснения? Подбадривая себя всеми этими не лишеными оснований и вполне здравыми рассуждениями, Поэт подошел вплотную к родному подъезду.

И увидел, что парадная дверь, мутно блеснувшая на него двумя оскольчатыми верхними оконцами, будто треснувшими очками, заколочена крест-накрест парой занозистых досок. В полном недоумении, чувствуя шершавую пустоту внутри, он задрал голову, отступив на шаг: ряды пыльных, темных, кое-где разбитых окон, лишенных занавесок, кошачьих голов и гераней, слепо пятались на шумную солнечную улицу.

В этом доме давно уже никто не жил.

Глава 4 Долина доля

Ко всему привыкли обитатели аварийного дома за городской окраиной, округло называемого властями «неблагоустроенным жильем». Здесь в середине второй декады двадцать первого века жили настоящие питерские ссыльные, и многие из них именно так себя и называли. Выводить их в расход, вроде бы, пока стеснялись, но и возиться с ними мегаполису-фавориту, официально называемому «город для обеспеченных людей», было недосуг, потому что они не годились для использования даже в качестве obsługi... Сюда на вполне законных основаниях были по суду выселены из благополучных домов те несчастные, взыскивать с которых достигшие астрономических цифр долги по квартплате было делом безнадежным, а суммы тех самых долгов, порой сопоставимые со стоимостью скромного космического корабля, уж конечно, значительно превышали рыночную цену их бедных запущенных квартир, ныне по всей справедливости отошедших кредиторам... Естественно, что контингент жильцов состоял в подавляющем большинстве из людей вполне асоциальных, на свободе резвившихся временно и по недоразумению. Даже опытная районная полиция обходила это гиблое место стороной и в относительно мирных, без большой крови, разборках местного населения никак не участвовала, традиционно приезжая только «на трупы», а это и так происходило впечатляюще регулярно. В основном, отверженные, конечно, околевали сами, чаще всего поутру, когда кто-нибудь попросту не просыпался после ночной тусовки с банкетом. Никто не видел в этом ничего особенного, дело считалось настолько привычным, что ровно никак не меняло жизненного уклада на сей раз оставшихся в живых друзей и родных покойного. Несколько больше волновали общество происходившие реже смертоубийства, всегда осуществлявшиеся одним из двух наиболее надежных способов: либо резали «как барана», либо закалывали «как свинью». Впрочем, в качестве экзотики, изредка били по голове чем-нибудь тяжелым. На памяти Доли пока использова-

ли один раз чугунный утюг, а другой – банку консервов «килька в томатном соусе». Дети тоже умирали своей смертью – от двух же основных болезней под названием: «чего-то съел» или «где-то прохватило». Врачи сюда и сами не ходили – дом не числился ни за одним участком детской поликлиники – и «скорые» никто не вызывал, имея на то железное основание: «Да чего они могут-то!». Зато уж кто выживал...

Случалось, что сюда попадали и люди прямо противоположного типа – в основном, одинокие женщины с детьми, надорвавшиеся в жизни и заведомо неспособные ей противостоять. Такие, как Долина мама. После того, как еще там, на старом месте, папа ушел от нее к другой женщине, она ни разу не плакала – а только слушала и вздрагивала. Доля знала: мама слушает лифт, инстинктивно ожидая, что он чудесным образом привезет обратно их маленького, виноватого папу с круглой колючей головой. Лифт у них имелся особый, каких ни у кого из Долиных подружек в домах уже давно не было. Он не спеша ходил вверх-вниз по забранной частой стальной сеткой шахте, сам был уютно деревянный, полированный, умел дружелюбно скрипеть и приветливо постукивать смазными колесиками. Две его узкие, снабженные сильными злыми пружинами дверцы способны были чувствительно поддать под зад замешкавшемуся на входе пассажиру, а на каждом этаже имелась собственная решетчатая, с витыми чугунными узорами, громко лязгавшая дверь. Одним из любимых развлечений маленькой Доли было забраться на верхний седьмой этаж, вызвать лифт и прижаться лицом к решетке. Неповоротливое железное чудище медленно всплывало снизу, из глубокой шахты, предшествуемое черными штырями и выступами таинственного назначения – будто поднимали на тросах из океана древнее затонувшее судно. Доля наизусть знала всю нехитрую мелодию, состоявшую из музыкальных щелчков и гуда разной тональности, которую их лифт напевал, продвигаясь от первого этажа к последнему, и всегда можно было с точностью определить, какой этаж он проезжает, где высаживает беспечных ездоков... Знала теперь простую музыку

надежды и мама – но только до пятого этажа. Пока лифт не миновал их площадку – она напряженно молчала, и руки ее, неизменно занятые каким-нибудь важным делом, обязательно замирали, будто тоже слушали. Если железная дверь грохотала на их этаже... Нет, вспоминать то мучительное выражение маминых глаз и рук Доле и теперь было не вмоготу. Зато, если лифт проезжал мимо, лицо мамы в ту же секунду будто потухало, а руки безошибочно возобновляли привычный труд с прерванного движения...

Потом Долорес узнала, что при разводе родители заключили между собой определенный, весьма справедливый договор. Поскольку отец полностью осознавал свою вину перед покинутой женой, а на особые алименты от него ей рассчитывать не приходилось, то он, желая компенсировать как материальные, так, отчасти, и моральные убытки, выписался с их площади. Предполагалось, что в самом ближайшем будущем бывшая супруга приватизирует жилплощадь и таким образом станет полноправной и единоличной владелицей недешевой частной собственности – хорошей двухкомнатной квартиры в центре города, стоимость которой далеко превысит любую сумму, которую она могла бы получить от беглого мужа в качестве алиментов. Но Доля была тогда лишь восьмилетней девочкой, и думать по-настоящему еще не умела, а мать ее ни дня своей жизни до развода с мужем не жила своей головой. Сначала каждый шаг ее планировали старшие разумные родственницы, а потом непрактичный, но талантливый, обожаемый ею муж. Правда, нищета в их доме и при нем жила на законном основании, будто тоже прописанная в квартире и не подлежащая выселению – но являлась предметом кастовой гордости, ибо, как известно, честные люди богатыми не бывают, особенно если один из них – поэт. Такому и вовсе стыдно. Доля так и отвечала подружкам, когда они удивлялись ее скромному жильству и застиранному гардеробу: «Зато у меня папа – поэт!» - и далеко высывала свой симпатичный, как у всякой здоровой девочки, язык.

Вскоре после папиного ухода маму уволили с одной работы, потом с другой, потому

что везде сокращались некие «штаты», и Доля не понимала, почему это драматическое сокращение так влияет на жизнь их маленькой семьи. Ведь если они так уменьшаются, то почему все так мечтают туда попасть? «Свалил в Штаты», - с завистью говорили у них в классе про одного без вести пропавшего мальчика. Там уж и жить, наверное, скоро станет негде! Розовые квитанции, называвшиеся «за квартиру» (так никогда и не приватизированную), мама даже не пыталась оплачивать, и Доля слышала, как однажды она говорила знакомой в «их» считавшимся чуть ли не личным магазинчике, что если платить за все остальное, на что и так приходится отрывать от еды – свет-газ-телефон – то «ничего не сделают». Она хорошо помнила толстую плотную стопку тех квитанций – и утро, когда мать трясущимися руками заталкивала их в сумку, лепеча про какой-то «суд». На этот счет маленькая Доля была совершенно спокойна: никакой суд маме абсолютно не страшен, потому что уж кто-кто, а ее мама никаких преступлений совершить не могла. Так оно и вышло. Та пачка квитанций исчезла навсегда – но летом они не поехали на дачу в садоводство, а до конца каникул просидели в пыльном, шафрановом от дыма горевших торфяников и вездесущего света злого желтого карлика городе. Но Доля даже радовалась, что мама продала проклятую дачу: очень уж сомнительным счастьем было проводить драгоценные летние дни на узенькой полоске их участка, где только едва заметная тропинка была свободна от ненавистных грядок с мелкими гнилыми овощами, над которыми приходилось убиваться в любую погоду, а потом давиться в городе хрусткими «домашними заготовками», регулярно вызывавшими жестокий понос. А купание в кишасщем насекомыми и кишечнополостными пожарном водоеме и вовсе составляло один из навязчивых кошмаров Долиного детства... Радоваться она перестала через десять лет, когда, чтобы заставить исчезнуть новую, еще более плотную и жирную розовую пачку, продать было уже категорически нечего. Давно переставшая прислушиваться к звукам лифта – да и кончились они после установки нового, бесшумного и безликого – мама изо всех сил

мотала головой, когда ее почти взрослая дочь предлагала все-таки прибегнуть в крайних обстоятельствах к помощи бывшего мужа: «Он – поэт, – со значением говорила она. – Откуда у него деньги? Только расстраивать зря...» Доля понимающе кивала, аккуратно, как любимую куклу, укладывая на дно своего старенького чемодана сверток с шестью тонюсенькими книгами. «Дочери – когда вырастет. Автор», – стояло на титульном листе каждой из них. Доля выучила их наизусть еще до того, как выросла, но только об этом никто ничего не знал...

В «неблагоустроенном жилье» им парадоксально повезло: в их новой квартире только одна, крайняя комната в конце длинного и темного, как тоннель подземки, коридора оказалась занятой большой пьяной семьей. Доля даже не знала точно, сколько их там, лохматых привидений обоего пола, потому что на коммунальную кухню они с мамой никогда не выходили, готовили на плитке в комнате, где имелся как специально для этого предназначенный закуток. Опасливо бегали только в уборную, предварительно убедившись, что путь свободен – впрочем, предосторожности, вероятно, были напрасны: алкоголики попались небуйные, а их безвозрастные женщины даже суетливо подтирали утром в коридоре за пахуче нагадившими в ночи домочадцами. Зато в остальных трех комнатах жила ссыльная аристократия: двое дряхлых брошенных детьми пенсионеров в пестрых лохмотьях, обманутая черным риэлтером многодетная мать, хронически судившаяся с новыми хозяевами своей уютной квартирки, и она, большая совершеннолетняя Доля, незадачливая мать-одиночка на шее у старой больной матери.

Сынок ее, пятимесячный Дима, рожденный от огромной, но не оправдавшейся любви, рос слабеньким, водянистым и большеголовым, не ведающим, что такое памперсы. Это только ради него бабушка смогла изменить, наконец, своей интеллигентной книжной профессии, не приносившей в дом и трети необходимой для жизни суммы, и переучилась на кассира супермаркета, где и трудилась теперь на полторы ставки, чтобы покупать внуку настоящие лекарства, когда его вдруг «где-то

прохватит», или отвезти в больницу, если случится ему «чего-то съест»...

Только что в квартире было тихо и светло, как, наверное, где-нибудь в далеком сосновом бору с конфетного фантика – и вдруг словно началась бомбежка. Дверь их сонной комнаты затряслась от града ударов, будто пришли кого-то арестовывать, и молодая мама бросилась открывать: она знала, что если не сделать это немедленно, то Лешка просто разбежится – и опять вынесет дверь вместе с косяками, а ей в сотый раз придется тратиться на бутылку «Охты», чтобы умелец с первого этажа восстановил подобие порядка. Доля едва успела отскочить назад, чтобы распахнувшаяся дверь ее не зашибла, и в комнату ворвался красивый, как из рекламного ролика, добрый молодец в русых кудрях и с огненно-синими сверкающими глазами, за которые два с половиной года назад и был Долей смертельно полюблен. Теперь она смотрела на него с обычным рабским страхом человеческой самки, которая знает, что сейчас ее будут бить, это неизбежно, и помощи ждать неоткуда. Он замахнулся с порога – и женщина инстинктивно отпрянула, зацепив пирамиду ветхих картонных коробок, так толком за многие месяцы новой жизни и не разобранных. С глухим бумажным стуком коробки повалились на драный линолеум, а Доля неуклюже плюхнулась сверху. Лешка, собиравшийся, по обыкновению, засветить ей прямо в недавно подживший глаз, – чтоб не пялилась на него наглыми буркалами, вниз смотрела, как бабе положено – не успел вовремя переменить траекторию удара, отчего кулак его со всей силы врезался в капитальную стену – да так больно! Так унижительно!

- Ах, вот ты как... - удивленно пискнул он, разглядывая до мяса пробитые костяшки, где сквозь черную грязь красиво проступили ярко-алые капли. – А я-то с тобой по-доброму хотел... Ну, теперь пеняй на себя, мразь...

Он угрожающе развернулся к застывшей от ужаса Доле, но она вдруг с визгом проворно отползла по осыпающейся горе коробок в сторону и вскочила на ноги. Лешка хотел рвануть ее за волосы и так, держа одной рукой, другой отделать уже не по-детски, но подлая

баба опять увернулась и бросилась наутек. Правда, догнать ее ничего не стоило: достал ногой, пнув со всех сил под колени, она сразу грохнулась, как мешок с травой – и уж тут-то он больше измываться над собой не позволил! Враз показал, кто тут главный, а то забывать стала – белую из себя корчит, пушистую... Не хотел ногами, не зверь же – так ведь нет, заставила, гнида! В общем, отпинал по-взрослому, жаль только, рожу она руками закрывала – похорошему, давно бы пора на затылок своротить... На крики-то все равно никто не прибежит! Остановился вовремя, чтоб до срока не вырубилась, иначе какой с нее навар!

- Ну, чего? – спросил, отдышавшись. – Хватит или еще добавить?

- Леша... - прорыдала, грузно откинувшись к стене, женщина. – За что ты со мной так?..

- Было б за что – вообще бы убил, - резонно ответил он. – Бабло, сука, гони, если второй серии не хочешь.

Алексей был абсолютно трезв, и деньги ему требовались не на водку. Умный парень, он давно решил для себя, что в существо гораздо более гнусное, чем человекообразная обезьяна, никогда не превратится. Этими тварями, людей никаким боком не напоминающими, и так кишел весь их микрорайон. И сделали их такими они, родимые: водка-матушка и наркота-гостыюшка. Ни к той, ни к другой он вовек не притронется, потому что ты только начни: сам не заметишь, как все вокруг здесь понравится, и уходить не захочется. Так и сгинешь: под разборку не угодишь – так сам к тридцати от цирроза загнешься, как родаки загнулись. А он хотел – вырваться. Жить в чистой хазе, жрать от пуза – да с разбором, не абы что, девок топтать таких, как в журналах – и чтоб за честь почитали. Нетипичный был парень Леха Бойцов – сам это знал и гордился. Но пока здесь перебивался, хавка-то ведь тоже нужна была, не то с голоду распухнешь! Да и шмотки тоже – не бомжом же ходить, как местное население. С криминалом Леха не вязался из принципа: тут раз-два и в колонии – оно ему надо? Но не идти же было ишачить за копейки: работа человека не хуже водки к земле гнет! Да и на что она сдалась, когда на

той же площадке собственная, можно сказать, баба – самая у них в квартале богатая: мать ее кассиршей чуть не штуку баксов в месяц выбивает. И у воды – да не напиться? Тем более, не он – так другие возьмут: те вообще до копыа заберут, а он с ней всегда по-божески. Следит, чтоб щенку ее на хавчик оставалось – все ж свое семя, не чужое...

- Чего, не слышала? Бабки давай побыстрому, - почти миролюбиво повторил он, видя, что Долька только носом на полу шмыгает да сопли размазывает, а подыматься не думает. – Шевели копытами-то, а то помогу...

- Леша... - прошептала сквозь всхлипы опухшая растрепанная женщина... - Ну, нет у меня больше, ну, честное слово... Ну, вот ей-богу... Ты тогда последнее забрал, даже Димке аспирина купить было не на что... Мне мать теперь наличных не дает, знает, что отберешь все равно... Сама на работе у себя по карточке еду покупает... Ну, не могу я, Леш, больше. Оставь ты нас, а?

Доля сильно оперлась обеими руками о детскую кроватку, где, совсем не потревоженный с рождения привычными звуками, раскинувшись, спал крошечный лысый мальчик, и только тогда сумела подняться на дрожащие ноги.

- Та-ак... - обиделся Леха и пробормотал, отвернувшись: – Во-от, значит, как... Оста-авь, значит... Как спиногогрызов рожать не спросясь – так это нормально было, любо-овь, блин... А как богачке бедному человеку на хлеб подать – так это «оставь»... Хоро-ошенькое дельце, нечего сказать... Ну, спасибо тебе, милая, уважила...

И вдруг молниеносным рысьим движением он одним коротким броском с пол-оборота достиг ее, сгреб сзади за волосы и швырнул на колени, пригибая головой книзу.

- Н-на, н-на, н-на! – быстро намотав на ладонь ее перетянутый резинкой трепаный «конский хвост», он несколько раз со всей силы впечатал Долю лицом в деревянные прутья кроватки. – Будешь еще быковать у меня, сволочь?! Будешь?! Будешь?! Будешь?!

Только теперь, когда кроватка хлипкой дешевой конструкции стала подпрыгивать от страшных толчков и раздался истошный крик

матери, Дима проснулся, засучил ножками и начал жалобно, как заигранный котом мышонок, попискивать.

- Бери... - Доля уже неловко вытягивала из тесного кармана джинсов несколько горячих сторублевков. – Это все, что есть... Мама Димке на лекарство оставила, от запора. Плохо побольшему без клизмы ходит... Давно уже... Думала, вылечу... Всё, иди. Мне кормить его надо, - скороговоркой прошептала она.

- Ничего, меньше срет – меньше стирки, так что спасибо скажи, - отпустив женщину, Леха быстро пересчитал бумажки: - Это чего – всё, что ли?! Ты чего – издеваешься?!

Но Доля успела вынуть своего нудящего уже на низкой ноте мальчика из его клетки и теперь, стояла, прижимая ребенка к плечу и глядя на оскорбленного сожителя прямо и устало:

- Больше – нету, - раздельно произнесла она, и теперь он ясно понял, что это правда, точно так же, как до того знал, что баба врет.

Да и в любом случае через пацанчика он ее все равно бить не стал бы: тут силы не считаешь – да и дух из него вон. Потеря, конечно, невелика – все равно на свете не заживется – а у него, Лехи, вся жизнь сразу вверх тормашками из-за какой-то сотняги. Если и зажилила – да пусть подавится. Потом вдвое возьмем...

- Ну, смотри у меня, - желая последнее слово оставить за собой, чтоб не испепеляла тут его взглядом («Ну, зенки-то ее мы завтра разъясим – ишь, зыркает!», - сразу пришло придавшее бодрости решение), Леха поднес к ее лицу еще саднивший кулак с тремя горками запекшейся крови. – Если узнаю...

Не найдя в голове подходящего окончания фразы, грозно всхрипнул и широким шагом двинулся к выходу.

- А-а кто мой сладкий? А-а кто такой мокренький? А-а кто хочет кушать? А-а кому мамочка сейчас согреет молочка? – как ни в чем не бывало, перейдя на радостное подвывание, заговорила Доля – и ребенок ее сразу успокоился и тоже, в свою очередь, удовлетворенно загулил.

Предстояло легкое промежуточное кормление, когда не требовалось варить жидкую

кашку и натирать быстро коричневеющее на воздухе яблочко (покупать все это в готовом виде было слишком дорого), поэтому Доля только чуть-чуть подогрела на плитке в теплой воде заранее заготовленную бутылочку со смесью. Свое-то молоко пропало у нее ровно два месяца назад, когда пришедший из армии Леша в первый же день без всякого повода ударил ее, мать своего трехмесячного ребенка, с размаху по лицу. Тогда он еще ладонью бил, по-настоящему мутузить сразу не решился – но ей и это показалось ужасным, ведь до того дня ее в жизни никто и пальцем не тронул! Знала бы она...

Полулежа на руках у матери, Дима быстро высосал из бутылочки положенную ему порцию, забавно, как котенок на солнышке, жмурясь от удовольствия, – и сразу вновь начал задремывать, потому что до скандала своих родителей успел проспять совсем недолго, и теперь, сытый и переодетый в сухое, хотел добрать законное время сна. Доля уложила его под легкое одеяльце, оставив ручки свободными, и некоторое время, опустив недвижные ладони на поднятые перильца, молча смотрела на спящего сына. Со стороны могло показаться, что молодая мать с умилением наблюдает, как спит трогательное дитя, но никто не видел, что глаза ее постепенно наполняются тяжелыми обжигающими слезами.

Еще совсем недавно семнадцатилетней русской настолько, насколько это вообще возможно, девушке по имени Долорес в глубине души казалось, что произошло досадное недоразумение. В ее миловидную русокудрую голову не помещалось осознание простого и бесповоротного факта: их замечательной просторной квартиры в старинном доме с вполне симпатичными архитектурными излишествами более не существует. То есть, дом стоит на своем месте, и все так же тих и светел широкий ухоженный двор, а в комнате по-прежнему распахнута балконная дверь, ведущая в царство маминых розовых и лиловых петуний, но все это неведомым образом переместилось в некую недоступную реальность, проникнуть в которую теперь можно только способом викторианской Алисы. Доле

почему-то казалось, что их переселили сюда временно, словно упрятали в долговую яму до лучших, изобильных времен. Чтобы эти времена наступили, нужно одно из двух: либо выздороветь, как в недалеком детстве от тяжелой скарлатины, дозволившей одним глазом глянуть туда, за смутно желанную грань – либо попросту проснуться. Поэтому в первый год новой жизни она даже вещи свои особенно не распаковывала: доставала требуемое из чемодана или коробки, а потом интуитивно прятала обратно, чтобы меньше хлопот оказалось при обратном переезде. Новое место засасывало Долю постепенно, дав ей даже возможность машинально закончить прежнюю, вполне благополучную школу, которой за одиннадцать лет она ни разу не изменила, и которая отнюдь не собиралась никак ущемлять свою верную ученицу. Девочке поначалу и в голову не могла прийти кощунственная мысль, что ее любимая мама, воспринимавшаяся поначалу исключительно как жертва посторонней жестокости, на самом деле – попросту безмозглое и бесхребетное существо, из тех, что словно от рождения предназначены в мальчиков и девочек для битвы, никогда не идущего им на пользу. Эту тонконогую женщину с дрожащим голосом и широко расставленными тупыми желтоватыми глазами очень легко было бы гнать в куче таких же безликих особей на какой-нибудь массовый убой – и она не взбунтовалась бы по дороге пусть напрасным, но благородным бунтом, не повернулась бы, вскинув подбородок, лицом к палачам – а покорно опустила бы на колени, ожидая пули онемевшим затылком. Ее и гнали, не ожидая никакого сопротивления, и автоматом страшать не надо было, сама трусила рысцей... И Доля ее теперь особенно не жалела: пусть не строго фильтровавшим «базар» умом, но чутким всепонимающим нутром она ощущала, что не может никакая вменяемая мать, не будучи скрюченным инвалидом, не скатившись в невозвратимую асоциальность – взять и на ровном месте лишить своего единственного ребенка будущего, позволить выбросить из родного дома в криминальные бараки – не то что не попытавшись его защитить, но даже ни разу толком не возмущившись. «Что делать,

дочка... Что делать... Беззащитные мы с тобой...» – только это Доля от нее и слышала – похоже, и вины никакой ее мать за собой не знала. И как только папа мог на такой жениться, недоумевала она. Наверное, не до того ему было – поэт, все-таки – другого мира человек: есть жена какая-то, не мешает – и слава Богу. Собственно, это не совсем ее, Долины, мысли были. Вернее, ее, но глубоко запрятанные: в сердце у нее, наверное, тоже имелась одна нераспакованная коробка – широко открыть ее Доля никогда бы не посмела и словно тайком залезала внутрь стеснительной ладонью, каждый раз вытягивая что-то не запрещенное напрямую, но все равно несколько противозаконное.

В то незабываемое утро Доля так и не успела испугаться: они словно вышли из стены на площадке первого этажа, эти больше похожие на оживших мертвецов, чем на людей, существа с лунно-голубыми нечеловеческими лицами в бледных отсветах скупого питерского рассвета, и молча заступили ей дорогу к выходу. Не сделав ни одного резкого движения, стали бесшумно наступать на замершую девушку с трех сторон, неумолимо тесня ее к бездверному проему, ведущему в полностью разрушенную квартиру. Она не попятилась, потому что сзади было еще страшнее – и откровенно наблюдала нездешнего вида пантомиму, как не въехавший в тему театрал. Вдруг на лестнице дробно протопотало, и бессловесный жанр нарушился появлением вполне себе реалистичного героя:

- Так, мужики, слюну подтерли и свалили. Тут вам не здесь, - звучно приказал юный широкоплечий блондин, спрыгивая с последних ступенек.

- Да ладно, Леха, мы ж не знали... - покладисто согласилась одна из теней. – Думали – ничья... Застолбить хотели...

Не удостоив призрака ответом, парень молча обхватил твердой теплой рукой Долю хрупкое, как кроличья лапа, запястье и мигом вывел ее на улицу, будто сквозь стену.

- Во шустрила, а? Успел уже... - послышался сзади ничуть не осуждающий и не агрессивный голос.

- Но пассаран. Тебя ведь Долорес зовут? –

дружелюбно спросил парень. – Меня – Алексеем.

На улице уже совсем рассвело, и Доля поразила, насколько же он красив – если отмыть хоть наполовину, то просто как с картины Васнецова сошел.

- Провожу тебя до остановки, - не предложил, а сообщил ей добрый молодец. – А то ты у нас тут новая, правил не знаешь, пропадешь ни за грош, а жалко – не кикимора.

По дороге выяснилось правило номер один: девушка здесь сама по себе не ходит. Она либо чья-то, либо общая. Причем, если ее «объездили» гуртом, вот как сейчас собирались, то она так навсегда и останется, всякий, кому припрет, имеет право пользоваться, себе единолично никто уже не возьмет – побрезгует, да и не по закону это. Поэтому любой новой или просто вошедшей в возраст девушке, с какой стороны ни взгляни – а выгодней с самого начала к одному кому-нибудь прибиться, тогда другие не тронут – если правильного выберет, конечно. Тут ей и почет, и защита, и все такое прочее... Ну, а правило номер два гласило: если уж девушка к одному пошла, то за покровительство она у него вроде как в рабстве – без его слова и шагу не делает. Которая общая – та своей волей живет, зато каждый, кто пожелает, в любое время ее, где хошь, заваливает, а заартачится – могут и глаза выколоть или даже похуже чего. Но он, Леха, не дурак, нет. Он к таким бабам и близко не подходит, ему своя нужна, да не простая, а с перспективой. На Долорес он сразу глаз положил: понял, что не пропащая, и с лица ничего, и талия, как у балерины... Мечты своей не скрывает: отсюда валить надо, или карачун настанет. Потому не пьет, не ширяется, с шалавами не водится, чтоб здоровье не погубить до срока. Сейчас ему восемнадцать стукнуло, так что осенью в армию загребут – это уж не отвертишься. А через год вернется и с ней вдвоем, если она согласна, конечно, отсюда двинет. Оба на работу устроятся, распишутся, комнату чистую снимут, жить будут трезво и деньги откладывать. На взнос накопят – ипотеку возьмут дешевую, какие молодым семьям дают. А Долорес, пока он ляжку армейскую тянет, пусть времени даром не теряет, а

в колледж поступит какой-нибудь, где за год профессию хлебную дают, чтобы специальность была – не посуду же мыть. Ну, а он, когда вернется, – руки-ноги, слава Богу, на месте, котелок варит – не пропадут...

- А мама... - пролепетала Долорес, почти ослепленная сияющей перспективой жизни. – Как я ее брошу, такую беспомощную...

Лазоревые глаза хищно сузились в ответ:

- Вот тем вот... - чуть мотнул Леха пшеничной головой назад. – Которых ты только что видела... Это она, мать твоя, интеллигентка... с брошкой... тебя им под ноги кинула. Если она дороже – не настаиваю. Что ждет тебя – второй раз повторять не стану. Выбери, короче. Если меня выберешь – так я прямо напротив вас живу. Но долго ждать не буду, учти, - он круто развернулся и зашагал в разгоравшийся день.

...Доля тяжело отошла от Диминой кровати, на ходу сдирая резинку с жирных поседевших волос. Собиралась поставить чайник и развести теплой воды в тазу, чтобы вымыть давно чесавшуюся голову, кое-как обтереть нездоровое потное тело... Она обманула и разрушила все до одной Лешкины такие ясные и совсем не фантастические надежды, когда послушалась его четкого приказа и не пошла на аборт после проводов любимого в армию. Доля и сама не знала почему – просто очень уж страшным казалось само слово: это срединное «о» глядело черной дырой, из которой нет возврата, и при одной мысли о ней внутри все костенело. В результате, встретила мужика из армии вместо глазастой тростиночки, которую помнил и желал, толстая грудастая тетка с заплывшим лицом, в запахнутом на животе сальном халате. Позади нее слышался словно кошачий мяв – это надрывался их общий хилый ребенок, не имевший никакого законного места в так тщательно спланированном Лехой будущем. И он не вынес этого зрелища... «Ты во что превратилась, дрянь?» – спросил с горечью и, не дождавшись ответа, отвесил Доле пару тяжеловесных оплеух...

В дверь интеллигентно постучали – это, наверное, опять пришла пожаловаться на судьбу совсем потерявшая ориентацию в про-

странстве и времени недавно овдовевшая соседка, которую можно было принять за хорошо загримированную и талантливо наряженную актрису, играющую в пьесе из жизни профессиональных нищих. Недавно у нее произошло несчастье, нешуточно покачнувшее ее и без того нетвердый разум: похоронить однажды утром не проснувшегося мужа ей было не на что, поэтому его непринужденно («Вот здесь и здесь, где галочки, распишитесь») забрали в какой-то институт на опыты. Как и Долина мама, старушка, похожая на собственную, никак не желавшую махнуть косою смерть, тоже ничему в жизни не сопротивлялась... Дверь можно было открывать, не спросив: когда так стучат – не прибьют, проверено.

На пороге стоял, дико озираясь, опрятный мужчина с лобастой стриженной головой и гладким знакомым лицом. Доля только на секунду в недоумении сдвинула брови, но что-то уже бестолково ахало изнутри, узнав его, раньше, чем она сама: то был ее родной, ни на день не забытый отец.

Глава 5 Домой

Изнутри не донеслось никакого традиционного вопроса, ответить на который он заранее решил своим полным именем-отчеством. Дверь бесшумно открылась внутрь, и Поэту сразу стало ясно, что вежливый, но явно выживший из ума Божий одуванчик в колыхавшихся лохмотьях, только что попавшийся в начале коридора, указал ему, конечно же, не на ту комнату. В пыльной струе света перед ним стояла грузная замызганная баба, обсыпанная поверху неровными прядями волос, как гнилым прошлогодним сеном. Слишком тесная оранжевая майка, украшенная на животе огромным сальным пятном, плотно обтягивала две мощные расплющенные груди и многослойные складки жира, лезшего спереди и по бокам из чуть не лопавшихся джинсов, как упущенная квашня из кадушки. В широком, как бы подпухшем, безбровом лице тонул посерединке маленький хрящеватый носик. Интересно, хоть эта вменяемая, или во все подряд комнаты придется стучаться?

- Папа? - тускло сказала бабища. – Как ты нас здесь нашел?

По всему телу у него будто прошел мгновенный колючий озноб, а в следующую минуту в лице посторонней неопрятной женщины словно что-то проступило изнутри. Так бывало в раннем отрочестве, когда, мальчишески основательно увлекаясь фотографией, он заперся в темной ванной и сосредоточенно священнодействовал над плоскими прямоугольными емкостями; в те годы он особенно любил тот таинственный момент – от слова не «тайна», но «тайнство» – когда на глянцево-белой фотобумаге, погруженной в проявитель, вдруг начинали, как из ниоткуда, проступать сначала неузнаваемые, но быстро ярчавшие образы. Так что-то неуловимо знакомое проявилось вдруг в выпуклом рисунке ее нечистого лба, в тигрином разрезе усталых розоватых глаз, в неповторимом узоре объемных жилок на белой отекающей кисти, принявшей тоже вполне узнаваемую, уютную позу на ручке дощатой облупленной двери... Загипнотизированный очередным дежа-вю, он сомнамбулически шагнул в комнату и прислонился к стене.

- Кто адрес-то дал? – хмуро спросила Долорес. – Мы никому не оставляли.

Поэт встряхнулся:

- Ах, адрес... адрес... Это аптекарша... Там, напротив вашего... нашего... дома... Мама все-таки дала его ей... Сказала – на всякий случай, мало ли... Я, понимаешь... Пришел – а там капремонт. Подумал – как же вас теперь искать? И вдруг меня как стукнуло! Как стукнуло! – осмелев, он посмотрел на дочь уже с некоторой гордостью: вот, мол, оцени мою находчивость. – Напротив-то, напротив-то – ап-те-ка! А аптеки – они, знаешь что? Давно еще, когда я с твоей мамой... хе-хе... не был знаком, мне одна девушка сказала... одноклассница: давай встретимся с тобой на определенном месте через полвека. А я ей: как же мы можем место выбрать, если через полвека все, наверное, так изменится, что мы и города-то не узнаем! А она: мы в аптеке встретимся – они никогда не исчезают... Понимаешь? Нет, ты понимаешь? – он заискивающе ловил Долин ускользающий взгляд. – Ловко, да? Вот

и наша аптека никуда не делась, и даже тетка там осталась та же самая. Она меня узнала и сама подозвала – не я ее. И говорит – если вы, мол, своих ищите, то мне Валентина Петровна адресок оставила, хе-хе... Ну... - он решился осторожно дотронуться до одной из пухлых рук, скрещенных теперь Долей на груди. – Ну, покажись, покажись, какая ты стала... Совсем взрослая... А что такая... крупная?... Кушаешь, наверно, хорошо, да? А раньше-то не уговорить было, хе-хе... – он смутно понадеялся доброй шуткой разрядить обстановку.

Быстрым гневным движением Долорес отбросила его руку и с очевидной гадливостью отступила.

- Да уж куда лучше! – зло крикнула она. – Как ты думаешь, что здесь едят в основном?! Макароны! Маргарин! Булку! Бомжпакеты и консервы вонючие! А если еще ребенка кормить!..

Только тут растерянно озиравшийся Поэт наткнулся взглядом на завешенную светлой пеленкой решетчатую кровать:

- Так это что – у меня внук, что ли, растет... - пробормотал он еле слышно.

- Не у тебя – внук, а у мамы! – с ненавистью процедила Долорес. – Ишь, пришел, дедуля, гостинцев, поди, принес...

- Гостинцев? – опешил он и тут же спохватился: - Да, да, да! Вот, вот, держи, держи... Я потом еще... - и, выхватив из кармана брюк давешний пестрый денежный клубок, он стал заталкивать его куда-то меж ее по-прежнему жестко переплетенных рук.

Доля молча сунула деньги куда-то назад, и образовалась смущающая пауза. Поэт кашлянул:

- Я, знаешь... У меня несчастье... Память, понимаешь, потерял... Только тебя помню и маму... И что стихи писал... А дальше – как ластиком... Вот, видишь ли, беда какая... - и поскольку неузнаваемая дочь его все так же неподвижно стояла в блеклых лучах, как большая опасная бегемотиха, он решил, что человеку всегда легче говорить о себе самом, чем слушать про чужие невзгоды, и бодро посыпал вопросами: - А вас что сюда – на маневренный фонд? Давно поселили? Что обещают-то? Ремонт ведь они там еще и не начинали,

сам видел!

Поэт оказался прав – лицо Долорес дернулось и вспыхнуло, будто получило пощечину:

- Не на маневренный, а в неблагоустроенный, - отчетливо произнесла она. – Два с лишним года тому. Навсегда. За неуплату. Сначала, чтоб первый раз расплатиться, мать дачу продала. Квартиру она так и не приватизировала, потому что едва ли даже понимала, что это такое. А я соплюхой была – какой с меня спрос. Она твердила, как помешанная: «Что они нам сделают?» В следующий раз продавать было нечего, и мать в суд уже не ходила – думала, отстанут. Но они не отстали, а прислали судебных исполнителей, опечатывать... А что у нас было опечатывать, догадайся с трех попыток – разве что кровать вашу антикварную, в которой даже клопы давно передохли от старости. Еще год промурыжили – мать и пальцем не пошевелила, только бормотала в полной убежденности: «Что им с нас взять, сама подумай!» Но прекрасно взяли – пришли с постановлением, месяц сроку дали, - тут Долорес тяжело усмехнулась, - добрые люди... Но мать и этот месяц проворковала, как голубица: «Они не посмеют, вот увидишь...» - и главное, кажется, сама в этом была уверена, так что когда вышвыривать нас пришли, даже удивилась: «Мы же люди! – кричит. – Это негуманно!» - Доля грубо, по-мужицки – по-настоящему – сплюнула на пол: – Тьфу. Ах, если бы я чуть повзрослее была! Но, когда очухалась, – поздно уж было, саму чуть в интернат не сдали, да заморачиваться поленились: до восемнадцати мне всего ничего оставалось, дольше бумажки оформлять... Вот и кукуем тут. Тут и сдохнем, по всей видимости... Да, так чего ты там о несчастье каком-то своем говоришь? Память, говоришь, отшибло? – уже откровенно ухмыльнулась она. – Везет же... сволочам! Вот бы мне так, а?

- Как ты смеешь! – оскорбился Поэт, чувствуя, что губы произвольно кривятся. – Ты девчонка еще! Что ты понимаешь в жизни? Ишь, распустилась здесь! Я тебе не парнишка с дискотеки! Я, между прочим...

Долорес вздрогнула и задохнулась:

- С дис-ко-теки? – по слогам выдохнула она, белея на глазах. – Да ты... ты... Ах,

ты...

Сделав два быстрых широких шага, она оказалась у двери и рывком распахнула ее:

- А ну – вон, - на Поэта глянули два темных звериных глаза. – Вон, или... Мало не покажется, клянусь, - добавила она низким хищным голосом.

Не в его правилах было ненаходчиво оставлять за кем-то последнее слово:

- Пожалеешь! – рывкнул он самым грозным из своих внушительных голосов. – Это тебе зачтется!

Но, непочтительно ускоренный не девичьи сильным пинком, он уже летел в темноту и вонь ужасного коммунального коридора, будто мелкий воришка, с которым побрезговали возиться по закону. До близкого выхода успев убедить себя в том, что сам только что оскорбленно хлопнул дверью перед носом отвязной хамки, он шустро поскакал вниз по замусоренной лестнице, рыча сквозь стиснутые зубы: «А-а, мар-рамои... Ну, подождите, упр-рава найдется...»

Все миг встало на свои места, в голове аж слепило от яркого света. Какая, к черту, дочь? Вот эта вот жирная грязная жаба с вонючими подмышками – его дочь?! Ха, ха, ха – нашли идиота! Он что – родную дочку Долю не помнит? Совсем они, что ли, рехнулись?! Теперь он отчетливо понимал, что вокруг него составлен хитроумный, многоступенчатый заговор, в котором все люди, которых он видел после пробуждения – задорого нанятые артисты. И медики хреновы, и жена эта липовая, и псевдодочка, и даже аптекаршу похожую в окошко посадили... А телевизор был никакой не телевизор, а видик обычный, где ему показали специально для него снятый фильм – и то быстро, чтоб подозрения не успели зародиться... Дом его снаружи специально заколотили, жильцам денег дали или припугнули... Зачем? Ну, то дело десятое... Звенья этой гнилой цепочки он потом переберет, сейчас главное, что он целое ухватил... Поэт размахисто шагал по незнакомому, пугающе пустынному, заваленному пестрым мусором кварталу – и вдруг совсем рядом с собой увидел каждым изгибом знакомый силуэт. Пожилая, высохшая до полного подобия эрмитажной мумии женщина с

клочковатыми седыми волосами, небрежно прихваченными старушечьим пластмассовым гребнем, сутуло брела по противоположной стороне узкого переулка, опустив голову, глядя строго себе под ноги и таща в каждой руке по белому продуктовому пакету. «Валя!» - прострелило ему сердце мгновенное знание, он рванулся было в ее сторону – но сразу же себя и окоротил: что он, спятил, что ли?! Эта – тоже подставная, разве не ясно? Загримировали бабу и пустили навстречу ему по улице, чтоб он прямо в капкан угодил... Ну, ничего-ничего... Мы еще попырхаемся... Главное, в дом попасть, а там увидим, кто кого... Я... та-та...и разрушу границы!/ О вещах, не подвластных уму,/ Закружили слова, словно птицы,/ И надел я бродяги суму... Возвращаются! Милые, родные мои! Ну, теперь им меня не взять... Если вы со мной... Поэт остановился на полушаге и с размаху закрыл лицо руками... Нет – умылся живой водой, только этого никто не понял. Вот и магазин, как по заказу – подходящий... Но деньги-то все отдал, дурак... Ан, нет, все да не все – сдачу с метро и маршруток в другой карман сунул!

Он бойко толкнул стеклянную дверь, шагнул к близкому прилавку:

- Мне – фомку. Да поувесистей, если можно...

* * *

Еще подходя к двери, Полина уже знала, что мужа ее дома нет. Более того, она даже знала, что его там больше не будет. И еще более – всегда знала, что это когда-нибудь случится. Знала с того самого дня почти четырнадцатилетней давности, когда, разъяренная пронзительным холодом, собственным хроническим и неизлечимым горем по имени Лена, а также ясной классовой ненавистью, с размаху сунула ему в руку, слепую в штопано-рваной перчатке, свою визитную карточку. Ткнула, как нож под ребра:

- А, инженер человеческих душ... - злобно просипела сквозь белый колкий пар. - Так поинтересуйтесь как-нибудь на досуге... Индюк надутый... Что происходит в этой жизни с нами, презренными не-поэтами... Я вам

много чего расскажу... Удивитесь!

По нерушимому закону жанра автобус подкатил именно в эту секунду, и, от ярости не замечая веса мертвого аккумулятора, Полина торжественно взошла в салон, как в личную карету, не оборачиваясь на презрительно передернувшего плечами маргинала в покрытой инеем и натянутой на уши облезлой шапке. Ждал, оказывается, мерзавец, совсем другой автобус – тот, что и правда вполне заменялся маршруткой! Ей и в голову не приходило, что им предстоит еще в этой жизни встретиться, поэтому, когда дней через десять в офис пожаловал неказистый крутолобый мужичонка в бесформенном пиджаке, с лохматыми манжетами, предательски торчавшими из нищенски-коротковатых рукавов, и жалкой, словно детской, пуговичкой над удавкой-галстуком, то, мельком глянув, она приняла его за очередного гордого обладателя какого-нибудь невестребованного языка, ищущего подачки на бедность, вроде разового перевода с сербохорватского. Только по взгляду и опознала: у щенка-подростка такой бывает, когда решится он впервые залаять басом и пор-рвать к чер-ртям стер-рвеца-р-ротвейлера из соседнего подъезда.

- Р-разобр-раться р-решил, - изо всех сил сгущая голос и напирая на «р», сообщил он ей, не здороваясь. – Опр-ределить для себя, что кр-ругом пр-роисходит. Да и вам, наверное, невр-редно будет...

Они стояли друг напротив друга в узком, освещенном мертвенным «дневным» светом коридоре, причем, оба оказались одинакового роста: она была из довольно высоких женщин, а он – из не ростом гордящихся мужчин. Очевидно, этот забавный Поэт каким-то образом привык к женщинам маленьким, вынужденно смотрящим на мужчин снизу вверх, вследствие чего постоянно опускающих глаза под тяжестью мужескаго авторитета. Смотреть глаза в глаза женщине, совершенно не настроенной склонять смущенные взоры долу, он не умел и оттого по-мальчишески застеснялся, сам на себя за это осерчал, и вышло еще хуже и глупее: покраснел не только лицом, но даже ушами и просвечивающим скальпом, так что оставалось только рвануться углова-

тым плечом вперед, зажмуриться и выскочить вон, набычившись и сжимая тугие потные кулаки... Полина могла расхохотаться и позволить ему это сделать. Но внезапно из недр ее души – или утробы – поднялась мутная и горячая волна жалости, нежности, бережности, еще каких-то сложных, неведомых ранее чувств, включая сюда и собственную незащищенность перед его беспомощностью... Она непроизвольно опустила руку ему на рукав, в котором ясно прощупывались твердые напряженные мускулы:

- Пойдемте с вами кофейку выпьем, да? – сказала она глухим и мягким голосом, дотоле ей самой неизвестным. – Как у вас тогда на остановке – нормально обошлось? – И мягко, лучисто улыбнулась: – Я была почти уверена, что вы придете...

И, произнося это, она уже ни на миг в своих словах не сомневалась.

Можно ли разрушить чужой брак, если точно знаешь, что он губит и душит еще не конченного человека? Двенадцать лет Полина убеждала себя, что не только можно, но и необходимо, а в их случае – даже жизненно важно. Потому что все смутные годы, прожитые ее мужем до нее и не с ней, просто отвалились от него, как сухая грязь с лакированных ботинок. Не раз и не два Василий говорил ей, что прежнюю свою жизнь видит теперь черно-белой, как на старых выцветших фотокарточках, с которых смотрят полужнакомые, совершенно лишние в мире лица. Непроходимо тупая, чуть что – сразу начинавшая дрожать, как первоклашка перед прививкой, желтоглазая женщина; непонятный ребенок, словно бы не от него... Какие-то мрачные комнаты, серая, до дыр протертая мебель, унылые с рождения до смерти лица, пыльные портьеры в дверных проемах – везде тени, тени... Иногда та жизнь возвращалась к нему во сне, и тогда он мрачно говорил поутру, целуя ее, что побывал на том свете... Он показывал шесть черно-белых же, как и всё с того света, хилых, будто увечных книжек и сам удивлялся над ними: «Господи, неужели эту ахинею я написал? Кажется, что я болел и бредил, да? Нет? Ну, тогда у меня только одно извинение: я еще

не знал – тебя...» Жизнь стала легкой и многоцветной, как набор Лениных акварельных красок, неожиданно заменивших ей в четырнадцать лет и все еще не освоенные буквы, и скотоферму; летали по ней теперь вдоль и поперек упитанные самолеты, пронесившие их словно над искусным макетом пестрой планеты, где даже водные глубины были радиально обозначены каждая своим цветом – от густо фиолетового до бледно-бирюзового, делая море похожим на смятую детскую юлу... Такой красивой может быть только та Земля, на которую смотришь вдвоем.

Двенадцать лет они так на нее смотрели.

А теперь выяснилось, что именно это и был его сон. А явь, которая только и нужна человеку, потому что она и есть единственное настоящее, его явь оказалась там, среди бурых теней, печальных лиц, чужих фотокарточек. И стоило кому-то оттуда позвать ее мужа, как уже их жизнь осыпалась с него, как истлевшая плоть с пожелтевших костей. И никакое отчаянье не могло вернуть его Полине, молившей на коленях: «Ну, узнай же меня, узнай! Ведь это я, я твоя Полина!» - и слышавшей в ответ: «Женщина, поймите, я вас не помню. Вы для меня – посторонняя!»

Она оставила мужа одного не более чем на четыре часа: больше не требовалось, чтобы отвезти и оформить Лену в очередной загородный центр «реабилитации людей с ограниченными возможностями» (а точнее – законного ограбления их истерзанных родственников), где девушку на этот раз должны были за два месяца обучить изготавливать и раскрашивать деревянные бусы. Домой она мчалась, как «скорая помощь» к месту стихийного бедствия, жестоко ругая себя за то, что проявила преступное легкомыслие, не потрудившись врезать в дверь дополнительный замок, не открывающийся изнутри. Но разве можно было предусмотреть заранее, что собственного мужа придется когда-нибудь запираить в доме! Сердце остановилось, когда Полина поняла, что дверь попросту захлопнута.

- Вася! – давясь слезами, крикнула она еще из прихожей и, конечно, услышала только ровный гул кондиционера.

- Вот и все, - громко произнесла Полина,

сразу испугавшись своего голоса.

Это, конечно, было не так: предстояли еще унижительные звонки в полицию и собственные путаные объяснения в ответ на снисходительный вопрос обленившегося дежурного: «Ну, а от нас-то вы чего хотите?»; бессчетные бессонные ночи с кувалдами в висках, грубым песком под веками и мгновенными слепыми бросками к окну на каждый звук захавшей в спящий двор машины; телефонное сочувствие друзей, когда так и слышится за кадром чей-то торжествующий голос – не ей, а кому-то третьему, подло кивающему: «С самого начала было ясно, что этот брак добром не кончится...»

Так что Полина погорячилась. И, кроме того, она очень хорошо знала, где нужно искать пропажу в первую очередь.

Точного адреса она не помнила, но уверенность в своей правоте вела ее не хуже, чем древний инстинкт и недоступный никому из людей нюх ведет по следу хитрой дичи сквозь трясины и чащи обезумевшего от азарта, остро, вкусно и влажно пахнущего псиной курцхаара. Тринадцать лет назад она однажды втайне от жениха сюда съездила – просто чтобы вполне уяснить себе, потрогать, если получится, рукой ту жертву, которую ему предстояло принести ради нее. Она нашла тогда обветшалый дом, бывший доходный, то есть, собственность купца не менее второй гильдии, изъятую в пользу победившего пролетариата. В гулком просторном чреве поначалу пятиэтажного, но потом уродливо надстроенного еще двумя этажами дома примерно два столетия, незаметно сменяя друг друга, жили самые разные люди. И в их числе – бледная восьмилетняя девочка без косы и веснушек со своей никчемной, боящейся даже испугаться матерью. Полина их ничем не обделила: любовь, в отличие от бедности, под той крышей никогда не жила, а на бедность им была подана целая семидесятиметровая квартира, уж сколько-нибудь да стоившая...

Удачно припарковав безотказную «шкоду» в самом начале улицы, Полина дальше решила идти пешком, надеясь узнать нужный дом с первого взгляда. Мимо, обдав густым бензиновым духом, по асфальтовым барханам

вразвалку проковылял желтый микроавтобус маршрутки – и остановился далеко впереди, выгружая кого-то. Она рассеянно взгляделась – и бросилась бегом, жестоко прокляв на ходу давно покойного кутюрье, подарившего миру женские туфли на шпильках. До боли в позвоночнике знакомая фигура, сверкнув бордовыми ромбами свитера, введенными в обиход еще в эпоху юности доктора Чехова, коротко метнулась вдоль улицы, свернула к одному из подъездов – и вдруг разяще занесла руку, стиснувшую словно бы недлинное узкое копьё... Подоспев, Полина услышала короткий треск, серию быстрых ударов, и прямо под ноги ей с тяжелым звоном упала ловкая блестящая фомка – а Василий мощно налег плечом на только что варварски взломанную им парадную дверь явно пустого дома, предназначенного скорей под снос, чем на капремонт. Она едва успела вцепиться мужу в локоть:

- Вася, опомнись! Там нет никого и быть не может... - начала Полина, но в этот миг дверь с хрустом подалась внутрь, и целая волна черно-грязной пыли ударила ей в раскрытый рот.

Болезненный приступ сухого кашля сразу согнул женщину пополам, а муж, легко, как куклу, отпихнувший ее все тем же локтем, исчез в черном проеме, откуда веяло прахом и тленом конченной жизни. Все еще не откашлявшись, Полина рванулась за ним, ожидая прямого попадания в полную темноту. Но в подъезде оказался солнечный полумрак, как в трюме выброшенного на необитаемый остров разбитого корабля. Пыльные ленты бледно-желтого света наискось тянулись из больших и малых щелей, прошивали мрак со всех сторон – и, словно пинг-понговый мячик, округло скакал в звонкой тишине звук ее шагов по метлахским плиткам... А Поэт бежал по лестнице вверх, не оборачиваясь, ни слова не отвечая жене – и, крича и кашляя, она устремилась за ним:

- Постой!.. Просто послушай... - спортсменка из нее получалась неважная, и уже на третьем этаже Полина начала всерьез задыхаться. – Все давно закончилось!.. Ушло... Нельзя ничего вернуть... Жизнь изменилась! И тебе придется учиться жить заново!.. Да

просто выслушай же ты меня!!!

Он впервые остановился – двумя пролетами выше; тоже тяжело дыша, перегнулся через перила и хамски-визгливо крикнул:

- Отстаньте от меня, поняли?! Оставьте меня в покое! Стерва! Уродка! Интриганка! Что вам еще от меня надо?! Отпустите же меня домой, наконец!

Судорожно втянув горячий воздух, Полина подтянулась рукой за чугунный скелет перил и снова бросилась в погоню:

- Вася, там нет ничего... - надрывалась она сквозь кашель... - И дома скоро не будет! Но у нас есть свой... А жизнь всегда можно начать сначала!

Но Поэт уже бился в другую, начавшую было шумно артачиться, но быстро покоренную дверь на площадке пятого этажа – тощую, простецкую, черного коленкора, в причудливых созвездиях мелких заклепок. Полина как раз вскарабкалась следом и обхватила мужа сзади обеими руками:

- Очнись... - со свистом и хрипом вылетало из нее. – Все еще можно... исправить...

Он стряхнул ее резким движением, как вцепившуюся в рукав кошку:

- Конечно, можно! Для того я и вернулся! – и, обеими руками с силой толкнув хлипкую дверку, сразу оторвавшуюся и бесшумно ахнувшую куда-то вниз, Поэт широко шагнул внутрь.

Оставшись на пороге, Полина глянула вслед. Никакой квартиры перед ней не было. Не было вообще ничего – никаких перекрытий и стен. Прямо под ногами у нее зиял отвесный обрыв над пестрой веселой бездной.

Эпилог

Белые ночи в их доме никак не ощущались. Они словно брезговали заглядывать в этот квартал, где ничто по определению не могло сохранить белизну, даже детские простынки. В большой, захлавленной, как дачный чердак, комнате стояла сонная тишина: едва слышно дышала за шкафом Долина мать, изредка причмокивал пустышкой молочный младенец.

Разбросав по плечам вымытые сегодня в

тазу и хорошенько расчесанные светлые пушистые волосы, Доля тайком пересчитывала под лампой мятые фиолетовые бумажки, полученные днем от отца. Довольная улыбка едва касалась ее обычно горько сложенных губ: она насчитала двенадцать пятисоток, и теперь решила самой отнести Лешке через день по одной, что означало для нее не быть битой целых долгих двадцать пять дней. Все эти дни деньги, что дает мама, можно будет целиком тратить на Димку, а дальше и загадывать не стоит! Оглянувшись на завешенную детскую кроватку и на перегородивший комнату неколебимый ждановский шкаф, монстром смотревшийся в полумраке, Доля осторожно засунула руку глубоко в одну из вновь взгроможденных одна на другую коробок и, стараясь не шуршать, вытащила потрепанную общую тетрадку. Примостившись у столика, тесно уставленного немывыми бутылочками, заваленного вперемешку обломками погремушек, полувыдавленными блистерами таблеток и вывернутыми из рваного нутра косметички мутными треснувшими коробочками, она аккуратно раздвинула все это локтями в сторону и откинула клеенчатую обложку. «Стихи Долорес Стрижевой» - стояло на первой странице. Тетрадь была уже исписана очень четким бисерным почерком примерно на три четверти, и, бережно перевернув последний лист, женщина разгладила ладонью бумагу. Пошарив, не глядя, по столу, извлекла из сердца легкой домашней свалки полупустую прозрачную авторучку и, лишь несколько секунд напряженно подумав, стала быстро и ровно писать:

*...А еще расскажу, как пыталась уйти
От Тебя – и почти преуспела.*

*Про полуденный сон, про иные пути,
И как быстро дошла – до предела.*

*По дорогам опасным, лихим, непрямым,
Без надежды на освобожденье –*

*И еще каково это – утром немым
Причаститься себе в осужденье.*

*Расскажу, как лгала Тебе больше других,
Как измен сотворила немало,*

*А потом, обмирая в застенках глухих,
Я просила, чтоб верил, и знала,*

*Что беда – не беда, если будешь со мной,
Не для духа мытарство – для тела,*

*А слова «наслажденье», «ослаба», «покой»
Неумелая парка напела.*

Расскажу – и пусть будет страшней и больней:

Ведь однажды – затихнет. И снова

*Донесется в мой мир оскорбленных теней
Дальний отзвук вселенского Слова...*

P.S

Сознание возвращалось урывками...

7 августа 2014,
Букино - Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Вера Кулемина 5
Юлий Шагера 9
Виктор Пермьяков 11
Софья Дубовская 13
Лемпи Карзова-Головина 14
Патьяна Николаева 16
Нина Озерова 19
Евгений Смоляков 20
Александр Шаронов 23
Елена Монахова 24
Валентина Сибирякова-Горақ 26
Патьяна Цветова 27
Елена Покровская 28
Галина Пычина 30
Патьяна Крыжановская 32
Владимир Данилевский 34
Валентин Хряцев 39
Владимир Думский 40
Дмитрий Кишин 42
(открытое письмо)
Евгений Раевский 44
(о творчестве А. Шемникова)

Критика и публицистика

- Сергей Псарев 48
Александр Шаронов 61
Ольга Сафарова 64
Галина Дзутцева 67
Кира Швердеева 69
Николай Епишев 70
Любовь Орелович 72
Иван Ильин 76
Ольга Полякова 78
Алексей Воронов 89

Проза

- Макар Алпатов 94
Валерий Орлов 104
Светлана Панова 111
Юлий Шагера 117
Ирина Кулешова 119
Галина Ковальская 121
Лев Горянин 124
Нина Озерова 125
Анна Скворцова 127
Игорь Сафронов 129
Антонина Липина 147
Александр Масленников 151
Наталья Веселова 158

Полиграфическое предприятие "Палитра"

Высококачественная полиграфия - быстро и недорого.

Типография "Палитра" успешно работает на рынке полиграфии более 12-ти лет
Зарегистрируйтесь на сайте и получите скидку 5% на все виды услуг

Наша фирма оказывает полиграфические услуги самого широкого спектра:

Дизайн-студия

Разработка макетов полиграфической продукции, соответствующих всем требованиям дизайна и технологии печати, создадим Ваш фирменный стиль и логотип.

Офсетная печать

Многоцветные бланки, фирменные папки, листовки, каталоги, рекламные буклеты, брошюры, книги, календари, плакаты, этикетки, стикеры на самоклеющейся бумаге и пленке, отрывные блоки, коробки из любого вида картона и т.д.

Цифровая печать

Печать на полноцветной цифровой машине (оперативное изготовление небольших тиражи полноцветной продукции: визитки, листовки, карманные календарики, рекламные проспекты...).

Ризография

Оперативная печать до формата А3 включительно, используя черный, красный, синий или зеленый цвета. Ризография это несложные и недорогие фирменные бланки, конверты, приглашительные билеты, флайеры, рекламные листовки, этикетки, квитанции, ярлыки, ценники, прайс-листы, бухгалтерские и товарно-транспортные документы (возможно на самокопирующей бумаге), брошюры, отрывные блоки для записей и т.д.

Шелкография

Шелкографии - печатать на любых видах материалов: кожа, кожзаменитель, пластик, полиэтилен, самоклеющаяся пленка и бумага, любые виды картона, этикеточные бумаги, ткань. Визитные карточки, приглашения, фирменные бланки, папки, конверты, наклейки любого размера на самоклеющейся пленке или бумаге, этикетки, полиэтиленовые пакеты от 100 штук.

Горячее тиснение

Изготовление визитных карточек, приглашений, фирменных бланков и прочей рекламной продукции методом горячего тиснения с использованием широкой гаммы цветной фольги (матовой и глянцевой).

Плоттерная резка

Любые вывески, таблички, большеформатную рекламу (стенды, плакаты), стрит-лайны, оформим Ваши грузовые или легковые машины рекламной информацией и т.п.

Постпечатные работы

Ламинированию до ф. А1. Вырубка до ф.А1. Переплетные работы (на металлическую пружину, на пластмассовую пружину, на скрепку, термопереплет).

Надеемся, что, ознакомившись с информацией о нашей фирме, Вы придете к нам и станете нашими постоянными клиентами.

С уважением,

Коллектив типографии "Палитра".

Золотое Слово № 10
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2014 г., 202 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: **www.rmssp.pro**
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 32, кв. 17
Контактный тел.: 8-921-908-97-16
8-921-441-75-84

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 188 Тираж 900